11/30

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

610
2

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ II.

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и 19-ю рисунками въ текстѣ

Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1905

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз., въ бум. 20 к.—**2**) Краткій молитвословъ на слав. яз., въ бум. 4 к.—**3**) Псалтирь учебная, въ бум. 25 к.—**4**) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ, въ бум. 20 к.—**5**) Октоихъ, ...рѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осми гла... въ бум. 20 к.—**6**) Церковно-славянская азбука. Руководство для ...приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. Н. И. Ильминскій: ...вая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учени... 8 к.—Двѣ таблицы буквъ къ сей азбукѣ, 5 к.—**7**) Обученіе ...нской грамотѣ въ церковно-приходскихъ школахъ и на... ...щахъ съ примѣрами для чтенія изъ св. Писанія и изъ ...ъясненіями для учителей. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка ...телей, въ бум. 15 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ ... Русскій букварь. Для церковно-приходскихъ школъ и ...ы. Изданіе значительно исправленное и дополненное, въ ... Книга первая для чтенія въ церковно-приходскихъ шко... ...ъ грамоты. Годъ первый обученія. Сост. Н. Ѳ. Одинцовъ и ...менскій, въ бум. 15 к.—**10**) Книга вторая для чтенія въ цер... ...дскихъ школахъ. Годы 2-й и 3-й обученія, въ бум. 35 к.— ...ая исторія жизни Господа нашего Іисуса Христа въ вопро... ...отвѣтахъ, въ бум. 5 к.—**12**) Начальные уроки по Закону Божію. ... Изданіе 8-е. Спб. 1899, въ бум. 5 к.—**13**) Историческія чтенія изъ книгъ ...тхаго Завѣта (на рус. яз.). Изданіе 4-е. Спб. 1897, въ бум. 15 к.—**14**) То же, на слав. яз., ц. 20 к.—**15**) Начатки христіанскаго ученія, въ бум. ц. 6 к.— **16**) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ, П. А. Смирнова, въ бум. ц. 15 к.— **17**) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,—Епископа *Агаѳодора*, въ бум. ц. 15 к.— **18**) О Богослуженіи православной Церкви,—Епископа *Гермогена*. Изд. 3-е. Спб. 1903, въ бум. 20 к.—**19**) Обиходъ учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ роспѣвовъ. Москва. 1902, въ бум. 60 к.—**20**) Краткое руководство къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 25 к.—**21**) Азбука хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіею. Сост. Д. Н Соловьевъ, въ бум. 50 к.—**22**) Касторскій. Первыя ступени обученія пѣнію, ц. 20 к.—**23**) 1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. С. А. Рачинскій. Спб. 1899, въ бум. 15 к.— **24**) Программы: а) для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, въ бум. 15 к., б) для второклассныхъ школъ, ц. 20 к. и в) для церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—**25**) Правила и программы испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы, въ бум. 5 к.—**26**) П. Цвѣтковъ. Методическія замѣтки о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, составляющихъ курсъ начальной ариѳметики, и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—**27**) Его же, Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ обученія, ц. 15 к. Третій годъ обученія, ц. 10 к.—**28**) Русскія прописи для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.

Arsen'eva, S. D.
Razskazy iz istorii zapadnykh okrain Rossii.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ III

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ КНЯЖЕСТВО

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и съ 19-ю рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Мая 1905 года.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

ВИЛЬНА, ГАЛИЧЪ.

1387—1388

ГНѢВАЛАСЬ Русь, гнѣвалась и Литва, что ихъ князь сталъ «переходовецъ»; и нѣкоторые князья русскіе и литовскіе выступили на брань противъ Ягайла съ оружіемъ!—Такъ въ негодованіи восклицаетъ галицкій историкъ, описывая крещеніе, бракъ и коронованіе литовскаго князя Ягайла Ольгердовича, принявшаго католичество съ польскимъ именемъ Владислава.

Да и было чего гнѣваться! Вчерашній православный Яковъ сдѣлался сегодня католическимъ Владиславомъ. Въ этой, съ виду ничего не значущей, перемѣнѣ имени заключалось великое горе для православной Руси съ полуправославною-полуязыческой еще Литвой; она давала поводъ торжествовать Польшѣ и католичеству! Былъ сдѣланъ первый, имѣющій историческое значеніе, шагъ единенія католической Польши съ большою языческой Литвой и обширными православными южно-русскими землями, приведшій впослѣдствіи къ окончательному порабощенію Руси и Литвы Польшею, пока Господь не смиловался надъ чими, не освободилъ ихъ рукою нашихъ Самодержцевъ отъ ненавистнаго ига.

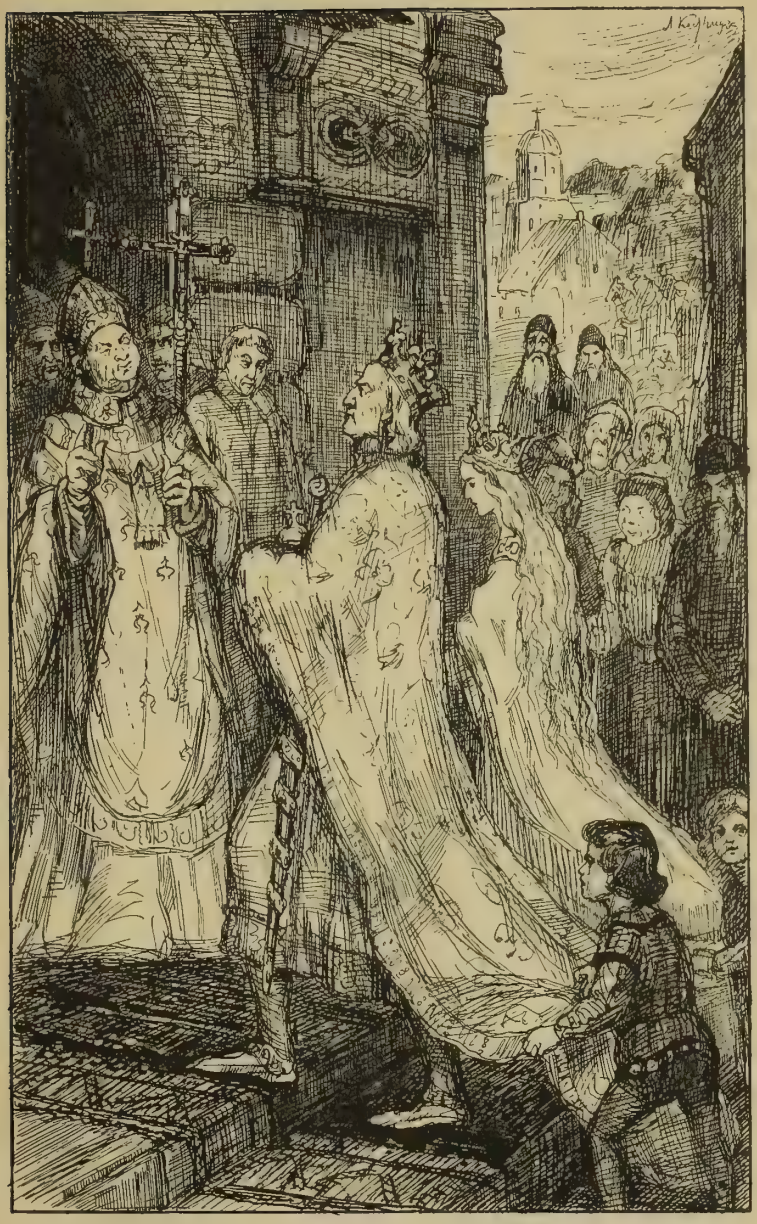
Заключеніемъ брачныхъ узъ между прекрасной Пястовной—Ядвигой—и полудикимъ литвиномъ—

Ягайломъ католическіе политики старались съ одной стороны усилить политическое значеніе Польши, а съ другой—стать твердой ногою на обширныхъ русскихъ и литовскихъ земляхъ, чтобы привести смиренный, богобоязненный, трудолюбивый народъ къ подножію престола римскаго первосвященника.

Замыслы враговъ Православія удались. Торжествуетъ весь католическій міръ! Папа, въ признательность за перемѣну вѣры и въ поощреніе къ принудительнымъ даже мѣрамъ при крещеніи подданныхъ, «милостиво» даруетъ русско-литовскому державцу, польскому королю, новообращенному Владиславу, титулъ «викарія римскаго патріарха».—«Какая великая честь оказана тебѣ, великій король!»—нашептываютъ на ухо вѣрные сыны своего земного бога,—ксендзы и патеры,—потерявшему голову, новообращенному литвину.—«Такой чести удостоивались очень немногіе. Будь же достоинъ этого высокаго титула! Покажи, что святой отецъ не ошибся въ расчетѣ». Въ угоду льстивымъ учителямъ-совѣтникамъ и красавицѣ-женѣ изъ дома Пястовъ, угрюмый Ягайло поступился своею родиной, ея законами, преданіями, вѣрою! И далъ торжественную клятву плодить католичество въ родной Литвѣ!

Но не успѣли еще замолкнуть отклики блестящихъ, веселыхъ коронаціонныхъ торжествъ, какъ ему пришлось вооруженною рукою справляться съ цѣлымъ союзомъ враговъ.

Родичи его сплотились, чтобы дружной ратью отстоять свою независимость отъ брата-отступника. Пригласили они себѣ на подмогу и добраго сосѣда, нашего смоленскаго князя Святослава Ивановича. Можетъ быть, Литвѣ удалось бы отстоять, въ соеди-



Ягайло и Ядвига въ Вильнѣ. *(Къ стр. 3).*

неніи съ Русью, свою независимость, свою свободу, если бы не ловкость да гибкость католическаго духовенства. Патеры понатужились, прикинули своимъ умомъ-разумомъ и взялись наговоромъ да лаской, угрозой да посулой, разъединить силы враговъ. Скиргайло, братъ Ягайла, попавши въ сѣть ихъ льстивыхъ рѣчей, оставилъ союзниковъ. Единодушіе было нарушено, сила раздроблена, и, конечно, Ягайло легко управился съ «бунтарями» рукою того же Скиргайла.

Покончивъ съ непокорными родичами, польскій король съ своею царственной супругою, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ и многочисленнаго католическаго духовенства, отправился въ началѣ 1387 года выполнять клятву—крестить крещеную уже Литву.

Конечно, при этомъ заботились не столько о просвѣщеніи язычниковъ свѣтомъ Евангелія Христова, какъ о пріобрѣтеніи новыхъ вѣрныхъ сыновъ римскому папскому престолу. Отъ того-то такъ много горя, много слезъ кровавыхъ принесъ съ собою пріѣздъ Ядвиги и Ягайла въ литовскую столицу. Поруганію, мученію подвергались всѣ крещеные, не хотѣвшіе снова креститься. А такихъ было много и очень много!

Съ королевской четой пріѣхали только три родные брата короля: Владиміръ кіевскій, Скиргайло трокскій и Дмитрій Корибутъ новгородъ-сѣверскій, да легкомысленный Витовтъ, сынъ славнаго Кейстута, приходившійся Ягайлу двоюроднымъ братомъ.

Торжественно вступила польская королевская чета въ свою литовскую столицу, на половину православную, но еще полную памятниковъ прежняго языческаго

великолѣпія. Недовѣрчиво смотрѣли литвины на своихъ кичливыхъ, блестящихъ гостей. Тяжело на душѣ было у кроткаго православнаго люда. Злобно глядѣли угрюмые язычники. «Видимо, съ этими массами надо считаться», соображалъ «переходовецъ» и сталъ припоминать былое: свои хитрости, изворотливость, уловки. Собралъ сеймъ, на которомъ, кромѣ братьевъ, католическаго духовенства и поляковъ, были еще отступники изъ литовскихъ бояръ. Отсутствовали только православные бояре, духовныя и гражданскія власти. На этомъ одностороннемъ сеймѣ постановили крестить безъ разбора людей всякаго званія, обоего пола. Бояръ-отступниковъ награждали. Имъ давались права, прежде не существовавшія: распоряжаться, безъ вмѣшательства князя, своимъ добромъ, имуществомъ. Дочерей позволили имъ впредь выдавать замужъ, не спросясь верховной власти. Освобождались они и отъ всѣхъ повинностей, лишь бы помогали строить крѣпости и участвовали въ походахъ княжескихъ со своими людьми и на свой счетъ. Имъ же предоставлялось право самаго ускореннаго правосудія въ своихъ округахъ. Горожанамъ, принимавшимъ католичество, давалось право собственнаго суда (Магдебургское право). Наконецъ, простому народу послѣ крещенія раздавали во множествѣ верхнюю одежду изъ бѣлаго сукна и красную кожаную обувь. Горе-злосчастье обрушивалось только на головы тѣхъ упрямцевъ, которые оставались вѣрны православному ученію! Расправа съ ними была коротка и жестока. Случалось, Ягайло самъ казнилъ непокорливыхъ.

Съ тѣхъ поръ принято за правило признавать законнымъ бракъ только между католиками. Разъ одинъ изъ супруговъ православный, ему приходилось

Крещеніе Литвы. (Къ стр. 5).

или измѣнять вѣру отцовъ, или же бракъ признавался незаконнымъ. Послѣ сейма, въ назначенное время, по волѣ польской королевской четы, собрали во множествѣ литовскій народъ на берегъ Виліи. Католическое духовенство, отдѣливъ мужчинъ и женщинъ по группамъ, кропило ихъ освященною водою и давало всѣмъ одно и то же имя. Такъ какъ ксендзы не умѣли говорить по-литовски, то Ягайло, въ порывѣ религіознаго рвенія, сбросивъ свою обычную лѣнь, принималъ лично дѣятельное участіе въ разъясненіи народу правилъ вѣры и благочестія. Покончивъ крещеніе горожанъ, онъ, въ сопровожденіи духовенства, объѣзжалъ всю округу, былъ и въ Трокахъ, всюду принимая всѣ мѣры уговора, подкупа, наконецъ, жестокаго насилія, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли.

И, все же, плоды этихъ трудовъ были сравнительно ничтожны!

Самъ магистръ Тевтонскаго ордена, Конрадъ Юнгингенъ, вѣско свидѣтельствовалъ предъ европейскими дворами, что въ Литвѣ, по его наблюденіямъ, охотнѣе принимается восточное вѣроученіе, чѣмъ западное, латынское.

Ничего не замѣчала гордая Ядвига, когда присутствовала при крещеніи своихъ новыхъ подданныхъ. Искренно вѣрующая католичка, она находила полное утѣшеніе въ выполненіи возложеннаго на нее папою подвига. Кровавыми слезами плакала предъ нею русско-литовская земля; къ ея ногамъ катились головы предпочитавшихъ мученическій вѣнецъ измѣнѣ родной вѣрѣ, къ ней протягивались руки съ мольбою остановить пролитіе христіанской, неповинной крови, а она ничего не видѣла, ничего не слышала, и только молилась, благодаря Бога за видимый успѣхъ. Вто-

рили ей прирожденные ея подданные. Вторило католическое духовенство. Вторили литовскіе бояре, продавшіе вѣру родную за горсть золота, за лишній кусокъ земли, оставшейся послѣ смерти мучениковъ.

Среди утѣхъ и ликованій блестящій дворъ былъ пораженъ, какъ громомъ, страшной вѣстью съ юга. Еще въ Краковъ, во время свадебныхъ торжествъ, доносились мрачныя вѣсти изъ Венгріи. Тамъ росло народное недовольство противъ царственной матери польской королевы. Неугомонные венгры хотѣли избавиться отъ женскаго правленія и выставляли соперникомъ королевѣ Елисаветѣ родственника ея мужа, принца Карла Неаполитанскаго. Но ловкая полька не растерялась: она обманомъ завлекла соперника въ свои внутренніе покои, и никто ужъ больше его никогда и не увидѣлъ! Теперь пронеслась еще болѣе ужасающая вѣсть. Сама Елисавета убита!! Насильственною смертью погибла мать блестящей польской королевы. Вѣстникъ преступленія, явившійся непрошенно среди веселаго пира земныхъ владыкъ, навелъ ужасъ на ликовавшій виленскій дворъ. Виновница брака Ядвиги, честолюбивая, фанатичная полька, королева Елисавета получила кару небесную за всѣ свои безчисленныя преступленія.

«Что будетъ теперь съ венгерской короной?» Какъ молнія мелькнула эта мысль въ смѣтливомъ умѣ Ядвиги. «Мать убита, сестра въ плѣну; навѣрное, ея жизнь въ опасности!» Но развѣ о ней думаетъ женщина, отдавшаяся вполнѣ вліянію католическаго духовенства? Конечно, нѣтъ. Она думаетъ о Венгріи, къ которой такъ еще недавно отошли отъ Польши галицко-русскія земли!—Что же съ ними-то будетъ? Властной Елисаветы ужъ нѣтъ болѣе въ живыхъ,

чтобы все управить своею умной головой. Кроткая Марія подпадетъ, конечно, подъ вліяніе своего мужа и его мадьяръ. Ну, нѣтъ! не такова Ядвига, не поступится она тѣмъ, что присвоилъ себѣ ея дѣдъ, великій Казиміръ!»

Обдумавъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, она рѣшилась дѣйствовать сама, предоставивъ супругу докрещивать дикую Литву. Собрала своихъ польскихъ вельможъ и во главѣ военнаго отряда поспѣшила на югъ, въ Червонную Русь.

Нѣкоторые города сдавались ей безъ сопротивленія. Стольный Львовъ вступилъ въ переговоры и торжественно требовалъ подтвержденія всѣхъ своихъ правъ и привилегій. Пришлось Ядвигѣ, хотя и съ болью въ сердцѣ, подтвердить всѣ права столицѣ Галицкаго православнаго княжества, и только тогда отворились передъ нею Золотыя львовскія ворота, а венгерскій гарнизонъ безъ боя удалился во-свояси. Одинъ Галичъ не сдавался. Не привыкать ему сопротивляться и своимъ кровнымъ, законнымъ державцамъ, а тутъ женщина, да еще полька, предъявляетъ желаніе завладѣть древнею столицею Романа! Начальникъ замка, нѣкто Венедыкъ, послѣдній отпрыскъ лихихъ, непокорливыхъ, буйныхъ галицкихъ бояръ, не хотѣлъ преклонить своихъ сѣдинъ передъ дочерью Пястовъ. Во вѣки не справиться бы ей съ упорнымъ галичаниномъ, не выдалъ бы онъ православную родную святыню врагу-латынянину, если бы не двинулся изъ самыхъ нѣдръ Литвы грозный Ягайло на помощь своей супругѣ. Съ нимъ шелъ Витовтъ и другіе подручные князья. Поднялся окатоличенный сѣверъ на православный югъ, и пала на вѣки несчастная наша твердыня, похоронивъ подъ своими

святыми развалинами послѣдній остатокъ русской государственности и православія на нашемъ крайнемъ югѣ.

Щедро одарилъ счастливый Ягайло польскихъ магнатовъ, своихъ сподвижниковъ. Зять его Самовитъ Мазовецкій получилъ г. Бельзъ со всею округою. Петръ Кмито, Яско Тарновскій, Димитрій Горай и многіе другіе были обогащены пожалованными имъ нашими безпредѣльными землями. Побѣдилъ Римъ и сталъ душить русскую народность на всемъ пространствѣ отъ границъ орденскихъ земель на сѣверѣ до самыхъ южныхъ татарскихъ кочевій. Отъ Вильны и до Кіева воцарилось католичество, застонала угнетенная, приневоленная русская народность, нарушено Ягайломъ королевское слово, данное Ядвигой. Мало того! Не только не оставлены православнымъ выговоренныя ими себѣ права, но еще введена въ русскомъ воеводствѣ инквизиція, для преслѣдованія упорствовавшихъ въ вѣрѣ отцевъ. Тамъ она опередила знаменитую испанскую инквизицію почти на полвѣка. Такъ-то усердно, послѣдовательно оправдывалъ «переходовецъ» Ягайло и въ Вильнѣ и въ Галичѣ пожалованный ему папой титулъ «викарія римскаго патріарха».

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи, т. 2, гл. IV, стр. 171, 172, 173.

П. Дм. Брянцевъ. Исторія Литовскаго Государства. III періодъ, ст. 211.

Ѳ. Ив. Р. Иллюстрированная народная исторія Руси. Ягайло. Стр. 169.

А. С. Петрушевичъ. 1) Сводная Галицко-Русская лѣтопись. 2) О соборной церкви въ г. Галичѣ.

Литовская княжна Софія Витовтовна.

1390 г.

Октябрь на дворѣ. Сыро, холодно, непривѣтно на улицахъ Маріенбурга *). Вѣтеръ завываетъ, разнося послѣдніе листья съ вѣковыхъ деревьевъ, какъ-то нечаянно сохранившихся то тутъ, то тамъ, по задворкамъ каменныхъ твердынь, воздвигнутыхъ рыцарями въ излюбленной ими теперешней Пруссіи. Тучи низко спускались надъ землею, точно придавить ее хотѣли своею холодной громадой.

Робко пробирались по пустыннымъ улицамъ одинокіе обыватели, боясь наткнуться на кого-нибудь изъ рыцарскихъ рейтеровъ **) или придворныхъ чиновъ великаго магистра. Сварливый, драчливый народъ эти рыцари! Не признаютъ они вѣкового закона ими полоненной земли, не хотятъ понять справедливости! Обижаютъ, обираютъ, притѣсняютъ бѣдныхъ, тихихъ туземцевъ. Не любитъ крестоносцевъ природный пруссъ,—не можетъ свыкнуться съ находниками, губителями его родного покоя, мирныхъ, незатѣй-

*) «Маріенбургъ» на низовьѣ Вислы,—по простонародному произношенію, вошедшему въ современную литературу, «Мальборгъ»,—столица Тевтонскаго ордена крестоносцевъ или Крыжаковъ.

**) Конная стража.

ливыхъ радостей. Воинственный нѣмецъ усѣлся за этими мрачными стѣнами, сложенными—руками полоненныхъ дикарей. Имъ же въ острастку, стоятъ неприступныя крѣпости и замки на испепеленной, оголенной родной землѣ. Такъ и чудится, что въ мрачныхъ подземельяхъ умираетъ всякій, кто дерзнетъ перечить дикимъ причудамъ властныхъ находниковъ, рѣшительно непонятнымъ миролюбивому пруссу. Такъ и слышатся стоны несчастныхъ, напрасно молящихъ о пощадѣ, свободѣ. Вонъ, у воротъ одной изъ твердынь, вооруженные съ ногъ до головы конюхи держатъ въ поводу дорогихъ скакуновъ. То самъ магистръ Конрадъ Цельнеръ отправляется навѣстить своего друга, литовскаго князя Витовта. Его сопровождаютъ и пріѣзжіе съ запада именитые гости: графъ Генрихъ Дерби (будущій король Англіи Генрихъ IV) и маркграфъ Фридрихъ (потомъ герцогъ Саксонскій).

Скорѣе на тюрьму, чѣмъ на замокъ, походитъ зданіе, въ которомъ Цельнеръ пріютилъ горемычнаго Кейстутовича и его прелестную дочь, изгнанныхъ Ягайломъ изъ родного удѣла. Но литвинъ невзыскателенъ. Мирится со всѣми невзгодами, лишь бы добиться своего. Цѣль же его презамысловатая. Ничего не достигнуть ему безъ помощи сильныхъ друзей. Вотъ онъ и принимаетъ ласкательно, чествуетъ ихъ на славу, радушно угощаетъ своими дорогими литовскими медами, невѣдомыми еще иноземцамъ, родными сластями.

Какъ ни тяжело ему возиться съ тевтонами, какъ ни душатъ его чужія стѣны, и чувствуетъ онъ бдительный за собою присмотръ покровителей, но все же онъ угощаетъ знатныхъ посѣтителей съ истинно славянскимъ радушіемъ, и кубки смѣняются быстро на роскошно уставленныхъ столахъ.

Пытливо поглядываютъ рыцари. Любопытно вслушиваются въ льстивыя рѣчи литвина. Чудится имъ что-то необычное. Новый звукъ подмѣчаютъ въ голосѣ стараго друга. Не довѣряетъ болѣе Витовтъ и рыцарямъ и брату Ягайлу. Ловко проводитъ онъ и ихъ и его. Остроумно, ядовито, но и совсѣмъ дружелюбно разсказывалъ магистръ именитымъ собесѣдникамъ, какъ еще недавно изворотливый Кейстутовичъ вздумалъ овладѣть Вильной. Не походомъ съ развернутыми знаменами, блестя доспѣхами, на красивыхъ коняхъ повелъ онъ свои побѣдоносныя рати къ стѣнамъ любимаго города, а упряталъ храбрецовъ въ сани и подъ видомъ возовъ съ приданымъ сестры, дѣйствительно, выходившей тогда замужъ, онъ хотѣлъ ввести ихъ въ неприступную крѣпость.

Задушевнымъ, веселымъ хохотомъ отвѣчали гости на занимательный разсказъ.

— «Да нельзя же литовской княжнѣ не имѣть своихъ кметовъ, тѣлохранителей!» добродушно объяснялъ Витовтъ.—«Ну, а теперь, когда пойдемъ въ твою пользу отбирать ту же Вильну, къ какимъ новымъ хитростямъ задумалъ прибѣгнуть?» спросилъ англійскій графъ, заглядывая въ глаза князю.—«На ваши заморскія машины, на вашу богатырскую силу полагаюсь всей душой», былъ льстивый отвѣтъ.—«А чѣмъ за помощь уплатишь?»—«О, это уже давно рѣшено промежъ насъ»,—вѣско заговорилъ Витовтъ,—«лишь бы укрѣпиться въ своей отчинѣ,—тогда вся языческая жмудь отойдетъ друзьямъ-пособникамъ на вѣки вѣчные».—«Папа проситъ насъ щадить Ягайла, какъ ревностнаго защитника вѣры христіанской», внушительно заявилъ Цельнеръ.—«Вы щадить его думаете, а онъ ужъ Брестъ осадилъ, идетъ на Гродну. Нѣтъ,

видно, не кончать мнѣ дней своихъ на родной сторонѣ. Не хотите помогать? что дѣлать, пойду горе мыкать подалѣе, туда, гдѣ приголубятъ мою худобную головушку».—«Постой, не тужи прежде времени, почтеннѣйшій другъ и князь. Мы на Керновъ ужъ направили 40.000 войска!» сболтнулъ маркграфъ. У Витовта глаза блеснули. Магистра покоробило.—«Подпиши вотъ эту формальную грамоту», дѣловито заговорилъ онъ, «тогда все пойдетъ своимъ чередомъ».—«Отдалъ я вамъ въ заложники жену любимую, малыхъ дорогихъ сыновей да сестру и молодшаго брата. Вамъ все мало! Ни дать, ни взять—жадный Ягайло! Право слово, возьму, да и уйду отъ васъ подалѣе. Все здѣсь брошу, уйду туда, гдѣ о васъ нѣтъ и помина».—Рыцари насторожились. Они даже перебросились невнятными словами на совершенно чуждомъ нарѣчіи. И, все же, наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ, уломали Витовта, и онъ подписалъ обѣщаніе—уговоромъ или силой—притянуть упорствующихъ изъ жмудиновъ къ союзу съ рыцарями противъ Ягайла.—«Вольно же этому, вновь испеченному, польскому королю не держать слова, отдать Скиргайлу, а не Витовту желанную Вильну! Пусть теперь довольствуется Польшей, Галичемъ съ Бельзомъ, Перемышлемъ, Луцкомъ! Да всего и не перечтешь! Право-жъ съ него довольно!» разсуждали собесѣдники.

Пока эти дѣловитыя рѣчи велись между именитыми гостями ловкаго Витовта и пиръ продолжался среди шумнаго веселья, изъ заднихъ комнатъ замка, изъ княжескихъ дѣтскихъ слышались заунывные звуки литовской народной пѣсни. Тамъ сидѣла, пригорюнившись, еще очень молоденькая дѣвушка. Она была небольшого роста, полненькая, съ черными

живыми глазами, вьющимися негустыми свѣтлыми волосами.

«Если бы, какъ птичка,
Я летать умѣла,
Въ Московію, къ Васѣ
Я бы полетѣла.
Прилетѣла-бъ, сѣла
Я на загородку:
Посмотри, мой Вася,
На меня—красотку»!

жалостно повторяла она, склонивъ голову на бокъ и глядя въ огромное стрѣльчатое окно на сѣрое небо, въ сѣрую мглистую даль.

Въ углу висѣли образа, теплились лампады, освѣщая золотыя ризы, разукрашенныя самоцвѣтными каменьями. Казалось, все устроено такъ, какъ и слѣдовало быть. Только не тянуло молодицу взглянуть на святые лики, ея сердце не рвалось къ утѣшительной молитвѣ. Не привыченъ, не сроденъ ей русскій обычай. Видно, нова ей православная обстановка княжеской свѣтлицы. Горько плачетъ она о матери милой, о братьяхъ, теткѣ, томящихся въ плѣну у рыцарей.

Христіанство еще не успѣло повліять на мысли и сердце литовской княжны. Хотя предусмотрительный Витовтъ и приставилъ къ ней православнаго законоучителя, но, окруженная языческой челядью, католическою свитой, она только по обязанности, а не по сердечному влеченію усвоила себѣ ученіе православной вѣры. Дѣйствительнымъ ея утѣшеніемъ были бесѣды съ вѣрной, любимой мамкой. Подолгу сиживала у ногъ княжны сѣдая, старая, вся сморщенная, преданная служанка. Ласково смотрѣли на юную госпожу

старческіе, уже подслѣповатые глаза,—всей душой хотѣлось ее утѣшить, развлечь тоску, кручину любимой дѣвушки. Тяжело ей было слушать заунывное пѣніе. «Вася да Вася! Чѣмъ плакать да твердить все такое, послушала бы лучше, что вѣдунья сказала. Она по росѣ ходила на сосѣднее болото, собирала между пней таинственныя травы, ей одной вѣдомыя, раскладывала, разглядывала ихъ, и теперь мнѣ по нимъ все разсказала. Какая радость тебѣ будетъ, какое счастье, величіе тебя ждетъ!».—Испуганно оглядываясь на двери, дѣвушка зажимала ротъ расходившейся старухѣ: «замолчи, не пугай меня: прійдетъ, услышитъ насъ родитель, тогда достанется обѣимъ! Какъ не можешь ты забыть своихъ вѣдуній, прорицаній? Дойметъ, смотри, и какъ дойметъ князь-родитель! Угонитъ тебя, останусь одна, еще горше мнѣ будетъ!»—«И прознать-то ничего, родненькая, не сможетъ! Живъ Богъ, и дохнуть теперь ужъ не успѣетъ! Вотъ увидишь, какъ разъ скорешенько возрадуетесь вмѣстѣ, возликуете надъ твоимъ великимъ счастьемъ».—«Не смѣть и толковать о счастьи! Молчи, старуха! Ни въ жизнь не быть мнѣ счастливой, ни въ жизнь! Позабылъ, разлюбилъ меня москаль ненадежный!».—«И—и, зоренька свѣтлая, не хай москаля! Съ молоду знала я ихъ,—лихіе молодцы сѣверяне! Не наглядишься, бывало, на пригожаго новгородца!» — «Тупа становишься, мамка: новгородцы—вольные люди, и князей-то средь нихъ нѣтъ. А онъ сынъ самого державца русскаго, Рюриковича!»—«И еще того лучше», возразила мамка, «добрые они предобрые, никому то зла не дѣлаютъ. И жрецы у нихъ прекроткіе, милостивые! Все знаю, все помню, краля моя ненаглядная, только спроси. Разскажу, какъ

жилось намъ съ ними хорошо да мирно, при дѣдушкѣ Ольгердѣ. Куда лучше, чѣмъ теперь!»

Неудержимымъ потокомъ разразилась словоохотливая старуха, качая своею сѣдою головою. Дѣвушка принялась ее унимать, пугая отцомъ.—«Ни, касатка, не замай! Твой батюшка теперь и самъ о москаляхъ призадумался. Что-что—стара, смекаю и я. Глаза-то еще видятъ, уши слышатъ. Знаю, что тутъ какъ-то и вѣсти оттуда приходили!» Встрепенулась литовская княжна.—«А развѣ еще что получено?» живо спросила она. Да тутъ же опять и заплакала: такъ несбыточны казались ей ея дѣвичьи мечты, такъ дороги, милы воспоминанія.

Старуха сердито махнула рукой и вышла изъ комнаты, шумно хлопнувъ дверью. Да не успѣла сдѣлать и шагу, какъ на встрѣчу ей показались бѣжавшія изо всѣхъ силъ прислужницы княжны. Забывъ свой прирожденный хмурый, всегда тоскливый нравъ, врожденную неповоротливость, молодыя литвинки съ радостными лицами лопотали по-своему, перебивая другъ друга, смѣясь и размахивая руками. Остановилась мамка, безграничнымъ счастьемъ блеснули старческіе глаза! Только рука не поднялась для крестнаго знаменія, только губы не зашептали теплой молитвы, обычной смиреннымъ православнымъ старухамъ. Родомъ изъ Трокъ, преданная мамка литовской княжны Софіи Витовтовны, она, какъ истая жмудинка, была язычница. Домочадцы объявили ей, что у воротъ княжескаго замка остановился цѣлый караванъ повозокъ.—«И люди, и латники не нашей земли. Только богата, блестяща ихъ одежда, ихъ доспѣхи, красивы огромные кони!»—«А рыцари?» былъ торопливый вопросъ смѣтливой старухи.—«Съ

часъ какъ ускакали, покинули нашего князя. Онъ самъ уже встрѣчаетъ дорогихъ гостей. Ворота всѣ настежь. Ключникъ отпираетъ надворныя клѣти. Дворецкій, челядь, дружинники съ низкими поклонами провожаютъ ихъ по красному крыльцу въ гостиные покои. А мы побѣгли тебя порадовать, княжнѣ пресвѣтлой донести».

На шумъ сама Софія показалась въ дверяхъ. Вся сіяющая, раскраснѣвшаяся, она вопросительно оглядывалась, пока раболѣпная прислуга цѣловала полы ея платья, поздравляя съ пріѣздомъ желанныхъ гостей.

И, дѣйствительно, было чему всецѣло, безумно радоваться бѣдной изгнанницѣ, чуть не плѣнницѣ, на чужой сторонѣ.

Еще въ 1386 году когда ея отецъ съ семьею томился въ полномъ бездѣйствіи на маленькомъ Луцкомъ удѣлѣ, счастливая судьба занесла подъ ихъ гостепріимный кровъ русскаго княжича, Василія Дмитріевича, изъ славнаго дома великаго Рюрика. Красивый, живой, благодушный москаль сразу оказался желаннымъ гостемъ въ уединенномъ замкѣ смѣтливаго литвина. Рѣшительно безъ ума отъ него была вся семья изгнанника. Какъ жалостливо слушала добрѣйшая княгиня безконечные разсказы юноши! Какъ трепетало юное сердечко маленькой княжны, когда, сидя у ногъ матери, пряча головку въ ея колѣни, она, разиня ротикъ и широко раскрывъ свои большіе, умные глаза, слушала безыскусственныя рѣчи знатнаго путника!

Онъ,—сынъ московскаго великаго князя Димитрія Іоанновича, побѣдителя татаръ на Куликовомъ полѣ,—три года жилъ заложникомъ при дворѣ хана Тохтамыша, лишь бы усыпить бдительность разби-

Русскій княжичъ въ гостяхъ у Витовта. *(Къ стр. 16).*

таго, но еще не побѣжденнаго врага. Не смотря на юность, русскій княжичъ понималъ уже, что для своего освобожденія надо дѣйствовать самостоятельно, не впутывать державнаго родителя въ новыя пререканія съ ордой. Не по лѣтамъ умный, онъ, чтобы обмануть бдительность своей почетной, татарской стражи, бѣжалъ одинъ-одинешенекъ изъ плѣна. И не по дорогѣ домой, въ родную Русь, направилъ онъ свои шаги, а на югъ, въ далекую Молдавію, къ тамошнему единовѣрному намъ воеводѣ Петру. Вѣсть о побѣгѣ княжича долетѣла до Москвы съ быстротою молніи. Слышно было, что ханъ осерчалъ. По ордѣ во всѣ концы разослалъ гонцовъ, сыщиковъ,—напрасно. Сгинулъ дорогой аманатъ *)!

У слушательницъ этихъ разсказовъ душа замирала! Дыханье захватывало. Дѣвочка даже всплакнула. Витовъ былъ полонъ вниманія! Его умъ, какъ прикованный, слѣдилъ за каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ мысли юноши. Соображенія, размышленія такъ и тѣснились, работая, въ умной головѣ литовскаго князя.

Непривѣтно жилось ему въ Луцкѣ. Подручнымъ княземъ былъ онъ у своего державнаго родича, польскаго короля Ягайла. Съ нимъ не церемонились ни вельможные паны, ни сосѣди рыцари. Не разъ, не случайно раздумывалъ онъ надъ средствомъ выбраться изъ тяжелыхъ условій. А судьба все держала его точно на привязи.

Полюбился суровому литвину птенчикъ Рюрикова гнѣзда. Онъ встрѣтилъ его у своихъ друзей—тевтоновъ, когда русскій молодецъ пробирался на родину

*) Заложникъ.

не прямо изъ Молдавіи, чтобы не попасться снова въ руки татаръ, а черезъ Германію, Польшу и орденскія владѣнія.—Не сама ли судьба шлетъ ему счастливый выходъ?—думалось Витовту. Юноша уменъ, сообразителенъ. Витовтъ пригласилъ его заѣхать, по дорогѣ, въ Луцкъ, и здѣсь, перемолвившись осторожнымъ словцовъ съ другомъ-княгинюшкой, стали они вмѣстѣ, по тихошеньку, внимательно примѣчать да умѣло подбадривать чуть загоравшійся огонекъ взаимной привязанности дорогихъ подростковъ.

Софья была въ восторгѣ отъ молодого, смѣлаго, веселаго гостя. Не наговорятся они, бывало, о его странствованіяхъ, о диковинной богатой Москвѣ, которую ея дѣвичьи грезы рисовали сказочнымъ, могучимъ, заколдованнымъ царствомъ, за лѣсами и болотами ея угрюмой родины. Княжичъ отдыхалъ душой послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ опасностей, трудностей тяжелаго пути. Ему безконечно нравилась веселая, миловидная Софія, такъ восторженно внимавшая каждому его слову, такъ горячо интересовавшаяся его дорогой, далекой родиной!

Дни шли за днями. Князь и княгиня приголубили московскаго сокола, внушили ему къ себѣ искреннее довѣріе, полное уваженіе. Когда послы московскіе, заручившись дружескимъ пропускнымъ листомъ Ягайла, пріѣхали за первенцемъ своего великаго князя, юноша чувствовалъ себя уже не чужимъ въ пріютившемъ его Луцкѣ. Разлука съ княжеской семьей была уже не легка его сердцу, и онъ искренно обѣщалъ Витовту повѣдать отцу-государю о своемъ сердечномъ желаніи жениться на милой княжнѣ, внучкѣ великаго Кейстута, всегда дружественно относившагося къ православнымъ христіанамъ. Онъ надѣялся, что его

родитель не откажетъ любимому сыну, не разобьетъ его сердца. Онъ могъ по совѣсти увѣрить великаго князя, что и въ Литвѣ есть добрыя, ласковыя сердца, что православная вѣра любима, почитаема народомъ.

Несмотря на насильственныя мѣры къ утвержденію въ Литвѣ католичества, на мученія и ужасы, наводимые частыми набѣгами кровожадныхъ крестоносцевъ, на притѣсненія католиковъ—польскихъ пановъ, литовцы все же тяготѣли къ Россіи и въ минуты горя, несчастья, всего охотнѣе стремились къ подножію православныхъ алтарей. Русскому княжичу казалось, что миловидная литвинка сумѣетъ понравиться добродушнымъ москвичамъ. Пылкому юношѣ мерещилось даже сближеніе между сосѣдними дружественными народностями. Онъ убѣждалъ державнаго родителя, что, преслѣдуя одну и ту же цѣль собиранія мелкихъ ослабѣвшихъ княжествъ въ одно цѣлое, могучее государство, Россія и Литва, тѣсно связанныя, могутъ дать дѣйствительный отпоръ и татарамъ на востокѣ, и на западѣ католической Польшѣ, вернуть ее въ ея природныя границы, отобравъ и Галичъ, и Волынь, и Подолію.

Великій князь Дмитрій Іоанновичъ, весь поглощенный своими отношеніями къ ордѣ и заботами о престолонаслѣдіи, не перечилъ мечтамъ сына, предназначеннаго имъ быть наслѣдникомъ велико-княжескаго престола. Умеръ онъ,—и Василій Дмитріевичъ, мирно упорядочивъ свои отношенія къ старѣйшимъ родичамъ, съ спокойной совѣстью отправилъ блестящее посольство за любимой суженой, изъ славнаго дома Гедимина, дочерью смоленской княжны Анны Святославовны.

Московскіе бояре Александръ Полэ, Белевутъ и Селиванъ съ многочисленной свитой поѣхали въ Пруссію, въ Мальборгъ, за великокняжеской невѣстой. Они везли безчисленные, драгоцѣнные подарки своей будущей великой княгинѣ и ея державной роднѣ. Московская Русь развернулась во всемъ блескѣ своихъ неисчерпаемыхъ богатствъ, на удивленіе, да, пожалуй, и зависть литовскаго двора. Витовтъ приложилъ всѣ старанія, чтобы его дочь, хотя и изъ изгнанія, въ свою очередь, блеснула въ Москвѣ и богатствомъ и блестящей свитой. Во главѣ невѣстинаго посольства, среди литовскихъ вельможъ первое мѣсто занималъ владѣтельный князь Иванъ Ольшанскій, окруженный своей шляхтою, оруженосцами и тѣлохранителями.

Отъ прусскихъ береговъ, отъ данцигской пристани, разсѣкая сѣдыя волны широкой Балтики, понеслись многочисленныя разукрашенныя суда. Они перевозили литовскую княжну, ея богатства и русско-литовскую свиту къ берегамъ Лифляндіи, гдѣ тогда властвовалъ орденъ меченосцевъ, въ полной славѣ и воинственномъ могуществѣ. Кровожадный, жестокій, онъ былъ исконнымъ врагомъ нашихъ бѣдныхъ обездоленныхъ сосѣдей,—корси и ливовъ.

Съ жгучей болью должны были русскіе православніе люди проходить мимо тѣхъ мрачныхъ твердынь, укрѣпленныхъ замковъ меченосцевъ, гдѣ такъ часто умирали отъ страшныхъ истязаній въ тяжелыхъ оковахъ и православные мученики, и язычники, не отступавшіе отъ вѣры родной *). Угнетены, измучены непосильнымъ трудомъ, налогами, побоями несчаст-

*) Католики часто называли и православныхъ христіанъ—рутеновъ—язычниками.

ные туземцы. Ярмо рабства пригнуло къ землѣ вольныхъ сыновъ Поморья, изнурило, обезсилило нашихъ несчастныхъ сосѣдей. Проходя по этимъ мрачнымъ мѣстамъ, свадебное шествіе, казалось, несло съ собою точно улыбку отрады, лучъ надежды на что-то лучшее, болѣе свѣтлое, отрадное въ будущемъ!!!

Какъ солнце изъ-за черныхъ тучъ, такъ изъ мрачнаго мальборгскаго замка шествовала на востокъ юная, счастливая княжна, указывая путь туда—къ источнику будущаго счастья, государственной славы и величія, пока еще обездоленнымъ поморцамъ.

Отъ горя, чуть-чуть не изъ заточенія, къ радости и царственному почету шла прекрасная литвинка. И чудилось, что счастье, отраду несла она съ собою!

Въ Псковѣ и Новгородѣ ее встрѣчали съ крестами, иконами, хоругвями. Гудѣли колокола св. Софіи, торжественно выходило духовенство, именитые посадники, радостный, ликующій народъ. Всѣ спѣшили выразить свои вѣрноподданническія чувства любимой суженой московскаго великаго князя, нареченной великой княгинѣ.

Смоленскъ распахнулъ свои тяжелыя врата. Его державцы горячо привѣтствовали Софію Витовтовну, родную имъ литовскую княжну.

Послѣ отдыха начались приготовленія къ торжественному въѣзду въ престольную Москву. Не смѣя нарушить обычая предковъ, великій князь Василій Дмитріевичъ съ трудомъ сдерживалъ желаніе летѣть на встрѣчу дорогой путешественницѣ. Гонцы его одинъ за другимъ мчались изъ Москвы съ привѣтомъ и дарами. Выѣзжали бояре на разукрашенныхъ скакунахъ, въ блестящихъ своихъ нарядахъ, окруженные многочисленной нарядной свитой. Толпы ликующаго на-

рода, духовенство съ крестами и пѣніемъ молитвъ останавливали шествіе великокняжеской невѣсты.

Наконецъ заблестѣли главы святыхъ храмовъ русской столицы, загудѣли московскіе колокола, и, вмѣстѣ съ духовенствомъ, выѣхалъ изъ стѣнъ столицы великій князь всея Руси, потомокъ безконечнаго ряда великихъ и славныхъ правителей. Невѣста была ему подъ пару и по знатности рода, и по уму, и по юной цвѣтущей красотѣ. Потомки Гедимина по женской линіи были сами Рюриковичи: княжны витебская, тверская, смоленская дали Литвѣ ея славнѣйшихъ князей. Дочь Витовта сама была по матери Рюриковна и приносила русской великокняжеской семьѣ благочестивое сердце своей матери, умъ и твердость великаго отца.

Молодую чету вѣнчалъ въ январѣ 1391 года самъ, вернувшійся изъ Кіева, митрополитъ Кипріанъ.

ИСТОЧНИКИ:

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. 4.
Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Московско-Литовскій періодъ.
А. Барашевъ. Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы.

Кіевъ, Смоленскъ, Вильна.

1392—1395—1398 г.г.

ПРАВОСЛАВНАЯ Москва можетъ смѣло ликовать, весело справляя въ январѣ 1391 года свадьбу своего юнаго великаго князя. Ни одна тучка не виднѣется на ясномъ небѣ восточной Руси. Татарская орда обѣщала миръ, съ старшимъ родичемъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ утвердилось полное соглашеніе. Новобрачная державная чета могла покойно расточать свои дары и милостивыя ласки любимымъ вѣрноподданнымъ. Имъ даже, какъ будто, и простительно было забыть, что тяжело живется несчастнымъ западнымъ единовѣрнымъ и единокровнымъ братьямъ. Ни Польша, ни рыцари не переставали угнетать, мучить ненавистныхъ имъ православныхъ своихъ подданныхъ.

Ягайло враждебно смотрѣлъ на бракъ своей двоюродной племянницы. Онъ понималъ, какую силу придавало это родство и безъ того воинственному, предпріимчивому другу юности. Онъ началъ добиваться дружбы съ Орденомъ. Магистръ какъ будто подается: онъ пишетъ Ядвигѣ письмо, оправдывается въ убій-

ствѣ Киргайла *). Въ Маріенбургѣ съѣзжаются уполномоченные съ обѣихъ сторонъ, чтобы заключить перемиріе для обоюдныхъ торговыхъ выгодъ. Назначается даже время свиданія короля съ магистромъ. Но хитрые тевтоны стремились къ военнымъ захватамъ. Они сзывали къ себѣ друзей, сосѣдей, князей силезскихъ и поморскихъ, съ ихъ вооруженными силами. Слетѣлись со всѣхъ концовъ удалые молодцы, веселые храбрецы къ своимъ гостепріимнымъ маріенбургскимъ братьямъ-рыцарямъ. Конечно, не послѣднее мѣсто среди нихъ занималъ и хитроумный совѣтникъ, храбрый воитель князь Витовтъ. Вмѣсто сладкихъ пѣсенъ мира, дружбы, единенія послышался призывъ воинственной трубы. Великій магистръ Ордена Конрадъ Валленродъ собралъ сильный отрядъ и осенью 1391 года явился съ друзьями къ литовской границѣ. Передъ тѣмъ, когда слѣдовало переступить черезъ нее, былъ, по обычаю, устроенъ роскошный пиръ, подобнаго которому не запомнятъ лѣтописи Ордена. Гостей угощали и дарили безмѣрно. Вино и золото лились рѣкою **).

Но и Ягайло не дремалъ! Привезъ изъ Польши множество оружія, съѣстныхъ припасовъ, чтобы приготовить Литву къ оборонѣ. Сжегъ Троки, прежде чѣмъ орденцы успѣли ихъ обложить, такъ-что имъ пришлось дѣйствовать въ опустошенной уже мѣстности. Они взяли нѣсколько мелкихъ крѣпостей и Вилкоміръ, который отдали Витовту. Жгли, грабили все, что еще

---

*) Братъ Ягайла.

**) Такіе пиры, устраивавшіеся въ честь гостей передъ походомъ, назывались «почетными столами». Они производили большое впечатлѣніе на гостей. Ихъ очень любили и пользовались ими, какъ приманкою для съѣзда союзниковъ.

попадалось подъ руку и на развалинахъ воздвигали, вооружали свои собственныя крѣпости. Одну изъ нихъ, съ замкомъ,—Риттерсвердеръ,—они предназначили мѣстожительствомъ Витовту. Конечно, умный литвинъ отлично воспользовался своимъ положеніемъ. Дѣлалъ набѣги по сосѣдству, отвоевалъ себѣ Меречъ и Гродну безъ особаго труда, такъ какъ приготовились къ оборонѣ одни поляки; русскіе же и литовцы сами ихъ плѣнили, засадили въ крѣпостную башню и сдались прирожденному своему князю. Довольный успѣхомъ, Витовтъ упросилъ магистра вернуть ему проживавшихъ въ Пруссіи, какъ бы заложниками, его жену, княгиню Анну, князей бѣльскихъ и смоленскаго. Чтобы орденцы вѣрили въ его дружбу, Витовтъ оставилъ у нихъ своихъ сыновей, сдѣлалъ еще нѣсколько набѣговъ на Литву. Въ головѣ его вставали уже новыя картины, умъ останавливался на другихъ путяхъ къ могуществу, славѣ, самостоятельности. О закрѣпленіи Жмуди за Орденомъ, конечно, совсѣмъ позабылъ. Походъ убѣдилъ Витовта въ неизмѣнной вѣрности ему православнаго русско-литовскаго населенія. Въ этомъ были убѣждены и рыцари. Неудачная осада Вильны не измѣнила ихъ отношеній къ союзнику. Они предупредительно предложили ему поселиться въ только что выстроенномъ замкѣ Риттерсвердерѣ, вернули ему супругу и сестру, красавицу Рингалу. Къ новому походу склоняли своего союзника орденскіе братья. Начались опять переговоры, совѣщанія на съѣздѣ среди пировъ и дружескихъ бесѣдъ. Витовтъ не отказался:—зачѣмъ ссориться? Но и второе нашествіе союзниковъ на Вильну было неудачно. Ужъ очень ненавидѣли литвины крестоносцевъ! На счастье бѣдняковъ, имъ сочувствовали на этотъ разъ все-

сильные, вельможные паны въ Краковѣ; они рѣшительно не допускали уступки Ордену Гедиминовой столицы. Благодаря ихъ настоянію, Ягайло рѣшилъ, что пора положить конецъ разорительной бойнѣ, остановить постоянные набѣги неугомонныхъ сосѣдей на богатую Польшу. Набожной же Ядвигѣ умные совѣтники постарались внушить, что католическая церковь ничего не потеряетъ, если Польша и Литва, во имя любви къ ближнимъ, заговорятъ о мирѣ съ кичливыми орденскими братьями. На общемъ совѣтѣ въ Краковѣ было рѣшено отправить въ Мальборгъ надежнаго посла, поручивъ ему ловко обойти рыцарей, заручиться ихъ согласіемъ на миръ, осторожно развѣдать, какъ обстоятъ дѣла въ Риттерсвердерѣ и, при благопріятныхъ условіяхъ, закинуть удочку относительно союза съ враждующимъ родичемъ. Какъ ни какъ, а Ягайло Ольгердовичъ и Витовтъ Кейстутовичъ—братья двоюродные—были когда-то друзьями. Грѣшно враждовать безъ конца.

Вслѣдствіе этихъ всестороннихъ совѣщаній въ Краковѣ, къ коменданту городовъ Христборга и Бами (на юго-западъ отъ Кенигсберга) явился однажды молодой, еще непосвященный, епископъ плоцкій Генрихъ,—братъ мазовецкихъ державцевъ.

Ловкій ученикъ католическихъ монаховъ, онъ былъ достойнымъ представителемъ ясновельможныхъ краковскихъ пановъ. Съ почетомъ встрѣтили на орденской землѣ посла короля польскаго. Крестоносцы выказали большое вниманіе юному носителю мирныхъ предложеній. Они повторяли, что искренно рады жить въ согласіи съ католической Польшей. Только вотъ Витовтъ? На это смиренно, осторожно, прося молитвъ, совѣта и поддержки, юный Генрихъ отвѣчалъ объ-

щаніемъ краснорѣчиво говорить въ Риттерсвердерѣ о любви, забвеніи вражды. Очарованные его ловкими пріемами, вѣря въ искренность будущаго епископа, ливонскіе рыцари поспѣшили дать ему пропускъ до самаго замка. Сестра Витовта, Данута, была замужемъ за Янушемъ, княземъ мазовецкимъ, старшимъ братомъ Генриха. Онъ обязанъ навѣстить свойственника, притомъ же лучшаго друга высокочтимыхъ крестоносцевъ.

Посланецъ Ягайла и Ядвиги явился въ Риттерсвердеръ подъ священнымъ знаменемъ Ордена. Двоедушный Витовтъ призадумался. Княгиня Анна Святославовна, красавица Рингала, бельзскіе князья Иванъ и Георгій, литовскіе бояре, весь дворъ изгнанника—князя собрался, чтобы достойно встрѣтить будущаго епископа плоцкаго. Красивый, статный Генрихъ сразу полонилъ всѣхъ вольныхъ и невольныхъ обитателей замка. Привезъ онъ привѣты родныхъ, вѣсти о милыхъ далекихъ, съ кѣмъ разлучило жестокое изгнаніе. Литовскій князь рѣшилъ въ своемъ умѣ, что гость его тутъ не спроста. Никому не говоря о своихъ соображеніяхъ, онъ предоставилъ дѣйствовать супругѣ и сестрѣ. Самъ же, не спуская глазъ съ дорогого гостя, принималъ, по виду, самое живое участіе въ безконечныхъ празднествахъ, начавшихся подъ его гостепріимнымъ кровомъ въ честь знатнаго сановника латынской церкви.

Пиры, охоты смѣнялись въ Риттерсвердерѣ, собирая рыцарей со всей округи къ ногамъ гостепріимной хозяйки-княгини и ея родственницы, блестящей красавицы Рингалы. Забывъ свой санъ, свои обѣты, юный Генрихъ рѣшительно не уступалъ никому пальмы первенства въ воинскихъ состязаніяхъ, скачкахъ и охотахъ. Умная, ловкая Ольгердовна тоже не хотѣла

казаться дикаркой, пользовалась своимъ положеніемъ и своей выдающейся красотой. Въ вихрѣ беззаботнаго веселья, подъ звуки пѣсенъ трубадуровъ, сложилась и пѣснь любви литовской княжны съ польскимъ княземъ, нареченнымъ епископомъ плоцкимъ.

Обѣты забыты, сброшена мантія, юность властно заявила свои права. Всесильное слово «люблю» разорвало преграды, и въ семьѣ Витовта снова заговорили о счастьѣ, о бракѣ, о свадебномъ пирѣ.

Рыцарямъ это было совсѣмъ по душѣ. Ихъ любимецъ, счастливый женихъ, конечно, воздѣйствуетъ въ ихъ же интересахъ. Витовтъ смягчится, помирится съ Ягайломъ. При общей же радости, оба державца уступятъ рыцарямъ давно желанную, такъ часто обѣщаемую имъ Жмудь.

И не ошиблись. Счастливый Генрихъ, дѣйствительно, добросовѣстно выполнилъ порученіе Ягайла. Онъ прекрасно усыпилъ бдительность тевтоновъ. Витовтъ же самъ ему помогъ. Понявъ дѣйствительный смыслъ пріѣзда Генриха, съ свойственной ему ловкостью, онъ указалъ юношѣ, какъ обойти орденскихъ мудрецовъ. Подъ шумокъ веселыхъ празднествъ и свадебныхъ пировъ, была подписана измѣна прежнему союзнику. Съ восторгомъ отступился Ритерсвердерскій изгнанникъ отъ дружбы и союза съ прежними боевыми товарищами. Ягайло, по соглашенію съ Скиргайломъ, отдавалъ Витовту всѣ земли Кейстута и всю Литву съ титуломъ великаго князя. Противъ этого не устоять никакой дружбѣ! Богъ съ ними, съ этими союзниками! Цѣль близка, онъ почти ужъ достигъ ея. Но, чуръ, не проболтаться бы! Какъ кстати эта свадьба: пусть шумятъ, веселятся побольше, подольше! Надо усыпить гостей, такъ преду-

предительно отдавшихъ въ его распоряженіе помѣстительный Ритерсвердеръ да еще приславшихъ вдобавокъ вѣстника мира и любви!

— «Только не миръ, не любовь», былъ воинственный крикъ литовскихъ полковъ, когда въ ночь на Ивановъ день 1392 года, послѣ веселаго пира, они напали на сонный нѣмецкій гарнизонъ замка и всѣхъ перевязали. Иностранныхъ гостей выслали за границу, а рыцарей и купцовъ полонили. Городъ же весь сожгли до основанія. Затѣмъ Витовтъ пошелъ на Гродну, Нейгарденъ, Метембургъ. Какъ нѣмцы сильно ни отбивались, имъ, все же, приходилось уступать литовскимъ ратямъ. Въ Гроднѣ Витовтъ оставилъ свой сильный гарнизонъ, нѣмецкіе же города сжигалъ до основанія. Горѣли замки, села, страдалъ ни въ чемъ не повинный бѣдный людъ. Яркое зарево пожаровъ освѣщало торжественное шествіе литовскаго великаго князя въ его столицу.

Ядвига и Ягайло пріѣхали въ Вильну, торжественно скрѣпляя своимъ родственнымъ присутствіемъ союзъ. Подъ ихъ вліяніемъ и недавній боевой соперникъ, князь Скиргайло протянулъ руку примиренія счастливому борцу. 4-го августа 1392 года была подписана договорная грамота, и Вильна отпустила въ Кіевъ своего прежняго державца. Горячо набожный, искренно православный Скиргайло былъ очень отзывчивъ на все доброе, не помнилъ зла, охотно, легко забывалъ обиды. Душа его не лежала къ изворотливому, ловкому Витовту. Онъ видѣлъ его двуличность и, все же, когда Ягайло, для спокойствія обширныхъ многолюдныхъ русско-литовскихъ земель, отдалъ виленскій столъ неугомонному родичу, Скиргайло сократилъ свой крутой нравъ и удовольствовался

кіевскими удѣлами съ титуломъ «великаго князя русскаго».

Въ разоренномъ, захудаломъ Кіевѣ, гдѣ еще мало было замѣтно католическое вліяніе, сынъ благочестивой княгини Іуліаніи Александровны тверской могъ свободно и съ пользою примѣнить свое рвеніе къ нуждамъ Церкви православной. Онъ сердечно заботился о благѣ народномъ, о возстановленіи разрушенныхъ, ограбленныхъ храмовъ, княжескихъ палатъ, жилищъ духовенства и бѣднаго люда. Не вмѣшивался Скиргайло въ свары князей-родичей, ни въ отчаянную борьбу южно-русскаго народа съ католическимъ духовенствомъ и польскимъ панствомъ. Его душа болѣла только о нуждахъ и скорбяхъ своихъ подданныхъ. Иноки Печерской лавры были его любимыми собесѣдниками. Съ ними и старыми боевыми товарищами дѣлилъ онъ свои труды на пользу и во благо народа. Казалось, лучъ счастья заглянулъ снова, оживилъ, согрѣлъ развалины прежняго могущества и славы древняго Кіева.

Но, видно, Господь судилъ иначе. Едва прошло три года, новая бѣда стряслась надъ многострадальнымъ городомъ. Послѣ удачной охоты и дружескаго отдыха въ лаврѣ у друзей-иноковъ, князь простудился. Радѣтель, печальникъ о всѣхъ болящихъ, горемычныхъ, самъ слегъ, крѣпко заболѣлъ,—надежды нѣтъ на исцѣленіе. Объ отравѣ передаютъ другъ другу на ухо удрученные кіевляне. Будто издалека, отъ родичей, пришла бѣда—кручина злая. Принесли ее гости, участники княжеской охоты.

Иноки спѣшили изъ лавры во дворецъ. Духовенство стоитъ на молитвѣ, прося Господа смиловаться надъ людомъ православнымъ, спасти ихъ любимаго

Скиргайло воздвигаетъ изъ пепла мать городовъ русскихъ. *(Къ стр. 30).*

«великаго князя русскаго». Плачъ и вопль народный сливался съ заунывными ударами колоколовъ. Спасенья нѣтъ! Окончена полезная трудовая жизнь! Кіевляне забыли крутой нравъ покойнаго, его подъ часъ крѣпкую расправу, помнили только, съ благодарными слезами, его скорую въ гнѣвѣ отходчивость, готовность всѣмъ помочь, усердіе къ вѣрѣ родной.

Окруженный друзьями, ратными товарищами, оплаканный неутѣшными подданными, скончался Скиргайло. Торжественно похоронили его смиренные иноки Печерской обители подъ сѣнью древнѣйшей православной святыни. При трогательномъ пѣніи заупокойныхъ молитвъ и погребальномъ перезвонѣ, опустилъ въ могилу плачущій русскій народъ покровителя, печальника о древней столицѣ православной Руси,— матери городовъ русскихъ. Не стало великаго князя русскаго, и ненасытный Витовтъ, какъ жадный коршунъ, выжидавшій свою добычу, конечно, не снесясь съ королемъ польскимъ, присоединилъ кіевскую область къ своимъ, и безъ того обширнымъ, владѣніямъ. Затѣмъ отнялъ у Владиміра Ольгердовича Волынь, и у Ѳеодора Коріатовича Подолье.

Счастье положительно не отходило отъ Витовта. При ненасытной жаждѣ славы, онъ, конечно, не могъ оставить безъ вниманія постоянно враждовавшихъ между собою смоленскихъ князей, родственниковъ княгини Анны; они, забывая свои обязанности къ подданнымъ, ихъ нужды и судьбу, выгоняли другъ друга, проливали неповинную кровь и вѣчно дрались съ родичами рязанскаго стола. Витовтъ, подъ предлогомъ, что идетъ биться съ татарами, всталъ лагеремъ подъ стѣнами Смоленска. Глѣбъ Святославичъ поспѣшилъ къ нему въ станъ пожаловаться на обиды,

причиненныя другими князьями. Ловкій литовецъ обласкалъ его, наговорилъ цѣлый ворохъ добрыхъ словъ, приглашая и остальныхъ князей къ себѣ, вызываясь ихъ помирить, разобрать споры. Благодушные Рюриковичи явились съ дарами, въ восторгѣ, что вотъ разберетъ ихъ споры и недоразумѣнія премудрый литвинъ, и покончатся вѣчныя неурядицы. Конечно, онъ ихъ и покончилъ, только по-своему; не прошелъ для него даромъ примѣръ друзей-союзниковъ, орденскихъ братьевъ. Онъ, безъ малѣйшихъ объясненій, плѣнилъ довѣрчивыхъ гостей вмѣстѣ съ многочисленными ихъ боярами и отправилъ къ себѣ, на Литву. Посадъ сжегъ, крѣпость взялъ, богатства отнялъ, въ Смоленскѣ посадилъ своего намѣстника, а весь удѣлъ присоединилъ къ своему княжеству (1395 года).

Такъ, шагъ за шагомъ, крѣпло и ширилось литовское могущество въ ущербъ русскому. Москва съ Литвой изъ-за Смоленска не разссорилась: она была поглощена борьбою съ татарами и, въ свою очередь, собирала мелкія, слабѣющія удѣльныя княжества. Она пока еще дружила съ укрѣплявшейся Литвой, да и родственныя связи поддерживали миръ. За то не смолчала Польша. Кичливый ляхъ заговорилъ въ Краковѣ! Тамъ изъ-за южно-русскихъ земель поднялась цѣлая буря. Ясновельможные заправилы рѣшительно не помнили себя отъ злости. Королева Ядвига волновалась вмѣстѣ съ ними. Они уже готовы были взяться за оружіе. Литва, это ленное владѣніе Польши, обходитъ закрѣпленные договоры! Какъ будто бы и не было подписанныхъ съ нею условій! Князь Витовтъ собираетъ подъ свою державу чуть не половину Руси! А о королѣ польскомъ даже и не вспоминаетъ! Волно-

валось въ своихъ раззолоченныхъ покояхъ именитое католическое духовенство. Въ палатахъ сановитыхъ вельможъ собирались паны и знатные шляхтичи. Судили, рядили, къ королевѣ шли за совѣтомъ. А что же король,—этотъ ставленикъ Рима, послушный сынъ латинской церкви? Да что король,—на него плоха надежда! Литвинъ по крови, духу и привычкамъ, онъ, въ тайникахъ своей души, пожалуй, даже радъ, что счастье привалило родному краю. Милы ему его родныя кущи, гдѣ онъ могъ по-долгу, безъ скучной королевской свиты, охотиться одинъ на тура, медвѣдя или волка. Любъ ему этотъ хмурый бѣлоголовый народъ, такъ неохотно сгибающій спину подъ панское, чужеземное ярмо. Близки, дороги пахучіе еловые лѣса, величавая пустынная тишина его родины! Чего добраго, онъ мысленно населяетъ дремучій боръ тѣнями языческихъ боговъ, вспоминая преданія старыхъ вѣдуній. Пожалуй, призраки древнихъ языческихъ боговъ даже мѣшаютъ ему ясно понимать всѣ выгоды, стремленія, порывы кичливыхъ ляховъ и ихъ духовныхъ пастырей.

Рукой махнули ясновельможные на вѣнчаннаго ими же литвина. Съ нимъ лучше и совсѣмъ не толковать; ну, какъ тайкомъ да снесется съ виленскимъ родичемъ, другомъ юныхъ дней? Совсѣмъ не то Ядвига,—внучка польскаго короля Казиміра и супруга литовско-русскаго великаго князя Ягайла! Все великое княжество Литовско-Русское, значитъ, и кіевскую, и волынскую и подольскую и прочія западныя и южныя русскія земли она считала собственностью польской короны. Не мириться же ей съ мыслью, что все это отходитъ къ Витовту въ собственность, тогда какъ Литву и юго-западную Русь она пріі-

обрѣла для увеличенія и усиленія своей маленькой Польши, цѣною брака съ полудикимъ Ягайломъ. Ядвига, точно державный властелинъ, написала въ 1398 году Витовту, своему ленному, письмо, въ которомъ говорила, что Ягайло отдалъ ей княжества Литовское и Русское въ вѣно, вслѣдствіе чего имѣетъ она право на ежегодную дань съ нихъ. Призадумался великій князь русско-литовскихъ земель. Читалъ, перечитывалъ высокомѣрный приказъ. Ужъ очень хотѣлось ему извлечь изъ него побольше выгодъ своимъ подданнымъ, побольше славы себѣ самому.

Посолъ королевы засталъ Витовта въ Новыхъ Трокахъ. Чудо искусства—великолѣпный замокъ былъ воздвигнутъ имъ на островкѣ, среди живописнаго озера Гальвы. Тутъ любилъ жить мудрый правитель Литвы въ тѣ рѣдкіе дни, когда могъ отдохнуть отъ объѣздовъ своихъ земель да воинскихъ походовъ.

За время своего единодержавія онъ успѣлъ пополнить разоренную великокняжескую казну, возстановить порядокъ, нарушенный предыдущими смутами. И все это возрождающееся благосостояніе должно разрушиться по волѣ польской королевы?—«Ну, нѣтъ, не бывать этому»! сказалъ себѣ гордый литвинъ и разослалъ гонцевъ, чтобы скорѣе, въ Вильнѣ, собирался сеймъ*).

Поднялись витязи, бранные товарищи князя, пришли сановники папскаго престола и съ ними вельможи-католики литовскіе. Не было только вѣщихъ старцевъ земли родной, вѣрныхъ послѣдователей православнаго ученія, да смиренныхъ пастырей греческой восточной Церкви. Тѣ, кого почитала языче-

*) По-русски—собраніе народное.

— «Считаютъ ли себя литвины обязанными выплачивать дань коронѣ польской?» *(Къ стр 35).*

ская Литва, чьимъ совѣтамъ внималъ великій Гедиминъ, кого слушались Кейстутъ и Ольгердъ,—были устранены окатоличившимся Ягайломъ, послѣ его восшествія на польскій королевскій престолъ, отъ участія въ дѣлахъ Русско-Литовскаго княжества.

Безъ нихъ собрался и этотъ сеймъ. На лицахъ всѣхъ было написано самое живое любопытство. Кое-кто видѣлъ, какъ въ Троки проѣхали посланцы съ гербомъ польской королевы. Другіе уже слышали, что мраченъ князь, шепотомъ сосѣдъ сосѣду повѣрялъ свои догадки и соображенія. Но смолкъ и этотъ шепотъ, когда изъ внутреннихъ покоевъ показался Витовтъ. Черной тучей нависли думы на умномъ челѣ. Глаза метали молніи. Въ рукѣ дрожалъ измятый листъ бумаги, съ висѣвшей на немъ печатью. Даже не поклонившись, на ходу, князь бросилъ собранію рѣзкій вопросъ: «считаютъ ли себя литвины обязанными выплачивать дань коронѣ польской?» Какъ бичемъ, хлестнули это слова по собранію. Шумъ поднялся невообразимый. — «Мы не поддаиные Польши! Мы всегда были вольными! Наши предки не платили дани Мазовіи, зачѣмъ же мы теперь должны ее уплачивать ихъ потомкамъ?» Только этого и хотѣлъ ловкій Витовтъ. Опираясь на рѣшеніе собранія, онъ послалъ Ядвигѣ надменный отказъ.

Литва ликовала! Понуря головы, возвращались въ Краковъ послы королевы. Кромѣ формальнаго отказа отъ дани, они везли еще другую удручающую новость: въ Вильнѣ имъ на ухо, съ большой опаской, старые друзья - товарищи повѣдали ужаснѣйшую тайну. Неугомонный ихъ державецъ, увѣренный въ дружбѣ и попустительствѣ Москвы, снова замышляетъ союзъ со своими недавними врагами. Безпредѣльнаго

расширенія и обогащенія Литвы, неограниченной власти и міровой славы хочетъ достигнуть ненасытный Кейстутовичъ! Русскій югъ въ его рукахъ, но этого ему мало. Не даетъ покоя сѣверъ. Полоцкъ давно подрученъ Вильнѣ. Псковъ уже платитъ дань. А вотъ Новгородъ еще не гнется. Онъ старъ, богатъ, самъ часто съ сосѣдями заводитъ свары, но и его по очереди донимаютъ то датчане, то шведы. Тверь и Москва враждебно смотрятъ на кичливое вѣче у святой Софіи. На него-то, чего добраго, и соберется князь литовскій съ рыцарскими полками. Слушая это, совсѣмъ растерянно смотрѣли ляшскіе послы. Ихъ поблѣднѣвшія губы твердили: «Союзъ съ рыцарями? Подчиненіе Новгорода? А тамъ что же? и до насъ недалеко! Галиція всегда его къ себѣ тянула. Одна бѣда, напасть отъ этого литвина!» И съ тяжелымъ сердцемъ они потянулись въ Краковъ.

А Витовтъ, дѣйствительно, отправилъ пословъ къ недавнимъ врагамъ, приглашая великаго магистра Тевтонскаго ордена, Конрада Юнгингена, съѣхаться съ нимъ для свиданія на островѣ Салинѣ, по нижнему теченію Нѣмана. И они, дѣйствительно, явились на зовъ. Отецъ забылъ убійство сыновей! Магистръ не побоялся его мести. Такъ ослѣпляла всѣхъ ихъ жажда наживы и земельныхъ пріобрѣтеній, а нѣмецкихъ рыцарей еще и ненависть лютая къ православновѣрующему народу.

Шумны, блестящи были дружескіе пиры. Оба новые союзника, забывая прежнія измѣны, коварства, преступленія, горячо клялись другъ другу въ вѣчной любви, обоюдной помощи въ дѣлѣ раздробленія русскихъ земель. Союзный договоръ Литвы съ Орденомъ былъ заключенъ безъ вѣдома Польши! Витовтъ самостоя-

тельно уступалъ большую часть Жмуди. Даже обѣщалъ подчинить ему нашъ Псковъ, а рыцари собирались поддержать его при покореніи Новгорода. И громкіе клики и безчисленныя здравицы повторялись расходившимися гостями. Витовтъ и Конрадъ вели уже въ бой свои могучія рати. Блестящія свиты предрекали бранную славу, громкія побѣды «королю Литвы и Руси».

Ничего не могло быть пріятнѣе славолюбивому Витовту. Онъ торжествовалъ и положилъ въ своей честолюбивой душѣ добиться, дѣйствительно, своего коронованія въ Вильнѣ.

Отклики этихъ торжествъ, вѣсть о роковомъ договорѣ донеслась, конечно, и до Кракова. Чѣмъ надменнѣе поднималъ голову ловкій литвинъ, тѣмъ ниже склонялась гордая дочь Пястовъ, подъ тяжестью горькой обиды, поразившей ее въ самое сердце. Она болѣла, чахла и пошла въ могилу, унося отчаянное сознаніе, что безцѣльно принесена ею жертва для славы и величія Польши. Литва окрѣпла, объединилась, а католическая вѣра еще не восторжествовала надъ православіемъ, несмотря на всѣ усилія примаса въ Краковѣ и прусско-тевтонскихъ рыцарей. Двойственная, ловкая политика Витовта, возводя Литву въ первенствующую державу, умаляла значеніе монархіи Пястовъ.

ИСТОЧНИКИ.

Д. Иловайскій. Исторія Россіи, т. II.
А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы.
Н. М. Павловъ. Русская исторія до новѣйшихъ временъ, т. I.

Побѣда славянъ надъ нѣмцами.

15 іюля 1410 г.

ВЕСЕЛО проводятъ Рождественскій постъ въ Мазовіи, при дворѣ добрѣйшаго князя Януша и его умной супруги, княгини Дануты, сестры русско-литовскаго великаго князя Витовта.

Мазовщане, какъ литовцы и наши новгородцы, много страдали отъ постоянныхъ набѣговъ, грабежей неугомонныхъ сосѣдей—орденскихъ братьевъ. Мучили они, разоряли до тла, сжигали жилища бѣдняковъ, а ихъ самихъ, цѣлыми селеньями, часто уводили въ тяжелую неволю, пополняя этимъ способомъ ряды своихъ безотвѣтныхъ, многострадальныхъ рабовъ.

Князь Янушъ самъ былъ миролюбивѣе Ягайла, прямодушнѣе Витовта. Но его бояре, тѣ, которые владѣли обширными землями, многочисленною вооруженною челядью, не давали спуска надоѣдливымъ рыцарямъ. Въ свою очередь, они переходили границы, нападали на орденскія земли и уводили плѣнниковъ въ свои укрѣпленные, точно крѣпости, замки съ подъемными мостами, бойницами и даже подземными тюрьмами. Только, въ противоположность тевтонамъ, въ этихъ темницахъ держали они плѣнныхъ рыцарей-предводителей, а не бѣдный замученный людъ.

Мазовецкіе воеводы сводили свои личные счеты съ ненавистными сосѣдями, вовсе не стѣсняясь тѣмъ, что любимый ими князь Янушъ часто ласково принималъ при своемъ дворѣ и рыцарей и ихъ сановитыхъ гостей изъ западной Европы. Почтительная любовь къ князю ничуть не убавляла ихъ постоянной боевой готовности постоять за себя и за свое добро. Часто обѣ враждующія силы дружелюбно братались до первой ссоры подъ гостепріимнымъ кровомъ державныхъ хозяевъ.

Дворъ княгини Дануты славился своими веселыми праздниками. Сильно добивались рыцари и вельможи чести быть приглашенными на нихъ и съ особеннымъ рвеніемъ спѣшили туда, получивъ милостивый зовъ. Въ концѣ 1409 года дворъ былъ особенно оживленъ. Веселые пиры смѣняли блестящія охоты въ заповѣдныхъ пущахъ, окружавшихъ Теханово, княжескій замокъ, не далеко отъ столицы Варшавы. Нарядное общество собиралось по вечерамъ вокругъ роскошно убраннаго стола. Веселыя рѣчи довольныхъ гостей утихали только при звукахъ лютней или сладкихъ пѣсенъ трубадуровъ; они славили доброе сердце и красоту милостивой княгини съ ея придворными дамами, или боевые подвиги сподвижниковъ князя, напоминая о тѣхъ битвахъ, гдѣ вмѣстѣ рубились они, подъ знаменами своего славнаго вождя. Ярко горѣлъ огонь въ громадныхъ каминахъ. Съ потолка изъ красивыхъ люстръ падалъ мягкій свѣтъ отъ множества зажженыхъ восковыхъ свѣчей. Ласковые, добродушные хозяева отъ души радовались беззаботному веселью своихъ гостей. Ясная зимняя ночь покойно глядѣла въ стрѣльчатыя окна, точно любуясь мирными радостями нарядной толпы. Никто рѣшительно

не могъ предчувствовать, объяснить себѣ рѣзкаго повелительнаго звука рога, оборвавшаго на полусловѣ увлекательную пѣснь сладкозвучнаго пѣвца. Смолкло въ мигъ все собраніе. Княгиня поблѣднѣла, набожно закрестилась. Дамы пробовали слѣдовать ея примѣру, да дрожащія руки не слушались, побѣлѣвшія губы съ трудомъ лепетали молитвы. Со двора доносился лязгъ цѣпей отъ опускавшагося подъемнаго моста и стукъ подковъ по вымощенному двору. Князя разсердила такая несвоевременная тревога. Онъ гнѣвно смотрѣлъ на входную дверь. Не успѣли молодые шляхтичи, прислуживавшіе за столомъ своихъ державцевъ, броситься къ дверямъ, какъ на порогѣ показались три крестоносца въ полномъ боевомъ нарядѣ. Съ ними цѣлыми клубами ворвался морозный воздухъ, наполняя страшнымъ холодомъ всю теплую, свѣтлую палату. Суровы лица вошедшихъ, злостью искрятся глаза.—«Суда, наказанья требуемъ мы у вашей княжеской мости *) дерзкому рыцарю Юрандѣ изъ Спыхова», почти повелительно заговорилъ старшій крестоносецъ. Еще блѣднѣе стала княгиня. Она испуганно подняла свои чудные, умные глаза на князя-супруга. Сама же ласково прижимала къ сердцу одну изъ молодыхъ боярышенъ, чуть не ребенка, съ воплемъ отчаянія бросившуюся передъ ней на колѣни.

Величественно взглянулъ князь Янушъ на нахала. Отчетливо, твердо заговорилъ:—«Кто смѣетъ тревожить покой княгини мазовецкой, ея и моихъ гостей, когда съ сосѣдями—рыцарями у меня заключенъ миръ?»—«Его нарушилъ дерзкій Юранда изъ Спыхова! Смерть ему, князь Янушъ»!—«Не въ моемъ обычаѣ безъ суда

*) Милости.

Мазовецкій князь останавливаетъ тевтонскаго рыцаря. *(Къ стр. 41).*

наказывать даже послѣдняго смерда, а не то что вельможнаго Юранда, моего вѣрнаго рыцаря и друга».— «Онъ разбойникъ! Однимъ ударомъ копья закололъ брата Мейнегера и плѣнилъ фонъ-Бергера!»—«Только въ честномъ бою поднимаетъ руку Юранда, никогда не нападаетъ на безоружнаго,» отвѣтилъ твердо князь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросительно посмотрѣлъ на княгиню, старавшуюся, что было силы, успокоить горько плакавшую дѣвочку Дануту, дочь Юранды, и вмѣстѣ съ тѣмъ напрягавшую весь свой умъ, чтобы сообразить причину такого невозможнаго переполоха.— «Мы и вызвали его на честный бой. Онъ принялъ вызовъ, только требовалъ, чтобы мы оставили его земли, вернулись къ границѣ и удалили нашихъ людей. На это мы не согласились. Тогда онъ съ своимъ отрядомъ напалъ на насъ, разогналъ нашихъ кнехтовъ, убилъ Мейнегера, а фонъ-Бергера, заковавъ, посадилъ въ страшные спыховскіе подвалы». Все громче поднималъ голосъ надменный крестоносецъ. Онъ кончилъ угрозой, что, если князь мазовецкій не выдастъ ему своего подданнаго, гроссмейстеръ Ордена найдетъ расправу и надъ его княжескимъ величествомъ. Князь вспыхнулъ.—«Мнѣ грозить?» и съ этими словами онъ всталъ, положилъ свои крѣпкія руки на плечи крестоносца, да такъ сильно тряхнулъ его, что тотъ струсилъ. Онъ заговорилъ примирительнымъ тономъ: «положимъ, наши гости изъ Германіи сами захотѣли помѣряться силою съ непобѣдимымъ силачомъ Юрандой. Но и онъ не въ первый уже разъ убиваетъ нашихъ. Его люди жгутъ и грабятъ безнаказанно на спыховской границѣ, и Бергеръ не первый, не единственный изъ нашихъ, изнываетъ теперь въ его подземельяхъ. Всѣхъ нашихъ бѣглецовъ укрываетъ онъ за

крѣпкими стѣнами своего замка! Нѣтъ, нѣтъ! Или самъ накажи смертью своего подданнаго, или гроссмейстеръ собственными силами расправится съ злѣйшимъ врагомъ Ордена».—«Не вамъ, не вашему гроссмейстеру предписывать законы мазовецкому князю», вспыхнулъ Янушъ.—«За гроссмейстера постоитъ вся Германія во главѣ съ императоромъ!»—«Со мной пойдетъ Польша да Русь съ Литвой! А это будетъ побольше всѣхъ вашихъ союзниковъ-друзей».—«Развѣ, ваше княжеское величество, желаете начать войну съ Орденомъ?»—«Войны не хочу, но и не дамъ въ обиду своего вѣрнаго слугу и друга!»—«Тогда мы сами позаботимся о наказаніи и мести!»

Въ конецъ обозлился князь Янушъ. Въ его памяти пронеслись всѣ обиды, нанесенныя орденскими братьями ему лично, и всѣ ужасы, отъ которыхъ терпѣла бѣдная Мазовія.—«Берегись»,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—«не вынуждай меня взяться за оружіе! Всегда вы и рыцари, живущіе на вашихъ земляхъ, первые нападаете на мирную Мазовію. Угоняете наши стада, сжигаете деревни, уводите въ плѣнъ мужчинъ, убиваете женщинъ и дѣтей. Когда я жалуюсь, гроссмейстеръ вашъ отвѣчаетъ изъ-за стѣнъ своего Мальборга: «Обычныя пограничныя шалости. Оставьте меня въ покоѣ!» А когда мой другъ въ честномъ бою одолѣваетъ вашихъ, ты приходишь требовать его смерти? Пугаешь местью? Такъ гдѣ же справедливость? Попробуй только силой распоряжаться въ моихъ владѣніяхъ, тогда и я поднимусь, и ты вновь очутишься здѣсь, но уже не гостемъ, а узникомъ!»

Очевидно, терпѣнье князя истощилось. Онъ схватилъ съ головы шапку, изо всѣхъ силъ ударилъ ею

по столу и вышелъ, громко хлопнувъ дверью. Разстроенная, вся блѣдная княгиня давно увела плакавшую дѣвушку. За нею удалилась перепуганная свита. Трубадуры молча понурили головы. Казалось, точно и свѣчи-то горѣли тусклѣе.

Удалились, позеленѣвши отъ злости, крестоносцы. Никакъ не ожидали они такого исхода. Бѣшенство отразилось на ихъ лицахъ. Что дѣлать? Какъ поступить? Мщеніемъ кипѣли ихъ злобныя сердца. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они знали, что гроссмейстеръ бережетъ польскаго короля Ягайла. Тотъ въ свою очередь, конечно, не дастъ никому въ обиду свою двоюродную сестру, княгиню Дануту, видимо принимавшую близко къ сердцу дѣло Юранды. При томъ же, за нее можетъ энергично вступиться и ея родной братъ, воинственный Витовтъ. Хорошо должны были помнить рыцари и то, что Ягайло никогда не проститъ разбойничьяго захвата каравана съ мукою, посланнаго имъ водою черезъ прусскія владѣнія въ Литву, страдавшую отъ страшнаго голода. Ни Ягайло, ни Витовтъ въ вѣкъ не забудутъ такого варварскаго грабежа! Слыхать, у обоихъ дѣлаются сильныя приготовленія къ какому-то походу. У нихъ скоро кончается срокъ перемирія съ Орденомъ. Ихъ соединенныя силы безчисленны, прекрасно вооружены. Тутъ поднимется еще съ ними этотъ мазовецкій князекъ. Тогда, пожалуй, орденскимъ силамъ и дѣйствительно не справиться съ врагомъ. Ясно, что отъ гроссмейстера не дождаться имъ поддержки. Ну, а какъ же оставить фонъ-Бергера въ мазовецкихъ рукахъ? Какъ не мстить за смерть Мейнегера?—И начали совѣщаться хищные коршуны, враги порядка, всего добраго, честнаго, мирнаго. Пошли устроять тайныя козни, обсуждать погибель

охватилъ страхъ. Не видя дочери около всемилостивѣйшей княгини, онъ почувствовалъ, какъ ёкнуло у него сердце. Въ одно время и у него и у державной хозяйки Теханова вырвался вопросъ: «Дануся»?— «Къ вамъ поѣхала?» послышался нерѣшительный отвѣтъ. Какъ-то странно было видѣть здоровымъ на конѣ того, чью жизнь считали въ опасности, кого начинали оплакивать, сомнѣваясь, что онъ выживетъ. Говорить даже съ нимъ какъ-то казалось страннымъ, страшноватымъ. Крѣпкая привязанность къ своимъ державцамъ удержала рѣзкое словцо на языкѣ старика. Князь, желая пояснить отвѣтъ своей супруги, выговорилъ немного обиженно: «Ты же самъ потребовалъ ее?»—«Во имя Отца и Сына! Ничего подобнаго не было!» воскликнулъ Юранда. Съ княгиней сдѣлалось дурно. Съ крикомъ «Дануся!» она упала на руки сопровождавшихъ ее женщинъ. Тогда князь, приказавъ Юрандѣ скорѣе сойти съ коня, увелъ его и отца Стефана въ свои дальніе покои. Старикъ растерялся, точно пораженный громовымъ ударомъ, послушался своего державца и шелъ за нимъ, машинально повторяя: «Дануся, Дануся!»

— «Припомни внимательно все, что было съ тобою въ послѣднее время и давай отвѣтъ», сказалъ грустно, серьезно князь старику. Старый воинъ какъ будто пріободрился, услышавъ въ вопросѣ повелительный звукъ.— Что дѣлалъ ты послѣднее время?» —«Собирался къ тебѣ, пресвѣтлый князь, хотѣлъ поклониться благодѣтельницѣ-княгинѣ, взглянуть...» дальше онъ не могъ говорить,—споткнулся. Слезы градомъ полились изъ старческихъ глазъ.—«Не то, не то», кротко заговорилъ священникъ, «успокойся, перескажи нашему свѣтлѣйшему господину по порядку, что случилось

съ тобою за послѣдній мѣсяцъ». Юранда провелъ рукою по мокрому отъ слезъ лицу, погладилъ бороду, потомъ ударилъ себя по лбу.—«Что дѣлалъ? Билъ ихъ, ненавистныхъ хищниковъ, кровопійцъ! Убилъ Мейнегера, засадилъ въ спыховскіе подвалы фонъ-Бергера..»—«А твои молодцы перерѣзали всю ихъ свиту?» сказалъ священникъ съ разстановкой.—«Это они подожгли твой Спыховъ?» спросилъ князь. Старикъ переводилъ удивленные глаза отъ одного къ другому, видимо, ничего не понимая. На вопросъ князя онъ отчаянно вскрикнулъ: «Ничего не горѣло въ Спыховѣ»! Князь поблѣднѣлъ. Священникъ осторожно подошелъ къ ларцу, стоявшему въ углу, и вынулъ изъ него сложенную бумагу съ привѣшенной къ ней печатью.—«Это писано твоимъ духовникомъ?»—«Пожалуй, что имъ, печать моя».—«Такъ вотъ же, по твоему приказу, отецъ Ксаверій писалъ нашей пресвѣтлѣйшей госпожѣ-княгинѣ, что въ Спыховѣ былъ пожаръ, тебя почти ослѣпило горѣвшее бревно, которое упало тебѣ на голову. И потому ты всепокорнѣйше просишь позволить Данусѣ пріѣхать ходить за тобой».—Юранда слушалъ, ушамъ своимъ не вѣря. Глаза расширились, злой огонь въ нихъ загорѣлся. Грудь высоко поднималась. Наконецъ, онъ заревѣлъ, какъ раненый левъ.—«Неправда, все неправда!» Отецъ Стефанъ перекрестился. Тяжело вздрогнулъ князь.—»Это—месть, ихъ адская месть!» И съ этими словами несчастный отецъ бросился изъ комнаты, забывая все свое уваженіе къ князю. Янушъ грустно махнулъ рукой: «Онъ правъ. Это—месть ему, неслыханная дерзость мнѣ, моей коронѣ, моему дому!»—«Всей землѣ мазовецкой нанесена обида, княжеское величество!» невольно вырвалось у смиреннаго служителя

алтаря Господня.—«Помоги ему, отецъ святой, собрать своихъ и моихъ людей и летѣть въ погоню за разбойниками! Надо стараться вырвать скорѣе изъ рукъ несчастную овечку».

Въ это время блѣдная, вся въ слезахъ показалась на порогѣ княгиня.—«Янушъ! дорогой мой Янушъ! что сдѣлала я? Какой грѣхъ, какое преступленіе допустила! Отдала несчастнаго, ввѣреннаго мнѣ ребенка неистовымъ извергамъ, безбожнымъ разбойникамъ.—Кровь невиннаго ребенка будетъ обвинять меня передъ престоломъ Всевышняго!» И потоки горькихъ слезъ полились изъ глазъ доброй христіанки, честной, сердечной княгини.

Много труда стоило князю успокоить ее кое-какъ, остановить на время ея горькія, чуть не кровавыя слезы. Онъ заговорилъ объ обидѣ, нанесенной ихъ любимой Мазовіи, о томъ, что нельзя больше терпѣть такихъ отношеній.- «Монашествующіе братья, произнесшіе обѣтъ бѣдности, доведутъ до полной нищеты наше княжество, если мы оставимъ и этотъ случай безнаказаннымъ», задумчиво говорилъ князь. Ясный государственный умъ княгини заработалъ. Она отстранила сердечную заботу. Точно, вѣрно опредѣлила положеніе дѣла.—«А гроссмейстеръ еще проситъ насъ не дружить съ моими братьями? Если это такъ выгодно для Ордена, пусть удерживаетъ своихъ разбойниковъ. Но теперь, князь, разъ навсегда положи конецъ двусмысленнымъ отношеніямъ. Не сомнѣвайся въ правотѣ братьевъ твоихъ, поднимающихся на Орденъ. Перестань молчать, соедини свою бранную силу съ ихъ полками! Ягайло собираетъ подъ свои знамена чеховъ, моравовъ, кромѣ Литвы, чтобы сильнѣе разбить рыцарей. Съ Витовтомъ пойдетъ вся Русь. У

нихъ есть наемники-татары. Слейся съ ними, князь мой дорогой, любимый! И да поможетъ намъ Господь, общимъ дружнымъ ударомъ всѣхъ славянскихъ силъ, уничтожитъ злѣйшаго врага нашего счастья, нашего покоя, процвѣтанія нашихъ любимыхъ подданныхъ!» Задумался князь Янушъ надъ горячей рѣчью умной своей подруги. Понималъ онъ и сердцемъ и умомъ что она права, что онъ, какъ державецъ—христіанинъ, отвѣчаетъ передъ Богомъ за благосостояніе своихъ подданныхъ. Этого же благосостоянія не достигнуть во вѣки, если не обуздать хищническаго своеволія орденскихъ братьевъ. Несмотря на врожденное миролюбіе, онъ примкнулъ къ союзу братьевъ.

А тѣмъ временемъ на границѣ Мазовіи съ Пруссіей стряслась та лютая напасть, которая переполнила чашу преступленій, совершенныхъ рыцарями на сосѣднихъ земляхъ.

Юранда, во главѣ своего и княжескаго отряда, поскакалъ разыскивать свою дочь. Никто не сомнѣвался, что ее съ злымъ умысломъ похитили рыцари изъ мщенія за смерть и плѣнъ своихъ товарищей. День, другой разъѣзжали всадники по округѣ, нигдѣ не нападая на слѣдъ. Окрестные жители или, дѣйствительно, ничего не видѣли, или знали, но боялись сказать что нибудь про страшныхъ сосѣдей. На вторую ночь, весь отрядъ, переутомленный до изнеможенія, остановился отдохнуть на опушкѣ лѣса. Развели костеръ. А отцу Ксаверію и Юрандѣ приготовили постели въ убогой хаткѣ лѣсника.

Помолившись, они улеглись. Только сонъ бѣжалъ отъ очей старика. Страннымъ казалось ему, что до сихъ поръ они никого не встрѣтили. Обыкновенно по дорогамъ попадались маленькіе отряды смѣльчаковъ,

которые, подъ бѣлыми плащами орденскихъ рыцарей, скрывали свои разбойничьи привычки. Теперь точно все вымерло. А они уже довольно далеко проѣхали. При тускломъ свѣтѣ догоравшихъ углей, ему вдругъ показалось, что какая-то тѣнь вошла въ хатку, оглядѣлась, вперила въ него глаза и, точно, поманила къ себѣ. Сердце дрогнуло у Юранды: ему почудилось, что онъ видитъ тѣнь своей дочери, и быстро вскочилъ съ постели. Тѣнь вышла, онъ за нею. Все дальше шли они, минуя спящій отрядъ. Стража видѣла своего предводителя и оставалась покойна. Наконецъ, отойдя довольно далеко, тѣнь остановилась, подошла къ Юрандѣ и заговорила: «Ты ищешь Данусю?» — Онъ только стиснулъ зубы. — «Она въ надежныхъ рукахъ. Никакія силы человѣческія не могутъ помочь тебѣ найти ее». — Такъ я созову адскія силы, чтобы вырвать ее». — И то будетъ напрасно. Она служитъ залогомъ твоего послушанія Ордену». Юранда вскипѣлъ было, но во-время опомнился. Всей душой, всѣмъ сердцемъ рвался онъ найти свою голубку. — «Видитъ Богъ, я сдѣлаю все, лишь бы найти ее!» — «На это-то именно и разсчитываютъ братья». — Что же дѣлать? нетерпѣливо, кипятясь, спросилъ старикъ. — «Поклясться, что все останется тайной, что ни король, ни князья ничего не узнаютъ о нашихъ переговорахъ. Клянись!» И съ этими словами упало покрывало, скрывавшее таинственную тѣнь. Передъ удивленнымъ Юрандой стояла женщина въ одеждѣ, напоминающей монашеское платье, съ четками въ рукахъ, а за поясомъ, кромѣ маленькой странической тыквы, виднѣлся блестящій небольшой мечъ. При словѣ «клянись» она вынула его и подала крестообразною рукояткой Юрандѣ. Одну минуту онъ стоялъ въ раздумьѣ,

точно сомнѣніе промелькнуло въ его умѣ; но, вспомнивъ о дочери, онъ подумалъ, что это она протягиваетъ ему руки, моля о помощи.—«Клянусь никому ничего не повѣдать!» вырвалось стономъ изъ страдавшей груди. Тогда женщина отошла еще въ сторону. Старый, прежде такой беззавѣтно-храбрый воинъ шелъ за ней, чуть не труся. Изъ чащи вышли три всадника, держа въ поводу нѣсколько осѣдланныхъ лошадей. Поровнявшись съ ними, женщина заговорила уже громко, рѣзко, повелительно.—«Подпиши эту бумагу!» и она показала исписанный листъ.—«Какъ? не зная, что я подписываю?» опять волнуясь, вскрикнулъ честный мазовщанинъ.—«Святые братья не могутъ написать того, чего нельзя подписать честному рыцарю!» Юранда чуточку колебался.— Тогда не видать тебѣ Дануси!»—«Ну, такъ скажи, по крайней мѣрѣ, какъ написать мой смертный приговоръ?»—Женщина скривила свой ротъ въ улыбку, глаза заискрились.—«Написать отъ твоего имени приказъ старому Тилиму—выпустить съ почетомъ на свободу многострадальнаго Бергера и его оруженосцевъ».— Никто не страдаетъ въ Спыховѣ!»—«Одно сознаніе быть запертымъ въ подвалахъ мазовецкаго вельможи—страданіе для храбраго рыцаря,» проговорила насмѣшливо женщина. Въ бумагѣ требовалось еще уплатить узникамъ огромную сумму, а въ замѣнъ Юрандѣ было обѣщано освобожденіе его ребенка. Свѣта не взвидѣлъ отецъ! Онъ, конечно, былъ готовъ за это подписать свой смертный приговоръ. Да оно такъ и вышло.

Рыцари ставили условіемъ, чтобы онъ безъ своихъ тѣлохранителей, а только въ сопровожденіи двухъ орденскихъ воиновъ ѣхалъ за Данусей, пока другіе повезутъ отряду его письменный приказъ вернуться

которые, подъ бѣлыми плащами орденскихъ рыцарей, скрывали свои разбойничьи привычки. Теперь точно все вымерло. А они уже довольно далеко проѣхали. При тускломъ свѣтѣ догоравшихъ углей, ему вдругъ показалось, что какая-то тѣнь вошла въ хатку, оглядѣлась, вперила въ него глаза и, точно, поманила къ себѣ. Сердце дрогнуло у Юранды: ему почудилось, что онъ видитъ тѣнь своей дочери, и быстро вскочилъ съ постели. Тѣнь вышла, онъ за нею. Все дальше шли они, минуя спящій отрядъ. Стража видѣла своего предводителя и оставалась покойна. Наконецъ, отойдя довольно далеко, тѣнь остановилась, подошла къ Юрандѣ и заговорила: «Ты ищешь Данусю?»—Онъ только стиснулъ зубы.—«Она въ надежныхъ рукахъ. Никакія силы человѣческія не могутъ помочь тебѣ найти ее».—«Такъ я созову адскія силы, чтобы вырвать ее».—«И то будетъ напрасно. Она служитъ залогомъ твоего послушанія Ордену». Юранда вскипѣлъ было, но во-время опомнился. Всей душой, всѣмъ сердцемъ рвался онъ найти свою голубку.—«Видитъ Богъ, я сдѣлаю все, лишь бы найти ее!»—«На это-то именно и разсчитываютъ братья».—«Что же дѣлать?» нетерпѣливо, кипятясь, спросилъ старикъ. — «Поклясться, что все останется тайной, что ни король, ни князья ничего не узнаютъ о нашихъ переговорахъ. Клянись!» И съ этими словами упало покрывало, скрывавшее таинственную тѣнь. Передъ удивленнымъ Юрандой стояла женщина въ одеждѣ, напоминающей монашеское платье, съ четками въ рукахъ, а за поясомъ, кромѣ маленькой странической тыквы, виднѣлся блестящій небольшой мечъ. При словѣ «клянись» она вынула его и подала крестообразною рукояткой Юрандѣ. Одну минуту онъ стоялъ въ раздумьѣ,

точно сомнѣніе промелькнуло въ его умѣ; но, вспомнивъ о дочери, онъ подумалъ, что это она протягиваетъ ему руки, моля о помощи.—«Клянусь никому ничего не повѣдать!» вырвалось стономъ изъ страдавшей груди. Тогда женщина отошла еще въ сторону. Старый, прежде такой беззавѣтно-храбрый воинъ шелъ за ней, чуть не труся. Изъ чащи вышли три всадника, держа въ поводу нѣсколько осѣдланныхъ лошадей. Поровнявшись съ ними, женщина заговорила уже громко, рѣзко, повелительно.—«Подпиши эту бумагу!» и она показала исписанный листъ.—«Какъ? не зная, что я подписываю?» опять волнуясь, вскрикнулъ честный мазовщанинъ.—«Святые братья не могутъ написать того, чего нельзя подписать честному рыцарю!» Юранда чуточку колебался.—«Тогда не видать тебѣ Дануси!»—«Ну, такъ скажи, по крайней мѣрѣ, какъ написать мой смертный приговоръ?»—Женщина скривила свой ротъ въ улыбку, глаза заискрились.—«Написать отъ твоего имени приказъ старому Тилиму—выпустить съ почетомъ на свободу многострадальнаго Бергера и его оруженосцевъ».—«Никто не страдаетъ въ Спыховѣ!»—«Одно сознаніе быть запертымъ въ подвалахъ мазовецкаго вельможи—страданіе для храбраго рыцаря,» проговорила насмѣшливо женщина. Въ бумагѣ требовалось еще уплатить узникамъ огромную сумму, а въ замѣнъ Юрандѣ было обѣщано освобожденіе его ребенка. Свѣта не взвидѣлъ отецъ! Онъ, конечно, былъ готовъ за это подписать свой смертный приговоръ. Да оно такъ и вышло.

Рыцари ставили условіемъ, чтобы онъ безъ своихъ тѣлохранителей, а только въ сопровожденіи двухъ орденскихъ воиновъ ѣхалъ за Данусей, пока другіе повезутъ отряду его письменный приказъ вернуться

въ Спыховъ и освободить крестоносцевъ. Умудренные горькимъ опытомъ, мазовщане, конечно, не вполнѣ довѣряли и письменному приказу и объясненіямъ посланцевъ, явившихся къ нимъ отъ имени Юранды. Женщина заявила, что спѣшитъ съ ними же въ Спыховъ, чтобы лѣчить несчастнаго плѣннаго послѣ его освобожденія.

Нѣсколько болѣе юркихъ да ловкихъ изъ отряда сумѣли обмануть бдительность своихъ спутниковъ. Незамѣтно поотстали они да и помчались одинъ въ Техановъ, съ докладомъ о случившемся, а остальные отыскивать, какъ ищейки, слѣдъ своего любимаго боярина. И тѣ и другіе опоздали.

Горя нетерпѣніемъ увидѣть свое любимое дитятко, старикъ мчался, что есть мочи, въ направленіи, которое ему указывали его спутники. Зная мѣстность съ дѣтскихъ лѣтъ, онъ видѣлъ, что путь идетъ къ щитнинскому замку. Раза два по дорогѣ встрѣтились имъ стрѣлки, которые вели закованныхъ въ цѣпи крестьянъ. Видно, что въ замокъ, на судъ, за какую-нибудь провинность тянули несчастныхъ. Руки у нихъ были связаны, на ногахъ видѣлись кандалы, которые едва позволяли двигаться. Обычное обращеніе рыцарей священнаго ордена съ ихъ несчастными рабами! Подъѣзжая къ замку, путники спугнули стаи вороновъ, съ громкимъ карканіемъ разлетѣвшихся въ стороны. Это они сидѣли на перекладинахъ висѣлицъ, стоявшихъ при дорогѣ, на которыхъ болтались тѣла повѣшенныхъ орденскихъ крестьянъ. Опять обычная расправа святыхъ братьевъ-тевтоновъ. «Щитнинскій замокъ! Тотъ самый, гдѣ рыцари отравили двухъ невинныхъ мальчиковъ, сыновей князя Витовта», подумалъ про себя Юранда. Холодный потъ выступилъ на его муже-

ственномъ лицѣ. Онъ перекрестился. Одинъ изъ спутниковъ насмѣшливо замѣтилъ: «Да, пора и молиться, ужъ подъѣзжаемъ». Другой рѣзко затрубилъ въ рогъ. Съ зловѣщимъ скрипомъ спустили подъемный мостъ, распахнулись ворота страшнаго замка, чтобы опять долго не раскрываться.

Князь, княгиня, весь дворъ пришли въ ужасное смятеніе, когда вѣстники горя явились передъ ними, разсказывая, какъ ночью Юранда съ какою-то тѣнью ушелъ отъ нихъ, потомъ отъ его имени пришла женщина съ рыцарями, показала письмо и отправилась въ Спыховъ. Снарядили спѣшно отрядъ вооруженныхъ людей. Поднялась вся округа спасать любимаго, честнаго Юранду изъ Спыхова. Его собственные отряды храбро шли на приступъ Щитна. Рыцари чувствовали, что замокъ оцѣпили со всѣхъ сторонъ. Съ крикомъ—«выдайте намъ Юранду и его дочь!»—мазовщане съ остервененіемъ рвались на приступъ. Дать знать въ сосѣдніе рыцарскіе замки осажденные уже не могли. Умереть съ голоду, конечно, никому не хотѣлось. И вотъ, когда кольцо осаждавшихъ сузилось, когда ихъ не могли остановить ни стрѣлы, ни пищали, ни камни, летѣвшіе со стѣнъ и башенъ замка, раздался въ воздухѣ звукъ рога, и отворилась калитка большихъ замковыхъ воротъ. Зорко слѣдили мазовщане за каждымъ движеніемъ непріятеля: все ждали, что имъ отвѣтятъ на ихъ крики, требованіе освобожденія Юранды. Имъ отвѣтили, но именно такъ, какъ вѣками привыкли отвѣчать братья христіанскаго ордена, дающіе обѣтъ смиренія, терпѣнія, любви и милосердія. Они отдали требуемое отъ нихъ, но отдали одни только обезображенные, измученные трупы. Отца-старика и дочь — почти ребенка — замучили, изуродовали раз-

бойники, кровожадные тевтоны.—«Смерть за смерть!» завопили мазовщане и ринулись впередъ. Мостъ подался. По нему, несмотря на безумное сопротивленіе, они ворвались въ замокъ, истребляя всѣхъ, кто только попался подъ руку. Никто не могъ спастись. Стѣны подожгли и испепелили то мѣсто, на которомъ страдалъ любимецъ мазовецкаго народа, храбрый, надежный слуга княжескаго рода.

Это послѣднее преступленіе обострило въ конецъ сосѣдскія отношенія тевтонскихъ рыцарей съ мазовщанами. Янушъ рѣшительно повелъ свои полки въ союзѣ съ польскимъ королемъ на общаго ужаснаго врага. На этотъ разъ бокъ-о-бокъ съ ними шелъ и русско-литовскій великій князь. Соединенныя войска углубились въ ту самую землю, которая изстари составляла достояніе Польши, но которую неразумный князь Конрадъ мазовецкій утвердилъ за тевтонами полтора вѣка тому назадъ.

Во главѣ войскъ стоялъ Ягайло. Военными дѣйствіями руководилъ Витовтъ. Кромѣ своихъ жмудиновъ и татаръ, которыхъ онъ имѣлъ обычай содержать цѣлыми полчищами, съ нимъ въ этомъ походѣ были русскіе полки: смоленскій, стародубскій, кременецкій, мельницкій, дрогичинскій, волковыйскій, брестскій, новогрудскій, пинскій, кіевскій, витебскій, полоцкій, мѣдницкій, гродненскій. А перемышльскій, львовскій, галичскій и подольскій считались на-половину Витовтовыми, на-половину польскими полками.

Полчища двинулись, и 15 іюля стали лагеремъ у Еловой Горы (Танненбергъ) подъ зеленымъ боромъ (Грюнвальденъ). Тутъ встрѣтили ихъ нѣмецкія силы, которыя велъ самъ великій магистръ Тевтонскаго ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ.

Грюнвальдскій бой. (*Къ стр. 55*).

Какъ велика была сила враговъ славянства, можно судить по тому, что павшихъ на полѣ сраженія нѣмцы насчитывали сорокъ тысячъ, да пятнадцать тысячъ плѣнныхъ.

Витовтъ, давъ знакъ вождямъ начинать сраженіе, самъ бросился въ бой, съ обычною отвагой. Ягайло же удалился въ походную свою часовню на холмѣ и молился, издали слѣдя за сѣчей. Его окружали шестьдесятъ латниковъ, самъ онъ былъ съ головы до ногъ облеченъ въ желѣзо. Витовтъ поспѣвалъ всюду, хотя его силы были сосредоточены на правомъ крылѣ соединеннаго войска. Въ самый рѣшительный часъ битвы, когда часть союзныхъ силъ начала-было колебаться, смоленскія русскія войска не шелохнулись, выдержали всѣ яростнѣйшіе напоры непріятеля и тѣмъ самымъ спасли Польшу съ Литвою отъ нѣмецкаго пораженія 15 іюля 1410 года. Отъ славянскихъ бердышей, пищалей и мечей на вѣки разлетѣлось обаяніе ратной славы, совершенной непобѣдимости орденскихъ братьевъ! Въ лоскъ положены отряды венгерцевъ, богемцевъ, даже англичанъ, шотландцевъ, шведовъ, стремившихся участвовать въ побѣдѣ Запада надъ Востокомъ. Немногіе изъ нихъ вернулись домой. Раненые, искалѣченные, они разнесли по бѣлу свѣту страшную вѣсть о полномъ погромѣ тевтоновъ! Съ тѣхъ поръ Орденъ тевтонцевъ или крыжаковъ, какъ ихъ звали поляки, утратилъ навсегда прежнюю силу и славу. Не подняться бы рыцарямъ во вѣки вѣковъ послѣ бойни на Грюнвальдскомъ полѣ, если бы не помогло имъ промедленіе славянскихъ державцевъ, которые упустили время и потомъ вынуждены были заключить слишкомъ добросовѣстный миръ. Въ благопріятную для себя пору они не уничтожили крыжа-

ковъ совершенно, какъ непремѣнно поступили бы съ врагами своими братья-рыцари, если бы побѣда осталась на ихъ сторонѣ.

Въ Москву полетѣли гонцы съ радостной вѣстью о славной побѣдѣ и привезли въ даръ двѣ мѣдныя пушки изъ числа тѣхъ, которыя безъ счета достались Витовту на полѣ сраженія. Великій князь Василій Дмитріевичъ искренно радовался побѣдѣ надъ кровожаднымъ сосѣдомъ, такъ часто обижавшимъ его окраинныя отчины: Псковъ и Новгородъ. Пушки были приняты съ почетомъ, и великая княгиня сама ѣздила видѣться съ отцомъ, когда онъ пріѣзжалъ погостить въ подвластную ему смоленскую нашу область.

ИСТОЧНИКИ:

Н. М. Павловъ. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Т. I.
А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы.

Свидригайло

1418—1437 гг.

ЧЕСТНЫЙ пруссъ Конрадъ Франкенбергъ, комендантъ кременецкаго замка, былъ очень озабоченъ тяжелой отвѣтственностью, возложенной на него великимъ княземъ Витовтомъ. Ему поручено зорко стеречь своего славнаго узника, врага-родича, князя Свидригайла Ольгердовича, но не смѣть строжить, безпокоить его. Надо даже допускать гостей, если найдутся желающіе навѣстить именитаго плѣнника.

На его бѣду, по Волыни, то и дѣло сновали отряды самого Витовта, не перестававшаго воевать съ татарами. Кременецкій замокъ стоялъ какъ разъ на пути. Воеводы русскіе являлись частенько передъ запертыми воротами. Осторожно, съ опаской, а все же приходилось спускать подъемный мостъ, принимать и хотя оглядывать, но не обижать гостей. Вотъ уже девять почти лѣтъ длится это плѣненіе. Опасенъ Свидригайло своему счастливому сопернику. Онъ, хотя былъ и католикъ, но его любили литвины и даже русскіе, какъ защитника и покровителя завѣтовъ литовско-русской старины, земельныхъ государственныхъ правъ. Онъ оказывалъ явное расположеніе къ православію и явную ненависть къ Польшѣ. Съ нимъ надо соблю-

дать большую осторожность. Изъ двухъ соперниковъ счастье улыбнулось именно Витовту, онъ одолѣлъ врага-родича, вотъ и упряталъ его подальше отъ Вильны, на югъ, на Волынь. Тюремщикомъ поставилъ стараго знакомца, еще со времени своего собственнаго плѣненія въ Пруссіи у рыцарей. Ему и поручилъ эту отвѣтственную охрану. А какъ тутъ охранять, когда такъ много людей рвется видѣть своего любимца, поскорбѣть, поплакать о своихъ горяхъ-напастяхъ бывшему отважному вѣрному покровителю? Осмотрительность положительно необходима, но очень разумная: Витовтъ, ревностный католикъ, изъ расчета очень считался со всѣми своими подданными, нельзя никого изъ нихъ обижать!

Когда подъ стѣнами кременецкаго замка, у подъемнаго моста раздавался призывный звукъ трубы, осторожный комендантъ являлся самъ къ воротамъ. Отдавая должную честь знатнымъ гостямъ, онъ не поступался и своими правами: разспрашивалъ, разглядывалъ одинаково зорко, что русскихъ, что литвиновъ. Казалось, все было предусмотрѣно. Надежная стража хорошо подобрана: она состояла изъ опытныхъ, вѣрныхъ слугъ Витовта, лично извѣстныхъ коменданту. Они донесли ему однажды, весной 1418 г., что, слыхать, идутъ по Волыни, набѣгомъ на татаръ, вооруженные отряды двухъ князьковъ русскихъ: пинскаго Александра Носа и сына князя Ѳеодора острожскаго, юнаго Дашка *). «Пожалуютъ на поклонъ къ нашему», сообразилъ Франкенбергъ, зная, какая крѣпкая дружба соединяла этихъ воеводъ съ его плѣнникомъ, и пошелъ, по обычаю, гулять вдоль замковой

*) Данiилъ.

стѣны. Осмотрѣлъ часовыхъ. Вздохнулъ съ облегченіемъ: «пусть пріѣзжаютъ,—все наготовѣ; пройдетъ благополучно опасное посѣщеніе».

У воротъ между тѣмъ собралось нѣсколько человѣкъ. То люди, ходившіе изъ замка въ городъ, возвращались домой. Видѣлъ комендантъ, какъ привратникъ называлъ ихъ по именамъ, потолковалъ съ ними и пропустилъ въ ворота. Войдя въ замокъ, они направились прямо къ коменданту, и старшій сталъ докладывать, что къ нимъ пристали вотъ эти два «русина», до нитки обобранные татарами—грабителями, и молятъ, чтобы ихъ зачислили на службу въ замокъ. Видно, что они совсѣмъ обобраны, что не съ чѣмъ имъ идти домой. А въ замкѣ они обѣщались нелѣностно трудиться и нести сторожевую службу, къ которой съ дѣтства пріобыкли. Остороженъ былъ пруссъ. Осмотрѣлъ, разспросилъ, подумалъ: «двое среди сотенъ ничего не могутъ предпринять. Съ лица предобрые, простые, съ ясными веселыми глазами, широкими плечами, видно, сильные ребята». И зачислилъ въ гарнизонъ.

Вечеромъ, въ Великій четвергъ, жители замка и всѣ свободные отъ службы воины пошли въ замковую каплицу на молитву. Сторожей разставили по мѣстамъ. Князь плѣнникъ остался у себя: говорятъ, не можется ему—лежитъ. Никому невдомёкъ, что среди молящихся не было видно двухъ новобранцевъ. Ихъ мѣста еще не были обозначены на обычной молитвѣ, ихъ и не примѣтили.

Пока набожные католики съ своимъ комендантомъ молились, больной Свидригайло перечитывалъ въ сотый разъ на дощечкѣ намазанныя слова: «жди избавленія, не покидай своихъ хоромъ».—«Ну, вотъ

онъ не покинулъ ихъ, и что же? Да не обманъ ли ужъ это? Не подвохъ-ли пруссовъ? Ну, нѣтъ, шалишь, пріятель! Меня не проведешь!» И со злостью кинулъ онъ объ стѣну дощечку. «Гдѣ-то теперь мои други-князья?» Самъ съ собою продолжалъ говорить князь-узникъ.—«Здѣсь, въ виду замка раскинули они свои шатры», неожиданно прозвучалъ отвѣтъ. Удивленно воззрился князь. Глазамъ не вѣритъ.—«Дмитрій!» вырвался у него громкій возгласъ. Онъ узналъ слугу своего друга, Александра Носа. Тотъ бросился передъ нимъ на колѣни. Сталъ цѣловать ноги, руки.—«И Илья здѣсь, со мною».—«Напрасно губите вы свою жизнь. Зачѣмъ сюда попали?»—«Нельзя же, князь пресвѣтлый, идти походомъ въ эти святые дни Великаго поста. Раскинули мы станъ подъ самымъ Кременцомъ: люди-то и могутъ свободно ходить въ городъ, по церквамъ, къ службамъ Божіимъ».—«Да сюда, въ замокъ-то вы оба какъ попали? зачѣмъ?» допытывался князь.—«Чтобы тебя предупредить. Будь на сторожѣ, скажись люто хворымъ, не вставай до самаго Христова Воскресенья!»—Прямодушный Свидригайло все не понималъ.—«Да развѣ не видать, что я здоровъ?» — Димитрій усмѣхнулся. — «Постони малость, покряхти. Право слово, не долго ужъ тебѣ томиться. Какъ только настанетъ Свѣтлая ночь, мы тебя и умыкнемъ». — Недовѣрчиво слушалъ плѣнникъ. — «Да скажи ты мнѣ: кто, гдѣ стоитъ станомъ? зачѣмъ?»—

— «Князь Александръ Носъ съ Дашкой Острожскимъ порѣшили высвободить тебя, ихъ друга-князя. Собрали рати, какъ будто бы походомъ на татаръ пойти хотятъ. Подогнали передохъ подъ стѣнами этого замка, какъ есть, къ Страстной недѣлѣ. Здѣсь и раскинули свой станъ. А меня съ Ильею къ тебѣ

отправили: все выглядѣть, уладить, тебя оповѣстить. Въ ночь же на Свѣтлый Праздникъ, какъ Господь поможетъ, и освободить».

Увѣренность воина положительно подбадривала князя, но и бдительность Франкенберга смущала. Димитрій передалъ ему всѣ наставленія князей, сказалъ, какъ Илья и онъ удачно пробрались до самаго коменданта. Какъ вотъ эти дни они—своимъ усердіемъ, готовностью вездѣ поспѣть, все сдѣлать,—задабриваютъ товарищей и старшихъ. Илья не показывался князю. Онъ сторожилъ, чтобы во время дать условный знакъ и Димитрій могъ бы незамѣтно скрыться, въ темныхъ переходахъ.

Прошла пятница, за ней суббота. Стонетъ, кряхтитъ плѣнникъ, съ ложа не встаетъ. Франкенбергъ искренно встревоженъ.—«Патера бы, а не то сестру изъ ближняго монастыря позвать? Да дни то такіе ужъ великіе. Пожалуй, что и не пойдутъ: молиться будутъ. Хотя бы до Праздника не ухудшилась болѣзнь». А у Свидригайла отъ волненія, нетерпѣнья вся кровь кипитъ, жаръ разливается самъ собой. Чуть-что не бредить начиналъ и еще больше волновался: ну, какъ въ бреду сорвется правда, услышатъ слуги Витовта. И трусилъ неустрашимый князь, беззавѣтно храбрый витязь!

Наконецъ наступила Пасхальная ночь. Кременецкіе храмы засвѣтились огнями, собирался набожный людъ на молитву. Въ каплицу замка пришла вся стража. Франкенбергъ навѣстилъ своего плѣнника и успокоился, убѣдившись, что онъ крѣпко заснулъ,—авось полегчаетъ. На дворѣ ни души, всѣ молятся, сторожевые посты заняты по обычаю. Темень—хоть глазъ выколи. Тучки набѣгаютъ. По улицамъ тихо-

шенько шажкомъ, по одиночкѣ двигаются какія-то тѣни, все по одному направленію, къ замку. У моста точно воронъ каркнулъ. Чуть-чуть скрипнули цѣпи, спустилось подъемное полотно, и по нему пробираются черныя тѣни изъ всѣхъ городскихъ улицъ. Вотъ ужъ на замковомъ дворѣ копошатся. Тихо, даже копыта не стучатъ: обмотаны, видно, куделей.

Въ каплицѣ шла служба. Благочинно дѣлалъ свои возгласы замковый капелланъ, сосредоточенно-благоговѣйны храбрые воины,—стоятъ, не шелохнутся, погруженные въ умиленіе при мысли о святомъ воскресеніи Спасителя міра. Одному коменданту не побороть своего безпокойства. Молитва бѣжитъ отъ него. Чудится шорохъ. Волненье какое-то пробираетъ всю душу. Не выдержалъ! Направился къ выходу,—шорохъ слышнѣе. Торопится на дворъ, а тамъ, въ темнотѣ, движутся черные духи!—«Адъ что-ли разверзся?» мелькнуло въ мысляхъ прусса. Но въ мигъ онъ понялъ, что тѣни—это Русь святая, пришедшая освободить своего любимца въ свѣтлый часъ Христова Воскресенія! Съ воинственнымъ призывомъ, выхвативъ мечъ, бросился храбрецъ на пришельцевъ. За нимъ высыпала стража изъ каплицы. Рѣзня поднялась страшная. Франкенбергъ бился храбро и палъ только подъ напоромъ толпы. Гарнизонъ долженъ былъ уступить, на него крѣпко напирали русскіе. И счастливый Свидригайло, покинувъ свою многолѣтнюю тюрьму, полетѣлъ въ родной лагерь, къ друзьямъ, пріятелямъ, прямо къ розговѣнью.

Положимъ, на этотъ разъ некогда было веселиться. Не вступать же въ новый бой въ день Святой Пасхи? Станъ Свидригайла поднялся. Отряды поскакали со своимъ дорогимъ княземъ прямо на Луцкъ. Тамъ, въ

Спасеніе Свидригайла. (*Къ стр. 62*).

замкѣ Витовта, хранились безчисленныя сокровища его двора. Ими распорядился, конечно, не спросясь, освобожденный плѣнникъ и удалился, чтобы не заводить новыхъ кровопролитій, сначала, въ Молдавію, потомъ въ Венгрію. Король Сигизмундъ вполнѣ удачно взялся за примиреніе родичей.

Сначала поддался его просьбамъ Ягайло, отличавшійся привязанностью къ родственникамъ. Онъ горячо заступился за освобожденнаго родного брата своего передъ строптивымъ Витовтомъ. Тому въ данную минуту было необходимо ладить со всѣми сосѣдними державами, поэтому и онъ легко пошелъ на мировую. Братья даже дали Свидригайлу, для прокормленія, Брянскъ и Новгородъ Сѣверскій. Онъ удовольствовался, на этотъ разъ, отведеннымъ ему владѣніемъ, главнымъ образомъ, потому, что никто не трогалъ его друзей-освободителей, князей острожскаго и пинскаго, и не взыскивалъ съ нихъ. Смирно прожилъ въ своихъ маленькихъ земляхъ Свидригайло до самой смерти Витовта, равнодушно глядя на постепенное расширеніе владѣній соперника, на славу и почести, которыми окружали великаго князя друзья и недруги, дальніе и близкіе сосѣди. Чего бы, кажется, еще желать маститому правителю Литвы? такъ нѣтъ же! Королевской короны захотѣлось ему! И онъ съ юношеской горячностью ухватился за предложеніе Сигизмунда, тогда уже императора «Священной Римской Имперіи», короновать его.

Блестящіе, роскошные пиры и въ Луцкѣ и въ Трокахъ собирали именитыхъ гостей великаго князя литовскаго. Къ нему съѣзжались, кромѣ его подручныхъ литовско-русскихъ князей, послы европейскихъ владыкъ, нѣкоторыя же владѣтельныя особы и сами

лично явились. Такъ, въ 1429 году, въ Луцкѣ былъ знаменитый съѣздъ трехъ коронованныхъ особъ — императора Сигизмунда, короля Владислава-Ягайла и великаго князя Витовта. Но, когда открылась цѣль съѣзда—признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси, епископы и вельможи польскіе подняли такой шумъ, оказали такое рѣшительное противодѣйствіе Витовту, что церемонію пришлось отложить.

Въ Вильнѣ вышло еще хуже. Тамъ собрались именитые гости изъ западной и восточной Европы, среди которыхъ былъ внукъ Витовта, московскій великій князь Василій Васильевичъ. Они долго ждали пріѣзда императора, который уже выслалъ съ особеннымъ почетнымъ посольствомъ приготовленную для Витовта корону. «Но ляхове не жичивша коруну Литвы и коруну у нихъ тую отняли и разсѣкши ее наполы, и приложили ко коруне бискупа краковскаго, которая и теперь при замку краковскомъ и костелѣ Св. Станислава ѣсть» *).

Гости разъѣхались, праздники прекратились. Этой страшной обиды не выдержало даже и колоссальное здоровье Витовта. Восьмидесяти-четырехлѣтній старецъ, удрученный тяжкою скорбію, заболѣлъ; хотѣлъ переѣхать въ любимые свои Троки, но дорогой, отъ слабости, упалъ съ коня и черезъ двѣ недѣли умеръ (1430 г.).

— «Онъ умеръ! Вильна, вся Литва,—да нѣтъ,

*) Но поляки короны Литвѣ не захотѣли дать и отняли у нихъ ту корону и разломили ее на половины и присоединили къ коронѣ бискупа краковскаго, которая и теперь находится въ краковскомъ замкѣ, въ костелѣ св. Станислава.

куда Литва!—вся Русь теперь уже наша! Попались схизматики! Смерть вамъ теперь! Придушимъ, сотремъ васъ съ лица земли!» Расшумѣлись въ Краковѣ ясновельможные польскіе паны.

Конечно, смерть пришла бѣдному русскому православному люду. Племянники Ягайла, внуки Ольгерда—православные. Ихъ никто не допуститъ сѣсть на Литвѣ. Младшій же братъ Витовта, Сигизмундъ,—католикъ, ему то и должно вручить бразды правленія. А что же король?—Онъ тамъ, въ Вильнѣ, плачетъ. И, дѣйствительно, Ягайло горько, неутѣшно плакалъ, что умеръ товарищъ его юношескихъ лѣтъ; то другъ, то врагъ, обманутый обманщикъ! а все же близкій родичъ, не чужой! Плакалъ польскій король, понимая, что его паны уморили Витовта. Онъ прекрасно понималъ цѣли, которыя они преслѣдовали, и то, что забрали они такую волю только потому, что ихъ поддерживаетъ католическій западъ. Вотъ этимъ-то властнымъ магнатамъ, краковскимъ заправиламъ, и вздумалъ насолить Ягайло.

Онъ прекрасно сознавалъ, что они намѣтили Сигизмунда наслѣдникомъ Витовту. Такъ нѣтъ-же, друзья-пріятели, погодите! Вотъ я вамъ поднесу своего великаго князя Литвы и Руси! Будетъ онъ мой другъ, а не вашъ. Будетъ любить мою Литву родную, не дастъ вамъ въ обиду моихъ тихихъ, запуганныхъ любимцевъ.

Вступивъ въ свои права по литовскому престолу, послѣ смерти Витовта, Ягайло, согласно съ желаніемъ русскихъ и литовскихъ вельможъ, послалъ въ Брянскъ, звать въ Вильну своего брата Свидригайла. А послѣ похоронъ, не собравъ польскихъ пановъ, объявилъ его великимъ княземъ. Очень обозлились

краковскіе главари. Свидригайло, вѣдь, удержитъ всѣ литовско-русскія владѣнія по старинѣ. Бросились они въ Вильну къ королю высматривать, выслѣживать, свои дѣла обдѣлывать. А на Подолье, въ Каменецъ послали войско, чтобы отобрать у Литвы это мнимое польское добро.

Узналъ Свидригайло о распоряженіи ясновельможныхъ заправилъ да и напустился на своего брата, только что пообѣщавшаго неприкосновенность великокняжескихъ земель. Ягайло гостилъ тогда еще въ Вильнѣ, охотился въ своихъ любимыхъ пущахъ. Чтобы вѣрнѣе добиться его согласія, младшій Ольгердовичъ припряталъ старшаго брата подъ замокъ и клялся-божился, что не отдастъ Польшѣ ея короля, пока ему не вернутъ Подолію съ Каменцомъ.

Свита Ягайлы пробовала освободить его силой,— убить великаго князя и поставить на своемъ. Но Ягайло пошелъ на мировую съ братомъ. Опять все наобѣщалъ. Торжественно, въ присутствіи всего двора, своихъ и виленскихъ вельможъ, онъ далъ порученіе Тарлу Щекаревичу — летѣть гонцомъ къ Бучацкому, коменданту Каменца, съ приказомъ — «сдавать безъ проволочки замокъ русскому воеводѣ, князю Михаилу Бабѣ». Искренно обрадовалась вся Вильна такой удачѣ своего державца. На радостяхъ самъ онъ не зналъ, какъ достаточно одарить и Тарла и добрѣйшаго брата Ягайла. Съ почетомъ, съ богатѣйшими дарами отпустилъ онъ во-свояси польскаго короля и его приближенныхъ.

Вздохнули всѣ свободно. Вотъ теперь улажены несогласія, распри, ссоры. Покойно заживутъ русско-литовскія земли! А вышло-то совсѣмъ не такъ. Не домекнули малость самъ Свидригайло—да и близкіе

Король Ягайло передаетъ свой приказъ Тарлу. (*Къ стр. 67*).

къ нему русины съ литовцами, что они имѣютъ дѣло съ своими недругами.

Когда король Ягайло торжественно при нихъ отпускалъ Тарла съ порученіемъ передать державный свой приказъ каменецкому коменданту о сдачѣ крѣпости посланцамъ, одинъ изъ королевскихъ приближенныхъ поляковъ чуточку отдѣлился отъ свиты. Смиренно, низкопоклонно обратился онъ къ кому-то изъ сопровождавшихъ Тарла и подалъ ему большую восковую свѣчу.—Униженно просилъ онъ передать ее Бучацкому, чтобы тотъ, «поискавъ свѣту, затеплилъ ее передъ образами, въ домашней своей каплицѣ».

Обычай посылать свѣчи для зажиганія ихъ передъ иконами былъ очень распространенъ на Руси, въ Литвѣ и Польшѣ.

Конечно, никому изъ близкихъ къ Свидригайлу невдомёкъ было, что такой набожный поступокъ причинитъ новыя свары, бѣды, кровопролитія. Свѣча, какъ даръ благочестивый, пришла по назначенію. Поискалъ въ ней свѣту ляхъ Бучацкій да, освѣщенный этимъ свѣтомъ, и отложилъ въ сторону приказъ короля, а Тарла и его спутниковъ связалъ и заключилъ подъ стражу. Такъ было ему повелѣно въ письмѣ, уложенномъ въ восковую свѣчу, не то самимъ королемъ, не то, помимо его, ясновельможными панами.

Поднялся взбѣшенный Свидригайло. Пошелъ на югъ со своими многочисленными полками. Жестокая борьба поднялась тогда въ западной Руси. Свидригайлу помогали рыцари, пользовавшіеся всякимъ случаемъ, чтобы поддержать раздоръ среди сосѣдей и тѣмъ ослаблять и Польшу и Литву.

Польша выставила сильнаго соперника Свидригайлу. Пользуясь его отсутствіемъ, поляки образовали среди литовцевъ—католиковъ партію вельможъ, недовольныхъ Свидригайломъ за особое сочувствіе его къ православнымъ русскимъ подданнымъ. Свидригайло былъ свергнутъ съ литовскаго престола и на мѣсто его избранъ братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ, князь стародубскій, ревностный католикъ. За него были всѣ католики въ Литвѣ и вся Польша; но Малороссія, Смоленскъ и Витебскъ остались вѣрны Свидригайлу (1432). Онъ долго еще тревожилъ Литву, сносясь съ русскими, татарами, волохами и рыцарями, имѣя дѣятельнаго защитника въ Ѳеодорѣ, князѣ острожскомъ.

Черезъ два года умеръ Ягайло, и на престолъ польскій вступилъ сынъ его Владиславъ. Между тѣмъ въ Литвѣ продолжались междоусобія до Вилькомирской битвы (1435), въ которой Свидригайло и союзники его — рыцари — потерпѣли жестокое пораженіе. Но Сигизмундъ недолго наслаждался своимъ торжествомъ: русскіе князья, братья Черторыйскіе составили заговоръ противъ Сигизмунда, и онъ лишенъ былъ жизни. По смерти Сигизмунда, литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайловича, другіе Михаила, сына убитаго Сигизмунда, третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла. Наконецъ, большинствомъ приверженцевъ провозглашенъ былъ великимъ княземъ литовскимъ младшій братъ Владислава — Казимиръ Ягайловичъ (1446).

Свидригайлу пришлось разстаться съ мыслью, когда бы то ни было поднять свое знамя на Литвѣ и, подъ гнетомъ горькой необходимости, ушелъ онъ

за Карпаты, откуда вернулся только около 1444 года и присутствовалъ въ Краковѣ на торжественномъ коронованіи польскаго короля, своего племянника—Казимира Ягайловича, великаго князя Руси и Литвы.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II.
Н. М. Павловъ. Русская исторія съ древнѣйшаго времени. Т. III.
Августъ Коцебу. Свидригайло.
А. Барбашевъ. Витовтъ и его политика.

Месть за гнетъ народный.

1440 г.

СИГИЗМУНДЪ, рьяный католикъ, всю жизнь былъ счастливымъ соперникомъ Свидригайла, до самой смерти этого любимца русскаго народа. Онъ слылъ искреннимъ врагомъ православнаго вѣроученія и настойчиво преслѣдовалъ ненавистную ему народность. Чтобы достичь ея полнаго ослабленія, если не уничтоженія, онъ пользовался всѣми средствами, правдами или неправдами, которыя были въ его рукахъ. Оттягалъ земли у богатыхъ, православныхъ, русскихъ бояръ, надѣляя ими литвиновъ—католиковъ или тѣхъ изъ русскихъ бояръ, которые отрекались отъ вѣры отцевъ. Большія пространства, маетности, или имѣнія, цѣлыя княжества переходили такимъ образомъ въ руки латынянъ. Изъ жадности къ богатству и власти, изъ страсти къ наживѣ, число отступниковъ все прибывало на нашемъ югѣ. Костёлы *) и кляшторы **) выростали, какъ грибы, на прежнихъ чисто русскихъ земляхъ. Попадется православный, по мнѣнію латинянъ, еретикъ, схизматикъ, подъ тяжелую руку сми-

*) Католическія церкви.

**) Католическіе монастыри.

ренныхъ братій доминиканцевъ или францисканцевъ, заслужитъ ихъ нерасположеніе, его и запрутъ подъ тяжелые своды монастырскихъ тайниковъ, за замки вѣковѣчные католическихъ тюремъ. Руководясь совѣтами своихъ друзей, король учредилъ въ русско-литовскомъ, болѣе чѣмъ на половину православномъ государствѣ западную инквизицію (верховный тайный судъ, безъ малѣйшей возможности оправданія,—съ истязаніями и смертной казнью). Во главѣ стоялъ монахъ, братъ Николай изъ Ленчицы. Онъ имѣлъ право привлекать къ отвѣту всякаго, кто, по его мнѣнію, былъ еретикомъ, схизматикомъ, или просто навлекалъ на себя его несправедливый гнѣвъ. Преслѣдовать, карать муками, лишать имущества, свободы, жизни за то только, что не отказывались отъ вѣры отцовъ, считалось совершенно законнымъ. Прирожденные князья, бояре терпѣли ту же участь. Они теряли свои наслѣдственныя имущества, земли, замки, города. Сигизмундъ же передавалъ эти родовыя богатства опальныхъ вельможъ людямъ низкаго происхожденія, лелѣя вполнѣ ошибочную надежду, что несправедливостью купленные приверженцы будутъ ему преданы до гробовой доски.

Тяжелый, по словамъ лѣтописцевъ, даже полякамъ и литовцамъ, Сигизмундъ совершенно оттолкнулъ отъ себя русскихъ. Исторически благодушные, уклончивые, они, наконецъ, вышли изъ терпѣнія. Отчаяніе накипало, зрѣло чувство мести за гоненія и обиды въ средѣ угнетаемаго населенія.

Доступъ къ князю былъ очень труденъ для постороннихъ. Его стража была бдительна, осторожна: съ ней надо было очень считаться. Во главѣ русской партіи стояли два брата, ревностные православные

вальней, тихо служатъ раннюю мшу *). Онъ не выходитъ изъ своихъ покоевъ. Старику не здоровится. Онъ кряхтитъ, вздыхаетъ, молится. Ужъ какъ-то очень тяжело онъ себя чувствуетъ. Душа у него изныла, мучила совѣсть, хотя всѣ свои казни и преступленія онъ совершалъ въ полной увѣренности, что поступаетъ совершенно справедливо, что проливаетъ онъ кровь еретиковъ, схизматиковъ во славу Божію и католической церкви. Его душа болѣла, ныла въ самомъ отдаленномъ ея уголкѣ. Не умолкала отъ укоровъ несговорчивая совѣсть, когда упрямая память воскрешала образы истерзанныхъ жертвъ! До боли сосала сердце пробуждавшаяся правда!

Еще темень кругомъ. Все тихо, лишь близко, за дверью, слышенъ шопотъ молитвы, чувствуется запахъ ѳиміама, виднѣется свѣтъ на алтарѣ. И въ этой-то темной тиши, при молитвенномъ настроеніи, все громче, все тверже стучится неугомонная совѣсть. Слабѣетъ старикъ, тупѣютъ его мысли. Стучится совѣсть у дверей души. Вотъ она точно идетъ, вотъ скребется, все громче! Холодный потъ выступилъ на старческомъ лбу. Ему почудились странные шумы, померещилось, что гдѣ-то кто-то встаетъ, зоветъ его къ отвѣту.—«Да нѣтъ-же! это я вздремнулъ!» И крестясь, и озираясь невольно, берется снова князь за свой оброненный молитвенникъ.

Шумъ же, дѣйствительно, слышался. Какъ будто волны поднимались изъ бездны. Точно вода журчала по замковымъ переходамъ. То шли мстители, карателі за невинно пролитую русскую кровь. Идутъ они требовать отчета у земного владыки, но, при своемъ

*) Католическая обѣдня называется миссою, простой народъ въ Польшѣ зоветъ ее—мша.

рвеніи спасти единовѣрцевъ, они забываютъ, что не о кровавомъ мщеніи, а о прощеніи обидъ проповѣдывалъ міру Кроткій Учитель любви, правды и добра!

Забыто евангельское ученіе. Человѣческіе грѣховные порывы взяли верхъ даже у православныхъ, по природѣ добрыхъ князей. Не одно сѣно привезли наканунѣ къ замковымъ конюшнямъ. Въ саняхъ, подъ сѣномъ были укрыты князья Чарторыйскіе съ своей дружиной. Какъ только ночью опустѣлъ замокъ и дворъ, Скобейко предупредилъ своихъ товарищей: «Пора, идемъ! Насталъ удобный часъ,—вонъ Мишка бродитъ у забора».

Медвѣдя-Мишку—Сигизмундъ очень любилъ. Онъ самъ вспоилъ, вскормилъ, выростилъ его и держалъ при себѣ почти неотлучно. Когда косолапый уходилъ гулять, князь ждалъ его возвращенія и пріучилъ царапаться лапой у входной двери, чтобы предупредить о своемъ возвращеніи. Часто самъ и впускалъ своего любимца. На этотъ разъ онъ, по обычаю, выпустилъ Мишутку. Конечно, Скобейко зналъ всѣ привычки своего господина и объяснилъ ихъ сообщникамъ. Тихошенько, еле слышно, стали они наполнять замокъ, приближаясь къ дверямъ великокняжеской опочивальни. Призывный звонъ церковнаго колокола не расшевелилъ сердецъ мстителей за други своя. Они шли безъ оглядки; не дрогнувъ, собирались поднять мечъ на безоружнаго старика.—«Заперта?» шепотомъ спросилъ князь Иванъ.—«Надо поскрести помедвѣжьи», такъ же тихо отвѣтилъ Скобейко и сталъ скрестись, подражая звѣрю. Поцарапалъ, поцарапалъ, да и остановился, прислушиваясь. За дверью было тихо. Тогда подошелъ Чарторыйскій и сталъ сильнѣе, настойчивѣе царапаться.

Сигизмундъ совсѣмъ очнулся. Обрадовавшись, что живое существо пришло дѣлить съ нимъ одиночество, онъ торопливо подошелъ къ дверямъ и распахнулъ ихъ съ радостнымъ привѣтомъ. Заговорщики стремительно бросились на свою жертву, осыпая его упреками за всѣ обиды, притѣсненія, мученія, чинимыя имъ несчастнымъ его православнымъ подданнымъ.

Въ это время изъ другихъ дверей вбѣжалъ любимый слуга Сигизмунда. Онъ бросился, чтобы своимъ тѣломъ заслонить князя отъ сыпавшихся на него ударовъ, но было уже поздно. Люди согрѣшили. Они отомстили, не помня Божьяго закона: «не мстить, а прощать обиды».

Вѣрнаго слугу связали и выбросили черезъ окно на дворъ, гдѣ онъ до смерти расшибся. Тѣло же князя положили въ сани и отвезли на ледъ среди озера.

Вѣсть о кровавой расправѣ съ великимъ княземъ быстро разнеслась по лицу русско-литовской земли. Михаилъ Сигизмундовичъ, съ перепугу, бѣжалъ въ малый Троскій замокъ. Онъ былъ очень нелюбимъ въ народѣ. Но и у него были сторонники. Они стали шевелиться. Лелюшъ, въ свою очередь, поднялъ бѣлое знамя Свидригайла надъ замкомъ въ старыхъ Трокахъ. Именемъ народнаго любимца его приверженцы торопились дѣлать добро. Освобождали изъ-за тяжелыхъ запоровъ православныхъ страдальцевъ,— жертвы безмѣрной ярости католиковъ. Возвращались священники въ свои приходы. Торжественный звонъ колоколовъ сталъ снова созывать православный людъ подъ сѣнь святыхъ храмовъ—молиться о всѣхъ страдавшихъ въ неволѣ, мучимыхъ за вѣрность молитвѣ родной, родному крестному знаменію

Опять по полямъ и доламъ русской земли, хотя и оторванной отъ восточной ея части, сталъ работать, хозяйничать православный поселянинъ. Бояринъ удѣлялъ свое добро въ помощь единовѣрнымъ худобнымъ людямъ. Богатая юго-западная природа разсыпала свои дары, точно торопилась, какъ можно, скорѣе наградить людей за всѣ грабежи да набѣги, чинимые у нихъ католиками. Бѣда была только въ томъ, что самъ-то любимецъ народный не могъ уже встать во главѣ движенія. Одряхлѣлъ Свидригайло, старый боецъ, ревнитель судебъ православнаго населенія, ослабъ онъ и отъ лѣтъ и отъ житейскихъ невзгодъ! У него ужъ не было силъ двинуться въ Вильну. Онъ не могъ покинуть свой Луцкъ.

Призадумались лучшіе люди Литвы, знатнѣйшіе ея сановники: Гаштольдъ—смоленскій намѣстникъ, Кезгайло—жмудскій, Николай Немировичъ,—староста виленскій, Николай Радзивилъ,—маршалъ литовскій. Отъ Михаила они не ждали добра родинѣ. Старика имъ, видимо, не дождаться. Начнется новая сумятица—междоусобіе. И порѣшили они, съѣхавшись въ Ольшанахъ *), что надо выбрать третье лицо и ему передать бразды правленія русско-литовской земли. Судили, рядили и рѣшили, наконецъ, позвать на княженіе младшаго брата нольскаго короля, юнаго Казимира Ягайловича.

Этотъ выборъ былъ положительно непріятенъ полякамъ. Имъ не хотѣлось видѣть въ Литвѣ хотя бы тѣнь самостоятельности. Слить все въ одно единое, цѣлое, нераздѣльное! Поставить въ Вильнѣ королевскаго намѣстника изъ своей среды! Вотъ чего же-

*) Нынѣ мѣстечко Ошмянскаго уѣзда виленской губерніи.

лали ясновельможные паны! Поставить на своемъ имъ было трудно, такъ какъ ихъ король Владиславъ былъ занятъ кровопролитной войною съ Турціей. Ему было не до Литвы. Польшѣ приходилось подчиняться обстоятельствамъ и дать свое согласіе на выборъ 14-ти лѣтняго Казимира.

Такъ вотъ нѣтъ-же, вывернулись ловкіе паны!— «Пусть его ѣдетъ въ Вильну, нашъ королевичъ!» милостиво соглашались они, «но»... и глубокомысленно прибавляли: «не какъ великій князь Литвы и Руси, а только какъ намѣстникъ своего брата, нашего круля, съ титуломъ князя». Конечно, ему въ помощь поѣдутъ и ближайшіе его пѣстуны, польскіе сенаторы, духовные наставники. Тутъ пришлось смолчать литовцамъ!

Враждебно смотрѣла литовская знать. Хмурились бояре, недовѣрчиво встрѣчалъ народъ и горожане, когда юный Казимиръ, въ сопровожденіи блестящей свиты и тѣлохранителей, торжественно въѣзжалъ въ древнюю Гедиминову твердыню. «Какъ быть? Какъ горю пособить?» ломали себѣ головы литвины, чествуя на славу новаго правителя и его вельможную панскую свиту.

Все давно готово къ торжественному коронованію великаго князя Литвы и Руси, а принимать приходится только намѣстника да еще считаться со всѣми тѣми, кто, конечно, ни за что не разстанется съ нимъ, не перестанетъ пѣстовать его, совѣтовать юному князю. Бѣда одна, да и только! Подъ гнетомъ этихъ черныхъ думъ, блеснула въ умѣ у кого-то изъ старыхъ родовитыхъ литовскихъ бояръ пресчастливая мысль.

Устроили они пиръ роскошнѣй всѣхъ предыдущихъ. Собрали пріѣзжихъ и мѣстныхъ поляковъ, же-

лая чествовать ихъ такъ шумно, блестяще, какъ еще никогда не бывало. Рѣшили ихъ такъ угостить, чтобы помнили до смерти высокомѣрные ляхи, какъ умѣютъ литвины принимать своихъ именитыхъ гостей. Не было числа замысловатымъ снѣдямъ. Не было конца задушевнымъ здравицамъ. Заморское вино лилось рѣкою. Литовскіе меда мутили головы, веселили сердце. Вся ночь пролетѣла въ шумномъ, безпечномъ весельѣ. Яркіе лучи взошедшаго солнца заблестѣли на великолѣпныхъ кубкахъ, чаркахъ, ендовахъ, красовавшихся на боярскомъ столѣ.

Спохватились ляхи, торопливо разбрелись по домамъ, гдѣ съ наслажденіемъ заснули самымъ богатырскимъ сномъ.

Того только и ждали литвины; убѣдившись, что «райцы» *) Казимира теперь имъ помѣшать не въ силахъ, они ударили въ соборный колоколъ. Раздался торжественный призывъ по Гедиминовой столицѣ. Спѣшитъ крещеный людъ. Вся Вильна поднялась. И старъ и малъ стремится поглядѣть на княжеское шествіе въ каѳедральный соборъ.

Собрались всѣ именитые бояре. Юный Казимиръ охотою сѣлъ на великокняжескій столъ. На голову его возложили шапку Гедимина, надѣли на плечи великокняжескую мантію, подали мечъ и единодушно, торжественно присягнули ему, какъ своему выбранному государю, великому князю.

Гудѣли колокола, раздавались въ воздухѣ безконечные радостные возгласы, которыми Литва и Русь привѣтствовали юнаго державца. Веселье народное широкой, радостной волной неслось по улицамъ сто-

*) Совѣтники—отъ слова «рада»—совѣтъ.

лицы. Пробудило оно и сонливыхъ поляковъ. Не понимаютъ, не могутъ, а пожалуй, даже и не хотятъ они понять причины этого восторга. Къ нимъ съ поклонами спѣшатъ литовцы. Имъ подносятъ золото, парчи, камни многоцѣнные. Подарковъ всѣхъ не перечесть. Задаренные, угощенные на славу, паны сумѣли справиться съ своимъ недоумѣніемъ и затаить неумѣстное въ данную минуту недовольство. Они почтительно принесли вѣнчанному князю свои поклоны, поздравленія, пожеланія долгаго, счастливаго и мирнаго правленія, 3 іюля 1440 года, и удалились изъ Вильны и Литвы въ Польское королевство.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II.
С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
Васильевскій. Очеркъ исторіи города Вильны.

Кіевъ 30 августа 1481 года.

НОЯБРЬ на дворѣ. Чуть-чуть подморозило. Осеннее солнышко, по старой памяти, оглянулось на землю и даритъ ей одну изъ своихъ послѣднихъ прощальныхъ улыбокъ. Литовскія пущи подъ Троками оживились веселыми звуками охотничьихъ роговъ, лаемъ собакъ да гиканьемъ доѣзжачихъ. Вся многочисленная великокняжеская охота собирается отдохнуть на полянѣ, окруженной вѣковыми соснами и елями. Темный боръ стоитъ—не шелохнется, какъ бы оберегая своего державнаго гостя. Еще очень юный, красивый, ловкій Казимиръ Ягайловичъ только что соскочилъ съ замореннаго коня и разлегся на мягкія подушки, покрытыя медвѣжьими шкурами и пушистыми пестрыми коврами. Ихъ въ изобиліи возятъ татары, наши тогдашніе мучители, грабители, продавая въ Вильнѣ ту добычу, которую забираютъ въ Персіи, на Кавказѣ, въ Венгріи и Греціи.

Вокругъ Казимира собрались его бояре. Нарядные рослые, стройные, какъ дубы, соколами смотрѣли они рядомъ съ неуклюжими, неказистыми челядинцами.

Мраченъ видъ сосенъ, загадочна темнота, выглядывающая изъ-за густыхъ, сросшихся кустовъ. Къ нимъ ближе разложены костры, трещатъ дрова, на яркомъ пламени готовятъ охотничій обѣдъ. Слуги шныряютъ

хлопотливо, стараясь угодить юному державцу. Конюхи поодаль проводятъ усталыхъ скакуновъ. Псари и голосомъ и плеткой унимаютъ собакъ. Въ кустахъ совсѣмъ далеко прячется, лежа и сидя въ безпорядкѣ, темная группа загонщиковъ. Плохо одѣты, чуть не босы, безъ шапокъ, съ взбитыми отъ колтуна волосами, они любопытно разсматриваютъ оживленную поляну. Весело блестятъ ихъ узенькіе глаза, разглядывая и своры собакъ, и костры, отъ которыхъ струится пріятный запахъ вкусной пищи, и бояръ, и самого князя. Не громко, живо, дѣлятся они другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Въ сравненіи съ ними особенно странными кажутся озабоченныя лица нарядныхъ охотниковъ.

Тамъ, около князя, сѣлъ его ближайшій, лучшій совѣтникъ, бывшій пѣстунъ, виленскій воевода Гаштольдъ, за нимъ по чинамъ, по возрасту усѣлись остальные. Самъ Казимиръ очень задумчивъ. Его голубые глаза мечтательно оглядываютъ пространство. Впереди, въ широкой просѣкѣ виднѣется безконечная даль. Веселенькая рѣчка, сбросивъ оковы ночного мороза, шурша убѣгала изъ глазъ. Весело блестѣло солнышко въ ея веселыхъ, не глубокихъ струйкахъ. Видимо, нравилась князю эта милая немудреная картина. Онъ уже полюбилъ Литву, привыкъ къ ея обычаямъ, языку. Страстно привязанъ къ охотѣ въ этихъ, дѣйствительно, ни съ чѣмъ не сравнимыхъ пущахъ. Отчего-же теперь такъ грустно смотрятъ его молодые глаза? Чего не достаетъ юному державцу?

Да и кругомъ его остальные охотники отчего такъ загрустили? Охота, кажется, удалась на славу. Что гнететъ духъ этихъ сытыхъ, богатыхъ баръ? Чѣмъ

озабоченъ Казимиръ? Что говоритъ въ утѣшеніе ему мудрый Гаштольдъ?

— «Не кручинься, милостивый нашъ государь! Мало-ли бываетъ слуховъ? Тѣла державнаго Владислава еще не нашли, значитъ, о преемствѣ не должно быть и рѣчи.» — «До похоронъ какая же можетъ быть присяга?» отозвался боярinъ Чупъ, сидѣвшій подальше.

— «Слыхать, венгры уже выбрали себѣ круля», проговорилъ кто-то. Гаштольдъ сердито блеснулъ глазами. Казимиръ повернулся и тихо проговорилъ: «Спросить бы посланца, кто видѣлъ, какъ убили брата?»—Явился ляхъ, усталый, въ разорванномъ кунтушѣ, очень запыленный. Его принялись разспрашивать и, какъ ни старались, точныхъ указаній не могли дознаться. Послѣ кровопролитнаго боя подъ Варной, гдѣ Владиславъ отважно бился во главѣ своихъ полковъ, турки все же одолѣли и на голову разбили поляковъ. Храбрецы должны были бѣжать и въ общей сумятицѣ уже не видѣли своего вѣнценоснаго вождя.

Еще болѣе загрустилъ Казимиръ. Онъ, такъ пристрастившійся къ охотѣ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ управлять Литвою, даже и ее теперь позабылъ. На вопросъ ловчаго, — можно ли подниматься? — только рукой махнулъ и, обращаясь къ воеводѣ, сталъ энергично доказывать свое нежеланіе покидать Вильну. Свободно говорилъ юноша на литовскомъ языкѣ, тогда употреблявшемся только народомъ,—такъ какъ правительственнымъ языкомъ былъ русскій, паны-же изъ поляковъ говорили по-польски.

Онъ доказывалъ всѣ неудобства жизни въ Краковѣ, гдѣ привыкли властвовать королева-мать и кардиналъ Збигнѣвъ Олесницкій. Гаштольдъ самъ хотѣлъ бы удержать своего державнаго питомца на

Литвѣ. Разъ Венгрія, дѣйствительно, выберетъ себѣ собственнаго короля, то маленькой Польшѣ, пожалуй, не справиться съ обширнымъ Литовско-Русскимъ государствомъ.

Озабоченно возвращались въ Троки Казиміръ и Гаштольдъ. Забыта охота, покинуты любимыя пущи. Затихла, заглохла поляна, еще такъ недавно полная жизни, движенья, хлопотливой веселости. Ноябрьское солнышко стало медленно затягиваться сѣрою мглою. Осенніе сумерки сгущались, забирая верхъ надъ яркимъ свѣтиломъ. Вся природа тускнѣла, хмурилась, грустила, точно понимая, что надвигается тяжелая непроглядная темень, что надолго заглохнетъ самобытность бѣдной Литвы.

Казиміръ очень не хотѣлъ соглашаться на просьбы своихъ избирателей. Попасть подъ гнетъ духовныхъ и свѣтскихъ высшихъ сановниковъ и шляхты Польскаго королевства послѣ литовской свободы, простора, безыскусственности, право же, было тяжело. Года два (1444—1446) настойчиво отказывался юный правнукъ Гедимина отъ чести носить «коруну Пястовъ». На Петроковскомъ сеймѣ въ 1446 г., послы Казимировы, русскіе князья, объявили панамъ прямой отказъ своего князя наслѣдовать брату на польскомъ престолѣ. Второе посольство поляковъ также не имѣло успѣха. Когда же узнали, что на сеймѣ идетъ рѣчь о выборѣ въ короли мазовецкаго князя Болеслава, Казимиру пришлось уступить панамъ.

Въ концѣ концовъ, на горе себѣ, особенно же Руси православной, онъ долженъ былъ короноваться въ Краковѣ 26 іюня 1447 г. По вступленіи на престолъ, Казиміръ цѣлыя шесть лѣтъ не подтверждалъ привилегій польской шляхты, единственно потому, что

она домогалась отъ него такой присяги, которая была противна данной уже имъ Литвѣ. Поляки на каждомъ сеймѣ возобновляли свои домогательства и притомъ требовали тѣснаго соединенія съ Литвою; литвины, напротивъ, увлекаемые чувствомъ народнаго самолюбія, изъявляли явное намѣреніе разорвать союзъ, боясь, чтобы, «имя и слава ихъ не погибли, а Литва не обратилась бы въ Польшу».

Въ угожденіе Литвѣ, Казимиръ присоединилъ къ ней Луцкое княжество, упраздненное смертью Свидригайла (1452); но когда поляки начали грозить войною, и литвины, разссорясь съ ними на Парчовскомъ сеймѣ, возвратили гербы, данные Ягайломъ, Казимиръ рѣшился подписать привилегіи польской шляхты (1453 г.), тѣмъ болѣе, что при волненіяхъ въ Пруссіи представился случай исполнить домогательство шляхты насчетъ возвращенія утраченныхъ областей. Скрѣпивъ своею подписью всѣ сдѣланныя обѣщанія, Казимиръ, съ облегченнымъ сердцемъ поторопился снова уѣхать въ любимую Литву охотиться въ ея сказочныхъ пущахъ.

При такомъ порядкѣ вещей въ Польско-Литовскомъ государствѣ, понятно, не могло быть и рѣчи о покоѣ, мирѣ, добромъ единеніи всѣхъ разновѣрныхъ и разноплеменныхъ подданныхъ Казимира. Образовались партіи: во главѣ русской, православной стоялъ кіевскій князь—намѣстникъ Симеонъ Александровичъ Ольшанскій. Цѣлый рядъ его предмѣстниковъ на кіевскомъ столѣ—Владиміръ Ольгердовичъ, Скиргайло, Александръ или Олелько Владиміровичъ—и самъ онъ, несмотря на всѣ невзгоды и частые татарскіе погромы, заботились, какъ ангелы-хранители, о возможномъ охраненіи древней русской святыни. Симеонъ

Князь Симеонъ Олельковичъ Ольшанскій. *(Къ стр. 85).*

особенно горячо потрудился надъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ кіевлянъ. Онъ отлично понималъ, что надо утвердить въ народѣ стойкость въ вопросахъ вѣры, расширить его умственный кругозоръ, и потому усердно строилъ школы, усердно и дѣятельно поддерживалъ духовенство въ его трудахъ и стараніяхъ сѣять животворныя сѣмена евангельскаго ученія среди темнаго, загнаннаго люда. Съ большимъ стараніемъ возвращалъ къ жизни святыя обители, любимое прибѣжище горемычнаго православнаго народа. Особенно много положилъ Симеонъ заботъ и стараній на то, чтобы поднять изъ пепла разоренную до тла Кіево-Печерскую Лавру. Зная, какое огромное значеніе имѣетъ она для всего русскаго міра, онъ «украсилъ ее иконнымъ писаніемъ, обогатилъ златомъ и сребромъ и сосуды церковными». Это былъ послѣдній подвигъ послѣдняго русскаго удѣльнаго князя Кіевской области.

Въ 1470 г. кончена была постройка Успенской церкви, а въ 1471,—подъ ея сводами,—погребенъ «умершій по-христіански, Симеонъ Александровичъ (Олельковичъ), наслѣдственный панъ земли кіевской». Такъ значилось въ подписи, вырѣзанной на гробницѣ князя Ольшанскаго. Онъ былъ уже только пожизненнымъ правителемъ Кіева. Казимиръ, не терпѣвшій родъ Олельковичей, не допускалъ и мысли о наслѣдственности ихъ правъ. Послѣ смерти Симеона, чтобы показать, какъ можно, больше пренебреженія къ старой православной столицѣ, онъ назначилъ въ Кіевъ воеводою Мартына Яновича Гаштольда, католика. Взволновались кіевляне, обидѣлись, «яко не токмо не князь бѣ, но болѣе, яко ляхъ бѣ».

Они отправили къ польскому королю посольство,

моля себѣ князя православнаго. Конечно, объ этомъ и думать не хотѣли ясновельможные заправилы Польско-Литовскаго государства. Въ отвѣтъ Казимиръ послалъ съ Гаштольдомъ вооруженную силу! Кіевляне заперлись за своими вѣковѣчными стѣнами. Городъ пришлось взять приступомъ. Противъ воли народной, силою оружія, водворился воевода польскаго короля въ древней столицѣ Олега, «матери городовъ русскихъ» и занялъ своимъ отрядомъ литовскій замокъ. Этимъ поступкомъ Казимиръ и его польская рада, конечно, не достигли цѣли. Значеніе Кіева еще не было вполнѣ стерто съ лица южно-русской земли. Князь Михаилъ Олельковичъ, проживая въ доставшемся ему Копылѣ, глубоко чувствовалъ обиду, нанесенную его роду. Подъ его знаменами сплочивались мелкіе, захудалые княжескіе роды, у которыхъ всѣми правдами и неправдами отнимали послѣдніе клочки ихъ наслѣдственныхъ земель.

Неудовольствіе росло, зрѣло! За князей стоялъ народъ. Ихъ сплочивало единство вѣры, преслѣдованіе родного православія. Разросся обширный заговоръ. Душой его, кромѣ князей Михаила Олельковича Копыльскаго и Ѳеодора Ивановича Бѣльскаго, были князья Ольшанскіе. Хотѣли они или плѣнить Казимира и высвободить Литву со всѣми русскими православными землями изъ подъ гнета Польши, или же просто отойти со всею южною Русью къ единовѣрному родичу, великому князю московскому, подъ его, тогда уже окрѣпшую, державу. Значитъ, они задумали вернуть въ прежнее русло русскую народную рѣку, сплотить распавшуюся Кіевскую и Московскую Русь.

Въ 1481 году было рѣшено привести въ исполненіе доброе намѣреніе. На блестящую свадьбу князя

Ѳеодора Бѣльскаго съ дочерью князя Александра Чарторыйскаго пригласили заговорщики и короля Казимира. Предполагали, лишивъ его свободы, добиться желаемыхъ благъ родному народу, родной землѣ. Еще день, и все должно было уладиться! На горе, враги русской народности догадались, заговоръ раскрылся, великое доброе дѣло пропало. Нашелся измѣнникъ, перебѣжчикъ, который донесъ полякамъ о намѣреніи князей плѣнить короля. Схватили слугъ Бѣльскаго и, конечно, стали неистово пытать. Тѣ, отъ страшныхъ страданій, выдали своего господина. Во время предупрежденный, князь ночью, полуодѣтый, успѣлъ вскочить на коня и умчался за московскую границу. Михаилъ же Олельковичъ и князь Ольшанскій были заключены въ тайники кіевскаго замка. Съ большими предосторожностями, въ глубокой тайнѣ, вели надъ ними судъ неправедный. Народъ ничего не зналъ о томъ, что творится надъ его любимыми князьями. Все было скрыто.

30 августа 1481 года, съ ранняго утра, когда благочестивые жители, по удару церковнаго колокола, стали направляться изъ верхняго Кіева на Подолъ, въ храмъ Божій къ ранней обѣднѣ, ихъ глазамъ прямо противъ воротъ литовскаго замка предстало что-то странное, необычное.—«Господь Милосердый! Мать Пресвятая Богородица! Никакъ что приключилось? Что тамъ высится къ ясному небу, такое темное, непонятное?»—А то были столбы черные и на нихъ укрѣпленный помостъ; когда православный людъ добѣжалъ до него, увидѣлъ ужъ только обезглавленныя тѣла, до-свѣту казненныхъ страдальцевъ за вѣру родную. Плачъ раздался по всему древнему Кіеву. Застонала Русь православная. Завопила горько, от-

чаянно! Пораженные ужасомъ, жители видѣли, какъ невинная кровь лилась по помосту и по ступенямъ, заливая родную землю, которую страстотерпцы отстаивали отъ хищническихъ захватовъ еретиковъ-католиковъ.

Убиты князья русскіе. Изъ нихъ Михаилъ былъ прирожденнымъ державцемъ кіевской земли. Любилъ ее, печалился о бѣдномъ людѣ, какъ и братъ его, покойный князь Симеонъ. Болѣлъ скорбями угнетеннаго народа, жилъ его жизнью, понималъ, облегчалъ, какъ только могъ, его тяготы и страданія. Приговоръ былъ подписанъ польскимъ королемъ. Боясь народнаго вмѣшательства, паны торопливо привели его въ исполненіе еще до зари. Погибъ отъ руки палача русскій князь Михаилъ Олельковичъ, правнукъ—по отцу—Великаго Ольгерда, по матери же, русской княжнѣ Анастасіи Васильевнѣ, дочери Василья Дмитріевича,—двоюродный братъ московскаго великаго князя Іоанна III Васильевича.

ИСТОЧНИКИ:

В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Руси.
Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. II.
Ѳ. Ив. Р. Иллюстрированная народная исторія Руси.
Генрихъ Шмиттъ. Исторія польскаго народа.

Москва заговорила.

ЗАДУМЧИВЫЙ, склонивъ голову на сложенныя руки, сидѣлъ въ роскошныхъ покояхъ Трокскаго замка вновь избранный великій князь Александръ Казимировичъ. Еще нѣтъ и года, какъ русскіе люди, князья Глинскіе, Слуцкіе, Гальшанскіе, Мстиславскіе, Гедройцы, пользуясь обстоятельствами и опираясь на собственныя силы родной Литвы, рѣшили, послѣ смерти польскаго короля Казимира IV, выбрать своимъ великимъ княземъ его третьяго сына, Александра. Въ Краковѣ сидѣлъ на престолѣ старшій сынъ Казимира, Янъ Альбрехтъ, что дѣлало вполнѣ удобнымъ сохранить независимость Литвы отъ опеки вельможныхъ польскихъ пановъ.

По душѣ пришелся литвинамъ новый державецъ. Добрый, мягкосердый, онъ искренно желалъ счастья, мира, покоя своимъ подданнымъ.—«Не могу понять», съ сердцемъ повторялъ онъ, разводя руками, «въ толкъ взять не могу, чего это наши князья надумали? Съ семьями, маетностями *), людьми и всѣмъ добромъ перебираются въ эту далекую Москву. Я же не преслѣдую схизматиковъ? Оставляю въ цѣлости ихъ храмы?

*) Имѣнье, имущество.

Не обижаю духовенства?›—«Такъ это же ты такъ поступаешь, княже. А давно ли ты на престолѣ?» внушительно возражалъ его любимый собесѣдникъ, православный князь Хребтовичъ. «Что же дѣялось до тебя, когда владыкою была польская рада? Да и теперь: вонъ виленскій епископъ—умный, честный, а не хочетъ понять нуждъ, желаній твоихъ православныхъ подданныхъ. Ревностный слуга Рима, онъ видитъ счастье литовско-русскихъ земель въ ихъ сліяніи съ Польшей. Чужда ему кроткая, незлобивая православная Церковь. Жестокая, немилосердая, но католическая Польша, не разбирающая средствъ, никогда не останавливающаяся передъ преступленіемъ,—ему понятнѣе. Покорно страдаетъ русскій народъ, твои православные подданные. Понятно, что князья болѣютъ за него,—ищутъ ему облегченія. Москва же не дремлетъ. Чу, она ужъ поднимаетъ голову. Ея орлиный взглядъ обращенъ на западныхъ своихъ единовѣрцевъ»... Глазъ не сводилъ Александръ съ краснорѣчиваго собесѣдника. Живая, образная рѣчь Ходкевича будила его душу, шевелила сердце, кровь.—«Какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы московскій державецъ изъ врага сдѣлался моимъ другомъ?» живо заговорилъ онъ. «Вмѣстѣ стали бы мы пещись о нашихъ одноплеменныхъ подданныхъ. Вмѣстѣ и враговъ бы отражали. Обоюдная дружба придала бы нашимъ народамъ крѣпость, миръ, богатство». Призадумался Хребтовичъ...

— Ну, а если бы половчѣе приняться попробовать, разузнать», сталъ онъ говорить, растягивая слова, всматриваясь пытливо въ глаза князю. Тотъ такъ и впился въ него любопытнымъ взоромъ.—«Что разузнать-то?» торопилъ онъ.—«Князь ты нашъ преслав-

ный! въ Москву ѣдутъ послы съ вѣрящей грамотой о смерти твоего родителя и о твоемъ восшествіи на литовскій престолъ. Пусть они, подъ рукой, у думныхъ бояръ московскихъ, своихъ друзей-пріятелей, поразузнаютъ, какъ будетъ принято ихъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ твое сватовство къ одной изъ его дочерей. Слыхать, цезарь присылалъ рыцаря Поппеля въ Москву, сватать одну изъ великихъ княженъ за своего сына, короля римскаго. А другая— пусть будетъ твоею супругою». Ласково, внушительно говорилъ Хребтовичъ. Отрадныя думы тѣснились въ его добромъ русскомъ умѣ. Ему такъ и казалось, что, при теплой отзывчивости главы государства, можно впрямь надѣяться въ будущемъ на все хорошее, счастливое для родины.

— «Какъ радуется душа твоего преданнаго слуги, княже нашъ великій!» послышался голосъ изъ за дверей. На порогѣ стоялъ видный, еще молодой, епископъ виленскій Войтѣхъ Таборъ. Его умные, блестящіе глаза, высокій, ясный лобъ и крѣпко сжатыя губы показывали человѣка желѣзной воли, твердаго нрава и большого ума. Онъ уже давно рѣшилъ самъ съ собой вопросъ о необходимости удалить отъ Александра его православныхъ друзей, а тутъ, какъ на зло, опять стоитъ одинъ изъ нихъ, чуть ли не опаснѣйшій. Но бровью не повелъ—выдержанный царедворецъ. Съ прежней ласковостью продолжалъ онъ начатую рѣчь: «Читая довольство на твоемъ свѣтломъ челѣ, тяжело сообщать о горѣ, постигшемъ Литву».—«Горе?» испугался князь. Въ глазахъ Хребтовича блеснуло безпокойное удивленіе.—«Да, горе и большое. Изъ подъстѣнъ Смоленска спѣшно примчался гонецъ. Москва идетъ на наши порубежные города. Вотъ, что значитъ

отдѣленіе отъ Польши! Насъ однихъ, безпомощныхъ, собрался обидѣть строптивый сосѣдъ». И слышалась язвительная злоба въ голосѣ епископа.

Хребтовичъ не выдержалъ. Онъ забылъ обычное поклоненіе уму говорившаго. Не могъ даже дождаться, что скажетъ князь. Заговорило въ немъ негодованіе.— «Да развѣ только теперь, послѣ нашего отдѣленія, зашевелились на Руси? Какъ только начали сплачиваться слабые державцы вокругъ окрѣпнувшей Москвы,—она стала зорко слѣдить за судьбою своихъ единовѣрцевъ на западномъ рубежѣ. И народъ и князья изъ дома Мономаха твердо помнятъ, что ихъ ближніе предки владѣли и Кіевомъ, и Смоленскомъ, и Черниговомъ! Помнятъ, что въ Галичѣ, на Волыни и Подолѣ властвовали ихъ кровные родичи. Великій Витовтъ прекрасно понималъ, куда мѣтитъ Москва! онъ предвидѣлъ ея мощь, оттого и выдалъ свою дочь за русскаго великаго князя». У Александра заискрились глаза. Нравилась ему несдержанность любимца.— Дѣйствительно, много надо было храбрости, чтобы возразить всевластному, недоброму Войтѣху.

Грозно сверкнули его черныя очи. Злая улыбка заиграла на тонкихъ губахъ.—«Такъ, можетъ, и теперь князь Хребтовичъ найдетъ возможнымъ говорить о сватовствѣ христіаннѣйшаго нашего господина—князя съ схизматичкою, дочерью враждебнаго намъ народа, предки которой всегда отвергали миролюбивыя предложенія о сліяніи съ Римомъ и о дружбѣ со святѣйшими владыками католическаго міра?»—«Развѣ то, къ чему стремится цезарь, не можетъ пригодиться для великаго литовскаго державца?» настойчиво продолжалъ Хребтовичъ. Войтѣхъ опѣшилъ. Онъ не зналъ о сватовствѣ Максимиліана.—«Вотъ куда шагаетъ

православная Москва?!» мучительно отозвалось въ его католической душѣ. Александръ поддержалъ князя.— «Максимиліанъ хотѣлъ женить своего сына на одной сестрѣ, отчего же мнѣ не жениться на другой?» Крѣпко не хотѣлось сдаваться епископу, да пришлось уступить. Опасно было еще болѣе раздражать Александра.

И поѣхало въ Московію литовское посольство; повезло грамоту о вступленіи на престолъ великаго князя Александра Казимировича и осторожно, съ опаскою, какъ бы не умалить значенія своей родины, стало развѣдывать у друзей—пріятелей, русскихъ бояръ, какъ приметъ ихъ великій державецъ сватовство сосѣда. Въ свою очередь, и въ Москвѣ насторожились.—Значитъ, уже понимаютъ на западной окраинѣ, что Москва окрѣпла настолько, что съ нею надо считаться даже сильной Литвѣ. Столь важное дѣло требовало осторожности. Не входя въ многоглаголивыя толкованія, посламъ изъ Вильны съ большою ласкою, но очень твердо дали понять, что надо прежде утвердить искренній вѣчный миръ между сосѣдями;—онъ же возможенъ только въ томъ случаѣ, если Литва удержится отъ лишнихъ рѣчей, ни на чемъ не основанныхъ требованій, и если, наконецъ, утвердитъ за Москвою вновь отнятыя ею у Литвы земли. Ну, а потомъ можно будетъ говорить и о свадебныхъ узахъ между обоими царственными домами.

Задумался Войтѣхъ. Не ждалъ, не гадалъ такого отвѣта. Какъ Москва-то заговорила! Вотъ напасть! Значитъ, она вправду чувствуетъ свою силу. Значитъ, крѣпка ея дружба съ татариномъ Менгли-Гиреемъ. Недавніе угнетатели сдѣлались вѣрнѣйшими союзниками. Новгородъ и Псковъ, вѣчные крамольники,

вольнолюбцы.—и тѣ стихаютъ передъ грознымъ самодержцемъ. Мы къ ней ѣдемъ съ привѣтомъ, съ сватовствомъ, а намъ на словахъ подносятъ условія, совѣты. А на дѣлѣ такъ и еще хуже: войска, подъ предводительствомъ князя Даніила Васильевича Щени и другихъ воеводъ, побѣдоносно идутъ по нашей восточной окраинѣ. Безъ большихъ потерь взяли они Вязьму, Дорогобужъ, Мценскъ, Серпѣйскъ, Любутскъ, Мезецкъ и Хлѣпень! Жители нисколько не помогали отчаянно бившимся литовскимъ войскамъ. Остатки храбрецовъ, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ, княземъ Михаиломъ Вяземскимъ, взяты въ плѣнъ, закованы и, какъ слышно, заперты подъ тяжелые запоры. Въ полномъ отчаяніи пришелъ Войтѣхъ передавать горькія вѣсти своему великому князю. Александръ Казимировичъ схватился за голову.—«Что дѣлать? Надо кликнуть кличъ князьямъ Мезецкимъ, Бѣльскимъ, Верейскому Василію Дмитріевичу, чтобы вооружались, укрѣпляли свои города, твердой ногой встрѣчали врага»!

— «Бѣда въ томъ, княже великій, что ни одинъ не послушается». — «А Верейскій? Онъ же изгнанъ Іоанномъ?»—«Къ нему писалъ самъ княжичъ Василій Іоанновичъ отъ имени родителя, звалъ его опять на родину. Прощалъ ему его нелюбье. Бѣльскіе же съ Мезецкими и многими другими князьками передаются Москвѣ со всѣми своими маетностями, людьми и безчисленнымъ добромъ». Литовскій державецъ все болѣе волновался.—«Надо скорѣе брату писать, чтобы и онъ поднимался за насъ».—«Ему не съ руки. Татары держатъ весь югъ на чеку, благодаря дружбѣ съ московскимъ державцемъ», досадливо докладывалъ епископъ. Его прервалъ все тотъ же, ему ненавистный

схизматикъ Хребтовичъ. Держа въ рукахъ пакетъ, онъ порывисто вошелъ къ князю и съ радостнымъ лицомъ возвѣстилъ: «Письмо изъ Кракова, великій государь!»—«Вотъ сердце сердцу вѣсть даетъ. Только что говорили съ его свѣтлостью о настоятельной потребности снестись съ Яномъ, а онъ и самъ пишетъ»!

Братья любили другъ друга и часто сносились, несмотря на вѣчную вражду ихъ рáдныхъ пановъ.— «Вотъ новость! Послушайте оба!» заговорилъ великій князь. — «Варшавскій намѣстникъ Подося отъѣхалъ на Москву съ предложеніемъ отъ Конрада Мазовецкаго, выдать за него одну изъ дочерей Іоанна Васильевича».— Ничего не могло быть непріятнѣе Табóру. Александръ смотрѣлъ на него вопросительно, дожидаясь отвѣта.—«Торопи, князь, свое посольство!» опять, не дожидаясь старшаго, заволновался Хребтовичъ. «Пусть будетъ оно знатнѣе всѣхъ. Пусть повезетъ больше даровъ думнымъ московскимъ боярамъ».—«Не поступаться же мнѣ Литовскими землями?» — «Кто говоритъ о поступленіи! Іоаннъ, а главное его супруга, греческая царевна Софія, сильно любитъ свое дитя. Надо привлечь ихъ на свою сторону. Черезъ дочь и они оба будутъ твоими друзьями. Защищать Литву, а не нападать на нее будетъ тесть великій, и отдохнетъ наша земля, какъ это было при дѣдѣ Іоанна, великомъ князѣ московскомъ Василіи Дмитріевичѣ, женатомъ на дочери нашего великаго Витовта». Епископъ сидѣлъ сумрачный, недовольно вслушивался въ убѣдительную рѣчь Хребтовича.—«Смотри, князь литовскій, не надѣвай на себя неудобь-носимыхъ оковъ! Схизматичка на престолѣ не будетъ любима, народомъ. Тутъ ужъ и Александръ и Хребтовичъ въ одинъ го-

лось стали доказывать, что желаютъ добра именно народу православному, и выборъ княжеской невѣсты изъ семьи московскаго державца будетъ по душѣ, по сердцу, именно этому народу.

Въ январѣ 1494 года, рѣшили послать великое посольство во главѣ съ Трокскимъ воеводою Петромъ Яновичемъ Бѣлымъ и старостою Жмудскимъ Станиславомъ Яновичемъ Гостольдомъ. Поѣхали именитые литовскіе люди сватать дочь великаго князя московскаго Іоанна III Васильевича, княжну Елену Іоанновну, за своего великаго князя Александра Казимировича и заключать миръ между обѣими сосѣдними державами. Но московскіе дьяки, во исполненіе княжескихъ указаній, очень ловко переставили вопросы. Они сначала повели рѣчь о мирѣ. Обстоятельно разъяснили посланцамъ изъ Вильны, что рѣчь идетъ не объ уступкѣ ими земель Россіи, а только о возвратѣ исконныхъ русскихъ земель въ ихъ природныя границы. Наконецъ, договорились до мирнаго соглашенія, вполнѣ выгоднаго Москвѣ и равносильно тяжелаго Литвѣ. Для успокоенія, имъ оставляли Мценскъ, Брянскъ, Серпѣйскъ. Зато удерживали уже безповоротно, когда-то Ольгердомъ и Витовтомъ завоеванныя, земли: половину теперешней смоленской губерніи, часть калужской, могилевской, сѣверную половину орловской и черниговской.

Несмотря на кажущееся незнаніе географіи, московскіе дьяки провели границу такъ искусно, что завоеванныя земли входили острымъ клиномъ вглубь Бѣлоруссіи. Это, впослѣдствіи, очень облегчило Москвѣ ея военныя дѣйствія. Только Кіевъ пока оставался какъ бы въ плѣну. Его еще не требовалъ великій князь, но и то только подъ условіемъ, чтобы литовскій со-

сѣдъ призналъ за Іоанномъ титулъ: «Государя всея Руси». Весь январь 1494 г. послы вели переговоры. Москва съ Литвою торговались. Первая собиралась съ силами, чтобы закрѣпить за собою растерянныя удѣльными князьями русскія родовыя земли, вторая не хотѣла разставаться съ отвоеванными богатыми, населенными пространствами. Наконецъ, литовскіе послы, именемъ своего князя, присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира, а нашъ державецъ цѣловалъ крестъ на томъ, что не нарушитъ договора, не измѣнитъ дружбѣ съ сосѣдомъ.

Въ дѣлѣ о сватовствѣ Іоаннъ Васильевичъ далъ свое согласіе подъ условіемъ, что его дочь будетъ вполнѣ свободно исповѣдывать православную вѣру, что она будетъ окружена родными московскими боярами, будетъ имѣть свою церковь во дворцѣ, вольна носить одежду русскаго покроя и сохранять, въ частной жизни, порядки и привычки родины.

Въ блестящемъ теремѣ московской великой княгини Софіи Ѳоминишны, дочери греческихъ императоровъ, собралось русское именитое боярство. Духовенство и князья размѣстились по родамъ, въ порядкѣ, установленномъ сѣдою стариною. На почетномъ мѣстѣ стояли литовскіе послы: трокскій воевода Петръ Яновичъ Бѣлый и жмудскій Станиславъ Гастольдъ. Обоюдно преусердно старались и гости и хозяева перещеголять, удивить другъ друга роскошью нарядовъ, богатствомъ, блескомъ даровъ.

Славная дочь Палеологовъ перенесла на нашу почву много византійскаго изящества, вкуса, пышности. Когда ее оповѣстили, что всѣ собрались на торжество, двери внутреннихъ покоевъ распахнулись, и передъ очарованною знатною толпой появилась наша

блестящая великая княгиня во всемъ величіи своего высокаго сана и рядомъ съ нею ея красавица дочь. Статная высокая Елена Іоанновна была обворожительно хороша. Чарующая прелесть ея черныхъ глазъ, великолѣпные волосы, обаятельная улыбка, чудный цвѣтъ лица, вся ея изящная благородная внѣшность положительно поразили литвиновъ. Искренно склонили передъ русскою царственною красавицею свои сѣдыя головы послы державнаго сосѣда, принося къ ея ногамъ руку и сердце своего великаго князя. Любуясь ея красотою, они сравнивали ее съ ангеломъ въ человѣческомъ образѣ. Державная мать, съ необычайнымъ достоинствомъ, унаслѣдованнымъ отъ византійскихъ царей, отвѣчала на ихъ привѣтственныя рѣчи. Прелестная дочь, съ обворожительной улыбкой, спросила о здоровьи будущаго супруга, «если на то будетъ Божіе благословеніе».

Тутъ, въ присутствіи всего русскаго двора и литовскихъ пословъ, былъ совершенъ обрядъ обрученія. Мѣсто жениха заступалъ Станиславъ Гастольдъ, а не старшій посолъ, потомучто онъ былъ женатъ во второй разъ и, по принятому обычаю, не могъ выполнить этого высокаго порученія. Обмѣнялись драгоцѣнными перстнями и крестами изящной работы, осыпанными жемчугомъ и самоцвѣтными камнями на золотыхъ цѣпяхъ. Литовскіе послы передали подарки своего державца. Наши же бояре подносили имъ многочисленные дары отъ невѣсты жениху, которые могли наглядно свидѣтельствовать о несмѣтныхъ богатствахъ и щедрости великаго князя московскаго, государя всея Руси.

Великій князь пожелалъ видѣть портретъ своего будущаго зятя. Когда его спѣшно принесли, держав-

ные хозяева и именитые гости съ большимъ вниманіемъ разсматривали черты Александра Казимировича. Отъ него будетъ зависѣть судьба любимой великой княжны, и не одно, конечно, сердце сжалось тревожно и больно, разсматривая черты пригожаго литвина *).

— «Настоящій королевичъ польскій», замѣтилъ Иванъ Васильевичъ. «Пусть же нарисованный останется у меня въ покояхъ, а тебѣ, дочь моя Елена, живой великій князь литовскій на всю жизнь милымъ другомъ будетъ». Съ этими словами онъ благословилъ княжну, послы ударили челами и цѣловали руку у родителей и невѣсты.

Три раза обѣдали послы у самого государя. Отпуская ихъ, онъ еще разъ подтвердилъ свою волю. «Петръ и Станиславъ! Божіею милостію, мы утвердили дружбу съ зятемъ и братомъ нашимъ Александромъ. Что обѣщали, то исполнимъ. Пусть же онъ помнитъ условіе, скрѣпленное его печатью, чтобы дочь наша не перемѣняла закона ни въ какомъ случаѣ: ни принужденіемъ, ни по собственной волѣ».

Отъѣхали въ Вильну носители мира, дружбы и надежды, что родственныя узы сгладятъ, наконецъ, враждебныя настроенія двухъ правительствъ, успокоятъ измученный, бѣдный людъ, принесутъ счастье, спокойствіе, богатство. Съ ними ѣхали и наши послы: Василій и Симеонъ Ряполовсвіе, Михайло Яропкинъ и дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ.

Радовался народъ православный, заслышавъ, что и вправду на литовскій великняжескій столъ взойдетъ православная княжна, изъ единовѣрной и единоплеменной Москвы, той Москвы, которая сбросила

*) Такъ говоритъ лѣтопись.

съ себя цѣпи татарскаго ига, которая такъ громко заговорила о правахъ восточной Церкви, вспомнила свое единеніе съ издревле ей родными порубежными землями.

Великій князь Александръ Казимировичъ былъ въ полномъ восторгѣ. Миръ заключенъ, скрѣпленъ. Невѣста? Единодушно, со всѣхъ сторонъ неслись о ней восторженные отзывы! Красоты невыразимой, добра безъ мѣры, умна несравненно. И это повторяли на всѣ лады передовые гонцы, отправленные послами порадовать своего державца.

За то католики, вельможные паны, были въ полномъ негодованіи.—«Схизматичка подходитъ къ литовскому престолу твердо, увѣренно, безповоротно».—«Что дѣлать?... какими путями обойти ненавистныя условія?»—«Какія формы рѣчи въ русской грамотѣ?»—«А титулъ? Государь всея Руси!»—«О Боже, какой для насъ позоръ!»

Такими гнѣвными словами перекидывались паны рады, могущественные рѣшители судебъ Литвы, расположившись уютно, въ удобныхъ креслахъ вокругъ камина, въ роскошномъ кабинетѣ виленскаго епископа. Ворохъ горѣвшихъ еловыхъ шишекъ, отъ которыхъ съ трескомъ отлетали красныя искры, распространялъ въ комнатѣ тепло и пріятный смолистый запахъ. Собесѣдники въ точности ознакомились съ содержаніемъ условій. Хотя и съ трудомъ, но все же имъ легче было согласиться на уступку земель, которыя они свыклись считать своими, чѣмъ съ подробностями, относившимися до женитьбы князя. Ревность по католическимъ обрядностямъ рѣшительно затмевала ихъ разумъ, выводила ихъ изъ себя, такъ какъ они хорошо знали твердость и непоколебимость въ дѣлахъ

вѣры и родныхъ православныхъ обычаевъ дочери московскаго государя.

— «Они еще хотѣли, чтобы ей особую церковь выстроили на сѣняхъ,—удобнѣе ходить».—«Ну, ужъ этому не бывать! Противозаконно!» вспылилъ епископъ.—«А захочетъ ли нашъ великій князь, весь проникнутый восторженнымъ почтеніемъ къ своей новой роднѣ, вспомнить дѣдовскій законъ, запрещающій вновь строить православныя церкви на литовской землѣ?» злорадно возразилъ кто-то изъ собесѣдниковъ.— «Законъ не забывается, ему покоряются и власти и силы!» наставительно отвѣчалъ епископъ.— «Меня занимаетъ другая мысль. Ну, а если, дѣйствительно, восходящее съ востока свѣтило—княжна такъ умна и образована, какъ идетъ о ней молва, не захочетъ ли она, ознакомившись ближе съ ученіемъ нашей церкви, подъ вліяніемъ достойныхъ наставниковъ, присоединиться, по собственному почину, ко всѣмъ намъ, вѣрнымъ сынамъ римскаго престола?» Все общество пришло въ полнѣйшій восторгъ отъ такой мысли. Всѣ наперерывъ желали высказать мудрѣйшему Войтѣху радостное сочувствіе по поводу его остроумнаго плана. И когда, дѣйствительно, собрались послы въ Москву за невѣстой великаго князя, Александръ, сгорая нетерпѣніемъ видѣть ее, такъ ихъ торопилъ, что и не замѣтилъ, какъ въ подписанномъ имъ отвѣтѣ будущему тестю—союзнику, паны его рады вставили выраженіе: «Если же великая княжна Елена сама захочетъ принять римскую вѣру, то—ея воля».

Точно ударъ грома разразился надъ русской столицей, когда разнеслась вѣсть, что русскаго государя хотѣли обойти ясновельможные литовскіе паны. Вся

Москва заговорила. И старъ и младъ поднялись за свою любимую княжну, голубицу бѣлокрылую, которую злые коршуны собирались заклевать на чужбинѣ.

— «Конецъ всѣмъ переговорамъ», рѣшительно, коротко и ясно сказалъ государь всея Руси. Его слова—голосъ всей Москвы—подняли бурю на Литвѣ. Александръ Казимировичъ былъ внѣ себя отъ негодованія и злости на хитросплетенныя уловки виленскаго примаса. Немедля ни одной минуты, онъ написалъ новую грамоту, безъ всякихъ двусмысленныхъ выраженій, и отправилъ ее въ Москву.

6 января 1495 г. въ нашей столицѣ явилось снова литовское посольство: виленскій воевода, князь Александръ Юрьевичъ, съ намѣстниками—полоцкимъ и бряславскимъ, въ сопровожденіи многочисленной, блестящей свиты, изъ самыхъ знатныхъ литовскихъ родовъ. Привезли они опять подарки и въ вѣрительной грамотѣ литовскій князь называлъ нашего государя: отцемъ, тестемъ, а въ титулѣ, согласно требованію, писалъ: «Государь всея Руси». На привѣтственную рѣчь пословъ Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ пространно, отчетливо, повторяя свои желанія, требованія, и кончилъ словами: «Государь вашъ, мой братъ и зять, восхотѣлъ прочной дружбы съ нами,—да будетъ, отдаемъ за него дочь свою».

13 января загудѣли надъ Москвою ея сладкогласные колокола, оповѣщая православный людъ о днѣ прощанія отца-государя съ любимой дочерью, прелестной жемчужиной московскихъ теремовъ! Надо идти молиться за отъѣзжающую изъ родного гнѣздышка на далекую чужую сторонушку, либимицу народную, великую княжну Елену Іоанновну. Всѣ улицы въ Кремлѣ запружены народомъ. Къ Успенскому со-

Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ, государь всея Руси, отпускаетъ дочь свою, невѣсту великаго князя литовскаго, въ Вильну.

(Къ стр. 103).

бору спѣшили и литовскіе послы. Въ храмѣ слушала обѣдню великокняжеская семья. Сосредоточенно стоялъ самъ Государь. На великое народное дѣло рѣшилъ онъ послать свою разумную, добрую, сдержанную дочь. Ангеломъ мира и единенія шла русская княжна во вражій станъ. Любовью къ мужу, кротостью, терпѣніемъ и мудростью должна была доблестная дочь Рюрикова дома завоевывать сердца гордыхъ, рьяныхъ католиковъ, обижавшихъ всегда и во всемъ ея единовѣрцевъ. Подъ свою защиту брала она православныхъ подданныхъ литовской короны. Съ береговъ Москвы и Яузы юная христіанка шла спасать отъ горя, преслѣдованія и мукъ угнетенный русскій настрадавшійся людъ. По окончаніи обѣдни, великій князь благословилъ дочь свою чудотворною иконою Божіей Матери, (которая и теперь находится въ Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ иконостасѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ). Потомъ, выйдя изъ церковныхъ дверей на паперть, передъ лицомъ духовенства, князей, бояръ и несмѣтной толпы народа, передалъ княжну Елену Іоанновну съ рукъ на руки литовскимъ посламъ и самъ провелъ до возка.

Въ эту торжественную минуту, сердце державнаго вождя Россіи слилось съ своимъ преданнымъ народомъ въ одномъ чувствѣ любви и горя, при разставаніи съ дорогимъ сокровищемъ. Одна молитва, одно пожеланіе было на душѣ каждаго. Слезы, моленія, благословенія неслись отъ всей Русской земли къ престолу Вседержителя; государь и народъ просили Господа благословить дитя Россіи на святой подвигъ единенія и умиренія двухъ родственныхъ сосѣднихъ земель. Тяжело было матери отпускать дочь въ такую даль, гдѣ такъ много было людей, настроенныхъ

къ ней враждебно. Горячо молилась благочестивая гречанка, мудрыми совѣтами напутствовала дочь, благословляя на трудную жизнь. Она проводила ее до загороднаго села Дорогомилова, гдѣ онѣ провели вмѣстѣ еще два дня. Великій князь не выдержалъ, дважды навѣстилъ свою любимицу, еще разъ благословилъ, еще разъ напутствовалъ твердымъ наказомъ, чтобы она была доброй женой своему мужу и непоколебимо вѣрной дочерью православной Церкви.

Все путешествіе нашей великой княжны отъ родной границы до самой Вильны было блестящимъ торжествомъ русско-литовскаго народа, привѣтствовавшаго въ ней залогъ долговременнаго и счастливаго мира. По всей дорогѣ,—въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, — духовенство, сановники, бояре, народъ встрѣчали ее съ крестами, иконами, дарами, радуясь, что дочь отъ дома Владиміра Святаго идетъ возсѣсть на Гедиминовомъ престолѣ; надѣялись, что сиротливая, безгласная, униженная въ Литвѣ Церковь православная найдетъ въ ней свою твердую заступницу и заботливую радѣтельницу. За три версты отъ Вильны встрѣтилъ Елену Іоанновну ея державный женихъ, окруженный своимъ дворомъ, боярами и всѣми вельможными панами. . . . . .

Соскочивъ съ прекраснаго, роскошно-убраннаго коня, литовскій великій князь подошелъ къ разукрашеннымъ санямъ своей прелестной невѣсты. На снѣгу разостлали красное сукно и сверхъ его камку съ золотомъ, на которую и всталъ Александръ Казимировичъ. Наша великая княжна вышла изъ саней, подала ему руку и они обмѣнялись первыми добрыми ласковыми словами.*). Потомъ она снова сѣла въ сани,

*) Изъ дѣлъ польскаго двора.

онъ поѣхалъ верхомъ рядомъ съ нею, и такъ явились они передъ ликующимъ народомъ, въѣзжая въ Вильну черезъ полоцкую заставу. Имъ навстрѣчу высыпалъ весь городъ. Православные съ восторгомъ привѣтствовали единовѣрную свою княжну. Около Пречистенскаго православнаго собора высокую путешественницу встрѣтилъ съ крестомъ и святою водой настоятель Троицкаго монастыря, архимандритъ Макарій, окруженный братіею и бѣлымъ духовенствомъ. Елена Іоанновна благоговѣйно отстояла молебенъ въ родномъ храмѣ, гдѣ родные звуки церковно-славянскихъ молитвъ напоминали ей далекую родину, семью, любимый народъ, съ которымъ протекло ея беззаботное дѣтство и лучшіе годы юности.

Въ тотъ же день состоялся и обрядъ бракосочетанія. Московскіе боярыни расплели, по русскому обычаю, косу своей великой княжнѣ, надѣли русскую повязку съ длиннымъ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели къ державному жениху, въ костелъ Станислава, гдѣ высокіе брачущіеся стали на соболяхъ, разостланныхъ сверхъ краснаго бархата, которымъ былъ обтянутъ полъ. Обрядъ вѣнчанія совершалъ виленскій епископъ Войтѣхъ Таборъ; въ то же время духовникъ нашей великой княжны, прибывшій съ нею въ Вильну, священникъ. Ѳома произносилъ положенныя по православному чину молитвы. На вопросъ епископа,—по любви ли идетъ она за князя Александра? Елена Іоанновна внятно, громко отвѣчала: «любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ Закона. Держать мнѣ Греческій, а ему не нудить меня къ римскому».

Прошли вѣка, а голосъ русской великой княжны все такъ же ясно, умильно отдается въ сердцѣ каждой

русской православной дѣвушки. Передъ престоломъ Божіимъ, окруженная чуждыми ей иновѣрными людьми, она съ достоинствомъ призналась въ своей любви къ Богомъ назначенному ей супругу, обѣщалась быть ему безгранично-преданной до гробовой доски во всемъ, исключая вѣры родной, родного Божьяго закона. Вѣра православная выше любви человѣческой, и ею русская княжна передъ лицомъ всего міра обѣщалась ни въ какомъ случаѣ не поступиться.

Послѣ свадебнаго обряда, великій князь литовскій принималъ пословъ своего тестя и государя всея Руси. Потомъ начались безконечные веселые пиры. Народъ принималъ въ нихъ сердечное участіе. На берегахъ Виліи, въ великокняжескомъ замкѣ, нѣкогда мѣсто принадлежавшее ревностной Ядвигѣ, искренно-жестокой въ слѣпомъ повиновеніи римскому престолу, заняла безгранично-кроткая, добрая, ласковая, православная княжна, покорная лишь волѣ Божіей, всепрощающей и многомилостивой.

ИСТОЧНИКИ:

В. Б. Антоновичъ. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Руси.
Д. Иловайскій. Исторія Россіи, т. второй.
Θ. Ив. Р. Иллюстрированная народная исторія Руси.
Генрихъ Шмиттъ. Исторія польскаго народа.

МИНСКЪ

13 августа 1500 года.

КАКЪ посмотришь изъ стрѣльчатаго, высокаго окна, такъ и кажется, точь-въ-точь уголокъ святой Руси раскинулся передъ глазами. Точно родное Замоскворѣчье улыбается изъ за красавицы Вилейки. Такъ думала супруга великаго князя литовскаго Александра Казимировича, москвитянка Елена Іоанновна, державная хозяйка загороднаго дворца, въ живописной Мѣстицѣ, неподалеку отъ Вильны.

На крутомъ берегу, на обрывѣ, гдѣ среди роскошной растительности раскинутъ чудеснѣйшій садъ, возвышается великолѣпное зданіе. Европейское искусство пришло на помощь изящному вкусу нашей славной Рюриковны и воздвигло ей, въ ея второй родинѣ, красивый замокъ, сдѣлавшійся ея любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ. Внизу шумитъ, рѣзвясь и пѣнясь, быстрая Вилейка, унося далеко свои свѣтлыя воды,— туда, гдѣ бурный Нѣманъ, подхвативъ ея волны, дико уноситъ ихъ въ морскую пучину. Противоположный берегъ весь утопаетъ въ роскошной зелени полей, луговъ и перелѣсковъ.

Задумалась, заглядѣлась московская красавица на этотъ чудный видъ. Душой перенеслась въ родную, бѣлокаменную, златоглавую, отцовскую столицу.

Тяжело бѣдняжкѣ на чужой сторонѣ. Враждебно воинственно настроено противъ нея и ея родной Церкви литовское правительство. Римскіе руководители, съ всевластнымъ папой во главѣ, силятся на ней наверстать свою неудачу въ обращеніи ея матери въ католичество. Даже великій князь-супругъ, находившій спасеніе Литвы въ бракѣ съ дочерью государя всея Руси, и тотъ сталъ колебаться въ этой увѣренности, поддаваясь ихъ вліянію. А паны рады? А свекровь королева? А кардиналъ Фридрихъ, рьяный фанатикъ, братъ великаго князя? Они напрягаютъ всѣ силы, чтобы убѣдить, уговорить, даже, если придется, запугать умную. твердую въ вѣрѣ отцовъ, русскую душу Елены Іоанновны.

Давно уже удалили ея русскихъ придворныхъ людей, замѣнили мѣстными боярами—частью католиками. На горе великой княгини, скончался и митрополитъ Макарій, вѣрный ея другъ, сподвижникъ въ борьбѣ съ фанатиками-католиками.

Съ горячей проповѣдью наступало на нее, одинокую, католическое духовенство. Бернардины, францисканцы и самъ грозный епископъ Войтѣхъ, получившій отъ папы право меча надъ еретиками. Всѣ дѣйствовали единодушно, назойливо, мучительно. «Язъ, безъ воли осподаря отца, не могу то учинити», былъ твердый, хотя и кроткій отвѣтъ вѣрной дочери православной Церкви, на всѣ приставанія приспѣшниковъ Рима. Духъ ея былъ бодръ, но здоровье не выдержало. Она слегла и такъ опасно заболѣла, что пере-

пуганный супругъ отправилъ спѣшно пословъ въ Москву оповѣстить великаго тестя.

Заволновались, разогорчились православные москвичи! Закипѣла пуще прежняго въ нихъ нелюбовь народная къ сосѣдямъ недругамъ! Догадались, перетревожились царственные родители. Послали гонцовъ въ Вильну съ вопросами явными, съ строгимъ наказомъ посламъ—тайно все разузнать, развѣдать, донести всю правду-истину. Государь Іоаннъ Васильевичъ дѣйствовалъ осмотрительно. Понялъ онъ ясно причины нездоровья и, какъ православный правитель, послалъ свой строгій наказъ любимой, дорогой дочери. Онъ и его супруга писали объ одномъ и томъ же: «помнить Бога, держаться твердо греческаго закона, пострадать до крови, до смерти, но къ римскому закону не приступити». Но и безъ этихъ совѣтовъ, «не за страхъ, а за совѣсть», дочь Москвы православной непоколебимо несетъ свой тяжелый крестъ. Какъ подвижница первыхъ временъ христіанства, чарующей, кроткой улыбкой сглаживаетъ она твердость своихъ отказовъ выслушивать назойливую рѣчь жестокихъ преслѣдователей. Болѣя, страдая тѣломъ, она не переставала думать о православномъ людѣ, гонимомъ, какъ она, за свою преданность вѣрѣ отцовъ. Заботилась о ихъ нуждахъ, поддерживала словомъ и дѣломъ бѣдныхъ горемыкъ. Далеко, широко неслась молва о горячей ея помощи всѣмъ обиженнымъ, обездоленнымъ православнымъ людямъ. Отовсюду идутъ къ ней жаловаться на обиды, притѣсненія, житейскія горя и невзгоды. Князья, священники, простые смерды, всѣ стремятся къ благой матери, доброй кормилицѣ-утѣшительницѣ.

Какъ только силы ей позволили, Елена Іоанновна

переѣхала въ свой любимый Мѣстицкій дворецъ, чтобы провести въ здоровой мѣстности осенніе мѣсяцы, поближе къ великокняжеской охотѣ ея супруга. Тамъ, по обычаю, широко раскрылись гостепріимныя двери ея замка. Свято хранятся подъ кровомъ радушной державной хозяйки обычаи далекой родины, точно соблюдаются преданія Руси православной. Часто можно повстрѣчать въ раззолоченныхъ хоромахъ замка и его переходахъ скромныхъ чернецовъ и черничекъ изъ русскихъ монастырей. Приносятъ они желанныя вѣсти любимой своей благодѣтельницѣ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя она посѣщала съ своимъ державнымъ супругомъ. Разсказываютъ княгинѣ о тѣхъ обителяхъ, которыя она щедро надѣляла изъ своей собственной казны и утварью, и священными книгами, и деньгами, и имѣніями.

Такъ и теперь литовская великая княгиня, любуясь живописнымъ видомъ, разстилавшимся передъ ея глазами, въ то же время внимательно вслушивалась въ разсказъ иноковъ, пріѣхавшихъ изъ Минской Вознесенской обители, которую посѣтила она еще въ первый годъ своего супружества. Особенно почитала великая княгиня благочестиваго ея настоятеля, преподобнаго Іова, твердаго и ревностнаго борца за православіе и русскую народность. Родомъ москвичъ, онъ обратилъ на себя вниманіе великой княгини въ самое первое время ея жизни въ Вильнѣ. Когда священникъ Ѳома отъѣхалъ въ Москву, Елена Іоанновна писала родителямъ, чтобы они не кручинились, потому что есть у ней другой духовный пастырь, что «онъ добре добръ». Онъ то, можетъ быть, по желанію самой великой княгини и былъ поставленъ настоятелемъ чтимой ею минской Вознесенской обители. Духовное общеніе служителя Божія съ высокой покро-

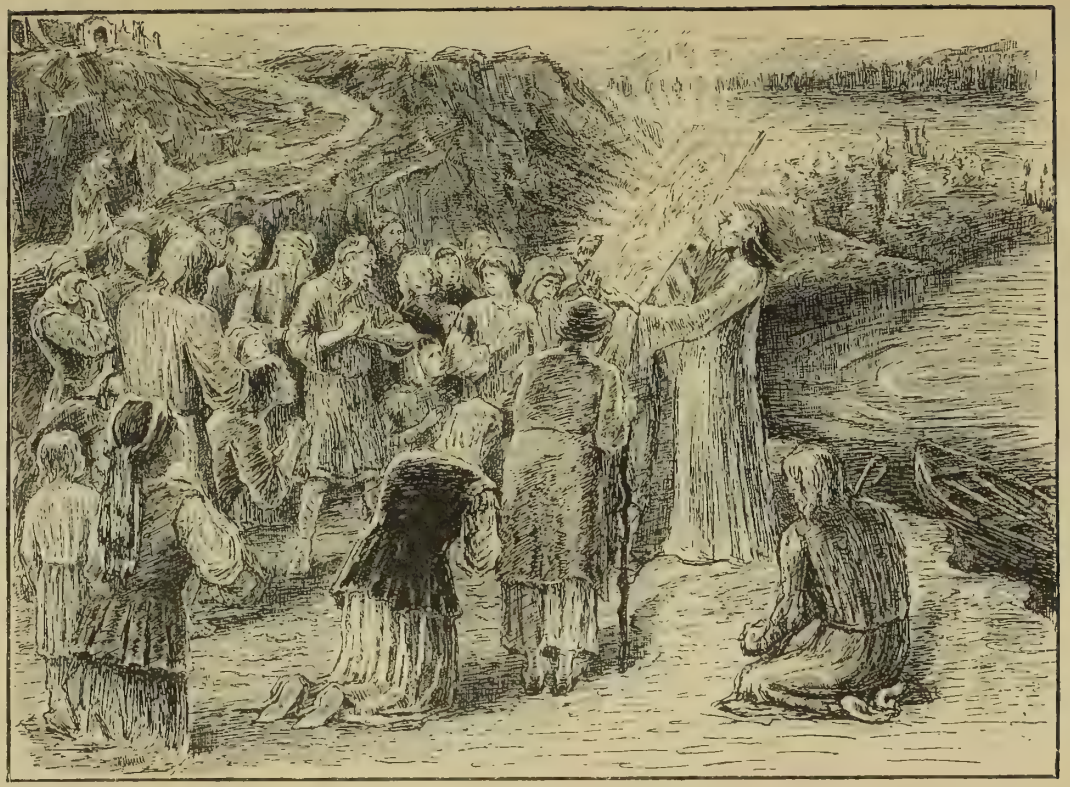
вительницей православія и непоколебимой защитницей гонимыхъ чадъ его паствы не прерывалось. Иноки Вознесенскаго монастыря были всегда желанными посѣтителями двора русско-литовской великой княгини. Они были раздаятелями ея щедрыхъ пожертвованій и милостыни неимущему люду, храмамъ, монастырямъ. И Вознесенскую обитель наградила Елена Іоанновна недвижимымъ имѣніемъ Тростеницы со всѣми землями и службами. Волю свою она записала въ напрестольномъ серебряномъ Евангеліи, существовавшемъ еще въ XVII вѣкѣ, но потомъ, Богъ вѣсть, куда исчезнувшемъ.

Тихошенько усѣлись смиренные гости около своей благодѣтельницы. Оживленно передавали они ей безыскусственную свою повѣсть. Они принесли отрадную, благую вѣсть и въ сердечныхъ выраженіяхъ разсказывали, какъ ихъ родной Минскъ былъ утѣшенъ великимъ чудомъ, явленнымъ на водахъ скромной Свислочи.

— «Подъ вечеръ 13 августа, великая и милостивая наша государыня, весь городъ огласили радостные крики. Они неслись отъ твоего княжескаго замка *). Дворская прислуга», продолжали говорить монахи: «толпилась на крутомъ берегу, собираясь идти купаться въ прозрачныхъ водахъ любимой рѣчки, послѣ томительно-жаркаго, трудового дня. Съ ними шли и обездоленные горемыки, бѣжавшіе изъ Кіева. Матерь городовъ русскихъ была снова испепелена страшнымъ набѣгомъ Менгли-Гирея, непримиримаго врага Литвы и Польши, вѣрнаго союзника Москвы. Разбѣжались

*) На обрывѣ, надъ Свислочью, стояло древнее зданіе, жилище удѣльныхъ минскихъ князей. Въ немъ живала и великая княгиня съ своимъ супругомъ, когда они объѣзжали русскія земли.

разогнанные жители. Укрывались на пути, гдѣ кто могъ, наконецъ добрались и до Минска. Тутъ, конечно, нашли пристанище подъ твоимъ, государыня, благодѣтельнымъ кровомъ». Елена Іоанновна отрадно улыбнулась, заботливо освѣдомляясь, ласково ли обходится съ бѣглецами ея старая домоправительница, вывезенная ею изъ Москвы.—«Предобрая она, будь покойна, княгиня наша свѣтлая. Такая болѣзная, заботливая, что и сказать не можно. Бѣглецы, гдѣ и сойдутся, все твердятъ:—Спаси Господи, помилуй, Матерь Божія, нашу милостивицу. Приголубила горемыкъ! Точно на родной сторонушкѣ, точно дома, живется подъ ея крыломъ! Такъ докладывали наперебой иноки. По лицу великой княгини пробѣжала улыбка довольства своей правительницей.—«Ну, ну, продолжайте свой разсказъ!» подбодряла она иноковъ.—«Такъ вотъ, милостивица наша, пошли они къ рѣчкѣ, покупаться. Одинъ-то молодой дѣтина, стоя на откосѣ, съ подавленнымъ вздохомъ, и говоритъ: «А меня все домой тянетъ—на широкій, привольный Днѣпръ».—«Свислочь—не чета Днѣпру: такая-то ужъ узенькая», грустно вторили сверстники, поворачиваясь къ рѣкѣ.—«Ну, ну, не обижайте мою рѣченьку, молодыя вы головушки!» ласково ворчала домоправительница. «Глядите, какая она у насъ прозрачная да веселая. Ея мягкія воды васъ славно приласкаютъ, отмоютъ ваши скорби—напасти, душу оживятъ». Съ этими словами добрая москвичка повернула свои старѣющіе кроткіе глазки на любимыя струи.—«Гляньте, дѣтки! что тамъ блеститъ? точно мѣсяцъ ясный спустился до воды», всплеснувъ руками, вскрикнула старушка. Толпа остолбенѣла. Съ рѣки поднимались въ темную высь свѣтлые, пріятные лучи, разливая вокругъ



Явленіе Минской иконы Божіей Матери, 13 августа 1500 года. *(Къ стр. 113).*

мягкое сіяніе. Закрестились православные. Бѣгомъ спустились съ обрыва. Кое-кто бросился назадъ, въ замокъ, сзывая товарищей,—главное же дѣло—побѣжали за замковымъ батюшкой». Общій наставникъ, другъ, учитель, онъ былъ, дѣйствительно, очень любимъ своей паствой.—«Да и я его очень уважаю и чту», вставила великая княгиня, и, конечно, вы хорошо сдѣлали, что послали за нимъ».—«Заторопился Божій слуга, поспѣшилъ со всѣми, на зовъ своихъ духовныхъ чадъ. И матушка его и дѣтки послѣдовали за нимъ. На берегу толпа все прибывала, горожане дивились, крестились. Всѣ стояли въ благоговѣйномъ недоумѣніи. По распоряженію священника, спустили лодку, два молодца взялись за весла. Онъ самъ, крестясь, послѣдовалъ за ними. Осторожно двигаясь, подошли они къ сіянію. Лучи поднимались отъ свѣтлой доски, точно стоявшей надъ водою. Отъ нея-то и лился тотъ мягкій, восхитительный свѣтъ, который увидѣли съ берега. Батюшка нагнулся: блестящій предметъ, дѣйствительно, оказался доской локтей около пяти высоты *), и одного локтя и девяти цалей **) ширины. На ней былъ прекрасно написанъ чудный ликъ Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Въ умиленіи опустился смиренный служитель алтаря Господня на колѣни, крестясь, твердя молитву, испрашивая соизволенія свыше поднять святыню изъ воды. Спутники благоговѣйно помогали ему, и къ берегу пристала лодка съ образомъ, окруженная свѣтлымъ сіяніемъ».

---

*) Локоть,—древне-польская мѣра длины,—соотвѣтствуетъ приблизительно футу.

**) Цаль,—часть локтя,—около дюйма.

«Смиренно опустились мы всѣ на колѣни, растроганные, умиленные, повторяя за батюшкой, со слезами умиленія: «Откуда намъ сіе, да пріиде Матерь Господа нашего къ намъ, въ нашъ скромный градъ»? Молились мы, крестились, плакали. Впереди всѣхъ стояли обездоленные, призрѣнные тобою, государыня, бѣглецы изъ Кіева. Увидя ликъ Пречистой, они вскрикнули, повалились ницъ и заговорили: «Матушка наша пришла! Родная смиловалась, посѣтила своихъ горемыкъ»!.. Толпа озиралась на гостей, изумляясь и окончательно ничего не понимая. Тогда изъ среды кіевлянъ поднялся съ колѣнъ древній, сгорбленный старикъ. Всѣ посторонились. Пришлые плакали, глазъ не спуская съ образа, твердя слова пламенной молитвы. Минчуки благоговѣйно созерцали чудо, совершившееся на ихъ глазахъ».

«Какъ лунь, блестѣла сѣдая голова кіевлянина. На макушкѣ торчалъ малороссійскій чубъ. Онъ былъ подпоясанъ ремнемъ по бѣлой рубашкѣ, которая была очень опрятна. Руки, ноги свидѣтельствовали о постоянной тяжелой работѣ,—на нихъ виднѣлись заживавшія раны. Сквозь слезы, съ остановками, крестясь, началъ онъ, обращаясь къ батюшкѣ, свою чудную повѣсть. «Старъ я теперь, святой отче, но помню отъ родителей,—они же передавали сказы дѣдовъ да прадѣдовъ,—о томъ, какъ благовѣрный святой нашъ князь Владиміръ—Красное Солнышко—привезъ съ собою, изъ Корсуня, много святыни христіанской, когда вернулся въ стольный Кіевъ, крестить нашихъ предковъ. Воздвигъ онъ Десятинный храмъ, украсилъ его привезенными сокровищами, и вотъ—главнѣйшею изъ нихъ считалась сія пресвятая икона. Достовѣрно извѣстно, что писана она самимъ Еван-

гелистомъ Лукою. Такъ вѣдомо было кіевлянамъ. Такъ записано иноками, на листахъ лѣтописи народной. Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ прибѣгалъ славный русскій народъ съ горячей молитвой, твердой вѣрой, къ чудотворному образу Царицы Небесной. Хранила Она, Всемилостивая, стольный городъ, матерь городовъ русскихъ, и не допускала до Себя святотатственныхъ грабителей. Да, видно, ужъ совсѣмъ Ее, нашу Покровительницу, преогорчили мы, недостойные! Прогнѣвалась на насъ Мать—Пресвятая Богородица! Попустила злого хищника, татарскаго хана, опустошить родной Кіевъ, чуть не стереть его съ лица земли. Разграбилъ онъ, разрушилъ нашу родную столицу, испепелилъ жилища, а, главное, храмы всѣ разграбилъ». Тутъ разскащикъ отъ слезъ не могъ дальше говорить. Княгиня горько плакала. Ей было особенно тяжело: Менгли-Гирей, другъ ея отца, нападалъ на владѣнія ея мужа всякій разъ, когда требовалъ этого Іоаннъ Васильевичъ, желая припугнуть зятя, отстранить притѣсненія, чинимыя имъ православію, въ лицѣ великой княгини и многочисленныхъ русскихъ подданныхъ Литвы.

Твердая, какъ кремень въ вѣрѣ родной, она искренно страдала отъ вражды отца и мужа, любимыхъ, близкихъ ея сердцу. Погромъ Кіева болѣзненно отозвался и въ сердцѣ и въ душѣ бѣдной женщины. Горячія слезы такъ и лились по блѣднымъ, исхудалымъ послѣ перенесенной болѣзни щекамъ. Ни ея кротость, ни ея твердость, ни ея умъ, ни любовь не могли примирить непримиримое! Силъ не было обуздать католическую жестокость, оградить отъ нея православныхъ страдальцевъ. Ихъ судьба была родная ей. Все, что совершалось въ православномъ мірѣ, за-

нимало и умъ и душу русской княгини. Сквозь слезы потребовала она продолженія взволновавшаго ее разсказа.

Минскъ, съ его замкомъ, высокій берегъ маленькой Свислочи, ея тихія воды, лѣсистые берега оставили хорошее въ ней воспоминаніе. Любила она этотъ удѣльный русскій городокъ, собственность горемычной Рогнѣды. Онъ лежалъ по пути къ ея родинѣ, все же—поближе къ незабвенной Москвѣ. И теперь, съ бьющимся сердцемъ, перекрестясь, приготовилась она слушать животрепещущій разсказъ. Безыскусственная, сердечная рѣчь иноковъ текла прямо въ ея взволнованную душу. Монахъ отеръ слезы, передохнулъ и продолжалъ.—Старику тяжело было даже говорить,—видимо, воспоминаніе было ему мучительно. Душа страдала. Духъ заняло. Добрая дочь батюшки догадалась дать ему испить холодной воды. Онъ отдышался, вытеръ рукавомъ мокрое отъ слезъ лицо и принялся передавать потрясающія подробности».—Кругомъ раздавался горькій плачъ. Старикъ весь трясся отъ волненія. «Самъ я вотъ этими старыми моими глазами все видѣлъ, только двинуться-то не могъ, безсиленъ былъ. Повалили меня они, лютые грабители, руки ноги накрѣпко связали,—кровь такъ и сочилась. Но видѣть-то я, однако же, все видѣлъ: какъ хищники вынесли изъ церкви нашу святыню, стали срывать съ нея камни многоцѣнные, отодрали ризу золотую, тяжелую, потомъ потащили нашу Матушку—Царицу Небесную—къ Днѣпру да и бросили ее въ пучину. Рвался я, кричалъ. Мой слабый голосъ не слышенъ былъ въ страшномъ шумѣ. Некому было и слышать. Ползъ я къ рѣкѣ, натужился, сколько силушки было. Да попалъ подъ ноги конницы. Мертвъ бы былъ, да внучата выволокли. И сюда добравшись,

здѣсь все вздыхалъ да маялся, горюя о своей святынѣ, объ иконѣ родной»! «и старикъ повалился на землю передъ чудотворнымъ Ликомъ. Ласково глядѣли на него съ иконы чудныя очи Предвѣчнаго Младенца. Спаситель міра благословлялъ своего плачущаго раба, поднималъ, оживлялъ, укрѣплялъ съ вѣрою прибѣгавшаго къ Нему».

Описать восторгъ благодушныхъ набожныхъ минчуковъ—невозможно. Каждому хотѣлось хоть прикоснуться, хоть подержать святыню, которую съ законною гордостью они уже считали своею. Владычицѣ угодно было появиться въ волнахъ ихъ родной рѣчки. Издалека плыла Ея святая икона. По Днѣпру поднялась она, вверхъ по теченію. Изъ Днѣпра переплыла въ Березину, поднялась до Свислочи, а по ней до обрыва, на которомъ возвышался древній замокъ, гдѣ былъ столъ удѣльныхъ минскихъ князей—Мономаховичей. При пѣніи молитвъ, въ предшествіи любимаго батюшки, понесли жители Минска явленную имъ святыню въ замковую церковь. Не запирались двери храма Божьяго отъ наплыва желавшихъ молиться передъ чуднымъ образомъ. Духовенство провѣрило разсказъ старика. Удостовѣрились, что это именно и есть кіевская святыня, всѣми чтимая, какъ писанная самимъ Евангелистомъ Лукою и принесенная изъ Корсуни благовѣрнымъ Равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, въ 988 г. Всѣ единодушно постановили праздновать тотъ день, когда совершилось чудесное явленіе святой иконы на водахъ Свислочи, т. е. 13-го августа. И такъ какъ Заступница міра—Сама чуднѣйшимъ образомъ восхотѣла избрать Минскъ мѣстомъ пребыванія Ея святаго лика, то и присвоили иконѣ наименованіе «Минскія». Къ великой же княгинѣ

литовской, Еленѣ Іоанновнѣ преподобный Іовъ отправилъ изъ числа иноковъ Вознесенской обители извѣстныхъ ей старцевъ—подѣлиться съ нею великимъ счастьемъ, выпавшимъ на долю любимаго ею города и ея замковой церкви.

ИСТОЧНИКИ:

Труды девятаго археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. 1893 г. Т. II.

Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовско-русская, королева Польши.

Свящ. Павелъ Афонскій. Православныя святыни г. Минска.

Архимандритъ Николай. Историко-статистическое описаніе минской епархіи.

Православная польская королева Елена Іоанновна.

На ПРУССКОЙ границѣ, въ Торунѣ стоялъ въ іюнѣ 1501 г. польскій король Янъ Альбрехтъ съ войскомъ и тяжелыми орудіями, дожидаясь послѣднихъ подкрѣпленій, чтобы вооруженною рукою заставить магистра тевтонскаго ордена подчиниться своимъ законнымъ требованіямъ и принести должную присягу въ вѣрности польскому королю.

Прошли времена могущества гордыхъ крыжаковъ. Они уже не въ силахъ предписывать законы своимъ восточнымъ сосѣдямъ! Новгородъ и Псковъ стоятъ подъ защитой самодержавнаго московскаго государя. Литва сильна особенно своими русскими землями и дѣйствуетъ самостоятельно. Польша уже со временъ Казимира считаетъ Орденъ себѣ подручнымъ, подчиненнымъ. Непослушаніе магистра Фридриха обозлило поляковъ. Янъ Альбрехтъ дошелъ до Торуна, чтобы принудить къ присягѣ своего вассала*), силой оружія наказать за ослушаніе. Всѣ ждали нетерпѣливо кровавой расправы. И вдругъ пронесся по городу слухъ,

*) Подручнаго князя.

что король сильно заболѣлъ, что ему становится все хуже и хуже. Вмѣсто войскъ, по дорогѣ изъ Кракова спѣшатъ къ королю—гнѣзненскій архіепископъ, кардиналъ Фридрихъ, за нимъ вдовствующая престарѣлая королева-мать. Собираютъ докторовъ, лѣчатъ, молятся, плачутъ. Напрасно! Все кончено. На рукахъ своихъ близкихъ скончался польскій король. Заунывный ударъ съ костельной колокольни разнесъ печальную вѣсть. Плакали въ воздухѣ заунывные звуки. Заплакалъ и народъ вмѣстѣ съ престарѣлой королевой. Всѣмъ было понятно, что эта смерть принесетъ много тревогъ, заботъ, волненій государству. Янъ Альбрехтъ былъ еще молодъ, умиралъ бездѣтнымъ. Наслѣдниками польской короны дѣлались его братья. Котораго выбрать? На чью голову возложить корону Пястовъ? Кому довѣрить тяжелое бремя? Среди этихъ тревожныхъ думъ да пререканій спѣшно перевезли останки покойнаго въ Краковъ, и сейчасъ стали собираться на сеймики, чтобы совѣщаться и подготовлять выборы короля.

На польскій королевскій престолъ имѣли право три брата умершаго Яна Альбрехта. Малополяне, подъ вліяніемъ короннаго маршала, были за чешско-венгерскаго короля Владислава. Другіе указывали на глоговскаго правителя Сигизмунда. Третьи, вслушиваясь въ доводы литовскихъ пословъ, стояли горой за ихъ великаго князя Александра. Сеймъ собрался въ Петроковѣ. Партія Владислава оказалась всѣхъ слабѣе. За Сигизмунда была любовь народная. За Александра—прямо расчетъ. Дѣло въ томъ, что на востокѣ, сбросивъ узы вѣкового татарскаго ига, московская держава росла съ угрожающей быстротой. Православіе господствовало покойно, неколеблемое

никакими лжеученіями. Подъ его святой хоругвью поднималась все выше, все упорнѣе безпредѣльная—русская сила. Ну, если къ ней примкнетъ, болѣе чѣмъ на половину, православная Литва? Это уже былъ не призракъ, не игра излишняго болѣзненнаго воображенія, а возможная дѣйствительность. Католическое духовенство сознательно остановило свой выборъ на литовскомъ великомъ князѣ, потому что все еще не теряло надежды добиться черезъ него какого-нибудь вліянія на его тестя, московскаго государя. Духовенство нашло себѣ поддержку и въ магнатахъ, возлагавшихъ, въ личныхъ расчетахъ, очень большія политическія надежды на Александра Казимировича, зятя великаго князя Іоанна Васильевича. Такимъ образомъ, съ общаго согласія, выборъ Александра сдѣлался вполнѣ желательнымъ.

Враждебно смотрѣли только епископъ Фридрихъ да вдовствующая королева—мать, Елисавета. Они не могли помириться съ мыслію о коронованіи схизматички.

И совершенно напрасно! Православная Елена Іоанновна сама не думала о коронованіи по католическому обряду. Любя искренно своего мужа, она вдумчиво, мудро занималась церковными дѣлами его православныхъ подданныхъ. Въ то время, въ юго-западныхъ русскихъ земляхъ, еще слитыхъ съ Литвою, была уже отдѣльная митрополія. Она обнимала—Кіевъ, Вильну, Новогрудокъ, Слуцкъ, Городню, Минскъ, Галичъ, Холмщину, Подолье, Львовъ, вмѣстѣ съ ихъ округами. Кромѣ того въ Перемышлѣ, Полоцкѣ, Пинскѣ, Луцкѣ, Туровѣ были тоже православные архіереи, ихъ звали владыками, въ отличіе отъ католическихъ бискуповъ (епископовъ). Епархіи были бѣдныя, въ храмахъ утварь и облаченія убогія, часто деревянныя чаши и лжицы.

Въ книгахъ церковныхъ ощущался полнѣйшій недостатокъ. Православнымъ чинились явныя притѣсненія, обиды отъ враждебныхъ богатыхъ латынянъ.

Было о чемъ подумать и позаботиться мудрой дочери московскаго царя! Отправивъ въ ноябрѣ 1501 г. любимаго супруга въ Краковъ для коронованія, сама Елена Іоанновна отъѣхала въ Минскъ, поклониться вновь явленной иконѣ Божіей Матери. Тамъ, въ Вознесенской обители подвизался преподобный Іона, ея лучшій совѣтникъ и руководитель въ дѣлахъ благотворенія. Много жертвовала великая княгиня литовская на православные монастыри и изъ своей казны и изъ земель, которыя дарилъ ей ея царственный супругъ. Москва присылала священную утварь и книги церковныя. Тогда еще не была основана типографія въ Острогѣ на средства князя Константина Острожскаго. Иждивеніемъ этого ревнителя православія Библія была издана лишь въ 1581 году. Приходилось за всѣмъ посылать въ Москву, просить, разъяснять. Примѣру Елены Іоанновны охотно слѣдовали духовенство, князья, богатые вельможи. Князь Александръ Ивановичъ Ходкевичъ и владыка Солтанъ въ 1533 году основали супрасльскій монастырь, въ живописнѣйшей мѣстности *). Съ согласія самого Александра Казимировича, они не только щедро его обезпечили, но и постоянно, много жертвовали. Кіевскій воевода Димитрій Путятичъ, умирая, все свое огромное состояніе завѣщалъ православнымъ святы-

*) Въ двухъ миляхъ отъ Бѣлостока. Въ Супрасльскомъ монастырѣ была найдена въ 1825 году знаменитая славянская рукопись XI вѣка, содержащая въ себѣ житія святыхъ, празднуемыхъ въ мартѣ, слова Іоанна Златоуста, Фотія, св. Епифанія и Василія Кесарійскаго. По имени монастыря, эта древняя драгоцѣнная рукопись названа Супрасльскою.

нямъ. Имена виленскаго Свято-Троицкаго и минскаго Вознесенскаго монастырей были первыми въ спискѣ. При утвержденіи духовной, присутствовали охмистръ и канцлеръ великой княгини. Богушъ Боговитиновичъ сдѣлалъ богатый вкладъ въ Коложскій Борисоглѣбскій монастырь въ Гроднѣ.

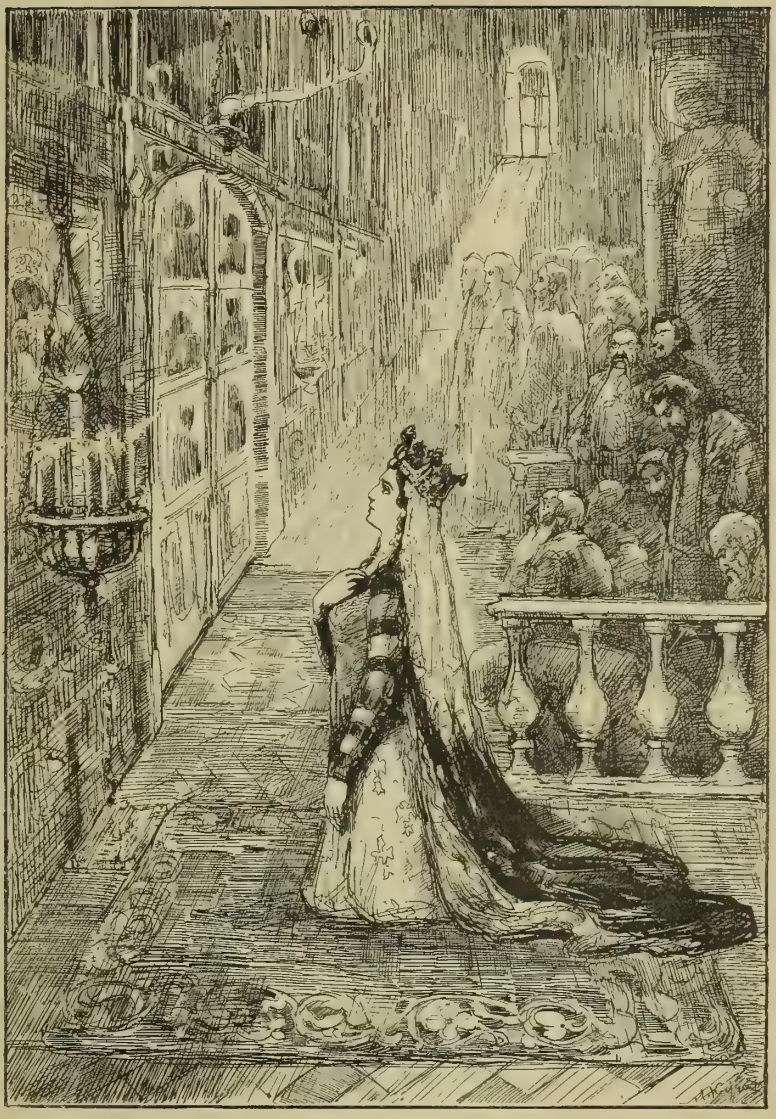
Только въ февралѣ слѣдующаго 1502 г. Елена Іоанновна нашла своевременнымъ навѣстить своего царственнаго супруга. Она поѣхала въ Краковъ, окруженная блестящимъ многочисленнымъ дворомъ и православнымъ духовенствомъ. Предупрежденный объ этой радости, любящій король выѣхалъ далеко за городъ на встрѣчу дорогой гостьѣ. Безчисленныя толпы народа окружали своего государя и восторженными криками «виватъ, наша королева!» привѣтствовали дочь православной Руси. Пріемъ былъ сердечный, торжественный. Въ лицѣ Елены Іоанновны ликующіе поляки отдавали дань уваженія любящей, преданной женѣ, мудрой правительницѣ, вѣрной, твердой христіанкѣ. Искренностью встрѣчи жители Кракова доказали, что умъ народный, и безъ формальности коронованія, умѣетъ признавать дѣйствительное превосходство тѣхъ, кто своимъ духовнымъ и нравственнымъ совершенствомъ владычествуетъ надъ обыкновенной средой.

Въ сопровожденіи короля Александра, народа, блестящаго двора, въѣхала великая княгиня литовская и королева польская въ столицу своего государства. Въ Краковѣ былъ уже великолѣпный храмъ *), воз-

*) Соборъ этотъ, обращенный впослѣдствіи, конечно, въ католическій костелъ, стоитъ на Вавелѣ въ Краковѣ. Недруги восточнаго обряда и православія хотѣли скрыть отъ потомства всѣ слѣды того, что на польскомъ престолѣ сидѣли православныя королевы, и что въ польскомъ

двигнутый еще во времена Ягайла, его четвертой супругой, кіевской княжной Софіей Андреевной. Съ отраднымъ чувствомъ преклонила колѣни благочестивая дочь московскаго государя передъ родной святыней, окруженная своими единовѣрными подданными и придворнымъ штатомъ,—конечно, католическимъ. Такъ, на глазахъ всей Польши, передъ лицомъ Европы, отстояла свое право свободнаго исповѣданія родного православія польская королева, Елена Іоанновна. Король Александръ осыпалъ любимую супругу дарами и почестями. Въ честь ея устраивались пиры, турниры, чествовали вельможъ и ученыя сословія. Елена Іоанновна принимала во всемъ искреннее участіе, но сама была очень озабочена. Вдумчивая, сообразительная, она не могла не напоминать мужу, что гораздо большаго его вниманія требовали политическія событія. Подчиняясь ея совѣтамъ, онъ бросилъ пышный и веселый Краковъ и вернулся въ Вильну. По дорогѣ державные супруги объѣхали всю Польшу, возбуждая народъ поддерживать Литву, когда снова придетъ необходимость защищаться противъ напора русскихъ силъ. Вѣсти же съ востока были положительно угрожающія. Счастье, видимо, улыбалось Москвѣ. Московская рать разбила войска союзника Александрова, магистра ливонскаго ордена меченосцевъ, Вальтера-фонъ-Плеттенберга. Великій магистръ прусскаго или тевтонскаго ордена крыжаковъ писалъ

кремлѣ совершалось нѣкогда православное богослуженіе и раздавались чудные восточнаго напѣва на церковно-славянскомъ языкѣ. Стѣны этого собора, росписанныя фресками, были тщательно заштукатурены. Черезъ много вѣковъ (въ концѣ XIX вѣка), когда все уже было забыто, вдругъ обвалилась случайно штукатурка, и опять увидѣли свѣтъ Божій наши православныя иконы, написанныя на стѣнахъ храма.



Польская королева Елена Іоанновна въ православномъ храмѣ въ Краковѣ.

(Къ стр. 124).

папѣ, что ливонскій магистръ не въ силахъ бороться съ Москвою, а отъ сосѣдей плохая ему помощь. Въ то же время другъ Іоанна—Менгли-Гирей—совершенно покончилъ съ степною ордою Шигъ-Ахмата, часто помогавшаго Литвѣ. Русскія войска, взявъ Оршу, шли на Полоцкъ. Приходилось волей-неволей поднимать вопросъ хотя бы о перемиріи.

Надо отдать справедливость полякамъ: находчиво, хитро взялись за дѣло паны—рада. Ихъ союзники, друзья, послы венгерскаго короля, по ихъ просьбѣ, очень восхваляли при московскомъ дворѣ молодую королеву Елену Іоанновну, краснорѣчиво разсказывая о почестяхъ и поклоненіяхъ, которыми окружали ее въ Краковѣ. Пускали въ ходъ увѣщанія о необходимости союза христіанскихъ государствъ противъ возростающаго могущества магометанства. Все напрасно! Ничѣмъ нельзя было подкупить мудраго Іоанна.—«Мы съ Божіей помощью и волей, какъ наперед того, за христіанство противу поганства стояли, такъ и нынѣ стоимъ и будемъ стоять». Былъ его гордый отвѣтъ.

Да и, дѣйствительно, не приходилось говорить трескучія фразы о борьбѣ съ варварствомъ въ странѣ, которая безъ словъ, на дѣлѣ, заслоняла собою, въ продолженіе двухъ вѣковъ, всю Европу отъ татарскаго владычества. Какъ ни туго приходилось Польшѣ, надо было поступиться, хотя бы то временно, отнятымъ добромъ. «Вся русская земля Божіей волею изъ старины, отъ нашихъ предковъ и прародителей, наша отчина», повторяли бояре Іоанновы. Не бороться же противъ правды? А не соглашаться и продолжать распрю также нельзя. Если не остановить такъ или иначе побѣдоноснаго напора русскихъ, тогда, пожа-

луй, не одной Литвѣ, но и самой Польшѣ будетъ худо. Такъ и чувствовалось, что государству грозитъ полное распаденіе. Склонили буйныя свои головы строптивые магнаты. Съ кардиналомъ Фридрихомъ во главѣ, пошли они на поклонъ къ схизматичкѣ молить православную польскую королеву—заступиться за своихъ бѣдствовавшихъ подданныхъ передъ могущественнымъ, побѣдоноснымъ родителемъ.

Письмо къ Еленѣ Іоанновнѣ было писано отъ лица кардинала Фридриха, архіепископа гнѣзненскаго, и отъ прочихъ епископовъ королевства. Въ немъ излагалась просьба о посредничествѣ передъ ея грознымъ отцомъ. Какъ видно изъ помѣтки на отвѣтѣ, королева писала имъ, изъ Минска, 28 іюля. Она прекрасно, въ изысканныхъ выраженіяхъ, по-польски, обѣщала очень охотно приняться за дѣло близкое ея сердцу, какъ только получитъ на то разрѣшеніе отъ короля, своего супруга. И сердце и умъ Елены Іоанновны водили ея рукою. Видимо, она съ молитвою о помощи и вразумленіи прибѣгала къ благой Заступницѣ и Руководительницѣ всѣхъ, въ нуждахъ сущихъ. Король Александръ былъ очень доволенъ, очень тронутъ рѣшеніемъ своей супруги писать отцу и спѣшно сообщилъ объ этомъ братьямъ. Письмо польской королевы къ родителю начинается оффиціально съ титула «Государю и отцу моему Ивану, Божіею милостью, Государю всея Руси и великому князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и иныхъ, Олена, Божіею милостью, королева Польская и великая княгиня Литовская, Русская, Прусская, Жемотцкая (Жмудская) и иныхъ, дочь твоя тебѣ, государю и отцу своему, челомъ бьетъ». О вѣчномъ примиреніи, дружбѣ, согласіи между от-

цомъ и мужемъ просила она. Сердечно, умно, обстоятельно разъясняла свои мысли, указывая на свои страданія и на общее несчастіе отъ ихъ вражды; все благополучіе—крѣпость союза въ любви. Мать и братьевъ, каждаго изъ нихъ молила королева печаловаться передъ отцомъ о примиреніи его съ зятемъ, польскимъ королемъ. Кромѣ писемъ она послала въ Москву своихъ вельможъ Войтѣха Яновича Клочко и канцлера Ивана Семеновича Сапѣгу, поручивъ имъ держать рѣчи и лично хлопотать объ общемъ дѣлѣ. Взвѣсивъ всѣ доводы, Іоаннъ Васильевичъ порѣшилъ заключить шестилѣтнее перемиріе съ Литвою. Самъ предписалъ условія,—они, дѣйствительно, были прежестокія. Только о благѣ государства, о своихъ единовѣрныхъ сосѣдяхъ думалъ, печалился владыка восточной Руси. Только о непоколебимой твердости въ вѣрѣ отцовъ польской королевы заботился великій князь московскій. Казалось даже, что онъ былъ равнодушенъ къ трудности ея положенія, къ ея нравственнымъ страданіямъ, хотя и послалъ ей пребогатые дары, выполнилъ всѣ ея порученія.

Неохотно подписывался Александръ Казимировичъ подъ условіями тестя. Тяжело было разставаться, хотя бы и на время, съ землями, когда то завоеванными его предками. Но судьба рѣшительно его преслѣдовала. За все время, пока тянулись мучительные переговоры, польскій сенатъ изъ рукъ вонъ плохо распоряжался дѣлами ввѣренной ему страны. Подати не взыскивались, жалованье войскамъ не выплачивалось, набѣги татаръ оставались безнаказанными. Повсюду свирѣпствовали разбои, народъ волновался, призывалъ на помощь своего короля.

При первой возможности, онъ поспѣшилъ на этотъ

зовъ вмѣстѣ съ своею супругою. Два года подъ рядъ жилъ въ Краковѣ, не покладая рукъ, трудился на благо государства, выказалъ большую твердость характера и добрую волю.

Опираясь на совѣты своего лучшаго друга, королевы Елены Іоанновны, онъ понемногу все успокаивалъ. Затихли разбои. Переловили, перевѣшали пановъ и даже двухъ женщинъ, принимавшихъ участіе въ грабежахъ. Былъ созванъ сеймъ, чтобы уладить денежныя затрудненія. За то въ Литвѣ стали подниматься смуты среди правящаго класса. Вельможные паны враждовали другъ съ другомъ; народились партіи. Во главѣ одной стоялъ другъ короля-князь Глинскій, русскій по происхожденію, католикъ по вѣрѣ. Онъ не былъ любимъ ни королевой, ни русскими людьми—они ему не довѣряли. Католики же его ненавидѣли за близость къ королю Александру, который, дѣйствительно, взялъ его сторону и наказалъ враговъ. Борьба мужа съ магнатами была понятна королевѣ. Воспитанная въ самодержавной Москвѣ, она поддерживала попытки короля освободиться изъ подъ опеки пановъ рады. Къ несчастью, времени на это уже не достало. На съѣздѣ въ Радомѣ, съ ея супругомъ сдѣлался нервный ударъ.

Оправившись, онъ спѣшно вернулся въ Польшу, потому что въ Украину вторгнулись шайки Менгли-Гирея; опустошая все огнемъ и мечемъ, они увели въ плѣнъ 100,000 жителей. Паны, сенаторы, собираясь на сеймики, шумѣли противъ Глинскаго и короля, а когда врагъ вторгнулся въ ихъ родную землю, бросились за Нѣманъ съ отчаянными криками: «татары»! Въ это время королевская чета была въ Краковѣ и отдавала послѣдній долгъ почтенія усопшей королевѣ-матери,

присутствуя на ея похоронахъ. Въ маѣ 1506 г. оба вернулись въ Вильну, но Александръ Казимировичъ былъ уже совсѣмъ боленъ. Доктора смѣнялись у его изголовья, подыскивая средства облегчить страданія. Королева не отходила отъ страдальца. Вдругъ, въ іюлѣ, пронеслась вѣсть, что приближаются сыновья Менгли-Гирея съ своими полчищами. Король издалъ указъ о посполитомъ рушеніи *). Паны же все ссорились, оттого и вооруженіе шло медленно. Требовали присутствія короля! А онъ лежалъ больной. Наша Елена Іоанновна не растерялась. Съ помощью вѣрнаго пана Ласкаго, она подняла своего дорогого мужа на ноги и, въ сопровожденіи епископа Войтѣха Табора, окруженная свитой, преодолѣвая всѣ препятствія и трудности, двинулась съ нимъ къ сборному пункту, въ Лиду.

Тамъ былъ великокняжескій замокъ, построенный еще Гедиминомъ въ 1223 г. Окруженный крѣпкими стѣнами, онъ представлялъ надежное мѣсто для временнаго пребыванія въ немъ короля. Въ одной изъ башенъ, въ верхнемъ этажѣ, находилась зала и внутренніе удобные покои, гдѣ помѣстились державные супруги.

Тамъ протекли послѣдніе дни жизни короля польскаго, великаго князя литовскаго. Онъ страдалъ, волновался, томился и тѣломъ и душой на рукахъ своего лучшаго друга, вѣрнаго, мудраго совѣтника, любящей жены, нашей русской великой княгини. Сколько ей пришлось бѣдной пережить среди этихъ чуждыхъ, враждебныхъ ей людей, не умѣвшихъ быть честными сынами родины, вѣрными подданными своего государя! Всю душу положила она въ сердечный уходъ

*) Поголовное ополченіе.

за умирающимъ, весь умъ въ необходимыя распоряженія для блага подданныхъ и для воздѣйствія на пановъ. Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, ей удалось пристыдить крамольниковъ. Собрали они нѣсколько полковъ и, отогнавъ передовыя шайки, принесли на пикахъ головы разбитыхъ враговъ.

Ополченіе стало формироваться. Паны стихли, вооружались. Королю становилось все хуже, хотя сознаніе не покидало его. Елена Іоанновна посовѣтовала ему пріобщиться Святыхъ Таинъ (наша русская православная черта). Умирающій пожелалъ составить духовное завѣщаніе, по которому передавалъ все своему брату Сигизмунду, настойчиво-торжественно поручая ему пещись о польской королевѣ, стоявшей въ ту минуту во всеоружіи жены, сердечно ухаживавшей за больнымъ мужемъ, правительницы, мужественно и твердо державшей въ рукахъ кормило правленія. Ея цѣль была достигнута: умирающій супругъ, какъ вѣрный сынъ христіанской церкви, былъ напутствованъ къ переходу въ вѣчность. Собранное ея стараніями, народное ополченіе стояло, готовое ринуться на невѣрныхъ за церковь Христову, за землю родную! Глинскій двинулся съ войскомъ бить враговъ. Елена Іоанновна поняла, что безцѣльно, даже опасно оставаться королю въ замкѣ. Неожиданно могла налетѣть шальная шайка, а польскаго войска уже нѣтъ,—ушло въ походъ. Она рѣшила вернуться съ супругомъ въ Вильну. Устроили для него нѣчто въ родѣ носилокъ, которыя укрѣпили между двумя лошадьми; на каждой сидѣлъ верхомъ панъ изъ королевской свиты, стараясь уравнивать шагъ лошадей. Елена Іоанновна всю дорогу ѣхала рядомъ. Медленно, осторожно двигалось печальное шествіе и, наконецъ, достигло Вильны.

Глинскій передъ походомъ откланивается Еленѣ Іоанновнѣ. *(Къ стр. 130).*

Царственнаго больного уложили въ его покояхъ, въ нижнемъ замкѣ. Онъ уже лишился языка, но былъ въ сознаніи и съ горячей любовью не спускалъ своихъ благодарныхъ глазъ съ нѣжно-преданной своей супруги. Князь Михаилъ Глинскій сдержалъ слово на этотъ разъ, оправдалъ довѣріе королевы, исполнилъ возложенное ею на него порученіе! Подъ Клецкомъ онъ одержалъ блестящую побѣду. Татары бѣжали, побросавъ обозъ, всю только что награбленную добычу и всѣхъ плѣнныхъ. Извѣстіе о побѣдѣ своевременно долетѣло до Вильны, и застало короля еще въ живыхъ. Онъ понялъ радостную вѣсть. Жалъ руку жены, брата и знаками выражалъ свою благодарность Богу.

Въ ночь на 20 августа 1506 г. его не стало. Онъ затихъ, упокоился вѣчнымъ сномъ, на рукахъ своей дорогой, любимой и любящей королевы.

«Если Литва и Польша могутъ помянуть Елену Іоанновну добрымъ словомъ, за ея горячее стремленіе успокоить разоренный войною край, если память о великой княгинѣ должна быть безконечно дорога и священна православнымъ людямъ Западной Руси, то Москва, въ свою очередь, можетъ гордиться тѣмъ, что умѣла создавать народный идеалъ и внушать его выроставшимъ на ея нивѣ людямъ».

Такими словами кончаетъ свой симпатичный трудъ о русской великой княгинѣ, православной польской королевѣ, русская женщина—историкъ Е. Церетели.

ИСТОЧНИКИ:

Архіепископъ Макарій. Исторія Русской Церкви, т. IX.

Труды IX-го Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ, 1893 года, т. II.

Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовско-русская, королева Польши.

Не урокъ, а былъ.

КОРОЛЬ польскій, великій князь литовскій, Сигизмундъ думалъ, что можетъ ознаменовать свое вступленіе на престолъ войною съ государемъ всея Руси. Сговаривался о союзѣ съ крымскимъ ханомъ, который обѣщалъ переманить на его сторону пасынка своего, царя казанскаго. Сносился онъ и съ Плеттенбергомъ, магистромъ ливонскаго ордена, доказывая, что настало время, общимъ натискомъ, обезсилить всѣмъ имъ немилую Русь православную! Пошли большіе послы по знакомому пути отъ Вильны въ Московію тянуть все старую пѣсню: «Отдай намъ то, что отецъ твой вернулъ себѣ изъ земель, отнятыхъ нашими предками у твоихъ, *дабы кровь христіанская не лилась*». Угрозой звучали послѣднія слова литвина. — «Мы городовъ, волостей, земель и водъ Сигизмундовыхъ, его отчинъ, никакихъ за собою не держимъ, а держимъ съ Божіею волею, города и волости, земли и воды — свою отчину, чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ, князь великій, и что намъ далъ Богъ. А отъ прародителей и вся Русская земля—наша отчина». Такова была однообразная отповѣдь московскихъ бояръ. Да и что имъ было говорить? Правда проста, ясна и, дѣйствительно, однообразна. Вольно же

ее не понимать панамъ на берегахъ Вислы! Къ несчастью для нихъ самихъ, такъ и многое другое они не понимали, не знали.

Изъ Казани пришли послы: мира просили они,—не войны желали. О союзѣ съ врагами Россіи и не думали. Въ самой же Литвѣ шла внутренняя смута изъ-за князя Михаила Глинскаго. Любимецъ покойнаго короля Александра, привыкшій первенствовать, онъ не выносилъ заносчивости новоявленныхъ временщиковъ. Заступился за обиженнаго своего брата, князя Ивана, потребовалъ суда надъ ворогами и ничего не добился. Въ сердцахъ, пригрозивъ королю правосудіемъ свыше, учинилъ кровавую расправу съ своими личными врагами, начиная съ Заберезинскаго. А потомъ, отъѣхавъ въ Новгородъ, во главѣ надежнаго отряда, сталъ сноситься съ русскимъ дворомъ, предупреждая, что въ Литвѣ нѣтъ войска для защиты границъ; у него же самого приготовляется ополченіе. Прислушались въ Москвѣ къ такимъ рѣчамъ,—онѣ были на руку Василію Іоанновичу. Съ ужасомъ узнали въ Вильнѣ, что наши рати уже готовы, двигаются къ западной границѣ. Сигизмундъ перемѣнилъ рѣчь. Взмолился о мирѣ. Просилъ посредничества крымскаго хана, а главное—поддержки вдовствующей королевы Елены Іоанновны, родной сестры государя всея Руси. Казалось, дѣло пошло на миръ, войска наши стали отходить отъ границъ. До слѣдующаго года все было тихо. Но Глинскій не унимался! Онъ волновалъ Русь. Ему хотѣлось, съ помощью московскихъ силъ, овладѣть слуцкимъ княжествомъ въ свою личную пользу. Взывалъ онъ настойчиво о помощи къ государю, чтобы смилостивился, не изъ его только челобитья, но для пользы христіанства, которое всю надежду полагаетъ

на Бога и на него. Василій Іоанновичъ, склонясь на слова ловкаго литвина, двинулъ свои силы къ Минску. Сигизмундъ подошелъ къ Оршѣ. Встрѣчались, бились, опустошали все кругомъ, но ничего не рѣшили. Въ Литвѣ не унималась смута, поднятая Глинскимъ. Князь Михаилъ отъѣхалъ не одинъ; за нимъ слѣдомъ потянулись къ Москвѣ и другіе православные подданные Литвы со своими дружинами. Ихъ охотно принимали на Руси, жаловали, награждали землями. Сигизмундъ былъ принужденъ просить мира. Только этотъ миръ былъ для него вполнѣ не выгоденъ, такъ какъ онъ на вѣки закрѣплялъ за Москвою всѣ спорныя земли, отвоеванныя еще Іоанномъ. Нашъ же государь успокоился, получивъ желаемое, подписавъ окончательное умиреніе, какъ ему было пригоже. Этимъ было доказано, что все, чѣмъ онъ владѣлъ,—и не чужое и не временное, а исконная собственность Руси. Оба державные сосѣда обязались быть заодно на всѣхъ недруговъ и татаръ, исключая перекопскаго хана Менгли-Гирея. Съ этимъ они постоянно вели отдѣльные переговоры, держась относительно его насторожѣ, посылая ему дары, стараясь каждый перетянуть его на свою сторону, ублажить безпокойную орду. Но договоры выполнялись крымцами недобросовѣстно: они дѣлали частыя нападенія на наши южныя границы и ихъ грабили. Василій Іоанновичъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Онъ выслалъ сильное войско противъ неугомонныхъ нехристей. 9-го августа 1507 г. разбилъ ихъ на голову у береговъ Оки, и этимъ, хотя на время, успокоилъ свою южную окраину. Литвѣ прочный миръ съ Московіею принесъ еще другую выгоду,—миръ съ западнымъ сосѣдомъ, магистромъ ливонскаго ордена Плеттенбергомъ, очень

дорожившимъ дружбою съ Россіею изъ-за торговыхъ сношеній съ Новгородомъ и Псковомъ. Общее умиреніе раздражало только князя Михаила Глинскаго. Измѣнивъ Литвѣ, онъ не былъ доволенъ и Москвою. Осторожный Василій Іоанновичъ не далъ въ обиду Сигизмунду ни князя, ни его подданныхъ, но за то и его держалъ въ повиновеніи, не давалъ желаемаго удѣла. Михаилъ попробовалъ было испортить добрыя отношенія Даніи съ Литвою. «Берегись! Литва завистливо глядитъ на Колывань», писалъ онъ королю Іоанну. Тотъ переслалъ предательскій документъ Сигизмунду. «Повѣсь измѣнника!» въ свою очередь предупреждалъ нашего державца литовскій князь, пересылая письмо сѣявшаго раздоры. Государь смолчалъ. Не удалась хитрая затѣя. Миръ не нарушенъ. Опять Глинскому не посчастливилось. Онъ пустился искать новыхъ враговъ Сигизмунду,—себѣ новыхъ заступниковъ передъ русскимъ великимъ княземъ. На Литвѣ, какъ разъ въ то время, стряслась бѣда помимо его, вслѣдствіе вѣчной ненависти католиковъ къ православнымъ, пановъ рады къ русскимъ людямъ.

Изъ-за пограничныхъ обоюдныхъ ссоръ, недоразумѣній, жалобъ жителей другъ на друга, частенько приходилось сосѣднимъ правителямъ Москвы и Польши переписываться, пересылаться послами. Вотъ эти-то надежные московскіе люди и донесли своему государю, что на Литвѣ его единовѣрцы плачутся надъ участью вдовствующей православной своей королевы. Все хуже становится житье болѣзной, на чужой сторонѣ! Злобно смотрятъ паны рады, съ виленскимъ воеводою Радзивилломъ во главѣ, на заботы Елены Іоанновны о своихъ единовѣрныхъ подданныхъ. Ужъ очень они завидовали несмѣтнымъ богатствамъ умной, рас-

порядительной русской женщины. Вслушиваясь въ посольскія рѣчи, Василій Іоанновичъ раскинулъ умомъ-разумомъ, сталъ стягивать къ границамъ вооруженныя силы, а на Литву, по первому пограничному дѣлу, поторопился послать смышленаго и вѣрнаго Далматова, наказавъ обязательно повидать сестру, прислушаться къ ея рѣчамъ, переговорить съ нею и привести отвѣтъ. Откланиваясь польскому королю въ Краковѣ, русскій посолъ заручился позволеніемъ заѣхать въ Бѣльскъ—поклониться вдовствующей королевѣ. Съ торжествомъ и радостью были приняты русскіе люди своею великой землячкой. Ей, конечно, хотѣлось по душѣ переговорить съ посланцами брата, но, окруженная польскимъ дворомъ, она не рѣшалась на откровенныя рѣчи при ненадежныхъ вельможахъ. Приходилось извернуться, прибѣгнуть къ хитрости. За городомъ стояла русская церковь, и туда-то королева отправилась, съ единовѣрными своими гостями. Долго бесѣдовали русскіе люди подъ сѣнью родной святыни. Королева говорила не только о своихъ горяхъ, чинимыхъ ей обидахъ, она особенно заботилась объ участи единовѣрныхъ ей русскихъ людей, жившихъ въ ея пространныхъ владѣніяхъ, и о своихъ богатствахъ, часть которыхъ она пока отдала на храненіе въ монастырь братьевъ—миноритовъ.

Много, неисчислимо много передавала она сокровищъ черезъ князей Головчинскаго и Острожскаго то на построеніе или поддержаніе бѣдныхъ православныхъ храмовъ, то въ помощь нуждающимся русскимъ людямъ. Остальное же ей хотѣлось спасти отъ хищенія латынянъ и перевести на родину, куда, если Господь благословитъ, ей и самой хотѣлось укрыться. Объ этомъ-то именно и вела она рѣчи тайныя съ на-

Королева Елена Іоанновна говоритъ въ церкви съ русскими послами.
(Къ стр. 137).

дежными послами. Не только о своемъ возвращеніи думала великая княгиня: она вполнѣ сочувствовала завѣтнымъ мыслямъ своего царственнаго брата о воссоединеніи съ родиною ея собственныхъ земель, въ исконной русской-полоцкой области. Переѣхать въ Москву со всѣми богатствами, передать и ихъ и земли свои брату—вотъ завѣтное желаніе великой Рюриковны. Эти предположенія, эти желанія повезъ Далматовъ изъ Бѣльска къ своему государю въ 1512 г. И вотъ слѣдствіемъ его доклада — было движеніе нашихъ войскъ къ Полоцку. А на Литвѣ стряслось обычное для пановъ рады нечистое дѣло—преступленіе.

Пока княгиня въ церкви говорила по душѣ съ русскими людьми, въ самомъ темномъ углу храма, притаившись за столбомъ, стояла, ни жива ни мертва, ея придворная дама, полька. Не любила она, конечно, ни русской княгини, ни русскихъ людей, не признавала православной святыни и, все же, забралась подъ сѣнь нашего храма,—ужъ очень подозрительно показалось ея смѣтливой душѣ посѣщеніе княгинею загородной церкви. Навостривъ уши, затаивъ дыханіе, стояла, трясясь отъ волненія, духовная дочь католическихъ патеровъ, внимая словамъ сердечнаго изліянія ненавистной ей схизматички. Послы государевы пошли домой, на Москву, а гонецъ злой полькн помчался къ гродненскому старостѣ съ доносомъ на вдовствующую королеву, такъ усердно и плодотворно потрудившуюся на пользу того же литовско-польскаго государства. Переполохъ въ католическомъ мірѣ былъ полный.—«Что? Какъ? Уѣдетъ, увезетъ, передастъ!» путалось въ головѣ пановъ рады.

Гродненскій староста полетѣлъ къ виленскому воеводѣ Радзивиллу. Тотъ отправилъ строжайшій при-

казъ патеру Яну Комаровскому: «не выдавать назадъ сокровищъ королевы, удержать ея собственность въ пользу польскаго правительства». Самъ же нарядилъ за схизматичкой строгій надзоръ, конечно, ни о чемъ не донося королю. Къ чему? Сигизмундъ такъ любитъ, почитаетъ свою родственницу, даромъ что она православная!

Давно знала Елена Іоанновна о постоянныхъ козняхъ своихъ недруговъ, была на сторожѣ, но все же усердно занималась своими дѣлами, заботилась о православныхъ людяхъ. Понадобилось побывать ей въ Бреславлѣ, почти на границѣ съ Русью. Предъ отъѣздомъ отправилась она помолиться на дорогу въ Пречистенскій соборъ и взять часть хранившихся тамъ своихъ сокровищъ. Выходитъ на паперть,—воевода виленскій, сопровождаемый четырьмя панами, загораживаетъ ей дорогу, именемъ короля запрещаетъ путешествіе! Даже руку протягиваетъ, чтобы удержать королеву. Отшатнулась гордая Рюриковна, не дала холопу дотронуться! Вернулась въ замокъ и послала жалобу Сигизмунду. Паны перепугались. Сигизмундъ крѣпко осерчалъ. Ему объяснили, что вышло недоразумѣніе, что они хотѣли почтительно провожать королеву, такъ какъ дорога въ Бреславль не безопасна отъ разбойниковъ, а не вмѣшиваться въ ея поступки. Имъ повѣрили,—только не Елена Іоанновна. Она отправилась въ свое имѣніе Бирштаны, подъ Троками, потомъ все же уѣхала въ Бреславль, еще горячѣе, настойчивѣе стремясь выполнить свою мечту—вернуться на родину. Но паны рады не дремали. Король разгнѣвается? Онъ же въ Краковѣ, далеко! Неужели имъ разстаться съ надеждою поживиться богатой казной схизматички? Для этого приходилось дѣйствовать очень осторожно. Сигизмундъ

честнѣе ихъ. Онъ не дастъ въ обиду родственницы, женщины, вдовствующей королевы! Надо обойтись безъ него, сдѣлать по своему и не быть въ отвѣтѣ. Паны—Радзивиллъ, Остиковичъ, Клочко, Абрамъ Езофовичъ—думали, судили промежъ себя и рѣшили воспользоваться свадебными праздниками при дворѣ.

Всегда милостивая, щедрая, по русскому обычаю, польская королева хотѣла устроить славный пиръ по случаю свадебнаго торжества въ домѣ любимаго своего сановника. Она потребовала столовое серебро отъ миноритовъ. Они вернули только 40 золотыхъ кубковъ. Это ее, конечно, взволновало, но суть дѣла была въ другомъ. Придворный ключникъ, Митька Ивановъ, былъ дурной человѣкъ. Онъ продалъ свою госпожу, свою благодѣтельницу, родную русскую великую княгиню! Къ нему, невѣрному рабу, отправили заговорщики въ Бреславль волынца Гетовта съ грамотой и ядомъ, да самыми точными указаніями, какъ извести православную польскую королеву. Іуда предатель поднесъ въ меду смертоносное зелье въ четвергъ, на всеѣдной недѣлѣ, и къ вечеру не стало великаго русскаго православнаго вождя на литовской землѣ *). Какъ это никому изъ беззавѣтно преданныхъ Еленѣ Іоанновнѣ русскихъ людей сердце-вѣщунъ ничего не подсказало? Враги торжествовали побѣду! Католичество избавлено отъ опаснаго, умнаго, серьезнаго врага. Радзивиллъ въ уплату

*) Великую княгиню литовскую, православную королеву польскую—Елену Іоанновну предали землѣ въ Вильнѣ, въ Пречистенскомъ соборѣ, ею обновленномъ, разукрашенномъ, обогащенномъ. Въ этомъ же соборѣ молилась она при въѣздѣ своемъ въ Вильну невѣстой. Миновали столѣтія, миновала унія, время войнъ,—въ Пречистенскомъ соборѣ сохранялась невредимо гробница великой княгини. Надъ нею была прибита серебряная доска съ надписью на славянскомъ языкѣ съ тремя выгравированными гербами: московскимъ, литовскимъ и польскимъ. На-

Іудѣ предателю подарилъ обширныя земли. Содрогнулась Русская земля!

Еще въ декабрѣ, по возвращеніи Далматова, нашъ государь, съ братьями и войскомъ, подошелъ къ границѣ Литвы. Они чуяли бѣду надъ головою сестры, но, все же, никакъ не могли додуматься до такого ужаснаго исхода. Глинскій не дремалъ. Онъ поддерживалъ ихъ законное раздраженіе. Онъ обнадеживалъ и ливонскихъ рыцарей, что Литвѣ худо будетъ отъ Руси. Цѣлью мстительнаго похода за смерть Елены Іоанновны былъ все тотъ же злополучный Смоленскъ. Храбро бились рати съ обѣихъ сторонъ. При третьемъ наступленіи великій князь приказалъ пушкарю Стефану ударить по городу изъ своего смертоноснаго орудія. Осажденные повалились, точно мухи, отъ этихъ ударовъ. Владыка Варсонофій пришелъ въ отчаяніе. Онъ не могъ безучастно смотрѣть на такую бойню. Служитель Божій вышелъ на мостъ, перекинутый черезъ рѣку, смиренно моля Государя помиловать несчастныхъ жителей. Василій Іоанновичъ остался непоколебимъ. Тогда владыка, вернувшись въ городъ, облачился, собралъ весь клиръ, намѣстника города Сологуба, пановъ, черный народъ и, въ предшествіи крестовъ, святыхъ иконъ, вышедъ изъ-за городскихъ стѣнъ, явился передъ Василіемъ Іоанновичемъ. Униженно били челомъ обезсиленные слуги Сигизмунда.

ступилъ просвѣщенный XIX вѣкъ. Въ царствованіе Императора Александра I, при его любимцѣ, попечителѣ учебнаго округа Адамѣ Чарторыжскомъ, Пречистенскій соборъ былъ превращенъ въ зданіе анатомическаго театра, и въ алтарѣ его рѣзались трупы. Въ 1810 г. ректоръ университета Францъ Малевскій снялъ серебряную доску съ гробницы и перелилъ ее себѣ на серебряную посуду. Можно найти эти свѣдѣнія въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1846 г. Архимандритъ Іосифъ. «Островоротная икона Божіей Матери». Вильна 1890 г., стр. 251.

Владыка сказалъ: «Государь, князь всея Руси! много крови христіанской пролили, земля пуста,—она твоя отчина. Не губи народа, возьми его съ тихостью». Государь подошелъ къ архипастырю подъ благословеніе и приказалъ ему и Сологубу съ именитыми панами идти въ лагерь, въ великокняжескій шатеръ, остальнымъ же позволилъ вернуться въ городъ, въ который вошли и его крѣпкіе отряды. На другой день посланцы русскаго державца отправились въ Смоленскъ, переписали жителей, привели ихъ къ присягѣ. Когда все было выполнено, государь приказалъ собраться вельможамъ и самъ съ крестнымъ ходомъ въѣхалъ въ городъ. Послѣ молебна, въ присутствіи несмѣтной толпы православнаго люда, владыка привѣтствовалъ великаго князя словами: «Божіею милостью радуйся и здравствуй, православный царь Василій, великій князь всея Руси, самодержецъ, на твоей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта»!

Раскатились, разнеслись слова рѣчи, пожалуй, и подневольной, но ужъ очень правдивой, по доламъ и весямъ Руси, Литвы и Польши. Отдались они радостью въ православныхъ сердцахъ, призывомъ къ оружію, борьбѣ не на животъ, а на смерть въ низкихъ польскихъ душахъ. Слышно было, что многіе смоляне переселяются въ Москву. Имъ денегъ даютъ на подъемъ; тѣхъ же, кто хотѣлъ вернуться на Литву, не удерживали, отпускали съ Богомъ. Кто смолянъ тянетъ къ Москвѣ? Все тотъ же злой ворогъ Литвы и Польши, князь М. Л. Глинскій. Это онъ изъ нѣметчины привезъ знаменитаго пушкаря, чтобы разрушить смоленскія стѣны. Сказывали, что московскій самодержецъ обѣщалъ ему литовскій столъ. Стоустая молва несла быль и небылицу. Пока въ ней разбирались

паны рады, Сигизмундъ собралъ многочисленное войско, отдалъ начальство надъ нимъ бѣжавшему изъ московскаго плѣна князю Константину Острожскому и отправилъ его навстрѣчу Василію Іоанновичу, на Днѣпръ, подъ Оршу, самъ же остался со своимъ отрядомъ въ Борисовѣ. Туда-то братъ короля—Владиславъ венгерскій прислалъ ему утѣшительную вѣсть. Тотъ самый Глинскій, измѣнникъ, перебѣжчикъ къ Москвѣ, котораго онъ считалъ опорою и надеждою русскаго державца, уже снова перемѣнилъ свои мысли и возвращается опять къ литовскимъ полкамъ. Возрадовался Сигизмундъ, ждетъ-пождетъ знаменитаго перебѣжчика. День и другой, и долгонько ждутъ оба, и король и князь Острожскій. Имъ уже было извѣстно, что недавній врагъ готовъ бросить ввѣренный ему русскій отрядъ, объявиться среди литвиновъ. Ждали-ждали, да такъ и не дождались.

Дѣло въ томъ, что въ темную августовскую ночь, въ ставку русскаго воеводы князя Михаила Голицы явился одинъ изъ русскихъ слугъ князя Глинскаго. Перепуганный, взволнованный, онъ доложилъ воеводѣ возмутительную вѣсть: его бояринъ собирается, въ слѣдующую ночь, передаться съ своими людьми королевскому войску. И дорогу указалъ конюхъ, по которой Глинскій поѣдетъ. Голица передалъ эту вѣсть другому воеводѣ, Челяднину. Самъ же вскочилъ на коня и съ своимъ отрядомъ перенялъ дорогу измѣннику. Проснулась, въ перепугѣ, лѣсная тишина. Ни темень, ни чаща не служатъ преградой отважнымъ наѣздникамъ. Поймать измѣнника, помѣшать передаться врагу: вотъ цѣль нашего отряда. Не ждалъ, не гадалъ удалый молодецъ, что русская вѣрность царю и родинѣ поставятъ преграду его изворотливости. Осторожно про-

бирался онъ къ своимъ прежнимъ друзьямъ, поотстали его соратники, вѣрные спутники, а тутъ, изъ-за кустовъ, изъ-за пней появились москали! Веревку на шею, руки скрутили на спину и на утро предстали съ добычей предъ ясныя очи своего державца. Сковали молодца, въ Москву отправили. Перешарили въ карманахъ, нашли всѣ дружескія грамотки къ нему короля. Улики на лицо. Тутъ ужъ не вывернешься, все вышло на чистоту, и раба Божьяго отправили въ Москву подъ замки вѣковѣчные. Войска же русскія государь двинулъ къ Оршѣ. На этотъ разъ намъ не посчастливилось. Князь Константинъ Острожскій разбилъ на голову наши беззавѣтно-храбрые отряды, съ обычнымъ искусствомъ справился съ превосходными силами. Наши потери послѣ Оршинскаго пораженія остались неизгладимыми на страницахъ исторіи. Челяднинъ не подоспѣлъ во время и никакія усилія, никакая отвага не могли поправить дѣло, спасти отъ послѣдствій страшнаго погрома. Дубровна, Мстиславль, Кричевъ сдались одинъ за другимъ. Долетѣла горькая вѣсть и до Смоленска. Сердце замерло у любвеобильнаго пастыря, владыки Варсонофія. Вернутся враги, злые латыняне, подвергнутъ несчастный городъ своей злой мести. Дорого поплатятся бѣдные жители за торжественную встрѣчу ненавистнаго московскаго державца. Мучился епископъ, думая, какъ отогнать бѣду, задобрить мстительнаго врага. Собралъ онъ князей, пановъ и, съ общаго согласія, отправилъ ихъ къ Сигизмунду съ поклонами и письмомъ. «Если пойдешь теперь къ Смоленску самъ или воеводъ пришлешь со многими людьми, то можешь безъ труда взойти въ городъ»!

Все было бы хорошо, только простой народъ,

православные горожане смотрѣли на дѣло иначе. Они поднялись со своими русскими единовѣрными боярами и пошли къ намѣстнику московскаго державца, Василію Шуйскому. Сказали, что подступаетъ къ городу князь Острожскій, что паны отправились къ нему на поклонъ, отдаютъ городъ безъ боя. Съ этими вѣстями отправилъ намѣстникъ гонца къ великому князю, самъ же, изъ осторожности, посадилъ подъ крѣпкіе замки нѣкоторыхъ друзей Сигизмунда, другихъ же повѣсилъ, разставивъ висѣлицы на городской стѣнѣ, въ виду литовскаго лагеря. Тѣмъ изъ казненныхъ, которые еще такъ недавно были взысканы милостью Василія Іоанновича, онъ повѣсилъ на шею полученные ими отъ него подарки: шубы дорогія, серебряные, золотые ковши да чары. Какъ ни старался Острожскій осилить смолянъ, это было невозможно. Его сторонники уже мертвы, а русскіе жители остались навсегда вѣрными своему прирожденному державцу.

ИСТОЧНИКИ:

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. V.

Е. Церетели. Елена Іоанновна, великая княгиня литовско-русская, королева Польши. Біографическій очеркъ.

Королева Католичка.

СЪ ПОНИКШИМИ головами, со слезами на глазахъ, бродили престарѣлые иноки Печерской обители среди испепеленныхъ развалинъ родной святыни. Злые варвары, татары, вновь разграбили пріютъ смиренныхъ подвижниковъ, молитвенниковъ за землю родную, за православный страждущій людъ. Все уничтожено огнемъ и мечемъ. Однѣ обгорѣлыя стѣны напоминаютъ о прежнихъ обширныхъ строеніяхъ древней обители, гдѣ съ такой отрадой, подъ теплымъ кровомъ ласковыхъ иноковъ, отдыхали далекіе путники, богомольцы. Нѣтъ ни страннопріимныхъ дворовъ, ни пріюта для старыхъ и сирыхъ, ни лѣчебницы для болящихъ,—ничего не пощадили нехристи—грабители. Отъ святыхъ храмовъ виднѣлись однѣ только развалины. Горько было на душѣ у бѣдныхъ старцевъ, безпомощно жались они вокругъ своего маститаго наставника, архимандрита Игнатія.—«Ну, гдѣ помѣстить убогій людъ, начинающій уже снова проситься къ намъ за обычною помощью»? слышались грустныя сѣтованія среди братіи.—«Приспособить надо бы пещеры», ласково отвѣтилъ отецъ настоятель. Кто-то, не подумавши, сзади удивился: «А мы то»?—«Ну, что же, теперь весна, тепло,—кому мѣста не достанетъ, по-

мѣстится въ развалинахъ», былъ кроткій отвѣтъ другого.—«Кормить нечѣмъ», печалился келарь. Перекрестился Божій служитель, еще ниже поникъ головой.—«Господь не безъ милости, братья любезные», тяжело вздохнувъ, заговорилъ настоятель: «будемъ молиться, надѣяться и дѣлать все, на что Онъ, Милосердый, посылаетъ намъ силы. Не можетъ же оскудѣть благостная десница всеблагого Господа»! И побрелъ усталой поступью вѣрный пастырь стада Христова въ свою тѣсную пещерную келью. Еще св. Антоній около 500 лѣтъ тому назадъ, въ половинѣ XI вѣка нашелъ въ нѣдрахъ земли это темное, тѣсное жилище на берегу Днѣпра и укрылся въ немъ отъ мірской суеты; радѣлъ объ уединеніи, созерцательной молитвѣ, бдѣніи, изнуреніи тѣла, очищеніи, окрыленіи духа. Къ нему, по влеченію души, пришли сначала священникъ Николай, юноша Ѳеодоръ и съ нимъ 16 товарищей. Они своими руками вырыли келліи, потомъ общую трапезную и святой храмъ для совмѣстной молитвы. Вѣка протекали, смѣняли другъ друга, унося въ вѣчность одно за другимъ поколѣнія людей. Мѣнялись владыки земные, нравы, обычаи, жизнь народная протекала, теряя старые образы, страдая, борясь, погибая, возрождаясь въ новыя формы съ новыми стремленіями, обычаями, нравами. Неизмѣнно яркимъ свѣтомъ блестѣла на всю Русь православную лишь одна подвижническая жизнь смиренныхъ иноковъ Печерской обители. Люди мѣнялись, но неизмѣнны оставались только труды монастырской братіи на благо несчастныхъ, обиженныхъ, страждущихъ. Князья и смерды были одинаково приголублены въ святыхъ стѣнахъ православнаго монастыря. Ни свары князей, ни преслѣдованія пановъ, ни варварскія нашествія, ни—въ

послѣднія времена—гнетъ латынянъ, ничто не могло сокрушить всесильнаго духа любви и милосердія нашихъ чудныхъ иноковъ—богомольцевъ. Обитель святая, разсадникъ православія, борцовъ за родную вѣру, родную народность, по Божіей волѣ, возрождалась изъ пепла каждый разъ, когда святотатственные набѣги враговъ разрушали видимые, рукотворные ея храмы. Именно такъ случилось въ концѣ іюня 1522 г. Отецъ архимандритъ молился въ своей келліи. Его послушная братская семья напрягала всѣ старанія, чтобы своими силами помочь напасти, а въ разрушенныя стѣны уже въѣзжалъ блестящій воинъ, дородный на видъ, западно-русскій литовскій вельможа. Орлинымъ взглядомъ окинулъ онъ разоренную окрестность, истово перекрестился, остановилъ глаза на покосившемся искривленномъ крестѣ, блестѣвшемъ на колокольнѣ, точно чудомъ уцѣлѣвшей отъ общаго погрома. Грузно спустился всадникъ съ своего громаднаго коня и, отдавъ поводья конюху, сталъ пробираться среди развалинъ, направляясь къ пещерамъ.

Какъ ни былъ привыченъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (это былъ онъ) къ картинамъ воинскихъ погромовъ, разореній, опустошеній, но видъ разграбленной православной святыни жгучей болью отозвался въ его набожной душѣ. Твердя молитву, внимательно осматривая все окружающее, онъ, видимо, искалъ кого-то. И вотъ, ему на встрѣчу, изъ подземелья вышелъ самъ отецъ архимандритъ. Крѣпко обнялись исконные друзья, горько заплакали православные люди. Безъ словъ понялъ Острожскій, о чемъ болѣетъ инокъ.—«Пріѣхалъ я молиться въ родныя святыни, дорогой отецъ настоятель. Зналъ, что нехристи обидѣли, пожгли вашъ святой пріютъ; стѣны,

храмы разрушили, сокровища похитили, иноковъ мучили, но никакъ не могъ постичь, что разореніе такъ ужасно». И онъ снова закрестился. Прослышавъ о пріѣздѣ дорогого гостя, иноки спѣшили къ нему со всѣхъ сторонъ плакаться и сѣтовать на горькую участь, пересчитывая, что особенно необходимо, чтобы скорѣе дать обители возможность снова служить бѣдному русскому люду, возвратить ему родныя его церкви! Внимательно слушалъ князь. Обстоятельно переговорилъ съ сердечнымъ другомъ, по душѣ, основательно разсудилъ дѣло. И порѣшилъ, что увезетъ съ собою въ Вильну о. архимандрита Игнатія. Тамъ, въ то время, находился польскій король Сигизмундъ, наслѣдникъ своего брата Александра Казимировича. Тронули его правдивыя рѣчи любимаго воеводы. Храбрый воинъ былъ извѣстенъ своею неподкупною честностью. Его слова, моленія смиреннаго инока благопріятно повліяли на миролюбиваго державца. Сигизмундъ въ грамотѣ своей написалъ: «абы хвала Божія въ тої церкви Божой ширила и множила, а намъ бы большее богомолье было»—*), даемъ слѣдующія льготы монастырю: право устроить общину, независимую отъ кіевскаго воеводы и пановъ католиковъ; по смерти архимандрита, монастырь будутъ держать монахи, а не воевода, какъ было прежде; избранный монахами, князьями, панами и земянами утверждается королемъ въ званіи архимандрита. Воеводы-католики могутъ ѣздить въ монастырь 1—2 раза въ годъ, а не по нѣскольку, какъ прежде. Обитель освобождается отъ «стацій» подъ пословъ и гонцовъ. Корчемъ около монастыря ставить нельзя. Военный налогъ съ монастыр-

*) Подлинныя слова дарственнаго акта.

скихъ имѣній—десять вооруженныхъ конныхъ ратниковъ *). «Всѣми этими благодѣяніями короля-католика православная Печерская обитель обязана вліянію на него честнаго, благожелательнаго, глубоко-религіознаго князя Острожскаго. Въ этомъ дѣлѣ король вводилъ даже новшество въ пользу нашей древней святыни, въ ущербъ воеводы и другихъ кіевскихъ чиновниковъ—католиковъ. Видимо, Господь свыше благословлялъ труды и заботы усопшей православной королевы. Возростали, укоренялись въ литовской землѣ такъ усердно, съ такимъ настойчивымъ смиреніемъ посѣянныя ею сѣмена благочестія и мирнаго труда. Множились храмы, обители святыя, разсадники подвижнической жизни на благо нуждающихся братьевъ.

Неустанными трудами сподвижники Елены Іоанновны, православные митрополиты Макарій, Іона, Іосифъ Солтанъ привлекали къ себѣ уваженіе короля. Онъ довѣрчиво выслушивалъ ихъ просьбы, клонившіяся ко благу русскихъ его подданныхъ. Такъ, Іосифъ Солтанъ, будучи епископомъ, прислалъ къ королю священника своей епархіи, съ жалобой на витебскаго воеводу Януша Костевича: «Обиды чинитъ намъ твой воевода, великій государь», писалось въ просительной грамотѣ. «Огради насъ отъ его поборовъ. Доходы съ Лемницъ и Любашкова, наданныхъ Успенской церкви твоими державными предками, онъ отнимаетъ себѣ. Не даетъ содержанія церковнымъ людямъ, замковой стражѣ. Заступись за насъ, рабовъ твоихъ, милостивецъ ты нашъ». Іосифъ Солтанъ былъ близко извѣстенъ королевѣ Еленѣ: ему, значитъ, было можно повѣрить,—его посланцу должно помочь. И до

*) Акты З. Р. П. 140—142.

нашихъ дней дошла укорительная королевская грамота на имя провинившагося воеводы: «Мы, господарь, старины не маемъ рушить *), а церквамъ Божьимъ и овшемъ **) не надобѣ кривды чинити и стараго наданья рушити». Порадѣлъ Сигизмундъ и кіевскому Михайловскому монастырю. Еще братъ его, король Александръ, послѣ татарскаго разоренія 1482 г., отдалъ обитель на попеченіе Григорію Григорьевичу Поповичу. Но отъ этого не произошло ни малѣйшей пользы для мирнаго убѣжища благочестивыхъ отшельниковъ. Пустѣли, бѣднѣли святые храмы. Разваливались зданія древней обители. Разсадникъ подвижническаго житія исчезъ бы навсегда, если бы не вступился опять тотъ же князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Сердце его сжималось отъ состраданія къ угасающей древней святынѣ. Сигизмундъ внялъ его правдивой просьбѣ, далъ игумену Макарію разрѣшеніе освободить обитель отъ податей. Самъ же изъ своихъ средствъ жертвовалъ и на построеніе церквей и на ихъ содержаніе. По его приказу, монастырю были записаны земли подъ городомъ съ пашнями, огородами, сѣнокосами и озерами, на вѣчное пользованіе православному монастырю, основанному еще Ярославомъ Мудрымъ. Даже право патроната ***), примѣнявшееся королями-католиками къ православнымъ церквамъ и бывшее для нихъ въ большинствѣ случаевъ вполнѣ гибельнымъ,—при Сигизмундѣ, напротивъ, приносило только пользу. Лаврентьевскій монастырь предоставленъ Ѳеодору Хребтовичу. Церковь св. Василія во Владимірѣ Волынскомъ отдана, по желанію митропо-

*) Не можетъ уничтожать, не намѣрены нарушать.
**) Тѣмъ болѣе.
***) Покровительства, попечительства.

лита Іоны, князю Василію Михайловичу Сангушкѣ. Монастырь Рождества Богородицы въ Трокахъ—подскарбію дворному Ивану Андреевичу Солтану. Имена этихъ именитыхъ людей, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ рядахъ столповъ православія, говорятъ за то, что король передавалъ права патроната въ надежныя руки. Эта благосклонность Сигизмунда къ православной святынѣ вызвала глубокую преданность ему цѣлаго ряда даровитыхъ его вельможъ. Ѳедька Святоша, Иванъ Горностай, Коптя, Иванъ Богдановичъ, Сапѣга, Богушъ Боговитиновичъ, въ то время еще искренно-благочестивые православные люди, были его приближенными писарями *). Польскія дѣла вели Сапѣги, финансы государственные—Богушъ Боговитиновичъ, личные Сигизмунда—Солтаны. Не говоря уже о князѣ К. И. Острожскомъ, всѣ они служили родинѣ и ея государю—усердно, разумно, съ большою пользою. Не таково было положеніе Червонной Руси, древняго Галицкаго княжества, она вошла въ составъ Польши, и поэтому на неи сильнѣе отразилась вся тяжесть инороднаго и иновѣрнаго владычества. Давно тамъ торжествовало латинство. Обстоятельства помогали Ягеллонамъ, и они съ успѣхомъ насаждали западное ученіе въ земляхъ Осмомысла, Романа, Даніила. Храмы обращали въ костелы. Епископскія каѳедры передавались католикамъ. Ягайло, уничтожая православную галицкую епархію, не передалъ заботы о ея смиренной, приниженной паствѣ кіевскому митрополиту, а назначилъ намѣстничество изъ именитыхъ пановъ-католиковъ. Ихъ дѣло было

*) Нынѣшніе статсъ-секретари, служащіе въ высокихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

распространять среди православныхъ латинское вѣроученіе всѣми неправдами, гнести, вытравлять восточные обряды, преслѣдуя за нихъ и безъ того загнанный бѣдный людъ.

Такъ шли вѣка. Росли напасти, страданія, и, конечно, отпаденія отъ вѣры отцовъ стали учащаться. Люди недобросовѣстные съ особой настойчивостью добивались мѣстъ епископскихъ намѣстниковъ въ православныхъ епархіяхъ, такъ какъ они давали огромные доходы. Католическіе епископы сильно поддерживали ставленниковъ. Въ случаѣ нужды, выпрашивали имъ покровительство самихъ королей. Противниками же такихъ выборныхъ являлись старосты *), оттягивавшіе себѣ значительную долю наживы и требовавшіе участія въ выборахъ. Зарождались частыя распри въ католическомъ лагерѣ. Ими-то рѣшили, наконецъ, воспользоваться православные галичане и обратились съ слезной просьбой къ тѣмъ приближеннымъ магнатамъ **) Сигизмунда, слава о которыхъ, какъ о защитникахъ родной, прадѣдовской вѣры, разносилась по всей польско-литовской Руси. При ихъ посредствѣ, они выпросили себѣ въ 1522 г. намѣстника-единовѣрца, надежнаго блюстителя ихъ церковныхъ нуждъ, опору въ ссорахъ съ латынянами. Видно, и тутъ добрый духъ, молитвенное единеніе королевы Елены Іоанновны съ своими единовѣрцами не оставляло православный людъ даже послѣ ея смерти! Сподвижники ея трудовъ успѣли повліять на Сигизмунда. Выборъ былъ удаченъ. Должность намѣстника, но безъ соизволенія католическаго архіепископа, получилъ Яцко

*) Старостой назывался гражданскій правитель страны,—что-то вродѣ нашихъ губернаторовъ.

**) Вельможамъ знатнымъ и богатымъ.

(Іоакинѳъ) Гдашицкій, вполнѣ православный. Его вѣдѣнію поручены были приходы восточнаго вѣроученія въ округахъ—львовскомъ, галицкомъ, коломыйскомъ, спѣтинскомъ, жидачевскомъ. Внимательно слѣдили православные вельможи за своимъ ставленникомъ. По ихъ просьбѣ, король удостоилъ его возведенія въ санъ архимандрита, облекъ властію суда въ церковныхъ дѣлахъ своихъ округовъ и передалъ ему нѣкоторыя изъ правъ, которыми пользовались въ старину галицкіе владыки. Православный галичанинъ Гдашицкій всей душей предался служенію своимъ братьямъ по вѣрѣ и народности. Во-очію видѣлъ церковныя нужды, душой болѣлъ о преслѣдованіяхъ, воздвигаемыхъ повсюду на приниженный православный людъ.

Всѣми силами стремился онъ сбросить съ себя ярмо жестокой, несправедливой зависимости отъ опекуна—латинскаго архіепископа. На его счастье, католическая Польша была въ ту пору охвачена волной протестантскаго ученія, съ силой нахлынувшаго съ Запада. Вниманіе большинства было занято старыми ссорами, происками другъ противъ друга. Это создало извѣстный просторъ для дѣятельности благочестивымъ сынамъ православной Церкви, дало возможность сплотиться имъ въ братства около своего единовѣрнаго, родного, ревностнаго служителя Божія. Объѣзжая неустанно ввѣренную ему паству, о. архимандритъ часто совершалъ торжественныя богослуженія, бесѣдовалъ съ прихожанами, благотворно вліялъ на ихъ дѣла семейныя и общественныя. Поддерживалъ въ вѣрѣ слабыхъ, колеблющихся, сомнѣвающихся. Проснулась, ожила православная прикарпатская Русь! Теплой молитвой огласились древніе

полуразрушенные храмы. Подъ ихъ сѣнь, по зову священнослужителя, спѣшилъ и старъ и малъ. Понеслась молитва пламенная, благозвучное православное пѣніе къ престолу Вседержителя, Господа и Спаса нашего. Сѣмена правды, чистоты убѣжденій стали приносить плоды. Крѣпко сплотились львовскіе мѣщане! Самоотверженно, грудью стали за вѣру свою и народность.

Спохватились паписты, заволновался ихъ архіепископъ! Рѣзкія лживыя жалобы настойчиво понеслись къ земному державцу на служителя Божьяго! Сигизмундъ внялъ имъ, отклонился отъ правды, отстранилъ нашего архимандрита отъ должности намѣстника, оставивъ ему доходы съ одного только монастыря св. Георгія. Большое, тяжкое горе постигло вновь бѣдную галицкую Церковь. Духовенство и міряне выбрали, на мѣсто Гдашицкаго, львовскаго гражданина Макарія Тучапскаго. Католическій же архіепископъ назначилъ своего клеврета-Сикору.

Поднялась свара. Православные выгнали чуждаго раба изъ намѣстническаго дома. Бросились къ королю, просили, молили черезъ своихъ единовѣрцевъ: наконецъ, вымолили себѣ утвержденіе Макарія намѣстникомъ галицкой митрополіи. Уроженецъ Львова, благочестивой, строгой жизни, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ сограждан. Искренно обрадовалась галицкая Русь, когда, по смерти Гдашицкаго, по приказу короля, перемышльскій епископъ Лаврентій Терлецкій и дворянинъ Андрей Расцкій ввели въ должность архимандрита Макарія. Этимъ поступкомъ Сигизмундъ заявилъ свои права попечителя православной Церкви помимо католическаго архіепископа. Опять, по обычаю, начались польскія хитрости, наушничество,

доносы. Страдали, волновались православные, отстаивая права своей Церкви. Сплотились міряне и духовенство въ многолюдное, единодушное братство. Какъ одинъ человѣкъ, стояли они за Макарія Тучапскаго противъ Сикоры. Безхарактерный Сигизмундъ былъ неустойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ. Одинъ указъ смѣнялся другимъ, совсѣмъ противоположнымъ. Католики, все же, стали брать верхъ. Тогда, чувствуя свою безпомощность, православные бросились за помощью въ Кіевъ, къ митрополиту Макарію. «Защити, владыко, помоги твоей православной паствѣ! Отдай насъ въ усмотрѣніе и опеку перемышльскому епископу Лаврентію. Изнываемъ, гибнемъ подъ гнетомъ злого обидчика Сикоры»!

Митрополитъ не сразу и не вполнѣ могъ исполнить просьбу бѣдняковъ. Помогли православные совѣтники Сигизмунда. Общими усиліями и просьбами уважаемаго митрополита, архимандритъ Макарій былъ выбранъ, и король милостиво утвердилъ его.

Казалось, все пришло въ порядокъ. Православные собрались - было передохнуть, заняться дѣлами Церкви, подъ водительствомъ любимаго, благочестиваго намѣстника. Но ихъ ждали новыя испытанія. Какъ злой духъ, возсталъ Сикора. Безчисленными клеветами преслѣдовалъ онъ православнаго инока. Было наряжено слѣдствіе. Макарію пришлось явиться въ Краковъ, на судъ самаго короля. Его сопровождало множество галичанъ и подолянъ. Часть изъ нихъ бросились въ Кіевъ.—«Помоги намъ, святитель Церкви православной! заступись за своего ставленника передъ королемъ Сигизмундомъ! Собери своихъ князей, пановъ, вмѣстѣ всѣ молите! Не то»... Тутъ ужъ послышалась угроза. Страхъ потерять свою опору, своего

духовнаго пастыря придалъ рѣшимость вѣчно смиреннымъ, уступчивымъ чадамъ миролюбивой галицкой православной Церкви.—«Заступись, владыко, не то тебѣ трудно будетъ писаться галицкимъ митрополитомъ»! Пришлось послать въ Краковъ митрополичьяго боярина Расцкаго.

Плохо приходилось православнымъ галичанамъ. Грозила горькая бѣда. Король на сеймѣ выдалъ—архіепископу и епископамъ въ полную ихъ власть всѣхъ православныхъ жителей Галиціи и Подоліи, изъявъ ихъ совершенно изъ-подъ вѣдѣнія кіевскаго митрополита.

— «Святой отецъ, пришла напасть»! Съ воплемъ бѣжали къ архимандриту Макарію его приверженцы, перепуганные галичане и подоляне.—«Тебѣ грозитъ неволя», сообщали другіе.—«Они обѣщали въ тюрьму на вѣки заключить нашего богомольца», плакались, волновались бѣдняки.

Задумался бѣдный пастырь обиженнаго стада. Бѣда была, дѣйствительно, страшная, неописуемая. Никто не могъ помочь. Никто и права не имѣлъ просить объ измѣненіи разъ выданной привилегіи.—«А если бы попросить королеву»? послышался не твердый голосъ среди окружавшихъ Макарія.—«Королеву? Она католичка»! удивился о. архимандритъ. Но мысль эту подхватили и другіе и третьи. Среди галичанъ нашлись родственники двухъ самыхъ приближенныхъ пановъ польской королевы Боны. Родомъ итальянка, изъ семьи Сфорца, ярая католичка, очень надменная, она мало съ кѣмъ дружила между польскими вельможами. На счастье галичанъ, двое намѣченныхъ ими пановъ были, дѣйствительно, близки къ королевѣ и очень вліятельны. Къ нимъ за совѣтомъ бросились

приверженцы Макарія.—«Помогите, научите насъ, паны великіе! Какъ сдѣлать возможнымъ невозможное, какъ уничтожить существующее»?—«А очень просто», былъ практичный отвѣтъ: «мы вѣрно знаемъ, что всемилостивѣйшая королева давно желаетъ имѣть такихъ воловъ, какими отличаются стада богатыхъ галицкихъ пановъ. Скажите, можете вы ей пообѣщать ихъ, ну, хотя бы двѣсти штукъ»? Отъ радости у православныхъ захватило дыханіе. «Очень ужъ много двѣсти штукъ. Не по силамъ бѣдному народу собрать такое количество. Но, для спасенія религіозной свободы и своего любимаго наставника въ вѣрѣ, они готовы были не только собрать двѣсти воловъ, но даже самихъ себя продать. Конечно, обѣщаніе было дано, скрѣплено на бумагѣ и сообщено королевѣ. «Она же», гласитъ лѣтопись, «бачивши тяжкость и справедливость русскаго народа, въ то ся моцнѣ вложила, моцно съ королемъ мувила» *).—«Вотъ подпись галичанъ, всемилостивѣйшая наша королева»! говорилъ довѣренный посолъ передавая Бонѣ письменное обѣщаніе галичанъ-просителей поднести въ подарокъ ей 200 воловъ.—«Боюсь пана архіепископа, не вернетъ онъ намъ разъ полученную привилегію», задумчиво говорила Бона, внимательно перечитывая пріятную бумагу.—«Да вручена ли еще ему привилегія»? вкрадчиво замѣтилъ панъ, достаточно ублаготворенный догадливыми просителями.—«Самъ король торжественно, на сеймѣ заявилъ»! огорченно возразила Бона.—«Все такъ пусть и будетъ! Чѣмъ громче, тѣмъ лучше. Слова всемилостивѣйшаго короля услышаны множествомъ.

*) Она же, видя тяжелое положеніе русскаго народа, очень постаралась и много съ королемъ говорила.

Волю свою его величество громогласно заявилъ! Она передается, выслушивается радостно! Довольные сыны католической церкви до самаго Рима донесутъ свою радость! А ты, мудрѣйшая королева, повели мнѣ, рабу твоему, поглядѣть въ канцеляріи пана короля. Тамъ, можетъ, нѣтъ и не будетъ никогда дарованныхъ привилегій»? Вопросительно всматривалась Бона въ глаза своего ловкаго совѣтника. Потомъ, приложивъ руку ко лбу, улыбнулась и, весело мотнувъ рукой, закивала сочувственно головой. Ни словечка не вымолвила она, ничего и не услышала отъ умнаго вельможи. Какъ метеоръ, изчезъ онъ изъ ея покоевъ, пробрался спѣшно, тихошенько, никѣмъ не замѣченный, въ канцелярію короля. На кипѣ бумагъ, совсѣмъ на виду лежала четко переписанная, къ передачѣ приготовленная бумага—привилегія. Хвать!—и ея уже не было ни на столѣ, ни подъ столомъ! Самый зоркій глазъ не высмотрѣлъ бы ее въ бездонныхъ карманахъ вѣрнаго слуги.

Бона волновалась, ходила по комнатамъ, то хмурилась, то улыбалась. Ей доложили о приходѣ супруга—короля. Въ однѣ двери входилъ старикъ Сигизмундъ, довольный, предупредительный,— другія распахнулъ ея панъ-соумышленникъ. Онъ держалъ одну руку въ карманѣ своего блестящаго кунтуша. Его порывистый входъ безъ доклада, пожалуй, безъ обычнаго поклона, озадачилъ Сигизмунда. Вопросительно переводилъ онъ глаза съ привѣтливой королевы на ея безцеремоннаго посѣтителя. Лукаво улыбаясь, Бона рукою показала пану на топившійся каминъ. Въ одинъ мигъ изъ нарядnаго кармана полетѣлъ туда и запылалъ предательскій листокъ. Съ низкими поклонами, чуть ли не ползкомъ исчезъ снова

Въ одинъ мигъ запылалъ предательскій листокъ. (Къ стр. 158).

за дверью неоцѣнимый слуга. Королева же съ удвоенною ласкою подвела все еще недоумѣвающаго Сигизмунда къ столу и показала ему письменное обѣщаніе галичанъ подарить Бонѣ 200 воловъ, если только она умолитъ своего супруга, ихъ мудраго державца, смиловаться надъ бѣдными, угнетенными своими вѣрными подданными, православными жителями Галиціи и Подоліи.

Сигизмундъ не сразу сдался. Его царственной супругѣ пришлось очень ловко объяснять ему не только всю пріятность подарка, но и дѣйствительную несправедливость латинянъ. Она, ревностная католичка, просила за православныхъ, признавала ихъ правыми! Ея доводы убѣдили короля. Онъ обѣщалъ дать просимую привилегію. Поднялась новая буря. Львовскій архіепископъ не уступалъ своихъ правъ. Король отрѣшилъ Сикору, но медлилъ выдачею бумагъ Макарію, за то подтвердилъ права суда архіепископа надъ православными.

Макарій самъ пріѣхалъ въ Краковъ. Галичане пообѣщали еще 140 воловъ.

Король и королева посовѣтовали нашему архимандриту не показываться, пока не разъѣдутся прелаты. Цѣлый почти годъ прошелъ въ хлопотахъ, обѣщаніяхъ, мольбахъ. Наконецъ, православнымъ удалось «зъ великою бѣдою и наклады и працею *), вытянуть отъ короля привилегію и инші (другіе еще) листы и насъ православныхъ зъ моцы **) арцибискуповы и всѣхъ бискуповъ закону римскаго».

Во Львовѣ архіепископъ продолжалъ преслѣдовать Макарія и даже потянулъ къ королевскому суду. Тогда

*) Съ большими непріятностями, расходами и трудомъ.

**) Изъ подъ власти архіепископа.

самъ король посовѣтовалъ о. архимандриту ѣхать въ Кіевъ, молить православнаго митрополита о поставленіи Макарія во епископа, и тогда уже во всеоружіи верховнаго сана возвращаться во Львовъ и служить во славу православной своей паствы.

Покровительство короля, просьбы православныхъ Галиціи и Подоліи подѣйствовали на митрополита. Онъ поставилъ имъ Макарія во епископа, а король далъ 23 октября 1539 г. привилегію, въ которой говоритъ: «отдаемъ владыкѣ Макарію, подъ его власть, всѣхъ духовныхъ, всѣ ихъ церкви, монастыри въ тѣхъ округахъ галицкомъ, львовскомъ, каменецкомъ, снятинскомъ и теребовльскомъ, и въ частности галицкую «митрополитанскую» церковь, называемую Крылосъ *), въ которой нѣкогда предстоятельствовалъ ихъ архіепископъ—митрополитъ, и также монастырь Уневскій Успенія Пресвятой Богородицы, основанный нашими предшественниками. Предоставляемъ владыкѣ Макарію и его преемникамъ право церковнаго управленія и суда въ его епархіи, а равно и право собирать ежегодно, подобно другимъ владыкамъ, съ подвѣдомыхъ священниковъ по шести флориновъ **) такъ называемой купичной подати» ***).

ИСТОЧНИКИ:

1) *Ярушевичъ.* Ревнитель православія.
2) *А. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное братство.
3) *Петрушевичъ.* Сводная Галицко-Русская лѣтопись.
4) *Его же.* О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ.

*) Монастырь въ древней столицѣ галицко-волынскаго княжества—Галичѣ, обладавшій большими помѣстьями.

**) Флоринъ—австрійская монета около 80 к. на наши деньги.

***) № 55 Варшавскій гл. архивъ; кн. № 57, стр.: 101—102. Арх. Ю. З. Р., ч. 1.

Люблинская унія.

28 іюня 1569 года.

НЕВѢРОЯТНЫЕ слухи доходили въ Польшу и Литву съ западной границы. Чуть что не безумныя вѣсти передавала стоустая молва! Со страхомъ сообщали другъ другу поляки, литвины и жмудь, что ихъ вѣковѣчный лютый врагъ, виновникъ всѣхъ скорбей и напастей, магистръ страшнаго тевтонскаго ордена — сбросилъ съ себя рыцарскіе доспѣхи, монашеское одѣяніе, отрекся отъ латинства, принялъ новую, чуть нарождавшуюся вѣру и даже вступилъ въ бракъ! (1521 г.).

Блѣднѣетъ передъ напоромъ новой проповѣди суровость католическаго духовенства, слабѣетъ власть самого папы! Жестокій, грозный голосъ безсердечныхъ носителей мести, насилія, наказанія началъ смолкать передъ громкимъ, краснорѣчивымъ укоромъ новаго ученія, называвшагося—по имени его родоначальника Лютера—лютеранствомъ *). Уже давно стало

*) Мартинъ Лютеръ первоначально былъ глубокопросвѣщеннымъ и искренновѣрующимъ католическимъ монахомъ. Жилъ онъ въ первой половинѣ XV вѣка. Любимымъ его занятіемъ было изученіе Священнаго Писанія и Твореній святыхъ Отцовъ. Къ его времени католическая церковь пришла

извѣстно это ученіе Польшѣ и Литвѣ, благодаря стародавнему обычаю достаточныхъ людей отсылать своихъ сыновей учиться за границу. Всѣ школы, университеты, академіи Запада были полны польско-литовскимъ юношествомъ. Они-то и занесли на родину, вмѣстѣ съ ученостью, и преклоненіе передъ новыми вѣяніями, новымъ, нетребовательнымъ ученіемъ новыхъ вѣротолкователей.

Борясь съ католицизмомъ, протестантство твердо подвигалось на сѣверъ Европы, легко укореняясь

въ очень большой упадокъ. Духовенство было малопросвѣщенное и, вмѣстѣ съ простымъ народомъ, полно суевѣрій, которыя старалось утверждать на религіозной основѣ. Высшая церковная власть во главѣ съ самимъ папою занималась только своими спорами, охотой и пирами, а о паствѣ и не думала. Не удивительно, что нравственность пала, разные темные люди злоупотребляли купленными за деньги церковными правами, чѣмъ вызывали большое недовольство въ народахъ. Самымъ главнымъ зломъ были индульгенціи. Папа продавалъ за деньги отпущеніе грѣховъ. За разные грѣхи полагались разныя суммы. Кто покупалъ прощеніе грѣховъ, тотъ получалъ ярлыкъ-квитанцію въ томъ, что имъ, въ церковную сокровищницу, столько-то денегъ уплачено и на столько-то дней грѣхи отпущены. Ярлыки эти назывались индульгенціями. Такъ какъ не всѣ могли идти за этими индульгенціями къ папѣ въ Римъ, то появились особенные откупщики, торговцы индульгенціями, покупавшіе ихъ отъ папы оптомъ и потомъ продававшіе по всему міру темному народу въ розницу, съ большими барышами.

Все это возмутило правдивую, глубоковѣрующую душу Лютера, и онъ возсталъ противъ злоупотребленій въ дѣлахъ вѣры. Но такъ какъ онъ не былъ знакомъ съ истиннымъ православнымъ ученіемъ, то, отвергая все выдуманное людьми, не сумѣлъ во время остановиться и отвергъ многое изъ истиннаго ученія. Такъ, онъ училъ, что не нужна церковная іерархія; отвергъ почитаніе святыхъ, многія таинства Церкви, поклоненіе святымъ иконамъ. Проповѣдалъ, что не нужны для спасенія души добрыя дѣла, а нужна только вѣра. Дошелъ даже до того, что отвергалъ пресуществленіе Святыхъ Даровъ въ Тѣло и Кровь Господа нашего Іисуса Христа.

Такъ какъ недовольныхъ католическимъ духовенствомъ было очень много, то ученіе Лютера быстро распространилось и получило названіе лютеранства, а исповѣдывавшіе это вѣроученіе стали называться лютеранами. Называли ихъ также протестантами (отъ латинскаго слова протесто—возстаю), такъ какъ они возстали противъ католическаго ученія.

среди пруссовъ, особенно среди сельчанъ. Племенное сродство, общность нравовъ, не только бранное, но и мирное заселеніе литовскихъ порубежныхъ городовъ и мѣстечекъ пруссами—все это помогло незамѣтному проникновенію въ Жмудь и Литву новаго вѣротолкованія. Прежніе язычники, кровію и пытками обращенные въ христіанство, литвины не могли беззавѣтно привязаться къ вѣрѣ своихъ мучителей. Они, конечно, охотно шли за проповѣдниками Евангелія, возстававшими такъ краснорѣчиво противъ папы и его клевретовъ. Двойной притокъ протестантства въ нашу западную окраину былъ положительно сильнѣе въ Литвѣ, чѣмъ въ искони-католической Польшѣ. Въ великомъ княжествѣ оно находило себѣ болѣе жизненную почву. Недовольство кичливою Польшей сплачивало литвиновъ подъ хоругвь протестантства. Въ самомъ непродолжительномъ времени, точно волшебная сила, оно стерло въ Жмуди съ лица земли сотни костеловъ. Монастыри пустѣли, ксендзы впопыхахъ спѣшили жениться, чтобъ доказать свое общеніе со всеобщимъ движеніемъ. Кіевскій католическій епископъ Пацъ не только женился, но еще заявлялъ требованія на свое прежнее мѣсто въ сенатѣ, среди латинскихъ прелатовъ. Мѣсто это когда-то католики-поляки не хотѣли дать славному вождю, великому бойцу, князю Константину Ивановичу Острожскому.

Враждебно глядѣлъ король Сигизмундъ I-й Старый на вторженіе въ его предѣлы новыхъ религіозныхъ вѣяній. Энергично призывалъ католическое духовенство къ настойчивой борьбѣ съ напиравшимъ духовнымъ врагомъ. Но при его наслѣдникѣ, безхарактерномъ Сигизмундѣ II-мъ Августѣ, обстоятельства круто измѣнились. Онъ былъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ

родственника горячо-любимой своей жены, красавицы Варвары изъ дома Радзивилловъ. Могучимъ представителемъ этого рода на Литвѣ былъ ея двоюродный братъ Николай Черный, князь Олыски и Несвижа, воевода виленскій, великій маршалъ и канцлеръ литовскій. Умный, убѣжденный ревнитель протестантизма, онъ употреблялъ все свое сильное вліяніе на безхарактернаго короля, чтобы распространить, поддержать, усилить протестантство на своей родинѣ, ставя его въ противовѣсъ ненавистному латинству.

Часто, по долгу любилъ Сигизмундъ внимать умнымъ бесѣдамъ своего родственника. Тотъ съ одушевленіемъ разсказывалъ, какъ охотно народъ и шляхта переходили въ новую вѣру.—«Твоимъ державнымъ именемъ добро творю», говаривалъ частенько Черный князь, докладывая о новыхъ королевскихъ милостяхъ, которыя ему позволено было раздавать шляхетству. — «Лишь бы, дѣйствительно, это было добро моимъ дорогимъ литовцамъ». твердилъ не вполнѣ убѣжденный Сигизмундъ.—«Вѣрь мнѣ, свободно вздохнули бывшіе католики, избавившись отъ своихъ преслѣдователей—ксендзовъ и патеровъ».—«Ты же употребляешь угощенія, подарки, чтобы привлечь побольше новообращенныхъ въ свой лагерь? Развѣ это не тотъ же подкупъ»? слабо возражалъ король.—«Даю тѣмъ, кто колеблется, подкрѣпляю слабыхъ, пока они еще не усвоили всей сути протестантской проповѣди».—«А наши проповѣдники? откуда взять такихъ вразумительныхъ? Жмудь и Литва, ты знаешь, до сихъ поръ чуть не враждебно смотрятъ на церковную проповѣдь», снова выражалъ недоумѣніе Августъ.—«Это совсѣмъ понятно,—иначе и быть не можетъ. Вникни только своимъ яснымъ умомъ, самъ

разсуди! Съ первыхъ временъ христіанской проповѣди бѣдный темный людъ долженъ былъ присутствовать при богослуженіи, котораго онъ не понимаетъ, такъ какъ латинскій языкъ былъ и остается для него вполнѣ непонятнымъ. Протестантскіе же пастыри и молятся и проповѣдуютъ на народномъ, для всѣхъ родномъ языкѣ». Призадумался Сигизмундъ. По природѣ и воспитанію вполнѣ равнодушный къ вопросамъ вѣры, онъ, по своему образованію, не могъ не интересоваться новыми вѣяніями. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ, охватившимъ весь Западъ. Работы современныхъ мыслителей, философовъ, богослововъ, его очень заняли. Ему самому хотѣлось ознакомиться съ новымъ направленіемъ церковной проповѣди. Умный же Радзивиллъ желалъ показать католикамъ-ксендзамъ, что король открыто благоволитъ къ новому ученію. Послѣ многихъ стараній, ему удалось уговорить своего державнаго друга прослушать самому протестантскую проповѣдь въ ихъ церкви. Въ какой-то праздничный день весь дворъ не безъ удивленія узналъ, что король поѣдетъ, по обычаю, въ церковь, только не въ католическую.

Гнѣвомъ вскипѣлъ доминиканецъ Кипріанъ, епископъ литопенскій, суфраганъ виленскій.—«Не позвалямъ»! выговаривали побѣлѣвшія отъ бѣшенства губы, когда его секретарь, запыхавшись, чуть дыша, но, все же, съ жаднымъ любопытствомъ сообщилъ ему о неслыханномъ событіи.—«Не позвалямъ»! повторялъ бискупъ, забывая, что долженъ служить обѣдню, и спѣша изъ храма навстрѣчу княжескому поѣзду. За нимъ высыпала вся толпа, собравшаяся въ костелъ на молитву. Монахи окружали бискупа и

пали на колѣни передъ Сигизмундомъ. Паперть протестантской кирки, недавно воздвигнутой противъ костела св. Яна, была тоже полна прихожанами, торопившимися достойно встрѣтить своего державца. Съ пѣной у рта, хватая королевскую лошадь подъ уздцы, Кипріанъ громогласно заявилъ: «Предки вашего величества ѣздили на молитву не этою, а тою дорогою!» и повернулъ скакуна къ костелу. Опѣшилъ Радзивиллъ. Растерялся Сигизмундъ и смиренно послѣдовалъ за епископомъ.

Толчокъ былъ данъ. Папа прислушался къ звону набата, раздавшагося на дальнемъ Востокѣ, въ любимой имъ Польшѣ! Онъ послалъ присматривать за Сигизмундомъ изворотливаго, умнаго итальянца Коммендоне. Оглядѣвшись, вникнувъ въ положеніе церквей, въ отношенія короля къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, ловкій посолъ сталъ разставлять свои искусныя сѣти вокругъ Сигизмунда. Тихо лились его вкрадчивыя рѣчи. Умно слагались часто даже ложныя обвиненія на протестантовъ. Жалостью къ народу звучали коварныя, фальшивыя слова.—«Что будетъ съ бѣднымъ темнымъ людомъ, если разновѣрцы возьмутъ верхъ? Тогда, тогда поднимется—спаси Господи!—братоубійственная распря. Народы польской державы возстанутъ одни на другихъ». Стрѣла попала мѣтко въ цѣль. Сигизмундъ Августъ ничего такъ не боялся, какъ междоусобицы. Князь Николай былъ безсиленъ противъ такого ловкаго подхода. Да и сами протестанты своею черствостью, безучастіемъ въ горяхъ и нуждахъ государства оттолкнули отъ себя короля. Онъ отвратилъ лицо свое отъ нихъ, вернулся къ привычнымъ взглядамъ своихъ отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ. Западъ, въ борьбѣ на

— «Предки вашего величества ѣздили на молитву не этою, а тою дорогою!» воскликнулъ католическій епископъ.

(Къ стр. 166).

смерть съ ученіемъ Лютера, отправилъ на Востокъ свои лучшія силы. Поддерживать Сигизмунда въ католичествѣ, поколебать нарождавшееся въ немъ, можетъ быть, сочувствіе къ новымъ религіознымъ вѣяніямъ былъ посланъ въ Литву бичъ народный,— братья ордена іезуитовъ (1564 г.).

Подъ ихъ искуснымъ водительствомъ, восторжествовала строго католическая Польша надъ колеблющеюся Литвой и Жмудью. Утвердить, укрѣпить, слить воедино всѣ владѣнія Сигизмунда во благо и на славу католичества твердо рѣшились ловкіе сыны Лойолы *). Самъ король откликнулся на ихъ призывъ со всею горячностью, на которую былъ только способенъ. Онъ думалъ, убѣжденный ими, что счастье, сила разнороднаго, разновѣрнаго, разнохарактернаго его государства состояла въ полномъ сліяніи всѣхъ народовъ въ единое, нерушимое польское королевство.

—«Польша, Русь и Литва—все одна молитва», твердили ему отцы іезуиты. Имъ вторило католическое духовенство и утвердило на этомъ невѣрномъ доводѣ рѣшеніе Сигизмунда Августа объ общей уніи.

Король торжественно заявилъ на Варшавскомъ сеймѣ (1564 г.), что, какъ наслѣдственный великій князь литовскій, онъ за себя и за своихъ потомковъ, если бы еще когда имѣлъ ихъ, отрекается отъ своего наслѣдственнаго владѣнія русско-литовскимъ великимъ княжествомъ и предоставляетъ литовцамъ избрать, по его смерти, любого монарха, только нераздѣльно съ поляками, такъ чтобы новый избранникъ былъ вмѣстѣ

*) Основателемъ ордена іезуйтовъ былъ испанскій дворянинъ Игнатій Лойола (1540 г.).

королемъ и великимъ княземъ. Волею, нѣтъ ли, но литовцы подписались подъ смертнымъ приговоромъ своей родины. Протестовалъ только непреклонный Черный Радзивиллъ: раздраженный, обиженный оставилъ онъ сеймъ, уѣхалъ изъ Варшавы. «Литвѣ грозитъ неволя съ двухъ сторонъ», писалъ онъ королю изъ родного своего несвижскаго замка: «отъ Москвы черезъ силу, отъ поляковъ черезъ интриги. Мечъ непріятельскій и арканъ живой вѣчной неволи ждутъ несчастныхъ литовцевъ». Сильно защищалъ самобытность Литвы Николай Радзивиллъ, но послѣдовавшая вскорѣ (1565 г.) кончина его открыла путь къ новымъ дѣйствіямъ въ цѣляхъ соединенія Литвы и Польши. При томъ же и безполезна была борьба съ вліяніемъ на короля іезуитовъ. Доводы противниковъ соединенія устранялись и стушевывались хитросплетенными, успокоительными рѣчами наставниковъ короля — іезуитовъ. Король тщательно подготовлялъ излюбленное имъ сліяніе. Въ несчастныхъ русско-литовскихъ земляхъ онъ открылъ, по примѣру польскихъ, повѣтовые сеймики, для первоначальныхъ работъ, приравниванія, сближенія всѣхъ народностей, а къ 23 декабря 1568 г. собралъ общій польско-литовскій съѣздъ въ Люблинѣ.

Торжествуетъ тѣнь фанатичной Пястовны. Возросло сѣмя, посѣянное юною Ядвигой. Жертва, принесенная ею на алтарь отечества, принесла, почти черезъ два вѣка, плоды сторицею! Не одна Литва Гедимина, Ольгерда переходила подъ ярмо Польши. Она влекла за собою въ бездну горя и страданій и тѣ земли, которыя эти храбрые литовскіе вожди отвоевали у ослабѣвшей, покоренной тогда татарами Руси. Польскіе паны, вполнѣ довольные, гордые,

могли явиться въ Люблинѣ, на зовъ державца, такъ предупредительно отдававшаго имъ въ полонъ свое родовое добро. Они являлись вѣнчать свою почти двухвѣковую политику. При полной отъ нихъ зависимости выборнаго короля, они являлись дѣйствительными рѣшителями судебъ на громадномъ пространствѣ отъ сѣверной Жмуди включительно до самыхъ Карпатъ. Правда, на Востокѣ уже ярко горѣла утренняя заря возрождавшейся православной Руси. Но, вѣдь, именно для борьбы съ этимъ ненавистнымъ лучезарнымъ свѣтиломъ, со своею вѣковою соперницею, и вставала католическая Польша, сливая съ своими силы сосѣдней Литвы.

Не многочисленны были ряды литовцевъ на Люблинскомъ сеймѣ. Медленно съѣзжались послы изъ за лѣсовъ своей хмурой, но любимой родины. Не могли же они охотно хоронить свое политическое существованіе. Черезъ мѣсяцъ, 10 января 1569 г., можно было открыть сеймъ, все же при положительномъ численномъ меньшинствѣ представителей Литвы. Самыми ревностными борцами за родное, хотя уже и проигранное дѣло были протестанты: князь Николай Рыжій Радзивиллъ,—воевода виленскій и канцлеръ литовскій, наслѣдовавшій эти званія по смерти своего брата, князя Николая (1565 г.), Иванъ Ходкевичъ, староста жмудскій, и Евстаѳій Воловичъ, староста брестскій. Въ рядахъ православныхъ борцовъ были магнаты—князья: Константинъ Острожскій, Константинъ Вишневецкій, Александръ Чарторыйскій, Романъ Сангушко. Они не хотѣли входить въ залъ совѣщаній, гдѣ засѣдали поляки, разбирая вопросы, касавшіеся уніи. Литовцы отдѣльно совѣщались съ королемъ о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, моля сохранить имъ ихъ вѣковую

самостоятельность, напоминая о своей преданности, о его клятвѣ при вступленіи на престолъ, указывая на вредныя послѣдствія порабощенія Польшей остальныхъ его земель. Сигизмундъ оставался непреклоннымъ. Поляки же настойчиво требовали литовцевъ на сеймъ для совмѣстныхъ трудовъ. Тѣ упирались, король сердился, приказывалъ. Они явились въ замокъ, но въ залъ засѣданій не входили. Долго ждали ихъ поляки, ходили къ королю. Наконецъ, рѣшились пустить въ ходъ пріемы вѣжливости. Первые вошли въ комнату, занятую литовцами. Краковскій епископъ держалъ предъ ними рѣчь, приглашая въ засѣданіе сената,—«двери отперты», выразился онъ въ заключеніе.—«Дѣйствительно, онѣ открыты, но есть еще рѣшетка», внушительно отвѣтилъ Радзивиллъ, поблагодаривъ за приглашеніе, «черезъ нее мы перейти не можемъ, развѣ король самъ ее сниметъ». Онъ этимъ подчеркивалъ, что литовцы согласятся идти только тогда, когда выполнитъ король ихъ просьбу.

Опять потянулись переговоры. Литовцы упирались. Имъ страшно не хотѣлось польскаго ига, хотя, съ другой стороны, сильно боялись напора москалей... Король сговаривался съ поляками, придумывая, какой бы уловкой завлечь упорствующихъ? Они это провѣдали, испугались, разсердились, да и совсѣмъ уѣхали изъ Люблина, оставя только пословъ, выборныхъ отъ себя людей, и этимъ окончательно погубили свое дѣло. Король разсердился. Поляки-сенаторы воспользовались удобнымъ обстоятельствомъ и стали понемногу притягивать въ унію, по-одиночкѣ, слабѣйшія области, начиная съ Подлясья. Универсалъ объ его присоединеніи былъ изданъ 5-го марта, не смотря на сопротивленіе, протесты, слезы пословъ. Въ день присяги

выдающіеся представители области пробовали просить именемъ Бога—не нудить ихъ къ такому для нихъ постыдному поступку. Ихъ заставляли молчать: кого угрозой отнять имущество, кого обманомъ и льстивыми обѣщаніями.

Затѣмъ пришла очередь Волыни,—и тутъ не были на лицо лучшіе представители края. И тутъ дѣйствовали угроза, насилія, обманъ, ненадежныя обѣщанія. Защищать землю, пріобрѣтенную кровью, явились только нѣкоторые литовцы. Втуне были ихъ краснорѣчивые протесты, правдивые, умные доводы. Не выпуститъ Польша изъ своихъ цѣпкихъ объятій добра, разъ доставшагося, точно чудомъ, на ихъ долю.

Послѣ Подлясья и Волыни, заговорили и о Кіевѣ. Долго спорили о правахъ на стольный городъ нашихъ родныхъ князей Владиміровъ и Ярослава. Даже польскіе сенаторы считали возможнымъ оставить его Литвѣ. Король колебался положить руку на городъ, купленный литовскою кровью. Но послы польскіе стояли на своемъ. Спорили, кричали, хитрили, ссорились иновѣрные, иноплеменные намъ, исконные враги нашей Церкви православной, нашей русской народности за нашу собственность, нашу святыню, наше стародавнее освященное гнѣздо.

И мы, читая эти удручающія строки на неизгладимыхъ и вѣчно правдивыхъ скрижаляхъ міровой исторіи, должны сознаваться, что свары нашихъ удѣльныхъ князей, безхарактерность народныхъ вождей, косность, равнодушіе народа къ своимъ собственнымъ интересамъ отдали Подолію, Волынь и кіевскую землю сначала Литвѣ, а потомъ, черезъ нее, Польшѣ въ католическое плѣненіе.—«Слыхать, что Кіевъ отданъ. Волынцы требуютъ, чтобы къ нимъ присоединили,

отнявъ у насъ еще Берестье, Пинскъ и Кобринъ», съ ужасомъ повторяли литовскіе магнаты, собравшись за братской трапезой у жмудскаго воеводы Ивана Ходкевича.—«Совсѣмъ погибаетъ несчастная родина,—нигдѣ не видать луча надежды»!—«Враги-ляхи требуютъ у насъ же и войска для защиты государства», помянулъ кто-то изъ собесѣдниковъ.—«Для нашего же скорѣйшаго истребленія», со слезами на глазахъ, вздыхали присутствующіе.—«Гдѣ это слыхано или видано, чтобы отторгали земли безъ вѣдома законнаго правительства?» слышался раздраженный возгласъ на другомъ концѣ. «Даже Жмудь обѣщаютъ отнять, прусамъ отдать», понижая голосъ, сообщали хозяину дома.—«А насъ отдаютъ Москвѣ и все прикрываютъ именемъ его королевскаго величества».

Громкія рыданія послышались въ отвѣтъ на эти горькія рѣчи.—«Лучше умереть, чѣмъ дожить до этой пагубной уніи»! воскликнулъ Еронимъ Ходкевичъ, староста трокскій, дядя Ивана.—«Да, да», твердилъ онъ, ломая руки, «не дай Богъ дожить до этого сорому»! И дѣйствительно, въ ту же ночь скончался ревностный сынъ несчастной Литвы! Господь смиловался надъ нимъ, взялъ къ себѣ, положилъ конецъ его патріотическому мученію! А на другой день, 6 іюня 1569 г. князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, кіевскій воевода, принесъ присягу Сигизмунду на томъ, что согласился на присоединеніе къ Польшѣ Кіева и всей его области. Объ этомъ особенно молили волынцы. Несчастные, обездоленные наши единовѣрцы болѣзненно отстаивали свою связь съ родною святыней... «Пусть Кіевъ, вмѣстѣ съ нами отторгнутый отъ Литвы, будетъ считаться достояніемъ Польши», говорили они, думая, что общность горя поможетъ имъ отстаивать

и общія церковныя права, сохранить хотя призракъ областной независимости.

За Кіевомъ притянули въ унію Подолію. Оставалась одна убогая обобранная Литва. Напрасно возставали ея малочисленные защитники. Никто не внималъ ихъ горячимъ, умнымъ рѣчамъ. Иванъ Ходкевичъ взывалъ къ Божіей справедливостп. Онъ напоминалъ о гнѣвѣ Небесномъ. Краковскій епископъ отвѣчалъ увѣщаніемъ признать совершившееся, засѣсть въ сеймъ и работать надъ общими интересами. Литовцы просили ознакомиться съ привилегіею на унію. Ее имъ дали, а короля, страшась, что онъ смягчится, предупредили, что литовцы сильно бранятся. Но и Сигизмундъ сознался, что ихъ положеніе безвыходно.—«Они не могутъ не сердиться», сказалъ онъ, «невзгода ихъ немаловажная:—у нихъ, вѣдь, оборваны крылья». Это выраженіе совершенно вѣрно характеризуетъ дѣло. Бѣдняги, какъ утопающіе, ухватились за соломинку, лишь бы сохранить хотя какіе-нибудь остатки своей прежней независимости. Они ставили нѣкоторыя условія. «Король и сенаторы, истомленные безконечными преніями, готовы были согласиться на ихъ просьбы, но польскіе послы были неумолимы. Немыслима для нихъ даже тѣнь какой нибудь самостоятельности для обобранной уже Литвы. Они принуждали къ твердости и короля и сенаторовъ. Слабый и безхарактерный Сигизмундъ совсѣмъ измучился за послѣдніе дни. Онъ болѣе всѣхъ трудился надъ дѣломъ соглашенія, поперемѣнно ходилъ то въ одну, то въ другую залу, усовѣщивалъ однихъ—сбавить свои требованія, другихъ—быть податливѣе. Особенно тяжко пришлось ему въ послѣдніе дни—24-е и 25-е іюня. Болѣе 6-ти часовъ подъ-рядъ проводилъ онъ въ переговорахъ, усовѣщиваніяхъ, упрашива-

ніяхъ. Наконецъ, онъ истомился. Литовцы уступили, сжалившись надъ его усиліями. Немилосердая Польша взяла верхъ. 25-го іюня, въ торжественномъ засѣданіи сейма, Ходкевичъ отъ имени обобранной, обездоленной Литвы произнесъ трогательную рѣчь. «Приносимъ вашему величеству», подъ конецъ сказалъ онъ, «нижайшую нашу просьбу—такъ провести къ концу это дѣло (унію), чтобы оно не влекло за собою порабощенія и позора намъ и потомкамъ нашимъ. Будьте сами стражемъ и умирителемъ этого дѣла, и если вы его совершите въ любви, то это будетъ для насъ величайшею милостью. Мы доведены теперь до того, что должны пасть съ покорнѣйшею просьбою къ ногамъ вашего величества». При этихъ словахъ всѣ литовцы въ слезахъ, рыдая, пали на колѣни. Ходкевичъ продолжалъ: «Именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помни нашу службу, нашу вѣрность тебѣ, нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы! Благоволи такъ устроить насъ, чтобы всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранено было наше доброе имя и твоя, государева, совѣсть. Именемъ Бога молимъ тебя помнить, что ты намъ утвердилъ своею собственною клятвенною присягою».

Пробрали эти слова даже косныя сердца поляковъ. Всѣ въ залѣ плакали отъ жалости. Говорили еще нѣсколько краснорѣчивыхъ рѣчей. Самъ король торжественно увѣрялъ литовцевъ въ своей благосклонности и заботливости о ихъ благѣ. Несчастные, наконецъ, уступили, признали унію совершившеюся и подписали смертный приговоръ своему гражданскому бытію. Они признали полное обезличеніе литовской и русской народностей, сліяніе ихъ съ жизнію государства, чуждаго имъ по преданіямъ, вѣрѣ и обычаямъ.

Литовцы въ слезахъ, рыдая, пали на колѣни. (Къ стр. 174).

Совершилось это преступное, вопіющее дѣло по наущенію, подъ вліяніемъ іезуитовъ, усердныхъ слугъ католицизма, искавшаго въ уніи опору себѣ, въ борьбѣ съ двумя поднимавшимися врагами:—протестантизмомъ, усиливавшимся на Западѣ, и Москвою, все выше и выше поднимавшею на Востокѣ стягъ русской народности и вѣры православной.

ИСТОЧНИКИ:

1) Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Т. VII. Вильна.

2) *И. Малышевскій.* Люблинскій съѣздъ.

3) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи. Т. VI.

4) *М. О. Коялович.* Чтенія по исторіи Западной Россіи.

5) *Д. Иловайскій.* Исторія Россіи. Т. III. Московско-Царскій періодъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Вильна, Галичъ. 1387—1388. 1

Литовская княжна Софія Витовтовна. 1390 г. 9

Кіевъ, Смоленскъ, Вильна. 1392—1395—1398 г.г. 23

Побѣда славянъ надъ нѣмцами, 15 іюля 1410 г. 38

Свидригайло 1418—1437 г.г. 57

Месть за гнетъ народный. 1440 г. 70

Кіевъ 30 августа 1481 года. 80

Москва заговорила. 89

Минскъ 13 августа 1500 года. 107

Православная польская королева Елена Іоанновна. 119

Не урокъ, а быль. 132

Королева католичка. 145

Люблинская унія 28 іюня 1569 года. 161

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ IV

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы и 16-ю рисунками въ текстѣ

Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

Цѣна 60 коп.

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

I. Учебныя руководства и пособія.

1) Евангеліе на слав. яз., въ бум. 20 к.—2) Краткій молитвословъ на слав. яз., въ бум. 4 к.—3) Псалтирь учебная, въ бум. 25 к.—4) Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ, въ бум. 20 к.—5) Октоихъ, сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осми гласовъ, въ бум. 20 к.—6) Церковно-славянская азбука. Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—Двѣ таблицы буквъ къ сей азбукѣ, 5 к.—7) Обученіе церковно-славянской грамотѣ въ церковно-приходскихъ школахъ и начальныхъ училищахъ съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объясненіями для учителей. Сост. Н. И. Ильминскій: книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 20 к.—8) Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Годъ 2-й и 3-й обученія. Сост. Н. Ѳ. Одинцовъ и В. С. Богоявленскій, въ бум. 35 к.—9) Тернавцевъ. Наша школа. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к.—10) Его же. Наша школа. Второй годъ обученія, ц. 25 к.—11) Начальные уроки по Закону Божію П. С. Изданіе 8-е. Спб. 1899, въ бум. 5 к.—12) Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта, на слав. яз., ц. 20 к.—13) Начатки христіанскаго ученія, въ бум. ц. 6 к.—14) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ, П. А. Смирнова, въ бум., ц. 15—к. 15) Наставленіе въ Законѣ Божіемъ,—Епископа *Агаѳодора*, въ бум. ц. 15 к.—16) О Богослуженіи православной Церкви,—Епископа *Гермогена*. Изд. 3-е Спб. 1903, въ бум. 20 к.—17) Обиходъ учебный нотнаго пѣнія употребительныхъ церковныхъ роспѣвовъ. Москва. 1902, въ пер. 30 к.—18) Краткое руководство къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 25 к.—19) Азбука хорового пѣнія, съ практическими упражненіями и краткою хрестоматіею. Сост. Д. Н. Соловьевъ, въ бум. 50 к.—20) Касторскій. Первыя ступени обученія пѣнію, ц. 20 к.—21) 1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. С. А. Рачинскій. Спб. 1899, въ бум. 15 к.—22) Программы: а) для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, въ бум. 15 к., б) для второклассныхъ школъ, ц. 20 к. и в) для церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—23) Правила и программы испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы, въ бум. 5 к.—24) П. Цвѣтковъ. Методическія замѣтки о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, составляющихъ курсъ начальной ариѳметики, и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—25) Его же, Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ обученія, ц. 15 к. Третій годъ обученія, ц. 10 к.—26) Русскія прописи для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ЗАПАДНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ IV

СТРАДАНІЯ ЗАПАДНОЙ РУСИ

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны

и съ 16-ю рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СѴНОДѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

1906

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1906 года.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

САМОДЕРЖАВНЫЙ ЦАРЬ

на стражѣ нашей западной окраины.

1224—1558 гг.

ТРИ вѣка протекло съ тѣхъ поръ, какъ подъ пылавшими развалинами, подъ грудами жгучаго пепла, пала русская твердыня на крутомъ откосѣ, на берегу тихаго Эмбаха.— Построенный нашимъ мудрымъ Ярославомъ (1053 г.), православный Юрьевъ былъ взятъ приступомъ нѣмцами-крестоносцами въ 1224 году. Въ неравномъ бою, въ дыму пожара похоронилъ несчастный городъ своего прирожденнаго князя Вячко, изъ славнаго Рюрикова племени. Не поддержала вольница новгородская русскаго дѣла! Народное вѣче не поняло нуждъ родной земли! Личныя свары, неурядицы затемнили умы, извратили разумъ, помѣшали понять долгъ гражданъ передъ родною землею и православною Церковью. Никто не пришелъ на помощь горсти храбрецовъ. Пала русская твердыня подъ напоромъ рыцарскихъ полчищъ, поглотивъ въ своемъ разгромѣ языческую чудь, корсь и ливовъ.

Вѣка проходили обычной чередой. На мѣстѣ гибели славныхъ сподвижниковъ Вячко, на костяхъ нашихъ родныхъ храбрецовъ и ихъ вѣрныхъ языческихъ данниковъ гордо подняла къ небесамъ нѣмецкая твердыня стройныя маковки своихъ крѣпостныхъ башенъ, церковныхъ колоколенъ, многочисленныхъ костеловъ и монастырей. Уже четвертый вѣкъ процвѣтаетъ католическій Дерптъ. Вокругъ него, по всей Ливоніи, раскинулось до полутораста богатѣйшихъ рыцарскихъ замковъ.—Эти каменныя твердыни, воздвигнутыя, точно неприступныя крѣпости, не разъ сослужили добрую службу своимъ титулованнымъ владѣльцамъ. Не большого труда стоило находникамъ истребить языческую вѣру. Тихій туземецъ, подъ гнетомъ нужды, изъ-за куска хлѣба, покорился злому року, принялъ вѣру своихъ мучителей и сдѣлался ихъ подневольнымъ рабомъ, труженикомъ, точно вьючнымъ животнымъ. Храня въ тайникѣ души, въ семейной, личной жизни преданія, обычаи, суевѣрія предковъ, дорогой исчезнувшей старины, полудикій народъ носилъ въ сердцѣ непримиримую вражду къ злому недругу—покорителю. Именитые рыцари были безчеловѣчными, хотя прекрасными, хозяевами. Страна богатѣла, земля цвѣла, тщательно обработанная даровыми руками подневольныхъ рабовъ.

Она славилась своими огромными торговыми оборотами и сношеніями съ нашими вѣчевыми общинами Новгородомъ да Псковомъ,—и со всѣмъ Ганзейскимъ союзомъ. Купцы были сильны, вліятельны своимъ богатствомъ, своими связями съ Европой. Строптивое рыцарство положительно считалось съ ними. Все процвѣтало на почвѣ безправнаго владычества грубой силы завоевателей надъ безотвѣтнымъ, безвольнымъ туземцемъ.

Рыцари-монахи забыли въ безграничномъ довольствѣ обѣты нищеты, смиренія, труда, милосердія. Оскудѣвала постепенно ихъ древняя доблесть. Исчезли суровые нравы прежнихъ крестоносцевъ. Забыты подвиги храбрыхъ въ борьбѣ съ исламомъ, на поляхъ Малой Азіи и Африки. Все славное прошлое утонуло въ безславной роскоши веселыхъ пировъ и развлеченій. Затуманивался разумъ, воля пропадала, сглаживалось изъ памяти евангельское ученіе о жизни въ любви и трудахъ на благо страждущихъ, нуждающихся ближнихъ. Эта разлагавшаяся почва была, какъ нельзя болѣе, пригодна для распространенія протестантства, проникнувшаго въ орденскія земли изъ сосѣдней Пруссіи. Совершенно безуспѣшны оставались попытки рижскаго архіепископа Бланкенфельда удержать строгими мѣрами волну новаго вѣроученія. Оно распространялось все съ большимъ успѣхомъ, благодаря самоуправленію, установившемуся въ значительныхъ городахъ: Ревелѣ (наша Колывань) и Дерптѣ (Юрьевѣ). Да и самъ магистръ ордена Плеттенбергъ вообще относился безучастно къ борьбѣ латинства съ протестантизмомъ. Въ распрѣ же рижскихъ горожанъ съ католическимъ архіепископомъ, онъ открыто всталъ на ихъ сторону, противъ своего единовѣрца.

Въ Ливоніи, какъ въ зеркалѣ, отражались событія, волновавшія тогда всю Германію. Появились послѣдователи секты анабаптистовъ и иконоборцевъ. Съ безчинствомъ, насиліемъ, громили они храмы Божіи. Изъ костеловъ выбрасывали алтари, или престолы, образа, статуи, называя ихъ языческими идолами. Съ яростью выгоняли изъ монастырей перепуганныхъ монаховъ и полуживыхъ отъ страха смиренныхъ черничекъ. Разрушали церкви, гдѣ могли, ко-

ществено называя ихъ капищами. Подняли руку даже на дерптскую православную церковь, воздвигнутую нашимъ набожнымъ купечествомъ.

Черныя вѣсти понеслись на Востокъ. Въ Москвѣ насторожились. Уже давно доносились съ Запада слухи о тамошнихъ неурядицахъ. По примѣру дѣда и отца, нашъ грозный Царь—Іоаннъ Васильевичъ не спускалъ своего орлинаго глаза съ литовско-польской окраины. За Востокъ онъ былъ тогда уже покоенъ. Казанское царство лежало у его ногъ. Онъ могъ всецѣло сосредоточить свои важныя думы на вопросахъ относительно Запада: могъ въ волю размыслить объ исконныхъ стремленіяхъ предковъ—вернуть древній путь къ излюбленной, необходимой Балтикѣ. Ему на руку складывались обстоятельства.

Въ 1554 году истекалъ срокъ пятидесятилѣтняго перемирія, заключеннаго Іоанномъ III съ магистромъ Плеттенбергомъ. О продолженіи договора еще на тридцать лѣтъ пріѣхали просить нашего Царя послы ливонскаго магистра, рижскаго архіепископа и дерптскаго епископа.

— «Кончается полувѣковое наше перемиріе съ твоею державою, великій Государь. Принесло оно намъ немало обоюдныхъ выгодъ,—повели твоимъ намѣстникамъ Новгорода и Пскова заключить съ нами новое перемиріе на тѣхъ же выгодныхъ условіяхъ!» Такъ заявили ловкіе нѣмцы представителямъ Іоанна Грознаго, окольничему Алексѣю Ѳеодоровичу Адашеву и дьяку Висковатову. — «А по какому праву юрьевскій епископъ не платитъ установленной Москвою дани? Зачѣмъ ливонскіе нѣмцы обижаютъ русскихъ гостей? Да къ тому же въ Ригѣ, Ревелѣ и самомъ Юрьевѣ они не только присвоили себѣ наши право-

славные храмы, а еще и разграбили ихъ, нѣкоторые же такъ и совсѣмъ разрушили?»—строго, въ свою очередь, стали опрашивать нѣмцевъ русскіе люди отъ имени своего Государя.—«Ни о какой дани мы николи ничего не вѣдали», заговорили, дѣйствительно озадаченные, нѣмцы: «обижать же никого и никто у насъ не думаетъ.»—«Чудно вы говорите»,—отвѣчали имъ. «Неужели не знаете, что ваши праотцы пришли изъ-за моря въ Ливонію и заняли эту землю силою? Много крови за нее пролилось въ тѣ времена. Взмиловались прародители Великаго Государя, остановили войну, дозволили находникамъ на многіе вѣка жить мирно въ Ливоніи съ тѣмъ только, чтобы они за то платили исправно опредѣленную дань. Предки ваши на своемъ обѣщаніи были неисправны и не дѣлали того, что слѣдовало. Теперь вы должны представить полностью все, что не доплачено за прежніе годы. Если же не дадите охотою,—то Государь возьметъ силою. Тогда уже будетъ не до перемирія.»

Не нравились посланцамъ эти рѣчи. Откуда взять имъ такую уйму денегъ? Что скажутъ пославшіе ихъ? Никакъ не ожидаютъ они такого оборота дѣла. Хотѣлось бы какъ-нибудь изловчиться, провести москалей,—да не удалось. Бояре не дали воли разглагольствовать, они твердо предъявили волю Царя: послать отъ себя пословъ въ Дерптъ для окончательнаго скрѣпленія условій о платежѣ подати не позже двухъ лѣтъ, а потомъ уже думать и о перемиріи.

На этомъ отъѣхали нѣмцы въ Новгородъ, гдѣ намѣстникъ, исполняя волю Государя, подписалъ договоръ и послалъ съ ними Келаря Терпигорева. Онъ строго наказалъ, чтобы Дерптъ не хитрилъ съ данью, а вся Ливонія не мѣшала бы европейскимъ купцамъ, реме-

слепшикамъ, художникамъ, ученымъ проѣзжать въ Россію по орденскимъ землямъ; чтобы разоренные православные храмы были возстановлены, и назначены пограничные судьи, совмѣстно съ нашими, для разбирательства пограничныхъ ссоръ и разногласій.

Волновался нѣмецкій Дерптъ, ждалъ возвращенія своихъ пословъ, ждалъ отвѣта московскаго Царя, рѣшенія своей участи. Отношенія его къ сосѣдямъ были ненадежны. Литва и Польша дружили съ Швеціей, и обѣ вмѣстѣ грозили Ливоніи. Приходилось хоть и не съ охотой, но все же съ почетомъ, ласково принимать москалей.

Собралъ епископъ въ своемъ замкѣ свой и городской совѣтъ, приглашены были и земскіе чины, чтобы, какъ можно торжественнѣе, обставить встрѣчу московскихъ людей, да и обсудить совмѣстно важное государственное дѣло.

—«Царь и великій князь всея Россіи, Иванъ Васильевичъ приказалъ спросить о здоровьи епископа и гермейстера!»—важно повелъ свою рѣчь Келарь Терпигоревъ. «Присылали вы къ намъ, на Москву, вашихъ пословъ просить Государя Царя и великаго князя продолжить перемиріе. Вотъ и грамота на томъ, что Государь многомилостиво согласился на вашу просьбу на тѣхъ условіяхъ, что въ грамотѣ написаны и скрѣплены подписью вашихъ посланцевъ. Они же и свои печати привѣсили съ тѣмъ, что здѣсь епископъ и гермейстеръ ихъ отрѣжутъ и вмѣсто того свои привѣсятъ, я же скоростью отвезу ихъ своему пресвѣтлому Царю Государю.»

Нѣмцы переглянулись. Епископъ съ достоинствомъ поблагодарилъ за спросъ нашего Государя о его здоровьи, обѣщалъ не замедлить отвѣтомъ и про-

силъ пословъ обождать въ ихъ помѣщеніи. Неугомонный Терпигоревъ, откланиваясь, внушительно повторилъ: «Не будетъ мнѣ скоро отвѣта, отъѣду я и безъ него, ждать не буду.»

Гордые нѣмцы опѣшили. До нѣкоторыхъ изъ нихъ дошли уже слухи о московскихъ переговорахъ. О тяжелыхъ для нихъ условіяхъ уплаты огромныхъ денегъ прочитали они въ договорной грамотѣ, да кромѣ того и точныя поясненія дали имъ вернувшіеся изъ Москвы довѣренные люди.—«Какъ привѣшивать свою печать къ такому условію?»—«Гдѣ добыть такую уйму денегъ?»—«Платить? Такъ, значитъ, идти прямо въ неволю, въ кабалу къ московскому Царю.»—«Не платить? Все едино,—съ бою возьмутъ нашу землю, и безъ большого труда возьмутъ. Черный народъ, вся эта неразумная голь искони льнутъ къ Руси. Отъ насъ они теперь скорехонько отвернутся.» Дерптскій бюргермейстеръ замѣтилъ съ большимъ достоинствомъ: «По моему, тутъ и толковать не о чемъ: разъ постановлено, припечатано,—мы должны исполнить. И не честно, и опасно отказываться,—силой возьмутъ, до тла разорятъ.»

Торжественно поднялся канцлеръ епископа. Собраніе насторожилось. Юргенъ Гольтшюръ считался умникомъ, ловкачемъ.—«Господинъ бюргермейстеръ, разсуждайте себѣ о льнѣ, козлиныхъ шкурахъ, торговыхъ оборотахъ. А эти вопросы не вашего ума дѣло! Согласиться на уплату денегъ мы должны, не то московскіе дикари насъ разорятъ до тла. Но соглашаться и выполнять—двѣ вещи разныя. Мы должны дѣйствовать осмотрительно. Позовемъ опять посла, прочитаемъ ему въ слухъ договорную грамоту, приложимъ печати, какъ быть должно. А въ препово-

дительной бумагѣ и пояснимъ, что можемъ выполнить договоръ только тогда, когда получимъ на то разрѣшеніе римскаго императора, верховнаго леннаго государя Ливонской страны, такъ какъ безъ его позволенія мы не имѣемъ права выполнить такое невыносимое вымогательство.»

Ловкій совѣтъ очень поправился почтенному собранію. Къ императору отправили гонца, моля заступиться передъ грознымъ владыкою Москвы, отвратить зло отъ дерптскаго епископства. Посла же пригласили снова въ замокъ. Торжественно вручили Терпигореву грамоту съ новыми печатями, потомъ ораторъ сталъ читать протестъ, а писаря записывали.—«Это что они творятъ?» спросилъ нашъ посолъ у толмача. Ему пояснили.—«А какое-же дѣло моему Государю до императора? Не станете дани платить,—сами возьмемъ.» Потомъ, кладя грамоту въ карманъ, прибавилъ насмѣшливо: «Этого маленькаго ребенка надо кормить калачемъ, поить молокомъ: выростетъ,—заговоритъ,—много добра принесетъ нашему Царю! Смотрите,»—обратился онъ дружелюбно къ бюргермейстеру,—«припасайте денегъ побольше, выростетъ ребенокъ,—много ихъ у васъ попроситъ.» Нѣмцы переглянулись, призадумались.—«Припечатали мы Ливонію московскому Царю!» со вздохомъ сказалъ себѣ каждый изъ нихъ. А Терпигоревъ повезъ драгоцѣнный залогъ своему великому державцу.

Осторожные нѣмцы, ища поддержки на случай размолвки съ Москвою, сговаривались о союзѣ и съ Рѣчью Посполитой, и съ Швеціей, а къ намъ послали выборныхъ людей съ просьбою посбавить количество назначенной дани. Царь ихъ даже и не принялъ.—«Ужъ третій годъ на исходѣ, а вы не исправились

«Этого маленькаго ребенка надо кормить калачемъ, поить молокомъ: выростетъ,—заговоритъ,—много добра принесетъ нашему Царю!» сказалъ нѣмцамъ посолъ Терпигоревъ насмѣшливо, кладя грамоту въ карманъ.

(Къ стран. 8).

въ своемъ цѣлованіи,—такъ знайте же, что Государь самъ будетъ собирать свою дань на всей Ливонской землѣ!» Ни съ чѣмъ уѣхали послы. Имъ во слѣдъ, въ ноябрѣ 1557 года, понеслись къ рыцарскимъ землямъ грозныя слова московскаго Царя: «Мы, христіанскій Государь, не радуемся пролитію невинной крови ни христіанской, ни невѣрной. Познайте вашу неправду! Мы извѣщаемъ васъ о нашей могущественной, великой силѣ сею грамотою нашею, которою объявляемъ вамъ войну.» Заволновались нѣмцы. Въ Венденѣ собрался сеймъ по зову гермейстера. И опять отправили пословъ къ нашему Царю съ моленіями объ умилостивленіи, перемиріи, уступкахъ.—«А деньги?»—повторяли упорно слуги царскіе. «Такъ вы только изволочать дѣло хотите? Насъ дураками что ли считаете? Ѣзжайте же домой! Царь-Государь самъ соберетъ свою дань.»

На помощь просителямъ явилось богатое московское купечество. Войны ему не хотѣлось. Ужъ очень была выгодна торговля съ приморскими жителями.—«Мы дадимъ имъ въ долгъ, они намъ вернутъ! Прости имъ, Царь нашъ многомилостивый!» И слышать ничего не хотѣлъ Грозный рѣшитель судебъ восточной Европы. Послы уѣхали ни съ чѣмъ, и въ январѣ войско московское вторгнулось въ орденскія земли Ливоніи и пошло гулять по нимъ во всѣ стороны, подъ предводительствомъ Шигъ-Алея, бывшаго казанскаго царя.

Плавно скользила надъ Ливоніей продолговатою метлою зловѣщая комета, озаряя своимъ мертвящимъ блескомъ звѣздный небосклонъ. Испуганные этимъ мрачнымъ предзнаменованіемъ, ливы не давали намъ даже слабаго отпора. Безоружный народъ бѣжалъ

подъ защиту укрѣпленныхъ замковъ и городовъ, спасаясь отъ разрушительнаго потока. Да и было отчего убѣгать: армія татарскаго царя была составлена изъ его единоплеменниковъ и черкесовъ, ихъ данниковъ. Жестоко расправлялись они съ своими жертвами, хотя грабили, тѣснили, истязали преимущественно нѣмцевъ, щадя, по приказу царскому, туземцевъ. Тѣ и сами охотно, довѣрчиво сдавались нашимъ воеводамъ.

Опять въ Венденѣ засѣдаютъ бароны. Опять епископъ держитъ совѣтъ.—«Соберемте войско,» кричала молодежь, припоминая боевое прошлое своихъ удалыхъ предковъ. «Пойдемъ сами опустошать Московію. Наши дѣды, прадѣды справлялись же съ ихъ удѣльными князьками. Будто ужъ намъ ихъ и не одолѣть?»

— «Идти войной,»—вздыхали кто постарше,— «денегъ будетъ стоить. Врагъ-то хотя и тотъ же, да мощь уже не та: охъ, какъ сталъ силенъ! Тогда татары Москву одолѣвали.—А теперь? Казанскій царь, какъ подневольный, ведетъ своихъ татаръ, по мановенію руки Грознаго Ивана. Купленный, несправедливый миръ куда вѣрнѣе справедливой брани. Вѣрьте старикамъ: попримятужимся, соберемъ тысячъ шестьдесятъ талеровъ, пошлемъ ихъ съ поклономъ, купимъ ими миръ. Право же этого онъ стоитъ.» Прислушалось собраніе. Раскинуло своимъ практическимъ умомъ. Извѣстно было всѣмъ, что предмѣстникъ дерптскаго епископа растратилъ всю его казну. За то городъ отъ себя отдалъ все, что имѣлъ. Сложились Рига, Ревель, богачи, и общими усиліями собрали 60.000 талеровъ. Просили снова пропускной грамоты въ Москву, чтобы подъ ея охраной провезти собранныя сокровища.— «Путь чистъ», отвѣтили изъ Россіи, желая показать,

что лишь по принужденію, противъ воли ведутъ войну, кровополитіе.

Ѣдутъ нѣмцы съ передышкой. Везутъ свой выкупъ. Умомъ раскидываютъ, какъ бы уплатить имъ возможно меньше дани, ловчѣе пожаловаться Царю на то, что его ратные люди въ конецъ разорили всю дерптскую землю,—не съ чего дань-то собирать. Сумѣть бы разжалобить Москву, обойти вѣрныхъ слугъ царевыхъ, подешевле откупиться отъ татарскихъ погромовъ, заполучить такъ горячо желанный миръ. Пріѣзжаютъ въ Бѣлокаменную. Подвозятъ ихъ, по обычаю, къ посольской избѣ.—Глядь,—а тамъ есть и другіе постояльцы, да еще какіе! Земляки, съ береговъ Наровы. «Зачѣмъ ихъ принесло? Что приключилось? Какія дѣла они явились здѣсь устраивать?» Тревожно ставили себѣ эти вопросы осмотрительные ливонцы. А имъ поклонъ отдаютъ чуть не въ слезахъ люди изъ Ругодива (Нарвы). Грустные, приниженные, они точно стыдятся своихъ дерптскихъ собратій. На торопливые вопросы отвѣчаютъ односложно, спотыкаясь:— «Крестъ мы цѣловали на подданствѣ здѣшнему Государю». — «Вы, значитъ, бѣжали?» — «Да нѣтъ, по своей, т. е. по Божьей волѣ, Ругодивомъ съ землями и угодьями поклонились Царю московскому. Да и не онъ одинъ! Говорятъ, москали идутъ да идутъ, покоряя своему Царю все, что только глазомъ обоймутъ». Бѣдняги обмерли отъ удивленія, горя, неожиданности.—«А съ нами-то что же теперь будетъ?» шевельнулось въ ихъ отуманенныхъ мозгахъ.—«Пропало наше дѣло; какъ заговорить о немъ?»

И дѣйствительно, Царю-Батюшкѣ было не до нихъ. Онъ, вмѣстѣ съ своимъ народомъ, былъ обиженъ вѣроломствомъ ливонцевъ. При полномъ мирѣ, тишинѣ,

со стѣнъ Ругодива они открыли огонь по Иванъ-городу. Рѣка Нарова отдѣляла обѣ твердыни. Наши набожные воины молитвенно проводили Страстную недѣлю, ходя цѣлыми толпами въ церкви Божіи, постились, молились, готовились къ Св. Причащенію. Съ высоты своихъ стѣнъ все видѣли нѣмцы-лютеране, да и давай, забавы ради, стрѣлять въ беззащитныхъ богомольцевъ. Падали невинныя жертвы, проливалась безвинная кровь. Наши молчали, честно выдерживая законъ перемирія. Въ Москву же все-таки послали гонца: — «Ругодивъ нарушилъ условія».— «Стереть вѣроломную твердыню!» отвѣтила Москва. И поднялась пальба. Черный народъ возмутился. Помимо его затѣяли ссору, а теперь онъ же платись, неси всѣ ужасы кровавой расправы. Городъ загорался во многихъ мѣстахъ. Жители вопили о мирѣ, требовали сдачи. Ими руководили приверженцы Россіи,— Іоакимъ Крумгаузенъ и Арндъ фонъ-Деденъ. Ихъ и еще нѣкоторыхъ послали горожане черезъ рѣку молить, чтобы русскій Царь принялъ Нарву на свое имя. Они не стояли за своего фохта, отказывались отъ мейстера и всей орденской земли.

Приняли слезную просьбу московскіе люди. Оставили себѣ заложниковъ изъ числа пословъ, остальныхъ же препроводили въ Бѣлокаменную, къ Царю-Батюшкѣ на благоусмотрѣніе. Перваго мая явились они въ Москву. Долго толковали съ ними слуги царскіе. Пробовали было нѣмцы оправдываться, объяснять, что рыцари съ-пьяна начали стрѣльбу, не цѣлясь, направляли пушки. Но сами скоро поняли, что все это ни къ чему. Правда и сила на нашей сторонѣ. Скрѣпя сердце, въ присутствіи самого Государя, Іоакимъ Крумгаузенъ и фонъ-Деденъ цѣловали крестъ

и поклонились Царю всею ругодивскою землею и самимъ Ругодивомъ и замкомъ-Вышгородомъ. Только просили они насъ — обезоружить фохта (князя): имъ съ нимъ не справиться. Но клятвенно обѣщали не стоять за него.

Ихъ отпустили домой съ честью, выдали жалованную грамоту на томъ, что они за себя и за своихъ цѣловали крестъ въ знакъ подданства Царю Ругодива съ Вышгородомъ и всѣми принадлежащими имъ землями. Въ подтвержденіе же царской милости къ новымъ подданнымъ, Государь отпустилъ пословъ съ своимъ вѣрнымъ человѣкомъ, Ѳеодоромъ Писемскимъ, который долженъ былъ передать нашимъ воеводамъ приказъ Царя—защищать жителей вновь пріобрѣтенныхъ земель отъ посягательства гермейстера и его ордена.

Пока въ Москвѣ такъ мудро улаживали мирное пріобрѣтеніе важнаго и нужнаго земельнаго участка, на берегу Наровы страсти снова разыгрались. По отъѣздѣ пословъ, конечно, стихли выстрѣлы, замолкъ грохотъ пушекъ, пожары потухли, опасность миновала. Дышится свободно, живется тихо, покойно. Можно, пожалуй, и позабыть о недавнихъ страстяхъ и ихъ послѣдствіяхъ, объ отправкѣ въ Москву пословъ съ повинной, о молчаніи, конечно, временномъ русской крѣпости. Кто поумнѣе, конечно, понималъ, что всего-то неудобно забывать, лучше думать и хорошенько думать о самозащитѣ. Подумавъ, и сообразили, что силъ у нихъ недостаетъ, нужно подкрѣпленіе,— и послали скорешенько молить о немедленной помощи феллинскаго командора Готгардта Кетлера. Онъ поднялъ гаррійскую и вирландскую земщину, да приказалъ ревельскому командору послать впередъ риж-

скихъ и ревельскихъ кнехтовъ (наемное войско, содержимое городами). 30 апрѣля всѣ эти отряды уже входили въ Ругодивъ, усиливая этимъ городской гарнизонъ. Тѣ же отряды, что не умѣстились въ стѣнахъ, стали лагеремъ вокругъ нихъ.

Наши, узнавъ объ этомъ движеніи, разставили сторожевые отряды; бывали съ ними и стычки. Плѣнные нѣмцы разсказали, какъ ругодивцы уже позабыли, что послали своихъ людей на Москву, — отказываются отъ желанія передаться русскому Царю, просятъ еще помощи у ордена,—пожалуй, что и стрѣлять начнутъ! Призадумались наши воеводы. Досада беретъ. Приходится гонцовъ посылать на Москву, говорить, что не все благополучно въ Иванъ-городѣ, не надѣются они обойтись безъ кровопролитія.—«Жаль огорчать Царя, да ничего не подѣлаешь», озабоченно говорили они, обходя стѣны, оглядывая пушки и людей. Вдругъ надъ ихъ головами небо освѣтилось яркимъ заревомъ.—«Гдѣ, что горитъ?» озираясь, спрашивали они другъ друга. Черезъ рѣку неслись облака пламени и дыма. Горѣла Нарва, и вѣтеръ разносилъ огонь съ ужасающей силой. Русскіе бросились черезъ рѣку, кто въ лодкѣ, кто на доскѣ, кто срывалъ ворота съ петелъ и, усаживаясь на нихъ, переплывалъ къ мѣсту пожара. Солдаты заряжали пушки и пускали въ городъ ядра, гранаты. Со стѣнъ замка попробовали отвѣчать,—напрасно. Наши выперли городскія ворота и разсыпались по улицамъ. Имъ никто не сопротивлялся. Жители въ безотчетномъ страхѣ бѣжали за городъ, въ лагерь, къ своимъ спасителямъ. Туда же выступили и кнехты, не желая отстаивать невозможное. Говорятъ, что наши православные воины преусердно помогали тушить огонь. Подъ пе-

пломъ нашли они образъ Св. Николая Чудотворца, который, будто бы, передъ пожаромъ, одинъ лютеранинъ бросилъ въ огонь подъ котелъ съ пивомъ. Мгновенно послѣдовалъ взрывъ. Пламя огненнымъ столбомъ поднялось къ потолку, комната, домъ загорѣлись съ неудержимой быстротой,—и это было причиной пожара. Теперь же, когда наши подняли святыню, невредимо лежавшую ликомъ къ огню, пожаръ сталъ видимо стихать и постепенно совсѣмъ потухъ.

Войска, шедшія на помощь Нарвѣ, въ недоумѣніи остановились, видя, какъ кнехты покидаютъ сгорѣвшій городъ. Крѣпость осталась безпомощною, но осажденные напрягали послѣднія, отчаянныя усилія отбить наши натиски. Нѣсколько разъ уговаривали храбрецовъ къ сдачѣ и благоразумные горожане и наши воеводы, обѣщая, что мы не тронемъ ни ихъ самихъ, ни ихъ имущества. Они все держались въ ожиданіи помощи, которая однакоже ни откуда не появлялась. Наконецъ, совершенно обезсиленные враги уступили! Русскія войска съ честью проводили ихъ въ нѣмецкій лагерь. Имъ даже дали двухъ русскихъ заложниковъ, какъ ручательство въ томъ, что никто у нихъ ничего не отниметъ.

12 мая 1557 года Нарва была окончательно взята нами. Ободренные успѣхомъ, чувствуя и правду и силу на своей сторонѣ, воеводы двинулись дальше. Углубляясь въ Ливонскую землю, они осадили Нейшлотъ. Съ помощью новгородскихъ и псковскихъ дружинъ, имъ удалось взять его 1 іюня, и тогда они двинулись еще дальше. Мѣстные жители, чухны отовсюду являлись къ русскимъ предводителямъ, передаваясь имъ цѣлыми толпами. Подъ Везенбергомъ, который еще раньше покинутъ былъ рыцарями, какъ и

подъ Тольсбургомъ, даже не пришлось сражаться. Фохты безъ боя уступали крѣпости, покидая города со всѣмъ своимъ имуществомъ. Они бѣжали въ Данію, утѣшая себя надеждою, что за нихъ заступится король, вернетъ завоеванное московскими войсками.

Такимъ образомъ пространство отъ Чудскаго озера до моря, по берегу озера и теченію Наровы, присоединилось къ русскому государству. Въ Москву летѣли вѣсти одна отраднѣе другой. Счастливый Царь вмѣстѣ съ народомъ горячо благодарилъ Господа за благодѣянія, дарованныя его подданнымъ. По городамъ и селамъ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, служили во всѣхъ церквахъ благодарственные молебны. Духовенство руководило восторженнымъ настроеніемъ вѣрующаго православнаго люда. Собирались пожертвованія по всей землѣ въ помощь государевой казнѣ, которую Іоаннъ Васильевичъ безсчетно расточалъ на построеніе православныхъ храмовъ въ отвоеванныхъ земляхъ. Въ Нарвѣ воздвигали городскую церковь въ честь Пречистой Богородицы, въ замкѣ же освятили Вознесенскую. Новгородскій архіепископъ разсылалъ архимандритовъ и священниковъ во вновь воздвигаемые храмы. Города выростали изъ пепла, ихъ укрѣпляли и украшали очень тщательно. Только иновѣрческіе храмы, по волѣ Царя, обращались въ православные, или же ихъ разбирали до основанія, употребляя камень на поправку старыхъ и возведеніе новыхъ городскихъ стѣнъ. Во исполненіе царскаго наказа, принимались мѣры къ успокоенію простого народа, водворяли бѣдняковъ въ ихъ прежнихъ жилищахъ, давали денежную помощь. Вся сила московскаго Царя и безсиліе ордена заключались въ обездоленныхъ толпахъ темнаго, чернаго люда. Онъ

шелъ охотно, цѣлыми толпами, въ подданство русскому Царю, спасаясь отъ ненавистнаго ига орденскихъ рыцарей.

Когда пріѣхали послы изъ Дерпта съ своею данью, Москвѣ было не до нихъ. Счастье улыбалось русскому оружію. Въ радостномъ единеніи съ Царемъ, народъ былъ поглощенъ вѣстями о побѣдныхъ подвигахъ своихъ войскъ на западѣ. Нѣмцы же все плакались, прося убавить непосильную подать, ссылаясь на то, что мы и безъ нихъ много получили съ Ливоніи.—«Уплатимъ, но не поголовную дань».—«Вамъ вѣрить нельзя»!—отвѣчали проученные уже бояре,—и хотя пообѣщались сбавить, со временемъ, назначенную сумму, но за то требовали, чтобы Ливонія формально уступила Россіи на вѣки-вѣчные все то, что военное счастье отдавало въ ея руки. На такую сдѣлку послы не имѣли полномочій, и ихъ отпустили, не взявъ даже привезенныхъ денегъ.

Наши войска, подкрѣпленныя сильнымъ, свѣжимъ отрядомъ, подъ предводительствомъ князей Петра Шуйскаго и Троерукова, шли прямо къ Нейгаузену. Его оставилъ на произволъ судьбы гермейстеръ Фюрстенбергъ. Храбрый малочисленный гарнизонъ отбивался на славу и палъ только предъ безмѣрно сильнѣйшимъ врагомъ. 30 іюня наши одолѣли, ворота подались. Но Шуйскій, изъ уваженія къ храбрости побѣжденныхъ героевъ, съ честью проводилъ изъ города начальника гарнизона Икскуль-фонъ-Паденорма и всѣхъ жителей, не пожелавшихъ присягнуть русскому Царю.

— «Путь къ намъ въ Дерптъ открытъ москалямъ»! съ ужасомъ кричали граждане, сбѣгаясь на совѣтъ. Кого просить, кого молить о помощи? Мощный го-

лосъ императора не могъ уже раздаться въ ихъ защиту: Карлъ V сошелъ съ престола и удалился въ монастырь. Его преемнику Фердинанду было не до Дерпта.—«Пошлемъ гонцовъ просить защиты у шведовъ!»—говорили одни.—«Нѣтъ, лучше обратимся къ Даніи,»—спорили другіе.—«Ближе бы снестись съ сосѣдней Польшей,—она не любитъ москвичей»! — доказывали третьи. Тогда среди почтеннаго собранія поднялся честный, мудрый бургомистръ Антоній Тиль. Глаза его полны слезъ, горькія думы омрачаютъ ясный лобъ престарѣлаго гражданина. Жаль ему бѣдной родины. Его голосъ звучитъ правдиво. Рѣчь разумна.—«Сколько дней толкуемъ мы, какъ себѣ помочь, и все еще ничего не придумали. Скажу я вотъ что: откуда бы мы ни призывали себѣ защитниковъ, — съ сѣвера, или съ юга, съ запада, или сѣверо-востока,—все равно: никто не возьмется безкорыстно воевать за насъ съ москвитянами. Прійдется намъ, чай, такъ или иначе платиться своими головами. Всего лучше, всего благоразумнѣе будетъ, если мы пожертвуемъ на пользу земли родной все наше частное имущество. Продадимъ всѣ свои сокровища, всѣ наряды нашихъ женъ и дочерей: навѣрное, тогда соберется много денегъ, — уплатимъ ими наемному войску и выйдемъ смѣло на врага. Встанемъ всѣ, какъ въ былые великіе дни. Будемъ биться до смерти, защищая твердыню».

Не вняли голосу честнаго гражданина. Епископъ заперся въ своемъ замкѣ. Русское же войско надвигалось, разгоняя попадавшіеся отряды, отнимая запасы и снаряды. Маленькія крѣпостцы по дорогѣ безъ боя сдавались врагу. Городъ былъ осажденъ. Шуйскій послалъ ему предложеніе сдаться, распуская

слухъ, что за нимъ идутъ еще и еще несмѣтныя полчища. Вопли, стоны раздавались въ Дерптѣ. Жители не могли сговориться, какъ защищать себя, свои семьи, свое добро. Расходились страсти. Рознь, религіозная вражда протестантовъ съ латинянами закипѣла пуще прежняго. Первые насильно заперли величественный католическій храмъ. Ревностные ксендзы собрали вокругъ себя изступленныхъ прихожанъ.—«Вашимъ кощунствомъ, безвѣріемъ вы накликали всѣ бѣды на наши головы»! вопили они съ церковной паперти, силясь отбить вѣковые запоры.—«Ливонію караетъ Богъ за отпаденіе отъ вѣры отцовъ. Гибнетъ родина изъ-за отпадшихъ изувѣровъ». Имъ отвѣчали лютеране безпримѣрнымъ кощунствомъ надъ святыней, честя католиковъ идолопоклонниками».—«Вы богоотступники, трусы, не умѣете защищаться»! сыпались упреки по адресу протестантовъ. Канцлеръ Гольтшюръ—лютеранинъ—заступился за своихъ.—«Мы готовы къ бою,—выпустите только насъ; мы рвемся помѣряться силами съ врагомъ. Мы не похожи на дворянъ вашего епископа, которые сегодня ночью, съ его благословленія, подъ покровомъ сгустившихся сумерекъ, оставили родныя стѣны и постыдно бѣжали прочь. Пустите только насъ, и мы покажемъ свою удаль».

Растворились желѣзныя ворота. Жители въ волненіи высыпали на городскія стѣны—слѣдить за предстоящимъ боемъ. Стонъ негодованія вырвался у всѣхъ. Безсильная злость закипѣла въ сердцахъ. Виднѣлись только спины выступившаго отряда. Онъ повернулъ туда же,—по дорогѣ къ Ригѣ,—куда только что направилась толпа дворянъ. За ними бѣжали граждане съ чадами, домочадцами, унося сокровища и движи-

мое имущество. Ихъ гналъ изъ родного мѣста безпредѣльный страхъ и ужасъ передъ русскими побѣдоносными силами. Проклятія сыпались вслѣдъ трусливымъ обманщикамъ. А съ востока, когда начала заниматься заря, глазамъ несчастныхъ жителей представились подходящія стройныя рати московскаго Царя.

Красиво, бодро, въ блестящемъ порядкѣ шелъ за строемъ строй. Не торопясь, занимали позиціи, видимо, разсчитывая вести правильную осаду. Пуще прежняго разволновался Дерптъ. Зашумѣла религіозная рознь.—«Не падайте духомъ! Мужественно стойте за себя, за женъ, дѣтей, родину святую, церковь католическую!»—восклицали ксендзы и монахи, окруженные оставшимися въ городѣ дворянами.—«Вы прогоните врага,—только встаньте единодушно, обратите на него всю силу вашего оружія». На это послышался строгій отпоръ. Сѣдой, высокій, крѣпкій старикъ вышелъ впередъ, помахивая костлявою рукою.—«Хорошо,—мы всѣ пойдемъ на москаля, но пусть же вашъ епископъ, навлекшій гибель Дерпта, и всѣ католики отрекутся отъ папистическихъ своихъ заблужденій и примутъ евангелическую истину»!

— «Какъ? мало еще всѣхъ бѣдъ ниспадаетъ на наши бѣдныя головы»? завопили католики. «Вы еще большихъ хотите несчастій? Все московское разореніе постигло насъ изъ-за вашего отступничества»!—«Полно вамъ! Бросьте споры! Не время заниматься личными распрями. Соединимся дружно, спасемъ родной городъ, присягнемъ не сдаваться, во что бы то ни стало, и сражаться до послѣдняго издыханія»!

Опомнилась толпа. Положили прекратить религіозные споры, усердно взяться за оружіе. Между тѣмъ

мы наступали безостановочно. Не вредили намъ нѣмецкія пушки. Не удержалъ нашихъ воиновъ смертоносный огонь. Безуспѣшны были частыя и упорныя вылазки горожанъ. Имъ приходилось плохо.

Къ епископу пошли депутаты отъ городского совѣта, требуя, чтобы были отправлены гонцы къ гроссмейстеру оповѣстить о гибели и требовать помощи. Плакалъ епископъ надъ общимъ горемъ, общимъ безсиліемъ, общей опасностью. Отъ гроссмейстера пришелъ тоже слезный отвѣтъ. Онъ былъ въ отчаяніи, обѣщалъ денно и нощно молиться за городъ, убѣждалъ твердо отстаивать свое добро, но помощи, войска онъ дать имъ не могъ. Жители были въ полномъ отчаяніи. Женщины, дѣти плакали, вопили. А Шуйскій все наступалъ, окружая городъ кольцомъ самаго разрушительнаго огня.

Что было дѣлать несчастнымъ?—«Мы сдадимся», сказали они епископу.—«У насъ нѣтъ ни боевыхъ снарядовъ, ни съѣстныхъ запасовъ. Русскіе же предлагаютъ почетную сдачу. Мы положимся на слово Шуйскаго. Онъ честный, добрый, ему можно вѣрить». Епископъ совсѣмъ растерялся. Не любилъ онъ схизматиковъ—москалей; претило ему сдаваться еретику. Но нельзя же идти противъ невозможнаго. Нѣтъ надежды на чью либо помощь. Всѣ покинули его городъ. Не сдаться? Такъ русскіе возьмутъ съ боя, будетъ еще хуже! Онъ согласился, чтобы горожане просили Шуйскаго о перемиріи. Князь обѣщалъ два дня подъ-рядъ не палить по городу.

Собрался совѣтъ, вся городская община, духовенство обоихъ исповѣданій. Поднялась сразу разноголосица, наступилъ раздоръ. Каноники были противъ сдачи. За ихъ мнѣніе стояли всѣ католики. Лютера-

не, напротивъ, желали мира. Только ихъ пасторы просили достопочтенный совѣтъ позаботиться о цѣлости церквей и школъ, о почтительномъ отношеніи къ ихъ святынѣ. Католики вопили противъ сдачи, доказывая недоказуемую возможность дальнѣйшаго сопротивленія, собирались сражаться на улицахъ, въ ожиданіи помощи гроссмейстера. Лютеране надѣялись на великодушіе Шуйскаго. Ихъ обвиняли въ измѣнѣ, впередъ отказываясь присягать побѣдителямъ. Донеслись вѣсти о смятеніи до нашихъ воеводъ. Князь послалъ сказать, что онъ не требуетъ поголовнаго подданства Царю. Кто изъ жителей не захочетъ присягать, можетъ удалиться изъ города, хотя бы въ Германію. Русскій воевода отвѣчалъ за полнѣйшую безопасность этихъ гражданъ и ихъ семействъ, равно за неприкосновенность ихъ имущества.

Антоній Тиль стоялъ на своемъ, онъ собирался покинуть городъ съ семьею и единомышленниками. Онъ винилъ въ сдачѣ чуть не самого епископа. Его опровергали, ему возражали, но, конечно, благодаря миролюбивому согласію Шуйскаго, ему никто не мѣшалъ удалиться. Члены же совѣта съ епископомъ во главѣ занялись изготовленіемъ условій сдачи Дерпта. Много и долго писали. Епископъ думалъ о себѣ, о своемъ полнѣйшемъ обезпеченіи, а потомъ уже о выгодахъ своей паствы. Лютеране требовали неприкосновенности своего вѣроученія. Отстаивали право не измѣнять вѣрѣ отцовъ. Купечество требовало пребольшихъ льготъ и свободы для своей торговли. Пунктовъ было много. Ихъ составили по-нѣмецки и уполномоченные отъ епископа повезли ихъ въ нашъ лагерь. Шуйскій привѣтливо принялъ дерптскихъ пословъ. Терпѣливо выслушалъ онъ требованіе, чтобы Госу-

дарь всѣ ихъ желанія выполнилъ, и скрѣпилъ грамоту своею золотою печатью, съ условіемъ, что бы они тотчасъ отворили нашимъ войскамъ свои ворота. Князь милостиво обѣщалъ внимательно на досугѣ прочитать всѣ условія, когда ихъ переведутъ на русскій языкъ,—и тогда, онъ надѣется, Государь на Москвѣ утвердитъ тѣ пункты, которые онъ, князь Шуйскій, здѣсь найдетъ возможнымъ принять.

Считая вмѣстѣ съ тѣмъ сдачу Дерпта дѣломъ, уже рѣшеннымъ, нашъ воевода поручилъ депутатамъ предложить католическому епископу немедленно покинуть Дерптъ и переселиться въ монастырь, добровольно имъ выбранный для своего мѣстопребыванія. Вмѣстѣ съ епископомъ могли оставить городъ и тѣ изъ жителей, которые не желаютъ принимать русскаго подданства. Московскіе бояре, обѣщалъ князь, явятся проводить отъѣзжающаго духовнаго сановника, и почетная охрана будетъ сопровождать знатнаго путника до самаго мѣста его новаго жительства.

Настежь растворились тяжелыя ворота стараго католическаго Дерпта. 18 іюля 1558 года покатила по улицамъ парадная колымага епископа, окруженная его свитою и нашими боярами. За нею потянулось множество повозокъ, нагруженныхъ сокровищами жителей, покидавшихъ родные очаги вслѣдъ за своимъ духовнымъ пастыремъ. Стройные ряды вооруженныхъ воиновъ замыкали шествіе. Великодушный побѣдитель не обезоружилъ ихъ. Русскія войска и татарскіе наѣздники разступались по сторонамъ, почтительно пропуская епископа. Мрачно толпился народъ, любопытно глядя на этотъ торжественный, точно похоронный поѣздъ. Городское населеніе покидали на произволъ врага, не извѣдавъ даже, насколько оно добродушно

и благопокорливо.—«Въ глубь и даль, все глубже и дальше уходитъ наше прошлое»! твердили другъ другу горожане.—«Пыль, поднимаясь столбами, отдѣляетъ насъ отъ нашихъ близкихъ. Пылью покроется и быльемъ заростетъ то, что было и чего уже нѣтъ»!

— «Чу, родной»! крикнулъ веселый подростокъ, теребя за рукавъ своего сѣдого отца.—«Глянь, смотри: что тамъ заблестѣло на солнышкѣ»? И дѣйствительно, пока въ одни ворота выѣзжали въ слезахъ горемычные путники, вольные изгнанники изъ родныхъ облюбленныхъ мѣстъ,—въ другія на бѣломъ конѣ въѣзжалъ статный, нарядный всадникъ,—блестя своими доспѣхами. Красивъ весь нарядъ. Привѣтливъ поклонъ на всѣ четыре стороны. Высоко несетъ онъ хоругвь успокоенія, мира, довольства! Кроткою рѣчью приглашаетъ жителей довѣриться доброму русскому сердцу. Совѣтуетъ надѣяться на мощь и мудрость московскаго Царя, — помнить, что не воевать ихъ землю выслалъ онъ свои полки, а только вернуть своему государству прародительскую свою отчину, городъ Юрьевъ съ пригородами, землями, угодьями.

На сердцѣ полегчало у бѣдныхъ горожанъ: точно и не съ бою взяли ихъ москвиты! И самъ пригожъ блестящій вѣстникъ. И слова говоритъ прямыя, добрыя,—такъ въ душу и просятся!

За нимъ подвигается разукрашенный отрядъ боярскихъ дѣтей. Одинъ къ одному на подборъ красивые юноши ѣдутъ на борзыхъ коняхъ, золотыми уздечками побрякиваютъ, во всѣ стороны привѣтливо поглядываютъ, улыбаются, покручиваютъ чуть пробивающіеся, маленькіе усики. Смотрѣть на нихъ—глазамъ весело! Отъ души отпадаетъ кручина горькая. И

Высоко несетъ онъ хоругвь успокоенія, мира, довольства.

(Къ стран. 25).

уже безъ жгучаго гнѣва провожаютъ любопытные горожане вѣстниковъ мира и покоя, добрыхъ молодцевъ, по роднымъ улицамъ въ свой угрюмый, старый замокъ. Заняли его русскія дѣти боярскія отъ имени нашего Царя—Государя Іоанна Васильевича. Вслѣдъ имъ чинно, важно въѣхалъ отрядъ стрѣльцовъ. Воевода разставилъ ихъ стражниками, для охраны, на площади, у городскихъ воротъ, по всѣмъ улицамъ.

Князь Шуйскій былъ въ лагерѣ, въ своемъ воеводскомъ шатрѣ. Ласково толковалъ онъ съ выборными горожанами, членами дерптскаго капитула и представителями католическаго духовенства. Собрались они всѣ, предъявились, по его зову, къ нему на поклонъ. Онъ дружески каждому далъ руку, увѣрилъ въ своемъ миролюбіи и предложилъ вмѣстѣ съ нимъ пообождать, пока войдутъ въ городъ его передовые люди. Когда пришли доложить князю, что все готово, по его приказу,—Шуйскій, съ доброй улыбкой, попросилъ дорогихъ гостей проводить его самого въ замокъ. Изъ лагеря двинулось къ воротамъ торжественное шествіе. Члены капитула, ратманы и выборные городской общины ѣхали впереди. Они, какъ наличные хозяева, показывали путь миролюбивому воеводѣ московскаго Царя, храброму воину, русскому боярину, князю Шуйскому. Въ лицѣ князя они возвращали отечеству нашему его исконную собственность, древній Юрьевъ, созданіе Ярослава Мудраго. землю, гдѣ костьми легъ за родину и Церковь православную доблестный князь Вячко въ 1224 году.

Возвращеніе Юрьева было счастливымъ отвѣтомъ Москвы на постановленіе, сдѣланное въ городѣ Любекѣ (1533 г.). Тамъ, по общему согласію нѣмецкихъ при-

морскихъ городовъ, было постановлено: «настрого запретить, чтобы не было навигаціи къ городамъ Нарвѣ и Иванову, а кто бы туда дерзнулъ ѣздить, тотъ у всѣхъ былъ бы безчестенъ, потому что если Россія, владѣющая большею частью всего сѣвера, построитъ себѣ флотъ, а при Нарвѣ гавань, да оружейные магазины, то не только Ливонію, но и всю Германію съ войсками своими пройдетъ».

Силою оружія грозный Царь московскій открылъ себѣ тотъ путь къ морю, который такъ тщательно запирали ему нѣмцы: въ эти открытыя на западъ ворота онъ настойчиво созывалъ въ свое царство образованныхъ, ученыхъ людей Европы, чтобы, съ ихъ помощью, выдвинуть свою державу на путь богатства и просвѣщенія, величія и славы.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. III. Московско-Царскій періодъ.

Н. Костомаровъ. Историческія монографіи. Т. III.

Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Ливонская война. Т. VIII.

Бѣгство польскаго короля

въ 1574 году.

ПОКОЙНО засыпаетъ величественный Ватиканъ. Стихаетъ свѣтская жизнь въ обители иноковъ,—рѣшителей судебъ и странъ и народовъ Европы. Ночныя тѣни ложатся по безконечнымъ изящнымъ переходамъ папскаго дворца. Замкнуты кельи смиренныхъ братьевъ—послушниковъ. Опустѣли хоромы отцовъ католической церкви. Ихъ придворная челядь удаляется на покой, туша огни въ блестящихъ залахъ. Одинъ кардиналъ Гозій не можетъ успокоиться. Волнуется духъ прелата—борца! Его занимаютъ вѣсти изъ милой сердцу польской земли. Гнѣвенъ духъ кардинала: на столѣ лежитъ письмо виленскаго епископа Валеріана Протасевича. Люблинская унія не принесла такъ горячо желаннаго порабощенія Литвы Польшею. Шатка была побѣда Рѣчи Посполитой. Трудна задача единенія! Много надо ловкости, коварства, чтобы провести въ жизнь такую вынужденную унію, сгладить вѣками окрѣпшую рознь народную. Умный виленскій епископъ очень обстоятельно сообщалъ своему руководителю, покровителю и заступнику передъ лицомъ всемогу-

щаго папы, какъ трудно бороться не съ приниженнымъ, смиреннымъ, православнымъ населеніемъ, а съ могучей силой развивающагося кальвинизма и протестантизма. Богатые, вліятельные литовскіе магнаты ничего не жалѣютъ, чтобы сплотить вокругъ воздвигаемыхъ ими лютеранскихъ храмовъ многочисленные, обезпеченные приходы. Ихъ школы, больницы, богадѣльни размножаются по Литвѣ, доходятъ даже до Кіевской земли. Шляхта, вся проникнутая идеями реформаціи, энергично ведетъ атаку по всѣмъ направленіямъ. Громко заговорила она на сеймахъ и сеймикахъ. Вѣрно попадала въ цѣль, осыпая обвиненіями католическое духовенство. Алчность, безнравственность и ксендзовъ и монаховъ, ихъ пристрастіе къ мірскимъ благамъ, погоня за властью, почестями,—все раскрывалось съ наглой, краснорѣчивой правдивостью, особенно на берегахъ Виліи.

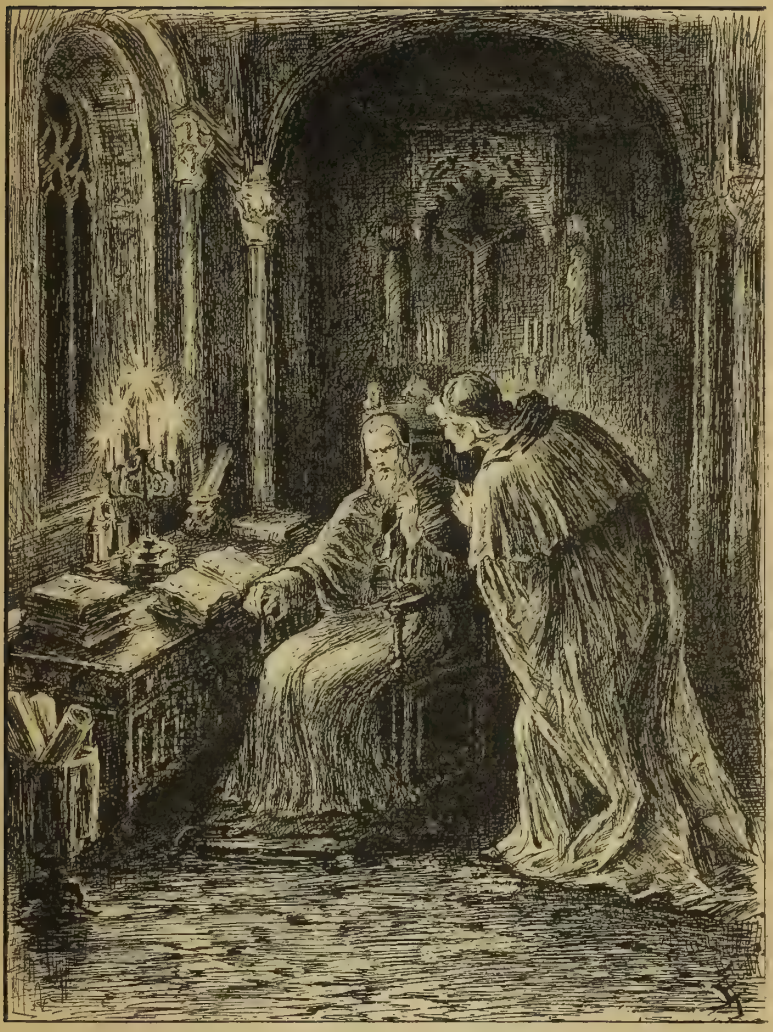
Рѣдѣли ряды католиковъ. Равномѣрно росло число протестантовъ. Заботливо, по заповѣди евангельской, относились другъ къ другу единовѣрцы—реформаты. Богатые пеклись о бѣдныхъ, кормили голодныхъ, призрѣвали убогихъ, старыхъ, учили малыхъ и юношей. Король польскій былъ безправенъ, благодаря конституціоннымъ формамъ правленія, и не способенъ къ борьбѣ по слабости характера да, пожалуй, и по сердечной склонности къ новому ученію, напиравшему изъ-за европейской границы. Католическому духовенству приходилось самому о себѣ заботиться. Отлично зналъ всѣ эти особенности истый полякъ Гозій! Долго жилъ онъ при дворѣ Сигизмунда Августа, дружилъ съ нимъ, вліялъ на него; понималъ, какой матеріальный ущербъ несло за собой уменьшеніе католическихъ приходовъ. Прекрасно зналъ и то,

что мѣстное духовенство, изнѣженное, избаловавшее. облѣнившееся, не было въ силахъ энергично бороться съ сильнымъ врагомъ, опиравшимся на многочисленныхъ своихъ сторонниковъ въ средней Европѣ и на православныхъ друзей, сильно поддерживавшихъ кальвинистовъ въ ихъ борьбѣ съ жестокими мучителями—папистами. Читалъ, перечитывалъ письмо Протасевича умный изъ умныхъ совѣтниковъ папы Григорія XIII. Сонъ бѣжалъ отъ его воспаленныхъ глазъ. Кровь волновалась! «Вотъ не дается намъ эта русско-литовская земля! Казалось, все уладили, слили во-едино, успокоили. Такъ вотъ нѣтъ же! Опять насъ—благочестивыхъ, безкорыстныхъ тружениковъ, богомольцевъ—обижаютъ!» Тревожными шагами измѣрялъ онъ вдоль и поперекъ свои роскошные покои. Ночь прошла въ безсонномъ волненіи. Часы на башнѣ св. Ангела пробили уже 6 часовъ утра. Въ окна вливался яркій торжествующій день. Утомленный, обезсиленный кардиналъ упалъ наконецъ въ раззолоченное, покойное кресло, около стола, заваленнаго дорогими, роскошными книгами. Въ сафьянъ и золото былъ переплетенъ Ветхій Завѣтъ. Машинально раскрылъ онъ толстый фоліантъ. Усталые глаза остановились случайно на изреченіи: «око за око, зубъ за зубъ» *).—«Вотъ ученіе древнихъ мудрецовъ!» пронеслось въ мысляхъ кардинала. «Надо ихъ слушаться, въ ихъ писаніяхъ искать себѣ поддержку для борьбы съ отдаленнымъ, ненавистнымъ врагомъ!» Время шло, кардиналъ углубился въ чтеніе библейскаго ученія. Духъ его успокоивался, сердце начало биться ровнѣе, мысли прояснились. Бодрый, сильный поднялся онъ,

*) Исходъ, гл. XXI, ст. 24.

наконецъ, и твердой поступью направился, по нескончаемымъ переходамъ, въ покои своего главнаго наставника и духовнаго повелителя римско-католиковъ на всемъ земномъ шарѣ. Въ рукахъ держалъ онъ письмо изъ Вильны.

Не впервой римскимъ папамъ руководить дѣлами далекой, угрюмой Литвы! Не впервой заглазно рѣшать судьбу невѣдомыхъ имъ людей! Не разъ, послушный ихъ призыву, поднимался окровавленный мечъ надъ неповинными ни въ чемъ головами. Вражду сѣяли съ высоты папскаго престола по полямъ, лѣсамъ, болотамъ бѣдныхъ, унылыхъ побережій Двины, Нѣмана, Виліи. Туда же шли, по мановенію ихъ пастырской руки, и жаждущіе войны крестоносцы, и смиренные иноки — богомольцы: базиліане, францисканцы, доминиканцы. И теперь Григорій XIII, внимательно прочитавъ обстоятельно изложенное письмо епископа, приложилъ все свое стараніе, чтобы помочь кардиналу Гозію въ его заботахъ о судьбѣ литовскихъ сыновъ католической церкви.—«Надо разрушить нечестивый заговоръ противъ Господа и противъ Христа Его! Стереть съ лица земли всѣ многочисленныя синагоги, воздвигнутыя дьяволомъ на землѣ, освященной трудами Ядвиги и Ягайла!»—повторяли промежъ себя папа и кардиналъ. Пять испытанныхъ, закаленныхъ борцовъ, изъ числа братіи ордена Іисуса, составили первый отрядъ, посланный изъ Рима въ Вильну (1566). Ни посоха, ни сумы не позволено было имъ брать съ собою. Путешествіе должно было совершиться въ величайшей тайнѣ, чтобы не догадались враги, какую борьбу задумалъ Римъ, и не приготовились къ оборонѣ «сыны ада», «враги, сильные премудростью злою.» Все, казалось, предвидѣлъ



Кардиналъ Гозій въ кабинетѣ папы Григорія XIII-го.

(Къ стран. 30).

умный Гозій. Но и кальвинисты не дремали. Узналъ Протасевичъ, что до Радзивилловъ дошла вѣсть о пріѣздѣ гостей—бойцовъ съ запада. Могучъ великій гетманъ литовскій! Противъ него недостаточно одной ловкости,—нужна и сила. Епископъ спѣшно снарядилъ нѣсколько повозокъ и отправилъ ихъ на встрѣчу путникамъ подъ охраною вооруженнаго отряда. Долго отказывались смиренники отъ такого почета и покорились только во исполненіе монашескаго обѣта послушанія старѣйшимъ. Ихъ помѣстили въ нарочно купленномъ прекрасномъ домѣ. Черезъ годъ, на подмогу, прибыло еще 30 тружениковъ — братьевъ. Въ Вильнѣ основана была іезуитами академія (1579), ея ректоромъ назначенъ уроженецъ Варшавы—Варшевицкій. Бороться съ противниками было имъ очень трудно. Богаты, знатны, образованы враги католичества, литовскіе магнаты—протестанты. Ничего не жалѣютъ, чтобы отстоять дорогія свои вѣрованія, убѣжденія! Сильны они любовью простого народа, издавна православнаго, забитаго, замученнаго католиками—панами, еще со временъ крестонцевъ. Не шелъ сѣрый людъ въ школы іезуитовъ. Не сразу отвоевали они себѣ даже костелъ, гдѣ могли путемъ ловко сплетенной проповѣди и искусной исповѣди забирать въ руки невѣжественныя массы. Подражая протестантамъ, изворотливые сыны Лойолы *) спѣшно принялись переводить св. Евангеліе и ученіе вѣры съ латинскаго на литовскій, а не на русскій языкъ, такъ какъ они препирались съ власть имѣющимъ протестантизмомъ, а не съ приниженнымъ православіемъ. Этимъ, конечно, они привлекали къ себѣ

*) Игнатій Лойола—основатель ордена.

мазовщанъ и поляковъ, переселившихся въ Литву Открыли благочестивые братья рядъ духовныхъ процессій по городу въ праздничные дни; обставили ихъ торжественно, благолѣпно, внушительно для богомольныхъ горожанъ. Часто устраивали — по улицамъ, на перекресткахъ, на папертяхъ церковныхъ какъ бы случайныя встрѣчи съ протестантами и вступали съ ними въ публичные споры. Съ обѣихъ сторонъ приводились тексты изъ Священнаго писанія, совопросники закидывали другъ друга изреченіями святыхъ отцовъ, блестѣли краснорѣчіемъ, находчивостью. Съ пѣной у рта доказывали правоту своихъ взглядовъ, своего вѣрованія. Удивленный народъ кучами сбѣгался глазѣть на небывалое зрѣлище, любопытно слушалъ религіозныя препирательства. Одни защищали ученіе Лютера и Кальвина *), другіе его опровергали, превознося папу, непогрѣшимость католической церкви и ея догматовъ. Объ стороны съ жаромъ и большимъ искусствомъ отстаивали свои положенія и доводы. Любопытство слушателей разжигалось. Они увлекались религіознымъ споромъ и старались понять смыслъ того и другого вѣроученія. Католики, конечно, всегда выходили побѣдителями. Протестанты, какъ бы невольно убѣжденные въ истинѣ и правотѣ іезуитовъ, униженно соглашались съ ихъ доводами. Толпа увлекалась, становилась на сторону побѣдителя и начинала твердо вѣрить въ ученіе католической церкви, признавая силу ея доводовъ. Весь же фокусъ состоялъ въ томъ, что побѣжденный спорщикъ былъ такой же братъ—іезуитъ, только переодѣтый кальвинистомъ — учителемъ. Борьба затягивалась. Проте-

*) Лютеръ и Кальвинъ—основатели протестантскихъ сектъ въ Германіи и Швейцаріи.

станты не сдавались. Они построили въ Краковѣ величественный каменный храмъ и при немъ школу. Сигизмундъ Августъ объявилъ себя ея покровителемъ Плакалъ полякъ—кардиналъ.—«Воздвигается храмъ Веліару»! твердили его запекшіяся губы, и онъ строчилъ воодушевленныя посланія, слалъ мудрые совѣты, строгіе и горячіе выговоры—королю, духовнымъ и свѣтскимъ вельможамъ,—его совѣтникамъ. Дряхлѣющій, безхарактерный Сигизмундъ II Августъ извинялся и отвѣчалъ обѣщаніями. Дѣйствительно, при жизни короля, протестанты, несмотря на личныя его симпатіи къ нимъ, такъ и не добились равноправности вѣроисповѣданій.

7 іюля 1572 года умеръ польскій король безъ прямого наслѣдника. Эта смерть поставила Польшу, всѣ волей или неволей слитые съ нею народы, всѣхъ ея сосѣдей, друзей, недруговъ въ выжидательное волненіе. Засуетился Гозій въ кардинальскихъ своихъ палатахъ на берегу Тибра. Призадумался и грозный Царь московскій, покоритель казанскихъ татаръ, смиритель Ливонскаго ордена.—«Не слить ли Литовское великое княжество съ московскою православною державою»?.. вопрошалъ себя нашъ Грозный самодержецъ. «Не вернуть ли себѣ Кіевъ, Волынь, Подолію»?—Дѣйствительно, къ нашему Грозному, но мудрому Царю, въ его бѣлокаменную Москву польская рада присылала два раза пословъ узнать: не согласится ли онъ надѣть корону Пястовъ? Не дастъ ли сына Ѳеодора въ короли Польшѣ и Литвѣ? — «Православный – де народъ весь за него», твердили разумные посланцы.—«Оно все такъ»,—внушительно отвѣчалъ Государь,—«но православный – то людъ русскій и безъ того мой, дѣдина да прадѣдина отчина! Литву возь-

му охотно, приложу къ ней и часть Ливоніи до морского побережья, такъ какъ всѣ эти племена все-же были нашими данниками. Польшу же съ остальною Ливоніею пусть императоръ съ маркграфомъ бранденбургскимъ дѣлятъ промежъ себя, я имъ въ этомъ надежный помощникъ». Конечно, на такія условія трудно было согласиться кичливымъ ляхамъ, а ловкій дипломатъ Іоаннъ IV Васильевичъ такъ прекрасно понималъ польскія дѣла, что не счелъ возможнымъ даже посла своего отправить въ Варшаву, на избирательный сеймъ. Германскій императоръ выставилъ кандидатами своихъ двухъ эрцгерцоговъ. Поднялись на хитрости французскій, шведскій, датскій дворы. Въ вѣчномъ городѣ, по волѣ папы, ежедневно служили мессы о счастливомъ окончаніи польскаго безкоролевья. Было даже обѣщано отпущеніе грѣховъ каждому, кто будетъ горячѣе другихъ молиться за счастливый выборъ. Въ безчисленныхъ своихъ письмахъ Гозій объ одномъ молилъ свѣтскихъ и духовныхъ заправилъ Рѣчи Посполитой, — чтобы они избѣгали личныхъ ссоръ, держались крѣпко вѣры отцовъ, не смѣшивали дѣло выборовъ съ церковными раздорами. Ему въ отвѣтъ клялись сохранять, поддерживать миръ въ родной землѣ. Но все же въ дѣлѣ выборовъ красной нитью прошелъ сословный, провинціальный и—главное—религіозный раздоръ, въ теченіе всего безкоролевья. Сеймы и сеймики, начинавшіеся для улаженія раздоровъ, вызывали чаще всего личные и политическіе споры, доходившіе до кулачной расправы. По истеченіи девяти мѣсяцевъ послѣ кончины короля, въ апрѣлѣ 1573 года былъ назначенъ элекціонный сеймъ, для окончательнаго выбора короля. Варшава не могла вмѣстить всѣхъ съѣхавшися поддерживать

своихъ любимцевъ. Иностранные послы, кромѣ нашего, духовенство, вельможи, паны рады, воеводы пріѣзжали не только съ толпою вооруженныхъ друзей, шляхты, хлоповъ, но съ цѣлыми регулярными полками, чтобы силой поддерживать своихъ кандидатовъ, свои мнѣнія. Буйная шляхта примыкала къ тѣмъ изъ доброхотовъ, кто лучше кормилъ, дарилъ, жаловалъ. Таборы пріѣзжихъ магнатовъ размѣстились за городомъ, въ полѣ, при селеніи Камени, подъ Прагой, предмѣстьемъ Варшавы. Всего собралось болѣе ста тысячъ народа. Живописно блестѣла на солнцѣ сталь и золото оружія, красная одежда шляхты, дорогіе наряды пановъ и латниковъ. Высоко поднимались, колыхаясь въ воздухѣ, разноцвѣтныя хоругви полковъ и воеводствъ. Картина была замѣчательно красивая, когда 15 мая эта пестрая толпа громкими криками привѣтствовала выборъ, сдѣланный главарями партій, рѣшившихъ признать своимъ королемъ французскаго принца Генриха Валуа.

Только два условія ставили ему поляки: 1) обязательную женитьбу на послѣдней Ягеллоновнѣ, сестрѣ покойнаго Сигизмунда – Августа, королевнѣ Аннѣ, и 2)—самое главное,—признаніе равноправности предъ закономъ всѣхъ христіанскихъ вѣроученій, исповѣдуемыхъ на всемъ протяженіи ввѣряемой ему державы, отъ Гданска *) на берегу Балтійскаго моря до Галича и Карпатъ. Яро протестовали папскій легатъ Коммендонъ и французскіе послы. Никогда, ни одинъ честный католикъ не рѣшится признать равноправность другихъ вѣроученій съ католичествомъ! Только политическіе расчеты могли заставить французскихъ

*) Данцигъ.

пословъ, убѣжденныхъ папистовъ, согласиться за своего кандидата на предложенныя условія и принести присягу отъ имени принца Генриха, изъ дома Валуа, брата французскаго короля. Въ Парижъ отправилось блестящее посольство поляковъ и литовцевъ, чтобы привезти въ Варшаву новаго государя. А въ Римъ полетѣли обѣ животрепещущія новости! Всколыхали они духовный міръ Ватикана. Папа, Гозій, іезуиты торжествовали по случаю выбора Генриха и съ ужасомъ судили объ условіяхъ: «Это заговоръ противъ Господа и противъ Христа Его»! повторялъ Гозій свое любимое выраженіе, снаряжая спѣшно въ Парижъ личнаго секретаря Решка, съ воплями, моленіями и строжайшими запретами подписывать грѣховное условіе! Королева—мать, коварная Екатерина Медичи, французскій король Карлъ IX, весь дворъ, воспитанный іезуитами, сплотились вокруга Генриха, чтобы удержать его руку, отклонить грѣховную подпись. Въ юномъ принцѣ сказалась французская порядочность: не задумываясь, онъ не далъ обѣщанія жениться на незнакомой ему королевнѣ. Паны насупились, но рѣшили склониться, уступить. — «Не подпишу и равноправности всѣхъ христіанскихъ вѣроученій»! задорно сказалъ благочестивый католикъ. — «Если этого не примешь,—королемъ не будешь»! спокойно выговорилъ упрямый кальвинистъ, литвинъ Зборовскій, держа свой палецъ надъ мѣстомъ, гдѣ должна была красоваться королевская подпись. Дрожь пробѣжала по жиламъ изящной толпы. Французскій дворъ готовъ былъ хоть въ окно выбросить этихъ упрямыхъ кальвинистовъ—славянъ, вторгавшихся съ своимъ полудикимъ уставомъ въ ихъ образованный клерикальный міръ. Молящій взглядъ бросилъ бѣд-

ный Генрихъ на свою властную мать. Хитрая, еле замѣтная улыбка исказила злыя губы итальянки.—«Польской короны добиваются всѣ европейскіе принцы», проговорила она тихо, ни къ кому не обращаясь. Генрихъ понялъ; низко склонивъ голову, онъ съ глубокимъ вздохомъ расчеркнулся подъ противнымъ условіемъ.

10 сентября 1573 года, въ храмѣ Парижской Богоматери новоизбранный польскій король принесъ присягу въ соблюденіи правъ и привилегій всѣхъ сословій государства и въ сохраненіи равноправности разновѣрныхъ народовъ, входящихъ въ составъ королевства польскаго и великаго княжества литовскаго. Черезъ три дня, въ залѣ французскаго парламента, Генрихъ былъ провозглашенъ польскимъ королемъ.

Торжественно повезли его на востокъ,—туда, гдѣ, по мнѣнію образованной Франціи, жили полудикіе народы, гдѣ царило полное невѣжество и куда за Генрихомъ неслись надежды огорченнаго, но никогда не бездѣйствующаго католичества. И дѣйствительно, хотя въ Парижѣ и была громогласно признана равноправность вѣроученій, но слышались и протесты. Громко высказывалъ свое неодобреніе познанскій епископъ Конарскій. Вновь окатоличенные—князь Радзивиллъ-Сиротка и Альбрехтъ Ласкій тоже протестовали. Да и въ самой Польшѣ, особенно въ Литвѣ, замѣчались уже плоды ревностныхъ трудовъ братьевъ—іезуитовъ: протестантство не распространялось. Генрихъ ѣхалъ медленно. Вслѣдъ за нимъ неслись на его имя одно за другимъ письма изъ Рима. Ватиканскій мудрецъ всѣмъ своимъ разумѣніемъ научалъ и безъ того ревностно настроеннаго короля польскаго. Кругомъ его страстно волновались партіи. Озлобленіе сторонъ

доходило до того, что чуть было не разстроилась подготовленная церемонія короноваиія въ древнемъ Краковѣ. Кальвинисты, понимая усиленіе католицизма, считали необходимымъ, при случаѣ, требовать отъ короля подтвержденія его обѣщаній. Онъ же дѣлалъ это очень неохотно, такъ какъ и по рожденію и по воспитанію былъ истымъ католикомъ.

Только въ февралѣ 1574 года достигъ Генрихъ своей новой столицы. Послѣ коронаціонныхъ торжествъ, ссоры партій еще болѣе ожесточились. Королю становилось не подъ силу уравновѣшивать дѣйствія разнородныхъ силъ въ правительственной машинѣ. Финансы были истощены, некому было заботиться ни о собираніи податей, ни о правильномъ содержаніи регулярнаго войска. Религіозная розпь проявлялась все сильнѣе. Римъ становился все требовательнѣе. Генрихъ, истый французъ, хотѣлъ веселья, роскоши, парижскихъ придворныхъ обычаевъ. Чуждъ былъ онъ народа, его потребностей, его страданій, его матеріальной и умственной жизни. Не могъ, да и не хотѣлъ онъ понять ни племенной, ни религіозной розни среди своихъ подданныхъ. Земли же его державы были обширны, плодородны. Не разоряй ихъ только постоянная междоусобная вражда, свара, разбои, насилія! Не по душѣ ему были вѣчныя требованія партій, весь складъ жизни государства, которымъ онъ былъ призванъ управлять. Гозій твердилъ въ своихъ письмахъ: «Возврати первенство католической церкви, обуздай протестантовъ! Смотри зорко на востокъ! Тамъ есть гнѣзда православія—и въ Кіевѣ и въ Острогѣ. А Москва еще опаснѣе. Уменъ, силенъ ея самодержецъ»! Генрихъ оставался рѣшительно ко всему равнодушенъ! Не надъ величіемъ и

высотою своей власти все чаще да чаще задумывался нарядный Валуа. Онъ не заботился объ уясненіи себѣ племенной и религіозной розни среди сварливыхъ и чуть не свирѣпыхъ магнатовъ; не этимъ занятъ былъ его изворотливый умъ. О нѣтъ! Онъ все чаще да чаще призадумывался надъ мыслью, какъ бы удачнѣе свергнуть съ своихъ плечъ ненавистное, чуждое бремя.

Въ тиши раззолоченныхъ хоромъ краковскаго замка, наединѣ съ самыми близкими друзьями, считавшими, какъ и онъ, тяжелымъ изгнаніемъ обязанность жить далеко отъ милой Франціи, онъ изподтишка, въ глубочайшей тайнѣ придумывалъ средства, какъ бы умилостивить гордую мать, вымолить ея согласіе на возвращеніе къ родному очагу!

Генрихъ, какъ и всѣ его братья, сильно боялся своей властной, строгой матери. Королева Екатерина Медичи, изъ знаменитаго рода славныхъ дожей, правителей венеціанской республики, находила присутствіе Генриха при дворѣ его брата, французскаго короля, вреднымъ для спокойствія и блага Франціи. Ея вѣрнопреданные послы, безпрекословно выполняя данное ею предначертаніе, удачно воспользовались польскимъ безкоролевьемъ. Руководить издали политикой сына въ строго-католическомъ духѣ она охотно согласилась бы; но его возвращенію, конечно, съумѣла бы положить непреоборимую преграду.— «Нечего и думать о бѣгствѣ»! со вздохомъ повѣрялъ свои мысли закадычнымъ друзьямъ бѣдный Валуа.— «Мы же такъ отлично все подготовили»! объясняли они ему. «Конюхъ, старый, преданный слуга, носилъ ваше величество на рукахъ по аллеямъ Рамбульетскаго парка! Его сыновья и племянникъ,—товарищи вашихъ

дѣтскихъ игръ,—уже все обдумали, устроили. Вамъ стоитъ только сѣсть въ сѣдло. Право же наши ничего не узнаютъ до утра, а тамъ насъ уже не догнать. Всюду стоятъ подставы»!—«Вѣрю, знаю. Понимаю, что всѣ вы для меня сдѣлаете все. До границы родины добраться мнѣ легко! Ну, а тамъ?!» И онъ и они даже съежились при мысли, что съ ними тамъ будетъ, когда они предстанутъ передъ грозныя очи королевы-матери. Какъ поведетъ бровью злая итальянка, какъ взглянетъ... Да до нея то ихъ и не допустятъ! Ея образцовые шпіоны накинутъ имъ аркапъ на шею еще далеко до королевской резиденціи. Она, вѣдь, была всевѣдущая, всесильная и полновластная, ничѣмъ не стѣснявшаяся распорядительница судебъ французскаго королевства. Отлично зналъ это бѣднякъ, заброшенный ею же за тридевять земель отъ милой Франціи.—«Нѣтъ, не смѣю я рѣшиться»!—вздыхалъ Генрихъ: — «не смѣю подводить вашу преданность»! Противъ воли приходилось склониться передъ тяжелой дѣйствительностью.

Ночь уже наступила. Друзья разстались. Генрихъ остался одинъ. Душа томилась, сердце ныло; благочестивый католикъ пробовалъ молиться, но отъ тоски не могъ сосредоточиться, не могъ подобрать словъ молитвы. Сердце ныло, тяжело, тошно было ему, сонъ не спускался къ измятому изголовью. Вдругъ его болѣзненно-настроенному воображенію почудился какой-то странный звукъ за стѣною. Вотъ — вотъ раздается несвоевременный шорохъ все ближе и ближе. Сквозь дверныя щели, какъ-будто, показалась свѣтлая полоска. Она все ярче обозначается, и у дверей послышался шорохъ уже совершенно ясно. Смѣлый французъ, какъ будто

предчувствуя, что этотъ свѣтъ долженъ озарить окружавшую его тьму, вскочилъ съ постели и твердою рукою распахнулъ двери.

Дѣйствительно, за дверями, съ горящими свѣтильниками въ рукахъ, стояли его близкіе и вѣрные слуги. Но между ними еще былъ и кто-то посторонній. Не сразу узналъ его Генрихъ. Не сразу могъ онъ понять, зачѣмъ передъ нимъ явился любимецъ его брата, никогда съ послѣднимъ не разлучавшійся, капитанъ изъ роты королевскихъ тѣлохранителей. Къ тому же этотъ довѣренный офицеръ въ глубокомъ траурѣ. На его лицѣ выражается какая-то особая торжественность. Онъ держитъ въ рукахъ конвертъ съ черною печатью.—«Матушка»? вскрикнулъ польскій король.—«Ея величество изволила удостоить меня счастливымъ порученіемъ къ моему государю и повелителю», выговорилъ вышколенный придворный, опускаясь на колѣни, чтобы прилично передать государю таинственный пакетъ. Его примѣру молча послѣдовали остальные. Какъ ни торжественно — почтителенъ былъ ихъ поклонъ передъ полуодѣтымъ Генрихомъ, но нельзя не сознаться, что картина имѣла и свою комичную сторону, которую сразу подмѣтилъ любимый пажъ короля. Неслышно проскользнулъ онъ за дверь и сзади накинулъ плащъ на любимаго державца. Лицо Генриха мѣнялось поминутно. Испугъ, огорченіе, радость—смѣнялись быстро. Онъ улыбнулся, наконецъ, сквозь слезы и спросилъ пріѣзжаго: «Вы очень устали»?—«Никогда не могу чувствовать усталости на службѣ моего государя», отвѣтилъ тотъ. Для свиты королевской этотъ разговоръ опять былъ мало еще понятенъ. Генрихъ же остался вполнѣ равнодушенъ къ изысканно-почтительному отвѣту

царедворца. Видно было, что у Генриха Валезія въ душѣ какая-то одна мысль, одно стремленіе, одинъ порывъ.—«Вы сейчасъ сказали мнѣ, что все готово къ моему путешествію, — встаньте же скорѣе», — проговорилъ онъ величественно — милостивымъ тономъ: — «и спуститесь къ конюхамъ; братъ Карлъ, по волѣ Милосердаго Господа, Царя Царей, снялъ всѣ препоны. Мнѣ открытъ путь на родину, на прародительскій престолъ»! Почти уже знавшіе обо всемъ и, конечно, догадывавшіеся о намѣреніи Генриха,—придворные открыли было рты, чтобы крикнуть «виватъ»! но повелительный взглядъ и жестъ Генриха сковали порывъ и остановили еще не вылетѣвшій звукъ. Онъ произнесъ: «Я сейчасъ одѣнусь, приготовьтесь и вы скорѣе. Тогда мы вмѣстѣ покинемъ дворецъ, городъ, страну. Оставимъ недавнихъ нашихъ подданныхъ съ ихъ спорами, ссорами, неурядицами. Бросимъ скучныя препирательства и тяжкія заботы о религіозныхъ вопросахъ и племенныхъ различіяхъ Литвы и Польши! Свободные, счастливые, помчимся мы въ нашу милую Францію, гдѣ всѣ скучныя правительственныя заботы такъ охотно несетъ на своихъ плечахъ премудрая королева-мать! Право же, лучше подписывать, что она захочетъ, чѣмъ прислушиваться къ хитросплетеннымъ мудрованіямъ кичливыхъ коронныхъ совѣтниковъ, чуть-что не соправителей»!

И утекъ, подъ покровомъ темной ночи, польскій выбранный король подальше отъ злыхъ пановъ рады, требовавшихъ гоненій, мученій для православныхъ и протестантовъ; — умчался въ Парижъ скрытымъ образомъ Генрихъ Валезій отъ недобрыхъ совѣтниковъ, жаждавшихъ зла и несчастія.

по крайней мѣрѣ. двумъ третямъ населенія собственно Польши и — насильно слитыхъ съ нею — Литвы, Волыни, Подоліи и Галича (18 іюля 1574 года).

ИСТОЧНИКИ:

Ив. Соколовъ. Отношенія протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ.
П. Жуковичъ. Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени.
В. Г. Васильевскій. Очеркъ исторіи города Вильны.
Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. III. Московско-Царскій періодъ.

Родные труженики печатнаго дѣла.

1563—1584.

ТЕМНАЯ, низкая келья; два свѣтильника тускло освѣщаютъ бѣлый деревянный столъ, заваленный рукописями и цѣлымъ ворохомъ заготовленныхъ для письма кусковъ пергамента. Торопливо скрипятъ перья въ рукахъ старательныхъ иноковъ. Низко наклонили они надъ спѣшной работой свои усталыя головы. Тихо шепчутъ слова молитвы, зорко всматриваются въ ветхіе пергаменты, съ которыхъ должны списывать священныя слова.

—«И куда это о. ризничему понадобилась такая уйма богослужебныхъ книгъ?» заговорилъ со вздохомъ молодой послушникъ. Видимо, не въ моготу былъ однообразный, долгій трудъ его молодому, здоровенному тѣлу.—«Господь съ тобой, маловѣре! Не намъ, худобнымъ, судить отцовъ-наставниковъ своихъ, — если бы и вовсе не вѣдали, что и зачѣмъ наказываютъ. Мы съ тобою слышали, какъ послушаніе роздано всѣмъ, грамотѣ наученнымъ, съ строгимъ наказомъ - -писати со всякимъ вниманіемъ, безошибочно.»—«Написать безошибочно? Когда списывать

приходится съ такой вязи, что многаго и не разберешь! И сколько буквъ пропущено-то, и вездѣ титла наставлены! Ума не приложишь къ этой трудности.»—«Въ чемъ же послушаніе, какъ не въ трудности?» наставительно перебилъ жалобщика старшій инокъ. «Трудись съ молитвою, прилежаніемъ, дѣло доброе спорится само собою.»

— «Добро-то какое же? Только спинушку до смерти разломило отъ этого писанія.»—«Уймись, непутевый, перекрестись! Господь сподобилъ поработать на благо иновѣрцевъ, а онъ объ усталости помышляетъ.»—«Какихъ-такихъ иновѣрцевъ-то поминаешь, отче?» удивился молодой послушникъ.—«Не знаешь развѣ? Татаръ креститъ нашъ великій Государь. Покорилъ онъ Казанское царство—вотъ теперь и креститъ магометанъ. Церкви строитъ во множествѣ, епархіи открываетъ, книгами одѣляетъ преосвященнаго Гурія. Вотъ и нуженъ нашъ трудъ во славу Божію.» Старикъ перекрестился.

Въ это время подъ маленькимъ оконцемъ захрустѣлъ снѣгъ, точно кто подкрадывался, и въ сѣняхъ у двери послышалась молитва: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!» — «Аминь!» властно отвѣтилъ старый монахъ и воззрѣлся на дверь. Въ нее входилъ небольшого роста юркій старикъ, въ длиннополомъ одѣяніи. Не то монахъ, скорѣе дьякъ или приказный, изъ тѣхъ, что занимались списываніемъ книгъ. Онъ истово перекрестился на иконы въ переднемъ углу и потомъ бухнулся въ ноги старику.—«Добре, добре, другъ Порфирій, что надумалъ насъ провѣдать. Вотъ я уже сотую строку пишу *), а

*) При рукописномъ трудѣ, 100 строчекъ написать въ день считалось особеннымъ искусствомъ.

братъ Андрей все вздыхаетъ, ему еще далеко до конца; межъ тѣмъ ночь, смотри, ужъ наступаетъ. Правило вечернее надо бы править,» полушутя ворчалъ старикъ хозяинъ. — «Наступила ноченька, наступила. Оттого-то я и побрелъ къ вамъ, чтобы она, матушка, меня отъ людей поприкрыла.»—«А почто скрытися хочешь?» въ голосъ, удивленно спросили иноки.—«Отъ врагъ лютыхъ, воздвигнувшихся на насъ, смиренныхъ дьяковъ—борзописцевъ, хоронюсь.»—«Да враги-то откуда объявились?»—«Отъ самого дьявола. Онъ, нечистый, слугъ своихъ на насъ грѣшныхъ напустилъ!» И гость и хозяева перекрестились.—«Ничего не пойму,» продолжалъ удивленно старшій.—«Не поймешь? да гдѣ тебѣ и понять то, сидя въ теплѣ да въ холѣ и пописывая въ охотку, въ свое удовольствіе.» Послушникъ уставилъ на гостя свои удивленные глаза. «Въ свое удовольствіе!» думалъ онъ: «Чудной, право, дьякъ! Да гдѣ тутъ удовольствіе? Всю спинушку разломило. Въ свое, вишь, удовольствіе!» Онъ даже разсердился. Съ шумомъ отодвинулъ тяжеловѣсную скамью подальше отъ стола, отъ рукописей, и не переставалъ удивленно глядѣть на дьяка. Старикъ чуть замѣтно усмѣхнулся, зорко поглядѣлъ гостю въ глаза и съ достоинствомъ, вѣско спросилъ: «А кто же мѣшаетъ и тебѣ, друже, подвизаться на нивѣ Божіей, въ свое удовольствіе?» Того точно ошпарило.—«Гдѣ? Какое удовольствіе, когда вражья сила все ужъ передѣлала? Колдовствомъ Ивана Ѳеодоровича работа изъ нашихъ рукъ выхвачена! Нѣтъ ея, нѣтъ и хлѣба насущнаго!» съ азартомъ заговорилъ онъ.—«Такъ не сегодня же Иванъ-то Ѳеодоровичъ объявился? Не сегодня и печатать принялся?» продолжалъ внушительно старый монахъ.—«Не сегодня, не

сегодня. Да коли теперь этотъ самый печатный дворъ воздвигла вражья сила!» Иноки уши позатыкали; младшій со страхомъ, а старшій съ угрозою зашикалъ: «Тихо, тихо! Не кощунствуй! Богъ помогъ нашему премудрому Царю воздвигнуть этотъ самый печатный дворъ во славу Своего святого имени, на благо православія, для вящаго распространенія по всей безбрежной его державѣ печатнаго слова Божія, во утвержденіе многочисленныхъ чадъ Церкви россійской въ правотѣ ея восточнаго ученія, единаго истиннаго, незлобиваго, нелицемѣрнаго, миролюбиваго, кроткаго, смиреннаго». Гость замахалъ руками: «знаю, все знаю. И вотъ, во имя всей этой добрыни, мы брошены безъ дѣла, безъ хлѣба.»—«Такъ шли бы къ тому же Ивану Ѳеодоровичу въ помощники; кажись, наборщиками—что ли—прозываются они? И работали бы во славу Божію!» наставительно говорилъ инокъ.—«Что-о? Къ нему идти? къ этому чародѣю-то? ко служителю нечистаго? И кому идти то? мнѣ, положившему столько годовъ жизни на святой трудъ?»—«Эхъ, какъ гордыня-то тебя одолѣла! Берегись, Порфирій! ой, берегись, брате! Не тебя ли, болѣзненнаго, тотъ самый врагъ грѣхомъ гордости обуялъ»?

— «Говорю, что непонятливы стали, разъѣлись на монастырскихъ хлѣбахъ, гордость съ голодомъ смѣшиваете!» злобно прошипѣлъ Порфирій. Инокъ разсердился.—«Десятый годъ трудятся надъ устроеніемъ печатнаго двора,» заговорилъ онъ строго. «Работаютъ безъ устали Иванъ Ѳеодоровичъ и Петръ Тимоѳеевичъ. Труды ихъ славны, благодѣтельны; Дѣянія Апостольскія, Соборныя Посланія, Посланія Св. Апостола Павла и Часовникъ разсылаетъ Государь прещедрою рукою во всѣ страны свѣта: и на

востокъ-то до Казанскаго царства, и на западъ—въ Литву, и на сѣверъ—въ языческія дебри, и на югъ—къ роднымъ братьямъ Галича да Волыни съ Подоломъ,—и все еще мало, недохватокъ бываетъ; вотъ нашъ-то старый навыкъ и пригодился, и насъ Господь сподобилъ потрудиться. Такъ и ты, друже, отложи, говорю тебѣ, гордыню, помолись да и приставай къ намъ на помощь въ любезномъ трудѣ. Право же, поработай,—и насытишься».—«Нечего отчитывать, точно покойника. Видать, все по книжному, по писанному выкладываешь. Я къ тебѣ съ дѣломъ, за добрымъ совѣтомъ, а ты ко мнѣ съ проповѣдью, наставленіемъ».—«Да какой тебѣ это совѣтъ понадобился?» почти неохотно сказалъ монахъ, любовно глядя въ сторону юноши, который снова принялся за свою работу. Гость призадумался.—«Не поймешь!»—«Развѣ ужъ такое мудреное?» удивился старикъ.—«Пришелъ я къ другу, думалъ—погорюемъ вмѣстѣ, подможешь въ нашемъ дѣлѣ. А ты,—на, поди! восхваляешь звѣря лютаго».—«Ну, ну, опять свое затянулъ».

— «Не мое, а наше», разразился гость. «Какъ принесло этихъ лиходѣевъ изъ Новгорода, какъ затѣяли они свое нечистое дѣло»,—иноки перекрестились,—«такъ и сталъ скудѣть нашъ заработокъ. А тутъ еще строгости пошли. Недописки стали досматривать, ошибки находить. Надумали исправлять слово Божіе, въ титлахъ разбираться, въ прикрашеніяхъ отыскивали нивѣсть какія прегрѣшенія. Жечь стали труды наши. Отовсюду начали собирать да и на костеръ, въ огонь къ уничтоженію! Вотъ и стали оскудѣвать наши заработки. Цѣлыя семьи безъ дѣла. Дѣти голодныя къ мщенію вопіютъ.»—«Опять потянулъ канитель! Говорятъ, иди къ Ѳеодоровичу въ

Наши труженики печатнаго дѣла. *(Къ стран. 49).*

наборщики!» прикрикнулъ старикъ, стукнувъ кулакомъ по столу.—«А я,» закричалъ во все горло гость, ударивъ кулакомъ такъ, что и листы полетѣли, и свѣтильники затряслись, «не замолчу, буду еще громче кричать о мщеніи, о возмездіи за обиду, за нужду всѣхъ насъ и семей нашихъ».—«Побойся Бога, такія худыя рѣчи вести, такія грѣшныя мысли имѣть!»—«И не побоимся никого, и не дадимъ себя въ обиду, и отплатимъ за свои потери»! кричалъ гость.—«Увидите еще вы всѣ, полюбуетесь, какъ мы за все отплатимъ».—«Съ нами крестная сила!» старался перебить его инокъ. «Уйми ты свою злость грѣховную, опомнись, Порфирій! Душу пожалѣй! Семью не губи»! Ничего не хотѣлъ и слышать сердитый гость. Онъ сулилъ всѣ несчастія и напасти своему мнимому врагу, дьякону церкви Николы Гостунскаго въ Кремлѣ.

Нашъ грозный Царь Іоаннъ Васильевичъ понималъ своимъ прозорливымъ умомъ необходимость распространенія Божественныхъ книгъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Онъ видѣлъ всю недостаточность обычнаго тогда способа переписыванія съ древнихъ рукописей, несмотря на усердіе и неустанный трудъ благочестивыхъ иноковъ. Имъ въ подмогу народились вольные труженики—переписчики, дьяки. Часто, вполнѣ несвѣдущіе, они искажали смыслъ Священнаго Писанія, возбуждали недоразумѣнія, вводили въ искушеніе. Приходилось тщательно пересматривать книги, скупать, уничтожать неточныя и тѣмъ останавливать ихъ вредное распространеніе. Когда Царь покорилъ Казанское царство, нужда въ книгахъ стала возрастать еще больше. Государь рѣшилъ помочь дѣлу, основать въ стольной Москвѣ печатный дворъ. Онъ зналъ, что въ Европѣ еще въ 1440 году Гуттенбергъ

изобрѣлъ книгопечатаніе. Мертвящее иго татарское угнетало бѣдную Россію, мѣшая развернуться ея духовнымъ силамъ и не дозволяя намъ воспользоваться драгоцѣннымъ плодомъ европейскаго просвѣщенія.

Прошло, наконецъ, время татарщины: надо было спѣшить пополнить несчастный пробѣлъ.

— «Самимъ Господомъ внушена тебѣ, Царь Государь, эта добрая мысль. Это истинный даръ, свыше сходящій»! въ восторгѣ воскликнулъ митрополитъ Макарій и сталъ горячо помогать Іоанну Васильевичу въ его святомъ предпріятіи.

Нашлись у насъ свои искусные мастера печатнаго дѣла. Изъ Новгорода выписали знающаго рѣзчика. Въ 1553 году на Никольской улицѣ былъ заложенъ Печатный Дворъ для помѣщенія типографіи. Десять лѣтъ употребили на ея устройство и, конечно, чѣмъ больше вырабатывали печатники, тѣмъ замѣтнѣе убывали заказы переписчикамъ.

Первая книга «Апостолъ» была выпущена въ 1564 году. Она содержала 267 листовъ по 25 строкъ на каждой страницѣ, 30—32 буквы на каждой строкѣ. Внѣшность книги очень красива. По обычаю того времени, въ подражаніе рукописнымъ книгамъ, она отпечатана съ разными украшеніями, между прочимъ съ рисункомъ, на которомъ изображенъ св. евангелистъ Лука. На листѣ открытой книги, лежащей передъ нимъ, ясно можно прочесть оттиснутое выраженіе: «Первое убо слово». Да, дѣйствительно, это было первое слово, отпечатанное русскимъ труженикомъ на Руси, появившееся въ свѣтъ въ мартѣ 1564-го года.

Но противъ святого дѣла, противъ добрыхъ тружениковъ поднялась, дѣйствительно, вражья сила,

крамола снизу. Озлились дьяки. Темный людъ вѣрилъ напраслинѣ, взводимой на печатниковъ. Ихъ обвиняли въ колдовствѣ. Ихъ трудъ считали дѣломъ нечистой силы. Враги разжигали народныя страсти, вербовали себѣ соучастниковъ. Пробовали-было увлечь и смиренныхъ иноковъ, стараясь разжалобить плачемъ, какъ Порфирій, на свою горькую долю. Но кроткіе отшельники, умудренные молитвой и благочестіемъ, ясно видѣли злую силу враговъ добра и просвѣщенія. Старикъ инокъ, не называя никого, старался предупредить Ивана Ѳеодоровича о вражескомъ на него ополченіи. Поосмотрительнѣе сдѣлались печатники, стали подумывать о своей безопасности. Были у нихъ друзья и въ сосѣднихъ странахъ, знавшіе и цѣнившіе русскихъ искусниковъ. Списывались они съ близкой Литвой, гдѣ было много православныхъ церквей, нуждавшихся въ богослужебныхъ книгахъ. Часто пересылались вѣстями и духовенство, и купечество, и боярство обѣихъ державъ - сосѣдокъ. Но, на несчастье, всего не предупредишь.

— «Погляди - ка, отче преподобный, въ оконцѣ свѣтать ужъ начинаетъ», заговорилъ знакомый намъ послушникъ, отрываясь отъ вечерней молитвы: «Пѣтухи еще не пропѣли, а на небѣ точно день загорается». Въ его голосѣ слышался испугъ. Положивъ набожно земной поклонъ, старикъ оторвался отъ горячей молитвы и повернулся къ окну.—«Съ нами крестная сила!» заговорилъ онъ, вскакивая съ колѣнъ и забывая свои годы и немощи. «Взмилуйся, Царица небесная! Вѣдь это зарево, сынъ мой,—вишь, какъ полыхаетъ»!—«И кого это Господь въ эту темень наказалъ такимъ горемъ»? говорилъ послушникъ, разглядывая направленіе ясно виднаго пламени. «Отче,

это, никакъ, горитъ на Никольской... Смотри, пожалуй, точно самъ печатный дворъ горитъ»!—«Совершилось»! сказалъ старикъ, натягивая зипунъ и накрѣпко подпоясываясь. «Попустилъ Господь. Пойдемъ къ воротамъ обители,—можетъ, чѣмъ-нибудь и сможемъ послужить бѣднякамъ.» И дѣйствительно: не успѣли они подойти къ монастырской оградѣ, какъ за воротами послышались торопливые шаги,—кто-то постучалъ въ оконце и началъ переговариваться съ привратникомъ. Старый монахъ бросился къ отцу—настоятелю за ключомъ; привратникъ указалъ, какъ ловчѣе укрыться около столбовъ ограды и, вмѣстѣ, торопился достать черезъ узенькое окно то, что ему передавали съ улицы. Это были типографскія принадлежности, которыя удалось бѣднымъ погорѣльцамъ спасти отъ разъяренной толпы. Наши печатники укрылись въ гостепріимныхъ стѣнахъ обители. Разъяренная толпа, спаливъ до основанія дворъ, разграбивъ все, что подъ руку попалось, день и ночь искала по Москвѣ своихъ мнимыхъ враговъ. Смерти невинныхъ требовали изступленные, желая извести нечисть, зародившуюся на родной землѣ. Такъ враждебно смотрѣлъ темный людъ на первые опыты своего просвѣщенія, которые пробовалъ развить въ своемъ государствѣ мудрый Самодержецъ.

Сто лѣтъ тому назадъ нѣмецкіе печатники бѣжали, скрываясь отъ преслѣдованій черни. Та же участь постигла нашего родного Гуттенберга—Ивана Ѳеодоровича. Подъ покровомъ темной ночи, славные труженики, просвѣтители родины, должны были, съ помощью добрыхъ иноковъ, тайкомъ, осторожно покинуть Москву-матушку. Они унесли съ собой, что могли спасти изъ типографскихъ принадлежностей.

Монастырское одѣяніе смиреннаго послушника помогло имъ добраться до сосѣдней Литвы. Съ молитвой постучали они въ ворота Супрасльскаго монастыря и, на спросъ привратника, тихо, чуть не со страхомъ объявили, что они странники, русскіе люди, идутъ издалека, изъ самой Москвы, и хотѣли бы просить пріюта подъ сѣнью святой обители.

Православный Супрасльскій монастырь былъ основанъ еще въ концѣ XV-го вѣка, Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ, великимъ маршаломъ княжества Литовскаго, съ разрѣшенія князя литовскаго, короля польскаго Александра Казиміровича и его супруги, нашей великой княжны, Елены Іоанновны.

Всѣ братья обители, съ настоятелемъ во главѣ, приняли нашихъ бѣглецовъ самымъ радушнымъ образомъ. Дали знать своему покровителю,—сыну покойнаго основателя обители, гетману Григорію Ходкевичу. Ревнитель православія, другъ Россіи, гетманъ уговорилъ печатниковъ поселиться въ его городкѣ Заблудовѣ, близъ Бѣлостока, гродненской губерніи. Возликовали наши бѣдные земляки. Ходкевичъ воздвигъ для нихъ новый печатный дворъ. У Ивана Ѳеодоровича снова закипѣла его любимая работа во славу Божію, для распространенія печатныхъ книгъ духовнаго содержанія на общедоступномъ русскомъ нарѣчіи. Самое сердечное участіе въ ихъ трудѣ принималъ Григорій Александровичъ. Когда отпечатали первую книгу «Евангеліе Учительное» (1568—9 годъ), т. е. собраніе избранныхъ поученій святыхъ отцевъ на воскресныя и праздничныя Евангелія, то онъ самъ составилъ для него предисловіе: «Восхотѣлъ я, чтобы слово Божіе размножалось и чтобы ширилось на поученіе людямъ нашего православнаго закона, ибо оску-

дѣли учительныя книги во многихъ мѣстахъ у насъ. Не пощадилъ я богодарованныхъ мнѣ сокровищъ на это дѣло. Къ тому же нашелъ и людей научныхъ въ книгопечатномъ дѣлѣ, москвитина Ивана Ѳеодоровича да Петра Тимоѳеевича Мстиславцева. И повелѣлъ я имъ устроить книгопечатный станокъ и напечатать это учительное Евангеліе, во-первыхъ, на честь и на славу Господу Богу въ Троицѣ Единому и, во-вторыхъ, въ наученіе христіанамъ нашего православнаго закона».

Сами книгопечатники обращаются къ православнымъ съ такими смиренными словами: «Мы, трудившіеся, недостойные и худые, молимъ васъ, которые будете читать, или переписывать эту книгу, будьте милостивы къ намъ и не зазрите немощи и недостатки нашего ума: ибо и сами вы человѣки и подлежите человѣческимъ немощамъ. И какъ сами требуете милости отъ Бога и прощенія отъ человѣковъ, такъ сподобите и насъ прощенія».

По отпечатаніи «Евангелія Учительнаго», Петръ Тимоѳеевичъ Мстиславецъ разстался съ своимъ дорогимъ товарищемъ. Онъ отозвался на горячій призывъ членовъ Виленскаго братства, братьевъ Косьмы и Луки Мамоничей, и уѣхалъ къ нимъ въ Вильну. Тамъ, при братствѣ, была основана типографія, въ которой много и неустанно трудился русскій печатникъ, ревнитель духовнаго просвѣщенія и распространенія православныхъ богослужебныхъ книгъ на родномъ ему, русскомъ языкѣ.

Иванъ же Ѳеодоровичъ оставался у гетмана въ его роскошномъ Заблудовѣ, ревностно продолжая свое многополезное, святое дѣло. Тяжелыя испытанія выпали на долю обоихъ ревнителей православія и

русской народности. Люблинская унія болѣзненнымъ гнетомъ легла на бѣдную родину Григорія Александровича. Его старческія силы слабѣли отъ душевныхъ страданій и, наконецъ, измѣнили горячему борцу за вѣру и отечество. Онъ видѣлъ уже край могилы передъ собою и, съ болью въ сердцѣ, рѣшилъ покончить столь любимое имъ печатное дѣло. Ему казалось, что и московскій другъ его уже не молодъ, что и ему пора отдохнуть, подумать о семьѣ, дѣтяхъ. Для этой цѣли онъ подарилъ Ивану Ѳеодоровичу хорошенькое имѣніе, близъ Заблудова, гдѣ вся семья русскаго труженика могла безбѣдно коротать свою жизнь.

Не то было на душѣ вдохновеннаго нашего соотечественника. Думалось ему, что его призваніе трудиться не раломъ пахотнымъ, а своимъ художествомъ книгопечатника, и не житныя зерна сѣять, а духовныя сѣмена разсѣвать во вселенной чрезъ книгопечатаніе.—«Я убоялся Христа моего», говорилъ Ѳеодоровичъ въ предисловіи къ позднѣе напечатанной Библіи, «Который спроситъ у меня: лукавый рабе, зачѣмъ не отдалъ серебра Моего, а закопалъ талантъ свой въ землю»?

Какъ только скончался гетманъ Ходкевичъ, другъ и покровитель Ивана Ѳеодоровича, послѣдній распростился съ Заблудовымъ и пошелъ туда, куда влекло труженика его русское сердце, его набожная душа.

Слышно было, что на нашей южной окраинѣ, въ галицкомъ Львовѣ, учрежденo Успенское братство. Туда и потянуло Ивана Ѳеодоровича, несмотря на всю тяжесть дальняго пути для не молодого уже и бѣднаго странника. Не легко удалось ему устроиться въ самомъ Львовѣ и приступить къ своему дѣлу. Мно-

гихъ горячо и долго молилъ онъ о содѣйствіи. Наконецъ, нашлись добрые понятливые люди. Не изъ знатныхъ или богатыхъ были они, судя по отзывамъ нашего соотечественника, но изъ людей простыхъ. Лучшимъ же его пособникомъ сдѣлался одинъ православный священникъ, сильно помогшій ему своимъ вліяніемъ на паству, уговоривъ ее собрать средства для основанія печатнаго двора. Въ 1573—1574 году, во Львовѣ вышло въ свѣтъ второе изданіе книги «Апостолъ», совершенно такое же, какъ и первое, печатанное въ Москвѣ: тотъ же шрифтъ, тѣ же самыя и заглавныя буквы. Рамка, окружающая изображеніе евангелиста Луки, оттиснута съ московской доски. Въ концѣ книги имѣется подпись: «Иванъ Ѳеодоровичъ, друкарь москвитинъ». Затѣмъ сталъ онъ печатать и другія богослужебныя книги на русскомъ языкѣ. Слава о мастерѣ печатнаго дѣла неслась по всѣмъ землямъ, гдѣ раздавалась русская рѣчь, гдѣ молился набожный православный народъ. Имя Ивана Ѳеодоровича было извѣстно всему читающему русскому люду. Слышалъ о немъ и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, усердный, ревностный борецъ за православіе противъ притѣсненій іезуитовъ, возставшихъ на все русское, церковное, не католическое.

Съ колыбели и до могилы былъ столпомъ вѣры и благочестія предковъ славный потомокъ равноапостольнаго князя Владиміра Святого. Обладая несмѣтными богатствами, владѣя болѣе чѣмъ тремя сотнями городовъ, тысячами селеній, хуторовъ, фольварковъ, онъ милліонами считалъ свои доходы. Его войско изъ 30.000 человѣкъ превосходило королевское и численностью, и храбростью, и выправкой.

Возсталъ нашъ православный витязь съ горячимъ рвеніемъ убѣжденнаго борца за Церковь родную, за народность русскую, когда іезуиты выступили съ своими школами. Въ нихъ воспитывали они не только католиковъ, но туда же завлекали дѣтей православныхъ и лютеранъ, располагая въ свою пользу ихъ родителей прекрасной постановкой и учебнаго и воспитательнаго дѣла.

Въ славномъ Острогѣ, на крутомъ берегу Горыни, гордо поднималъ тогда къ небесамъ свои башни и бойницы, среди пышныхъ садовъ, родовой замокъ князей Острожскихъ, величавое произведеніе итальянскаго зодчества XV вѣка. Бѣлой лентой обвила его крѣпкая надежная стѣна, и своей неприступной твердыней охраняла отъ всякаго вражьяго натиска. За нею раскинулся красивый городъ, нарядные дома горожанъ и многочисленныя церкви; но среди всѣхъ этихъ зданій невольно бросалась въ глаза огромная острожская школа. Основанная еще покойнымъ княземъ Константиномъ Ивановичемъ, первоначально довольно скромная, она потомъ послужила главнымъ разсадникомъ просвѣщенія темному люду на нашемъ богатомъ, привольномъ югѣ. Дѣятели этого училища стояли на высотѣ ясно сознаваемой ими задачи. Горя желаніемъ развить темную народную массу, дать противовѣсъ іезуитскимъ стараніямъ и проискамъ, стараясь укрѣпить православіе среди мѣстнаго населенія—русскаго народа, князь Константинъ Константиновичъ расширилъ образовательный курсъ наукъ и изъ школы создалъ академію. Въ ней преподавали славянскій, греческій и латинскій языки; изучали богословіе, философію, риторику, поэзію, исторію, медицину и естественныя науки. Программа

ея превзошла виленскую, іезуитскую. Во главѣ учебнаго дѣла князь поставилъ Кирилла Лукариса. Родомъ грекъ, этотъ ученый мужъ отличался умомъ недюжиннымъ и обширнѣйшими познаніями. Онъ въ совершенствѣ зналъ языки—русскій, церковно-славянскій, сербскій, греческій, латинскій, итальянскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и даже турецкій. Слава объ острожской академіи гремѣла на всемъ Западѣ. Европейскіе ученые пріѣзжали слушать лекціи въ русской академіи. На нивѣ народнаго образованія іезуиты были побѣждены русскимъ княземъ. Глубоко набожный, онъ приступалъ всегда съ постомъ и молитвой къ своимъ благимъ, патріотическимъ начинаніямъ. Душа его радовалась осуществленію завѣтной своей мечты, гордилась заслуженными успѣхами и стремилась къ новымъ трудамъ, новымъ подвигамъ на пользу дорогой русской земли.

Задумалъ князь привлечь къ себѣ знаменитаго москвитянина, печатника изъ Львова. Гонцовъ послалъ за нашимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ. Основать печатный дворъ въ своемъ Острогѣ, наряду съ славной академіей, рѣшилъ нашъ православной борецъ.—«Пусть на этомъ печатномъ дворѣ будетъ впервые печататься у насъ—полная Библія на церковно-славянскомъ языкѣ для назиданія православнаго русскаго народа», — твердилъ острожскій князь. Несомнѣнно, это была великая мысль, но нелегко было ее исполнить: не было еще тогда полной печатной Библіи, не съ чего было ее перепечатывать. Великія старанія приложилъ набожный и просвѣщенный ревнитель христіанскаго просвѣщенія для пріисканія повсюду нужныхъ, исправно переписанныхъ Священныхъ книгъ.

Съ сѣвера, изъ нашей Москвы бѣлокаменной, отъ грознаго Царя русскаго Іоанна Васильевича и православнаго митрополита получилъ онъ самый полный списокъ. Кое-что было получено съ Востока, отъ константинопольскаго патріарха. Оттуда же пришли и знающіе люди въ пособники нашему друкарю.

Съ молитвою приступили усердные труженики ко святому дѣлу. Сперва былъ изданъ одинъ Новый Завѣтъ съ псалтырью при немъ (1580 г.), а потомъ уже, на радость всему Востоку, и полная Библія (1581 г.). Въ день ея выпуска изъ типографіи въ свѣтъ, радость князя Константина Констатиновича Острожскаго и его задушевныхъ сотрудниковъ была неописуема. Богослужіемъ, благодарственнымъ молебствіемъ освятилъ онъ этотъ знаменательный день. Собрались къ князю въ его блестящій Острогъ друзья, единомышленники, приверженцы русской народности и православной Церкви. Преподобный Іовъ покинулъ свою обитель на уединенномъ островкѣ, среди бурливой Иквы, чтобы помолиться съ другомъ въ такой великій день. Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, соратникъ и сподвижникъ князя, явился благословить его полезный трудъ. Послѣ обѣдни всѣ присутствовавшіе,—хозяинъ, самые именитые его гости, славные сотрудники и ученики,—перешли въ залу академіи, гдѣ хранилось завѣтное твореніе печатниковъ. Князь глубоко былъ растроганъ всѣми похвалами, поздравленіями, благословеніями, которыя сыпались на него отъ преизбытка чувствъ всѣхъ присутствовавшихъ. Онъ обратился къ нимъ съ вдохновенными словами.—«Вамъ, о Христѣ избраннымъ въ народѣ русскомъ сынамъ Церкви Восточной и всѣмъ согласующимся въ сла-

вянскомъ языкѣ и соединеннымъ въ православіи той же Церкви, всякаго чина христіанитымъ людямъ, братіи своей возлюбленной не только по плоти, но и по духу святыни, я, Константинъ, Божіею милостью князь Острожскій, воевода Кіевскій, маршалокъ земли Волынской, съ любовью извѣщаю сіе: благоволеніемъ, щедротами и человѣколюбіемъ Божіимъ сподобился я положить начало и видѣть совершеніе сего великаго дѣла, которое теперь и предлагается вамъ, т. е. книги Ветхаго Завѣта, называемыя по-гречески Библія. Пріймите ихъ не какъ вещь человѣческую, но какъ свыше сходящее дарованіе. Обрѣтайте въ нихъ правый путь къ спасенію, и Богу, изволившему даровать вамъ вѣдать сіе, воздавайте хвалу и благодареніе. Я же, ради любви и душевной пользы вашей, хочу еще, чтобы вы уразумѣли и мое особенное намѣреніе въ семъ дѣлѣ. Помянулъ я слова Господа Спаса нашего Іисуса Христа: «Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ». Потомъ возжелалъ я, прежде чѣмъ отойду отъ сей жизни, оставить вамъ нѣкое дарованіе духовное, въ которомъ можете обрѣсти царствіе Божіе и правду Его, если восхощете. Видѣлъ я, что Церковь Христова, искупленная чистою кровью Его, отовсюду навѣтуется волками, пришедшими пожирать ее. Вспомнилъ я слова пророческія, которыя произнесъ нѣкогда Самъ Христосъ: «Жалость дому Твоего снѣсть Мя». Ибо кто изъ правовѣрныхъ и благоразумныхъ не подвигнется къ жалости, видя Церковь Христову, клонящуюся долу, видя Богомъ насажденный виноградъ, обступаемый пришельцами, хотящими разорить ограды его? Кто не умилится сердцемъ и не восплачетъ, видя, что тяжкіе волки силятся растерзать и

расхитить овчее стадо Христово? Потому и возревновалъ я совершить сіе дѣло, т. е. издать для всѣхъ въ печати книги Священнаго Писанія, чтобы отъ нихъ свѣтъ Божій возсіялъ въ сердцахъ вашихъ къ просвѣщенію разума вашего и къ огражденію васъ отъ враговъ Церкви Божіей. Но не я, рабъ Господа моего, содѣлалъ сіе, а содѣлалъ сіе Самъ Господь Богъ, своею благодатію, даровавъ вамъ сіе сокровище, цѣннѣйшее всѣхъ сокровищъ міра».

Растроганный и потрясенный этими глубоко благочестивыми, вдохновенными словами, Иванъ Ѳеодоровичъ выдвинулся впередъ, призывая всѣхъ православныхъ молиться за князя, за его добрый подвигъ.

—«Да напишется имя его въ книгѣ живота вѣчнаго, купно съ его благочестивыми усопшими родителями и прародителями!»

Благословляя имя князя, благодарные русскіе люди должны прибавить и имена его честныхъ, ревностныхъ сотрудниковъ, такъ много приложившихъ старанія и усердія при изданіи Библіи. Да будетъ драгоцѣнна и вѣковѣчна память этихъ славныхъ нашихъ соотечественниковъ, въ особенности же память львовскаго епископа Гедеона Балабана. Дорога намъ память этихъ достопочтенныхъ тружениковъ, истинныхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія, вѣры и благочестія. Ихъ издательскими трудами размножились священныя, церковныя и учительныя книги въ тогдашней юго-западной Россіи, и тѣмъ подана ей великая помощь въ трудное и страдное для нея время.

ИСТОЧНИКИ:

И. И. Малышевскій. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.
Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Т. IX.
Бахтіаровъ. Исторія печати. Иванъ Ѳедоровъ.

Горе—злосчастіе.

1585 г.

Кичливые ляхи въ полномъ переполохѣ. Опять пустуетъ королевскій замокъ, опять грозитъ могучій турокъ. Москва напираетъ все сильнѣе на Ливонію. Западъ весь насторожился. Утекъ король, вакантный тронъ пустуетъ. Что дѣлать Рѣчи Посполитой? Паны рады, други и недруги, опять взялись за сеймики и за сеймы. Одни, подъ вліяніемъ французскаго посла, хотѣли ждать: авось, вернется Генрихъ. Ратовали за императора Максимиліана II-го или его сына Эрнеста, которыхъ поддерживала Москва. Стояли и за сестру Сигизмунда II Августа, Анну Сигизмундовну, послѣдній отпрыскъ славнаго рода Ягайла *).

Верхъ взялъ ставленикъ турецкаго султана, кандидатъ Яна Замойскаго, седмиградскій воевода Стефанъ Баторій. На рѣдкость умный, образованный, предпріимчивый, онъ явился въ Краковъ по первому зову, окруженный блестящимъ, многочисленнымъ венгерскимъ отрядомъ, и согласился на всѣ условія,

*) Сигизмундъ I Старый, отецъ Анны, былъ внукъ Ягайла.

предъявленныя ему панами. Женился на 54-лѣтней королевнѣ Аннѣ, присягнулъ на вѣрность всѣмъ правамъ и привилегіямъ гражданъ Рѣчи Посполитой и еще прежде обратился изъ протестантизма въ римско-католическую вѣру. Онъ обѣщалъ даже вытѣснить русскихъ изъ Ливоніи. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ его, провожая въ краковскій соборъ, гдѣ, не природный полякъ, скорѣй венгерецъ, былъ вѣнчанъ короною славныхъ Пястовъ, 18 апрѣля 1576 года.

Ставъ глубоко набожнымъ католикомъ, Стефанъ Баторій пріобрѣлъ сочувствіе всего католическаго духовенства и самого примаса - архіепископа королевства. Отдавая должную дань уваженія образованнымъ іезуитамъ, король такъ ихъ полюбилъ, что на страницахъ исторіи сохранилось его обычное выраженіе: «Не будь я королемъ, я былъ бы іезуитомъ». Но, довѣряя воспитаніе юношества іезуитамъ, Баторій далекъ былъ отъ преслѣдованія не-католиковъ, или диссидентовъ; онъ обыкновенно говаривалъ: «Я царствую надъ людьми, а Богъ—надъ совѣстями». Понятно его нерасположеніе къ православной Россіи, его стремленіе остановить побѣдное шествіе нашихъ войскъ къ Балтійскому побережью. Чтобы выиграть время, онъ отправилъ пословъ въ Москву переговариваться о перемиріи. Самъ же, во главѣ сильнаго войска, пошелъ усмирять строптивый Данцигъ, который, присягнувъ разъ императору Максимиліану, не хотѣлъ измѣнять своей клятвѣ. Довольный счастливымъ успѣхомъ, умный Баторій ловко сплотилъ вокругъ себя надежныхъ союзниковъ для похода на Московію. Шведскій король, бранденбургскій курфирстъ, наемные нѣмецкіе отряды изъ Германіи, венгерскія дружины его

брата, седмиградскаго воеводы,—всѣ эти силы ополчились на Русь православную. Были посланы пребогатые дары крымскому хану, чтобы удержать татаръ отъ столь любимыхъ ими опустошительныхъ набѣговъ на Польшу. Даже вѣчно драчливые днѣпровскіе казаки были привлечены въ ряды польскихъ ратей, и король обезпечилъ себѣ помощь со стороны запорожцевъ, чтобы обезпечить покой южныхъ окраинъ.

На варшавскомъ сеймѣ, зимою 1578 года, было рѣшено воевать съ нами и на расходы установили особую подать: по злотому съ земельнаго участка *). Все предусмотрѣно, обдумано. Умный Баторій не послушался совѣтниковъ, уговаривавшихъ его идти и отнимать у насъ Ливонію. Прямо двинулся онъ на Полоцкъ,—ключъ по дорогѣ отъ насъ въ ту же Ливонію и Литву. Не ждали этого движенія въ Москвѣ. Войска было мало. Его стянули за прочныя стѣны крѣпости, остальную же часть города сожгли, чтобы не досталась врагу.

Помощь ни откуда не приходила, запасы истощались, и осажденнымъ войскамъ пришлось сдаться. Ихъ храбрость привела въ такой восторгъ самого Баторія, что онъ предложилъ имъ перейти въ ряды его войскъ, но отъ измѣны съ отвращеніемъ отказались русскіе герои.

Владыка Кипріанъ, окруженный воеводами, заперся въ Софійскомъ соборѣ. Силою вывели ихъ оттуда. Храмъ и городъ были разграблены и разорены до основанія, причемъ безвозвратно погибли драгоцѣнныя собранія греческихъ и славянскихъ рукописей.

---

*) Злотъ или злотый—15 копѣекъ.

Палъ древній Полоцкъ, столица Рогволода, Рогнѣды, Всеслава и цѣлаго ряда храбрѣйшихъ князей. За нимъ у насъ отняли крѣпости—Соколъ, Красный Козьянъ, Пещеру. Сѣверская и Смоленская земли были разорены. Только морозъ остановилъ врага. Баторій вернулся въ Вильну. Шведы стояли подъ Нарвой. Государь спѣшно пробовалъ завязать переговоры о мирѣ. Наши войска приближались, но неумѣло, къ театру военныхъ дѣйствій. Осенью 1580 г. Баторій двинулся по лѣсамъ и болотамъ, строя мосты, проводя гати въ Новгородскую область, туда, гдѣ его не ждали. По дорогѣ взялъ Велижъ и Усвятъ, обложилъ зажиточный, хорошо укрѣпленный городъ—Великія Луки. Завязался кровавый бой. Осажденные уступили только силѣ. Ихъ перерѣзали венгры, предавъ городъ огню и мечу. Побѣдитель двинулся къ Невелю, Озерищу, Заволочью. Едва съ большими усиліями удалось Бутурлину пріостановить поляковъ по дорогѣ на Смоленскъ. Къ зимѣ Баторій вернулся въ Литву, шведы же, подъ предводительствомъ графа Понтусъ-де-ля-Гарди, воевали въ Эстляндіи и Ливоніи. Отняли Падисъ (близъ Ревеля), Везенбергъ и Кексгольмъ въ Кореліи. Казалось, чего еще желать полякамъ? Король ихъ шелъ отъ побѣды къ новой побѣдѣ. Такъ вотъ все не по нимъ! Въ тягость стала война, хотя и счастливая. А Баторій хотѣлъ ее продолжать. Только ловкость и изворотливость канцлера Яна Замойскаго помогли ему добиться согласія варшавскаго сейма 1585 года на двухлѣтній сборъ податей для военныхъ издержекъ. Кромѣ того его ссудили деньгами герцогъ прусскій да курфирсты бранденбургскій и саксонскій. На эти средства датчанинъ Георгій Фаренсбахъ привелъ изъ Германіи

и Венгріи наемную пѣхоту и ландскнехтовъ. Составилась огромная, по тѣмъ временамъ, армія въ сто тысячъ человѣкъ. Были голоса, которые совѣтовали идти на Новгородъ, но военный талантъ Баторія указалъ ему вѣрный пунктъ, — Псковъ, главный плотъ со стороны Ливоніи. Богатый, славный младшій братъ великаго Новгорода привлекалъ и корыстные и честолюбивые виды врага. По дорогѣ къ нему король взялъ нѣсколько крѣпостей, начиная съ Острова, котораго каменныя стѣны не устояли противъ польскихъ пушекъ.

Князь Николай Радзивиллъ, воевода виленскій и великій гетманъ литовскій, Евстафій Воловичъ, Янъ Тышко, Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ минскій и литовскій, подскарбій Николай Сапѣга, воевода минскій, Криштовъ Радзивиллъ, каштелянъ трокскій, Янъ Замойскій, Филонъ, староста оршанскій,—вотъ славныя имена опытныхъ боевыхъ вождей польскихъ отрядовъ. Велъ ихъ талантливый Баторій. Онъ шелъ самоувѣренно къ побѣдѣ во главѣ побѣдоноснаго войска. Противъ него, за обновленными, дѣйствительно, очень тщательно стѣнами древняго нашего Пскова, стояли князья Шуйскіе, Хворостининъ, Бахтіаровъ, Ростовскій, Лобановъ-Ростовскій. Не многочисленны были ряды ихъ соратниковъ, не велеки наши силы. Но каждый гражданинъ добросовѣстно взялся за оружіе. Вожди всѣ единодушно, передъ лицемъ Бога, Царя и народа русскаго, поклялись въ Успенскомъ соборѣ живыми не сдаваться врагу.

Верстъ на семь—на восемь тянулись стѣны вокругъ осажденнаго города. Воеводы раздѣлили его на четыре части: Кремль, Средній городъ, Большой или Окольный, и Запсковье.

Архіепископъ новгородскій Александръ прислалъ своей паствѣ увѣщательную грамоту: крѣпко стоять за вѣру православную, за землю родную. Духовенство молилось по церквамъ, куда бѣжалъ и старъ, и малъ, и женщины, и всѣ, кто былъ безсиленъ держать оружіе; они несли къ подножію алтарей Господнихъ горячія молитвы о спасеніи дорогой родины отъ врага, земли предковъ и вѣры отцовъ. На стѣнахъ служили молебны, обносили вокругъ крѣпости мощи святаго князя Всеволода-Гавріила. 23 августа изъ-за Черень, въ пяти верстахъ отъ Пскова къ востоку, послышались выстрѣлы, поднялась пыль по дорогѣ, и къ городскимъ стѣнамъ примчалась стража изъ боярскихъ дѣтей. Сшиблись они первые съ передовымъ врагомъ, увидѣли, что многочисленны польскія рати, и полетѣли предупредить сограждань.

Зазвонилъ, загудѣлъ осадный колоколъ. Защитниковъ родного города созывалъ онъ на стѣны. Вспыхнуло Завеличье на противоположномъ берегу Великой, лишь бы не уступить недругу родного крова—жилищъ своихъ. Темной тучей надвигались супостаты. Желѣзнымъ кольцомъ собрались обойти, сдавить, совсѣмъ задушить русскую твердыню. Мы стали тревожить врага вылазками, истреблять мѣткими выстрѣлами. Наши знаменитыя орудія—Трескотуха и Барсъ—бросали смертоносныя груды каменьевъ до самаго королевскаго стана. Со злостью пришлось полякамъ отнести его по-дальше, внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Поскакалъ осмотрѣть вражьи стѣны баловень счастья—Баторій, съ нимъ рядомъ—Замойскій и прочіе паны воеводы. — «Здѣсь намъ придется понатужиться, приналечь пуще прежняго», заговорилъ король.—«Башни-то, башни какія»!—вглядываясь при-

стальнымъ окомъ, проговорилъ Замойскій.—«Хватитъ ли у насъ пороху разбить такія твердыни»? вдумчиво высказывался Радзивиллъ.—«Досадно, что такъ много пропало отъ недосмотра стражи», ворчалъ кто-то изъ свиты.—«Не надо медлить, скорѣе артиллерійскимъ огнемъ разобьемъ вотъ этотъ южный уголъ, что примыкаетъ къ рѣкѣ»,—распорядился король.—«Угровъ поставить противъ этой башни»,—указалъ онъ на Покровскую.—«А противъ этой—встанутъ поляки. Тутъ ворота, ихъ намъ надо непремѣнно взять». На томъ и порѣшили. Дни и ночи рыли окопы, доводя ихъ чуть - что не до самыхъ городскихъ рвовъ. Подкатили туры, устроили прикрытыя отверстія и размѣстили въ нихъ пушки, несмотря на наше ожесточенное обстрѣливаніе, часто разрушавшее всѣ труды непріятеля.

7 сентября началась разрушительная пальба. Дрогнули древнія стѣны, распалась Покровская башня, повреждена и Свиная. Образовались пробоины или бреши. Поляки поободрились: ихъ воеводы, отобѣдавъ въ шатрѣ Баторія, сказали ему, откланиваясь: «Государь, нынѣ же будемъ мы ужинать съ тобою въ псковскомъ замкѣ».—«А въ награду получите равную со мной часть добычи изъ несмѣтныхъ русскихъ сокровищъ», былъ ловкій отвѣтъ.

Съ сосѣдняго холма любовался король, какъ стройно, увѣренно, ряды за рядами, шли на приступъ угры и поляки. Гремѣли трубы, знамена развѣвались въ воздухѣ. Замойскій двинулъ въ бой еще нѣмцевъ. Ударили и въ нашъ осадный колоколъ. Впередъ выставили искуснѣйшихъ стрѣлковъ изъ дѣтей боярскихъ и встрѣтили напоръ смертоноснымъ мѣткимъ огнемъ. Падали вражьи ряды одни за други-

Осада Пскова. *(Къ стран. 69).*

ми, но задніе упорно лѣзли впередъ, укрываясь щитами, и добрались до проломовъ, чуть не въ упоръ стрѣляя въ осажденныхъ. Съ угрозой примчался къ опасному мѣсту, не слѣзавшій съ коня, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.—«Не уступать ни пяди! Не выдавать родной святыни»! послышался повелительный голосъ вождя тамъ, гдѣ опасность была сильнѣе, гдѣ тучи пуль неслись быстрѣе, гдѣ адскій бой былъ горячѣе.

Псковскіе граждане, простившись съ женами, дѣтьми, семьею, спѣшили въ оружіи къ проломленнымъ стѣнамъ. «Барсу» удалось однимъ ударомъ смести съ Свиной башни налѣзавшаго врага. Игуменъ Тихонъ и Троицкій протоіерей Лука въ это время, распростертые передъ алтаремъ, въ слезахъ молили Господа силъ помочь Своимъ православнымъ рабамъ: «Несите, отцы, святую Печерскую Икону къ проломленному мѣсту! Изъ силъ выбиваемся! Помогите, преподобные»! послышался молящій голосъ, и по церкви торопливо пробѣжалъ посланецъ отъ воеводъ.

Возстали инокъ и священникъ, наши теплые молитвенники. Духовенство подняло свое оружіе: кресты, чудотворный образъ Богоматери и мощи святого князя Всеволода-Гавріила. Раздалось по улицамъ умилительное сладко - звучное моленіе о помощи, спасеніи отъ напасти, угрожавшей православному люду. Весь въ крови, соскочилъ съ раненаго коня князь Шуйскій и палъ ницъ предъ Пречистымъ Ликомъ, повторяя: «Спаси насъ, Матерь Божія»!—Въ то же время поколебалась земля, всколыхнулись волны Великой, поднялись къ небесамъ груды камней, мусора, столбы воды: въ глубь рѣчную грохнула Свиная баш-

ня, упося въ нѣдра земли королевскія знамена и забравшихся было на ея вершину польскихъ храбрецовъ.

Съ новымъ усердіемъ бросились наши на изнемогавшаго врага. Дрогнули нѣмцы, попятились поляки, замѣшкались было у Покровской башни угры, но и тѣхъ, подъ конецъ, удалось вытѣснить,—они побѣжали назадъ. Баторій подослалъ спѣшно подкрѣпленія. За стѣнами, очищенными отъ литовскихъ полковъ, остались только раненые и увѣчные. Духовенство, старики, женщины, подростки разсыпались по укрѣпленіямъ съ водой, бѣльемъ, домашними средствами, перевязывая раны, утоляя жажду, помогая страдальцамъ *). Надъ ними снова развѣвались, играя въ воздухѣ, знамена русскаго Царя. Съ добычей,—литовскими орудіями, доспѣхами, трубами, знаменами и плѣнными,—возвратились побѣдители. Несмотря на спустившуюся ночь, воеводы, за ними воины и народъ прошли въ соборный храмъ воздать хвалу и благодареніе Господу силъ, подкрѣпившему русскую рать противъ сильнѣйшаго и искуснѣйшаго врага.—«Миновалъ для насъ первый день трудовъ и мужества, плача и веселія»!—сказали воеводы, обращаясь къ народу. «Довершимъ, какъ начали! Пали враги сильные, а мы,—слабые,—съ ихъ доспѣхами стоимъ передъ алтаремъ Всевышняго. Гордый исполинъ лишился хлѣба, а мы, въ христіанскомъ смиреніи, насытились милосердіемъ небеснымъ. Исполнимъ клятвенный обѣтъ, данный нами безъ лукавства и хитрости, не измѣнимъ Церкви и Государю, ни робостью, ни малодушнымъ отчаяніемъ»! Растроганные гражда-

*) Повѣсть о Псковской осадѣ.

не со слезами умиленія отвѣчали имъ: «Мы готовы умереть за вѣру Христову. Какъ начали, такъ и завершимъ съ Богомъ, безъ всякой хитрости»! Въ Москву отправили воеводы гонцовъ съ радостною вѣстью.

Взбѣсился Баторій, но, конечно, не сдался. На военномъ совѣтѣ рѣшилъ вести подкопы вокругъ упрямаго города. За порохомъ помчались въ Ригу и къ курляндскому герцогу.—«Умру или возьму Псковъ»! говорилъ король.—«Осенью или зимою, несмотря ни на какія трудности, надо его взять»! И велѣлъ вести подкопы, готовиться къ новымъ приступамъ. Осажденнымъ воеводамъ послалъ письмо, прикрѣпленное къ стрѣлѣ. «Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ безполезно», писалъ король. «Знайте, сколько городовъ завоевано мною въ два года. Сдайтесь мирно: вамъ будетъ честь и милость, какой не заслужите отъ своего государя, народу льготы, неизвѣстныя въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, нѣкогда у васъ процвѣтавшей. Обычаи, достояніе, вѣра будутъ неприкосновенны. Мое слово законъ. Въ случаѣ же безумнаго упрямства—гибель вамъ и народу»! Страшно обидѣлись воеводы.—«Какое право имѣетъ онъ, побитый нами, говорить такимъ языкомъ?» взволнованно говорили они: «какъ можетъ обижать насъ предположеніемъ, что мы можемъ измѣнить данной присягѣ»? Со стѣнъ побѣдоноснаго Пскова полетѣла къ королю отвѣтная стрѣла: «Мы не жиды, не продаемъ ни Христа, ни Царя, ни отечества. Не слушаемъ лести, не боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ Бога». Сами же зорко наблюдали, чтобы спѣшно закладывались проломы деревянными стѣнами, острымъ дубовымъ частоколомъ, да глубокимъ рвомъ. Котлы съ кипяткомъ, кувшины съ по-

рохомъ были приготовлены, чтобы бросать ихъ на осаждавшихъ. Но почамъ же дѣлались удачныя вылазки, которыми тревожили сонныхъ и лишали враговъ отдыха. Досадовали наши, что не могли дознаться отъ плѣнныхъ, въ какихъ именно мѣстахъ ведутся подкопы, гдѣ сильнѣйшая опасность. День и ночь молилось духовенство, съ крестными ходами двигалось изъ церквей служить молебны, поддерживать бодрость народа. Господь милосердый смиловался надъ нами, послалъ намъ перебѣжчика, полочанина. Онъ указалъ, гдѣ рыли подземные подкопы. Туда направили воеводы свои, какъ говорятъ теперь, контрмины или встрѣчные подкопы. Наши работы разрушали вражьи. Намъ удалось отбить нѣсколько приступовъ. Но 28 октября непріятелю все же удалось подкопаться подъ стѣну со стороны Великой. Рухнула въ воду каменная громада. Поляки бросились поджигать слѣдующую, деревянную стѣну. Но съ нея ихъ окачивали кипяткомъ, ошпаривали смолой, душили камнями. Воеводы сражались на ряду со стрѣльцами. Враги побѣжали. Баторій злился и учащалъ приступы, удваивалъ пальбу. Съ Божіею помощью, мы продолжали держаться. Наши просили помощи у Царя. Но только горсточкѣ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, удалось прорвать польскіе ряды.

Наступала лютая зима. Ропотъ поднялся среди польскаго войска. Едва удалось Замойскому водворить спокойствіе. Король перемѣнилъ тактику, отвелъ свои силы отъ стѣнъ, расположилъ ихъ въ наскоро построенныхъ жилищахъ и устроилъ блокаду, т. е. обложилъ городъ. Вздумалъ утомить, пожалуй, уморить насъ голодомъ. Но бѣдствія обрушились на его же отряды. Мы были терпѣливы. Отразили даже сильный

напискъ, всѣми вражьими силами сдѣланный по замерзшей уже рѣкѣ Великой. Къ несчастью, Москва не могла воспользоваться этими удачами. Ея боевая сила положительно уступала польской.

Подъ давленіемъ шведскихъ побѣдъ, домашнихъ заботъ, болѣзни, Государь Іоаннъ Васильевичъ былъ вынужденъ поддаться уговорамъ, просьбамъ, обѣщаніямъ папы и его ловкаго посла Антонія Поссевина. Онъ послалъ къ Баторію говорить о перемиріи. Трудно было столковаться. Псковъ не былъ взятъ, его воеводы гордо смотрѣли въ глаза врагу. Баторій же былъ правъ, что кичился предъ русскими, которые, несмотря на свои побѣды, искали мира. Долго шли переговоры. Баторію на пользу послужили даже тяжести лагерной стоянки: болѣзни и нестроенія, поднявшіяся въ его лагерѣ, заставили его уѣхать въ Варшаву. Онъ оставилъ Замойскаго вѣдаться съ нашими послами. Осторожный, подозрительный полякъ никакъ не могъ превозмочь опасенія, внушаемаго ему нашимъ храбрымъ вождемъ, княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ. Ведя въ лагерѣ переговоры съ послами, однимъ глазомъ онъ все же косился на грозную крѣпость. Давила она его да и только! Для своего успокоенія и обезсиленія врага, онъ придумалъ хитрость. Къ нашимъ воеводамъ явился русскій плѣнникъ, бѣжавшій, что-ли, или выпущенный изъ польскаго лагеря. Онъ привезъ слѣдующее письмо князю Шуйскому отъ нѣмца Моллера: «Государь князь Иванъ Петровичъ»! писалъ онъ: «долго служилъ я Царю вмѣстѣ съ Георгомъ Ференсбахомъ. Нынѣ вспомнилъ его хлѣбъ-соль; желаю тайно уйти къ вамъ и шлю напередъ казну свою: возьми сей ящикъ, отомкни, вынь золото и блюди до моего при-

хода».—«Что за притча такая, князь»?—сказалъ кто-то изъ толпы. Шуйскій призадумался, взглянулъ пристально въ глаза посланцу,—тотъ смутился. Князь пожалъ плечами. —«Какое мнѣ дѣло до чужого золота»? брезгливо сказалъ онъ. «Пусть искусный мастеръ осторожно откроетъ ларецъ, счетчикъ сосчитаетъ деньги и отдастъ нѣмцу, если онъ объявится». Приказъ былъ исполненъ, и вдругъ,—о ужасъ!—изъ сосѣдней комнаты, гдѣ открывали ларецъ, послышался оглушительный выстрѣлъ. Мастера убило на мѣстѣ, окружающимъ поранило лица, руки... Въ ящикѣ было уложено нѣсколько заряженныхъ пищалей, осыпанныхъ порохомъ. Открой ящикъ самъ Шуйскій, его бы убило, какъ мастера. Господь сохранилъ Россіи ея доблестнаго воеводу, не попустилъ исполниться злому умыслу хитраго врага.

Русскіе послы, покоряясь царской волѣ, пошли на очень большія уступки. 6 января 1582 года было подписано десятилѣтнее перемиріе. Мы отдали Баторію Полоцкъ *) и Велижъ, но, что важнѣе,—отказались въ пользу шведовъ, отъ Ливоніи, т. е. лишились морского берега, столь необходимаго для развитія торговаго благосостоянія государства. Баторій, въ свою очередь, возвратилъ намъ Великіе Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе псковскіе, занятые имъ, пригороды.

По взятіи древней столицы воинственнаго Рогволода, Стефанъ Баторій немедленно основалъ въ немъ іезуитскій коллегіумъ, ректоромъ котораго поставилъ ученаго фанатика—іезуита Скаргу. На со-

*) Иловайскій. Т. III, стр. 317.

держаніе этого учебнаго заведенія король назначилъ доходы съ городскихъ дворовъ, принадлежавшихъ разрушеннымъ православнымъ храмамъ, и земельныя владѣнія, отнятыя у православныхъ бояръ—землевладѣльцевъ. Радзивиллъ же Сиротка основалъ подобный полоцкому коллегіумъ въ Несвижѣ, обезпечивъ его содержаніе доходами съ одного изъ своихъ богатыхъ помѣстій.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. III. Московско-Царскій періодъ.

Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Т. IX.

С. Н. Милевскій. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію. Изданіе Псковскаго Археологическаго Общества.

Братства.

1538 годъ.

КРАСИВО раскинулась древняя Вильна на возвышенномъ берегу своей извилистой и шумливой Виліи. Давно вырубленъ непроходимый, темный боръ, охранявшій, какъ неприступная стѣна, языческую столицу храбрыхъ литовскихъ вождей, Гедиминовичей. Роскошные сады, красивыя рощи украсили и безъ того живописную мѣстность. Мрачны только старинныя стѣны, выдержавшія такъ много татарскихъ и рыцарскихъ осадъ. Да на самой вершинѣ замковой горы угрюмо поднимаетъ къ небесамъ свои развѣнчанныя башни старый замокъ, жилище еще древнихъ, языческихъ князей и жрецовъ. Онѣмѣли въ горькомъ безсиліи мертвые остатки его исчезнувшаго величія. Теперь у ногъ его ключемъ кипитъ иная, ему чуждая, новая жизнь. Природный литовецъ, сосѣдній русинъ, находники поляки да нѣмцы живутъ, кишатъ, движутся по многочисленнымъ, кривымъ и узкимъ улицамъ, ползущимъ по откосамъ горы и у ея подошвы, среди старинныхъ да и новыхъ построекъ, гдѣ православные храмы, костелы и кирки ясно свидѣтельствуютъ, какъ

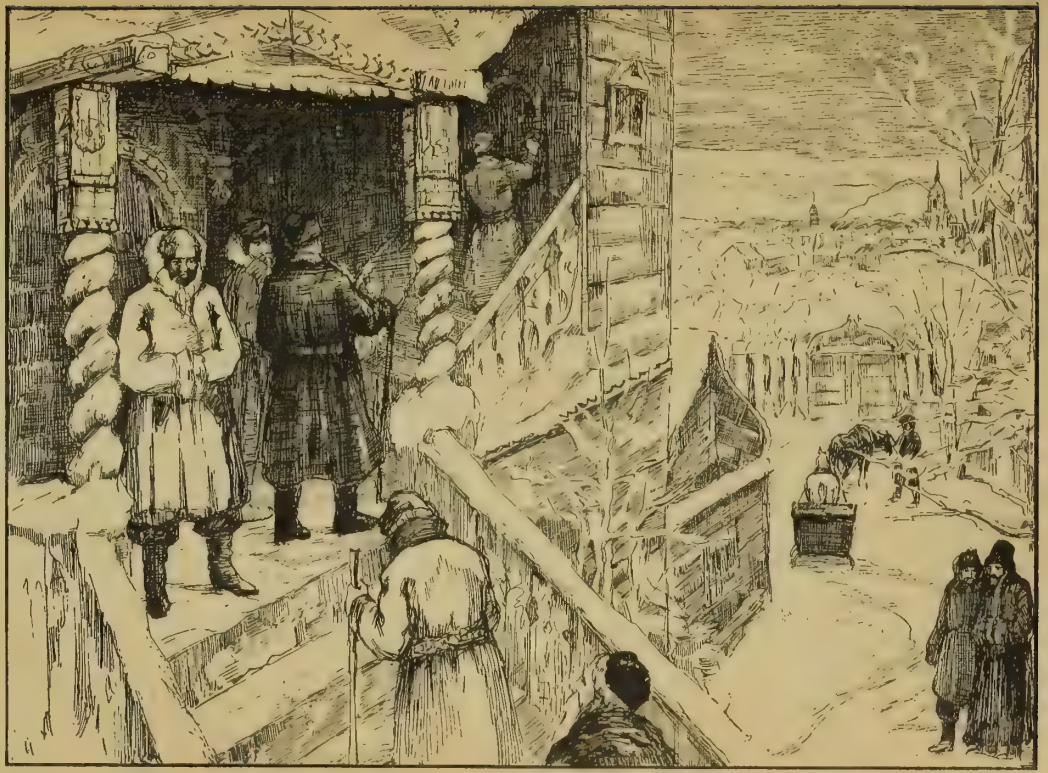
разновѣрно, разноплеменно христіанское населеніе литовской столицы.

Каждая народность держится своихъ исконныхъ обычаевъ, вѣроученія прадѣдовъ и отцовъ. Каждая, по стародавнему обычаю, строитъ и украшаетъ свои храмы, стремясь, что силы есть, выказать всѣми возможными средствами правоту и преимущество именно того ученія, которое проповѣдывали ихъ родные духовные наставники. Крѣпко ратуютъ лютеране за правильность своего отпаденія отъ латинства, возмущаясь противо-евангельскими пріемами, обычаями, нравами католическаго духовенства. Краснорѣчиво, увлекательно учатъ ксендзы и монахи многочисленныхъ католическихъ орденовъ. Огнемъ, мечомъ, насиліемъ поддерживаетъ этихъ искусныхъ проповѣдниковъ единовѣрное имъ правительство. Преднамѣренно сторонясь противниковъ, осторожно, смиренно, въ слезахъ, но не поддаваясь врагамъ, отстаивалъ свою вѣру, всѣми гонимый православный русскій народъ. Нѣтъ воинственнаго духа въ пастыряхъ восточной Церкви. Не силой краснорѣчія своихъ проповѣдниковъ, а безграничнымъ терпѣніемъ, смиреніемъ отличаются наши, издревле выносливые, братья по вѣрѣ. Не понятно имъ ветхозавѣтное выраженіе: «око за око и зубъ за зубъ» *). Удаляться отъ зла, прощать враговъ учатъ и словомъ и дѣломъ смиренные русскіе батюшки въ своихъ, все же многочисленныхъ церквахъ, на берегу Вилін.—«Другі-братья»,—кротко повторяютъ они любовное выраженіе добраго Пастыря, Учителя и Спасителя нашего. Христіане восточнаго вѣроученія, особенно мы, русскіе,

*) Исходъ, XXI, 24.

всѣмъ существомъ нашимъ усвоили себѣ, какъ бы внѣдрили въ свою плоть и кровь братскія безхитростныя отношенія другъ къ другу. «Братъ, братецъ»,—самое обычное обращеніе къ людямъ, пожалуй, и незнакомымъ. Простой русскій человѣкъ выбранится преобидно, подерется пребольно и тутъ же, скорешенько помирится, отойдетъ его сердце, и онъ готовъ побрататься съ недавнимъ противникомъ. «Братцы-молодцы»,—привѣтъ любимаго начальника любимымъ солдатамъ-героямъ. «Братья».—обычное обращеніе пастырей нашей православной Церкви къ равнымъ и къ младшимъ. Это евангельское обращеніе, освященное вѣками, какъ символъ христіанскаго дружества, было принято нашими предками еще въ древніе вѣка, для обозначенія членовъ общества и прихода, братчиковъ, собиравшихся въ извѣстное мѣсто, въ извѣстные дни, побесѣдовать, посовѣтоваться, обсудить дѣла церковныя, нужды приходскія, а съ годами и горе, и страданія православныхъ, обижаемыхъ иновѣрцами. Зародышъ братствъ коренится въ древнемъ, общемъ всей Руси, обычаѣ братчинъ, или праздничныхъ, братскихъ собраній, «вѣчъ», на которыхъ, по братолюбивому уговору, собравшіеся дѣлали складчину, давали деньги или припасы, необходимые для общаго, братскаго угощенія,—обѣда съ медомъ и пивомъ. Часть собраннаго, оставшаяся отъ расходовъ, шла въ пользу церкви, на праздничную свѣчу, другая — на милостыню меньшимъ братьямъ, бѣднымъ, нуждающимся того прихода.

Въ большихъ городахъ, какъ Вильна, граждане составляли очень вліятельное сословіе. Изъ ихъ среды, люди, занимавшіеся одинаковымъ ремесломъ или промысломъ, стали все чаще и чаще устраивать меж-



Виленскіе кушнари идутъ чествовать своихъ гостей—братчиковъ изъ Львова. *(Къ стран. 79).*

ду собою, съ дозволенія властей, вмѣсто временныхъ, только праздничныхъ сходокъ, постоянные союзы, товарищества, братства, съ тою-же опредѣленною цѣлью объединенія, для обоюдной поддержки, помощи въ дѣлахъ и нуждахъ житейскихъ. Среди благочестиво настроенныхъ и правовѣрующихъ членовъ такихъ союзовъ—братствъ, сама собою рождалась потребность молитвою освящать свои братолюбивыя собранія. Божіе благословеніе призывалось на всѣ начинанія, дѣла, предпріятія братскихъ союзовъ, которые брали на себя не только заботы о своихъ приходскихъ храмахъ, но и о нуждающихся, страдающихъ единовѣрцахъ. Часто за братскими обѣдами обсуждались дѣла братствъ, разбирались ссоры, разъяснялись недоумѣнія, возникавшія среди согражданъ—братчиковъ. «Братчина судитъ, какъ судъ», составилась старая поговорка.

Необычно крѣпкіе морозы давали себя сильно чувствовать жителямъ литовской столицы, зимою 1458 года. Съ самаго Николы, ежилась, и пряталась даже молодежь, всегда беззаботная, веселая, падкая на всякія зимнія удовольствія. А кто постарше да послабѣе, такъ и носа не хотѣли высунуть безъ дѣла, безъ нужды. Крестясь, кутаясь въ свои великолѣпные тулупы, ворча въ бороду на друга-пріятеля, кума Якуба, виленскіе кушнари *), все же, охотно плелись по сугробамъ и снѣгамъ, на зовъ своего собрата, въ его приходѣ Николы Многомилостиваго.—«И чего ему приспичило въ такой морозъ насъ поднимать?» говорилъ одинъ изъ гостей, подходя съ сосѣдомъ по утоптанной тропѣ къ высокому крыльцу съ

*) Скорняки, мѣховщики.

витыми столбиками и рѣзными украшеніями. Ни дать, ни взять палаты московскаго боярина! —«Слыхалъ я, что изъ Львова гость къ нему пріѣхалъ, такъ надоже намъ на счетъ братствъ съ нимъ обстоятельно потолковать», отвѣчалъ внушительно Климъ, богатѣйшій торговецъ изъ всего кушнарскаго цеха. Это успокоило собесѣдниковъ. Бодрѣе стали они взбираться по крутымъ ступенямъ, стучать въ увѣсистое кольцо огромной дубовой двери. Весело заскрипѣли ея тяжелыя петли, русскимъ гостепріимствомъ понесло на встрѣчу дорогимъ гостямъ изъ жарко натопленныхъ, обширныхъ палатъ.

Съ низкими поклонами, съ лаской, привѣтомъ встрѣчалъ богачъ Якубъ своихъ друзей, сограждапъ, знакомилъ съ дорогимъ гостемъ изъ дальной галицкой земли, изъ древняго русскаго Львова. Разсѣлись гости, истово помолясь на святыя иконы, что, какъ жаръ, горѣли, блестя своими дорогими ризами въ красномъ углу. Лаской отвѣчали на ласку, добрымъ словомъ перекидывались съ братомъ-галичаниномъ степенные русскіе люди; вдумчиво приготовились слушать собесѣдниковъ и свое разумное слово молвить въ пору, ко времени, не спѣша, да и не мѣшкая. Подробно разсказывалъ гость, какъ подъ гнетомъ католическаго ига, ища себѣ опоры въ неравной борьбѣ, стали православные галицкіе люди все чаще и чаще сходиться на братскія собранія, издревле существовавшія на Руси. Не было уже болѣе въ Галиціи ни ея князей, заступниковъ и печальниковъ о судьбѣ родины,—ни родовитыхъ дворянъ православныхъ, которые отстояли бы права Церкви родной. Даже епископа отняли злые недруги. Стольный Львовъ былъ безъ верховнаго пастыря. Великолѣп-

нѣйшіе, богатѣйшіе его храмы со всѣми даренымп, завѣщанными имъ сокровищами и землями были переданы католическому духовенству. Купцы, мѣщане, ремесленники, каждый, кто считался братчикомъ, всѣ сплотились въ дружную семью, для борьбы съ вражьей силой. Братчики, сходившіеся, бывало, въ первыя времена для мирныхъ бесѣдъ, для разбора братскихъ дѣлъ съ друзьями, единомышленниками, теперь сплотились при соборной Успенской церкви, выработали себѣ уставъ и намѣтили свои обязанности. Вотъ, уже 30 лѣтъ, неустанно трудятся члены Львовскаго братства на благо православія въ родномъ городѣ. Основали они много школъ, госпиталей, пріютовъ для распространенія православнаго ученія среди простого люда. Этимъ они оберегали своихъ единовѣрцевъ отъ соблазна, защищали отъ обидъ.

Краснорѣчиво, живо говорилъ галичанинъ. Съ большимъ вниманіемъ слушали виленцы. Отъ времени до времени Климъ и Якубъ переглядывались, то ставили вопросы, то выражали свои мнѣнія. Разсказчикъ отвѣчалъ, подробнѣе разъясняя имъ бѣды, напасти, обрушившіяся на южно-русскую Церковь.—«Да развѣ у насъ многимъ лучше»? заговорилъ кто-то изъ гостей: «только-что здѣсь насъ двое,—Русь да Литва,—труднѣе справляться. Да спасибо еще умнымъ нѣмцамъ, упрямымъ реформаторамъ: сильно помогаютъ они намъ, отвлекая на себя вниманіе латынянъ. О нихъ надо думать западному духовенству, противъ нихъ изощрять свой умъ, поднимать свару. А это не легко. Они многочисленны, ихъ защищаетъ богатое, вліятельное панство».

—«Вы могли бы тоже основать братство», сказалъ наставительно гость.—«У насъ же есть особыя пра-

ва, преимущества, данныя гражданамъ Вильны ея великими князьями», замѣтилъ Климъ.—«Для чего же я васъ и собралъ, друзья мои, братья по сердцу, по вѣрѣ», тепло заговорилъ Якубъ: «выслушаемъ внимательно совѣты дорогого гостя, запишемъ точно всѣ тѣ основы, на которыхъ, съ Божіею помощью, цвѣтетъ и преуспѣваетъ галицкое братство, и положимъ дружескія указанія въ основу нашего постояннаго братскаго единенія на пользу многочисленныхъ православныхъ нашихъ братьевъ въ Литвѣ и Руси».

Долго бесѣдовалъ умный сынъ юга съ своими гостепріимными хозяевами. Умные виленцы не упустили ни одного изъ его совѣтовъ. Богатые, вѣрующіе кушнари неотложно, ретиво принялись за дѣло. Число братчиковъ росло. Ихъ благотворительная и просвѣтительная дѣятельность была вполнѣ благотворна. Скоро на одной изъ людиѣйшихъ улицъ Вильны сталъ извѣстенъ домъ кушнарскаго братства. Красивый, обширный, онъ служилъ пріютомъ всѣмъ пріѣзжимъ православнымъ, не имѣвшимъ, гдѣ главу приклонить. Въ этомъ-же домѣ хранился уставъ братства, тщательно разработанный и въ 1589 году утвержденный Сигизмундомъ III.

Изъ міра загробнаго благословляли Виленское православное братство благовѣрныя великія княгини литовскія, много потрудившіяся на благо Вильны и всего русско-литовскаго края,—обѣ супруги великаго Ольгерда,—Марія Ярославна, рожденная княжна витебская, и Іуліанія Александровна, княжна тверская,—наконецъ, дочь мудраго московскаго Государя Іоанна III Васильевича Великаго, православная польская королева Елена Іоанновна. И по смерти своей—онѣ явились, конечно, усердными молитвен-

ницами за единовѣрныхъ своихъ виленскихъ братчиковъ... Заботы, труды, слезы, молитвы и душевныя страданія, пережитыя въ Литвѣ этими великими русскими подвижницами, принесли въ свое время обильные плоды; но и по кончинѣ своей, усерднымъ ходатайствомъ предъ престоломъ Божіимъ, онѣ, конечно, не мало способствовали поддержанію и утвержденію въ Литовско-русской землѣ православно-русскихъ началъ и облегченію тѣхъ тяжкихъ гоненій и страданій, которыя испытывали ихъ единоплеменники и единовѣрцы отъ заклятыхъ своихъ враговъ.

ИСТОЧНИКИ:

І. Флеровъ. О православныхъ церковныхъ братствахъ.

Въ Ж. М. Н. Пр. *С. Р.* Историческій очеркъ братствъ въ юго-западной Руси. За 1849 и 50 года.

И. И. Малышевскій. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.

Брестскій соборъ.

6 октября 1596 г.

Съ двухъ противоположныхъ концовъ спѣшили къ Кракову кандидаты на снова опустѣвшій польскій престолъ. Умеръ герой Стефанъ Баторій, возвеличившій Польшу своими побѣдами и политической мудростью. Рѣчь Посполитая искала себѣ выгоднаго и удобнаго главу среди сосѣдей. Два кандидата приняли ихъ условія, согласились царствовать подъ опекой все болѣе и болѣе возвышавшагося, самовластнаго панства. Ставленикъ Зборовскаго и великополянъ, эрцгерцогъ Максимиліанъ, братъ императора Рудольфа II, явился подъ стѣны Кракова во главѣ венгерскаго отряда, разсчитывая на поддержку своихъ сторонниковъ. Но Замойскій и князь Острожскій, во главѣ своего отряда, не дремали. Они, малополяне, да и Литва стояли за шведскаго принца, Сигизмунда Вазу, сына шведскаго короля Іоанна Вазы и Екатерины Сигизмундовны, изъ династіи Ягелла *). Этимъ избраніемъ они надѣялись добить-

*) Екатерина, супруга Іоанна Вазы, Анна, супруга Стефана Баторія, и Сигизмундъ II Августъ были дѣти польскаго короля Сигизмунда I Стараго, который приходится внукомъ Ягелла.

ся давно желаннаго мира съ Швеціей и получить Эстонію. Сильнымъ натискомъ они отбросили отрядъ Максимиліана къ Ченстохову, а Сигизмунда проводили изъ Данцига, куда онъ высадился, подъ крѣпкой охраной, въ Краковъ.

27 декабря 1587 года, его, съ большой торжественностью, вѣнчалъ короною Пястовъ примасъ Польши Станиславъ Карнковскій. Юный, 20-ти-лѣтній король, подобно своимъ предшественникамъ, присягнулъ исполнять всѣ условія, предложенныя ему Рѣчью Посполитой, въ томъ числѣ охранять и строгую неприкосновенность свободы совѣсти всѣхъ его разновѣрныхъ подданныхъ.

Мысль объ уніи издавна занимала папскій Римъ и его ревностныхъ служителей, польско-католическое духовенство. Цѣлыя столѣтія, несмотря на гоненія, притѣсненія, ухищренія, имъ не удавалось окатоличить ни русскія земли, подпавшія подъ скипетръ польскихъ королей, ни литовскій народъ, державшійся крѣпко за свое первоначальное, греко-восточное вѣроученіе. Поддавались Риму скорѣе литовскіе магнаты, тѣ, предки которыхъ приняли протестантство. Съ православными же велась то тайная, то явная борьба. Наши единовѣрцы въ Польскомъ государствѣ всѣми силами держались ученія своихъ дѣдовъ и отцовъ. Чистоту православія усердно отстаивали наши юго-западныя церковныя братства, которыя размножались и усиливались сколько усердіемъ самой православной паствы, столько же и мудрыми совѣтами и нравственной поддержкой восточныхъ патріарховъ. Эти святители бывали, по временамъ, въ Литвѣ и Польшѣ, проѣзжая въ нашу Москву бѣлокаменную, къ православному царю Ѳеодору Іоанно-

вичу. Антіохійскій патріархъ Іоакимъ былъ въ 1586 году, а константинопольскій Іеремія въ 1588 и 1589-мъ годахъ.

Особенно послѣдній много потрудился на пользу православія въ западной Руси. По его совѣтамъ и благословенію, крѣпли и все болѣе и болѣе размножались церковныя братства, эти духовные оплоты вѣры родной, русской народности. Старѣйшее изъ нихъ, Львовское, было основано еще въ 1439 году, и Виленское въ 1458 году.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе ста лѣтъ. Въ іюлѣ 1589 года, подъ небомъ многострадальной Литвы, чувствовался сильный подъемъ духа, всеобщее радостное настроеніе. Ясное лѣтнее солнце весело свѣтило съ выси голубой надъ оживленной Вильной. Гудѣли всѣ церковные колокола, народу собралось на улицахъ видимо-невидимо. Со всѣхъ концовъ, изъ всѣхъ помѣстій съѣхались, сошлись люди православные поклониться именитому гостю. Изъ нашихъ храмовъ въ блестящихъ ризахъ, съ крестами, иконами и хоругвями выходило духовенство навстрѣчу святѣйшему патріарху константинопольскому. Высокій гость пожелалъ посѣтить свою виленскую паству и, съ дозволенія польскаго короля Сигизмунда III, учинить порядокъ въ церковныхъ дѣлахъ, вникнуть въ труды и дѣятельность братствъ и духовенства. Своему пріѣзду въ Вильну онъ предпослалъ окружную грамоту, въ которой изъяснялъ каноны нашей Церкви, предупреждалъ, что соберетъ соборъ и на немъ лично разберетъ всѣ возникшія недоразумѣнія. Съ надеждой на добрый совѣтъ, на отеческое наставленіе, шли къ нему русскіе духовные и міряне.

Ловко, вкрадчиво проникали въ церковную жизнь

православныхъ и враги ихъ, іезуиты. Слишкомъ умны они были, чтобы явно подняться на восточнаго святителя, уважаемаго не одними православными, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Подъ шумъ торжественной встрѣчи, колокольнаго звона, громкаго пѣнія, молитвъ и славословій, скрываясь въ укромныхъ уголкахъ, за ликующей толпой, усердные служители римскихъ владыкъ хитро ковали свои ковы, разставляли сѣти, чтобы незамѣтно вліять, точно духи зла, на дѣйствія и рѣшенія ненавистныхъ имъ схизматиковъ.

Почти всѣ епископы западной Россіи съѣхались на церковный соборъ, по зову цареградскаго маститаго святителя, духовнаго своего вождя. Пригласилъ онъ и мірянъ благочестивыхъ, сыновъ православной Церкви, присутствовать вмѣстѣ съ духовенствомъ при разбирательствѣ сильно разстроенныхъ духовныхъ дѣлъ. Однихъ православныхъ сенаторовъ насчитывалось тогда въ Вильнѣ восемь человѣкъ. Провинившимся епископамъ патріархъ твердо указывалъ ихъ уклоненія отъ каноновъ церковныхъ. Они каялись, просили прощенія, давали обѣты исправиться, замолить свои вины. Пришлось собору, хотя и скрѣпя сердце, все-же осудить даже самого кіевскаго митрополита Онисифора, незаконно возведеннаго на каѳедру владыкъ матери городовъ русскихъ *).

Опустѣла кіевская митрополія. Потребовалось возвести на нее достойнѣйшаго, ревностнаго, дѣятельнаго и просвѣщеннаго мужа. Патріархъ не зналъ никого исключительно хорошо, никому не могъ самъ оказать предпочтеніе. Благодушные русскіе люди не вдумывались въ нашептываемые имъ совѣты. Не догады-

*) Онъ былъ два раза женатъ, а такимъ людямъ и діаконами быть нельзя, не то что архіереями.

вались, чей голосъ, то тому, то другому, по дружбѣ, изъ желанія добра, повидимому, очень искренно, и во всякомъ случаѣ, очень осторожно, нашептывалъ все одно и то же имя. Онъ твердилъ это имя, выставляя на видъ неоспоримыя умственныя достоинства, обширныя знанія, удобный нравъ и доброе сердце все одного и того же инока,—архимандрита минскаго Вознесенскаго монастыря Михаила Рагозы. И король былъ за него, какъ за избранника пановъ рады и рыцарства великаго княжества. Только прозорливому и опытному греку Іереміи не по душѣ были всѣ эти похвалы, но не было ясныхъ причинъ противодѣйствовать общему одобренію. Онъ согласился, однако, съ оговоркой: «Аще достоинъ есть, яко же глаголете,—бу́ди достоинъ; аще ли же нѣсть достоинъ, а вы его за достоїнаго выдаете, азъ чистъ есмь,—вы узрите». Этими словами патріархъ утвердилъ выборъ и короля и собора. Для огражденія же своего недовѣрія, радѣя о благѣ Церкви восточной, народа православнаго, терзаемаго внѣшними врагами и внутренними неурядицами, желая поддержать дѣятельностъ братствъ и благочестивыхъ мірянъ, онъ поручилъ луцкому епископу Кириллу Терлецкому быть патріаршимъ намѣстникомъ, «экзархомъ», и не давать въ обиду паству русскую. Точно злой рокъ тяготѣлъ надъ бѣдной страной. Худшаго выбора нельзя было сдѣлать. Современники звали Терлецкаго «лукавымъ бѣсомъ», предостерегая другъ друга беречься этого «райскаго змія, коварной лисицы».

По отбытіи патріарха на его далекую родину, нашъ кіевскій вновь возведенный митрополитъ Михаилъ Рагоза и съ нимъ всѣ епископы западной Руси, дѣйствительно, свято чтя указанія святителя, взялись за установленіе благихъ порядковъ среди духовен-

ства. Прежде всего они позаботились о духовныхъ школахъ, о наукѣ, о госпиталяхъ и иныхъ добрыхъ учрежденіяхъ. Было единогласно положено, чтобы духовенство, обязательно все и ежегодно, собиралось въ Брестѣ. На этихъ собраніяхъ слѣдовало обсуждать сообща нужды церковныя и опредѣлять мѣры, которыя непремѣнно надо было предпринимать для поддержанія и огражденія Церкви православной отъ многихъ бѣдъ и напастей, одолѣвавшихъ ее со всѣхъ сторонъ. Если же кто изъ епископовъ не пріѣдетъ на соборъ, тотъ долженъ безпрекословно внести въ кружку 50 грошей литовскихъ на церковныя потребы. Соборъ долженъ былъ поддерживать, расширять просвѣтительную и благотворительную дѣятельность братствъ. По возможности, привлекали всѣхъ благочестивыхъ, твердыхъ въ вѣрѣ мірянъ въ число братчиковъ. Ихъ приглашали и на соборы, чтобы они своимъ вліяніемъ и содѣйствіемъ помогали духовенству разобраться во множествѣ внутреннихъ недочетовъ, недоразумѣній, недоумѣній,—да чтобы пособляли въ борьбѣ и съ напастями внѣшними,—не дремлющимъ, сильнымъ, всегда воинственно настроеннымъ врагомъ,—католическимъ духовенствомъ. Среди мірянъ—братчиковъ виленскаго Свято-Троицкаго братства отличались неутомимой, дѣятельной борьбой съ противниками Скумины — Тышкевичи, Сапѣги, Сангушки, Мстиславскіе, Соколинскіе, Полученскіе, Масальскіе, да всѣхъ и не перечтешь. Почуяли іезуиты, что мы крѣпнемъ, что наша духовная жизнь отливается въ надежныя формы. Призадумались они, и въ свою очередь стали оглядываться, начали отыскивать средства для сопротивленія добру, нравственному порядку, правдѣ народной и покою государственному.

У нихъ въ рукахъ были два сильныя средства, ими облюбованныя, удачно выдвинутыя: это—митрополитъ Михаилъ Рагоза и его соперникъ, экзархъ патріаршій—Кириллъ Терлецкій. Разжечь ихъ обоюдную нелюбовь, усугубить недовѣріе было очень легко. Ловкіе дѣльцы успѣшно сѣяли разладъ во враждебномъ лагерѣ, ослабляя народную,—значитъ, православную—партію.—«Скарга опять, во второй уже разъ, печатаетъ свою книжку: *О единствѣ церкви Божіей*»,—говорили со вздохомъ наши благочестивые пастыри, съѣхавшись въ Брестѣ на соборъ въ 1590 году.

— «Хочетъ доказать, что намъ не устроить, не упорядочить нашихъ церковныхъ неурядицъ», съ негодованіемъ замѣчали другіе.—«И братство, и міряне, и самъ патріархъ ничего не помогутъ»,—ехидно, съ наружнымъ сожалѣніемъ, замѣчалъ будущій епископъ владиміро-волынскій панъ Потѣй. Онъ особенно ловко, незамѣтно для другихъ, подготовлялъ пути и средства къ провозглашенію единенія или уніи съ Римомъ.—«Что и говорить! Одну римскую церковь превозноситъ Скарга». «Въ единеніи съ ней одной видитъ спасеніе», поддакивали Потѣю его клевреты. Перешептывались и переглядывались, прислушиваясь къ этимъ рѣчамъ, тайные сторонники уніи... Слѣдили за выраженіемъ лицъ говорившихъ... Кое-кто пробовалъ, при разбирательствѣ дѣлъ церковныхъ, вздыхать объ отдаленности патріарха, о затруднительности сношеній съ нимъ. Міряне, пожалуй, и не всегда къ мѣсту, горячились, желая принести наибольшую пользу. Духовенство обижалось на ихъ вмѣшательство, видѣло къ себѣ недовѣріе, точно пренебреженіе. — «У римскихъ-то католиковъ не такъ! Тамъ вся власть въ рукахъ духовенства. Оно въ почетѣ. Папа—глава всѣмъ

мірскимъ властямъ и правителямъ». Эти и подобные доводы, въ пользу уніи съ папой, ловко и кстати приводили, между дѣломъ, приверженцы запада.—«А у насъ, смотрите, судъ неправый, лицепріятный, оправдываетъ жидовъ, поднявшихъ руку на нашу святыню!»—со слезами негодованія восклицалъ Мелетій Хребтовичъ,—епископъ владиміро-волынскій и брестскій. Все собраніе было возмущено наглымъ поступкомъ королевскаго суда.

Епископъ совершалъ крестный ходъ въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ со всѣмъ соборомъ и духовенствомъ владимірскимъ. Когда процессія дошла до церкви св. Николая на Жидовской улицѣ, то два жида начали бросать камни въ епископа и духовенство. Прихожане возмутились, подали жалобу въ судъ, требуя защиты закона своей святынѣ. Но судъ оправдалъ жидовъ, поклявшихся, что неправъ весь православный приходъ.—«Какъ посмотришь, съ какимъ благоговѣніемъ католики относятся къ своимъ церковнымъ процессіямъ»!—вздыхало духовенство.—«У насъ во Львовѣ», говорили галичане: «паписты запрещаютъ нашимъ батюшкамъ ходить въ облаченіи по улицамъ, когда несутъ Святые Дары, чтобы причащать болящихъ. Запрещаютъ праздничныя шествія съ крестами и хоругвями въ городскія предмѣстья. Нашихъ учениковъ бьютъ ихъ школяры и силкомъ тащатъ въ свои школы. Провинившихся слугъ своихъ принуждаютъ ходить въ костелы, а не въ церковь. Запрещаютъ колокольный звонъ въ православныхъ церквахъ. Въ нашемъ судѣ записаны жалобы пословъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго съ православными князьями Вишневецкимъ, Рожинскимъ на всѣ эти притѣсненія. И что же?—Никакой расправы! Под-

держиваютъ, оправдываютъ своихъ».—«Да и насъ бы правительство поддерживало, если бы мы рѣшились признать унію», осторожно вставляли свое замѣчаніе приверженцы соединенія съ Римомъ.—«И почестей и богатствъ придали бы намъ папа и король», поддерживали этихъ міролюбцевъ ихъ друзья. Дѣйствительно, Сигизмундъ III, послѣ Брестскаго собора, разобравъ законныя жалобы епископовъ, какъ будто бы склонился на милость, издалъ даже грамоту въ огражденіе ихъ правъ. Но это были только слова, начертанныя на бумагѣ, за королевской подписью, а не законъ, подтвержденный сеймомъ. На дѣлѣ же іезуиты неустанно и неуклонно вели свое дѣло; притѣсняли православное духовенство и бѣдный людъ, совращали пановъ, подкупали или соблазняли заманчивыми и лестными обѣщаніями епископовъ. Митрополиту обѣщали отдать Кіево - Печерскую лавру съ ея богатыми имѣніями. На каждаго дѣйствовали, смотря по складу его характера, ума, наклонностей. Соборы продолжали созываться также въ 1593 и 1594 годахъ. Но на нихъ съѣзжались уже не всѣ епископы. Уже меньше было оживленія, меньше поднималось голосовъ въ защиту братствъ, устройства школъ, храмовъ. Постепенно слабѣло рвеніе борцовъ православныхъ, подъ гнетомъ удручающаго преслѣдованія. Чувство самосохраненія развивалось все сильнѣе. Разсудокъ, благоразуміе указывали исходъ изъ невыносимыхъ обстоятельствъ. Тутъ же, на соборѣ 1591 г., хотя и тайкомъ, чтобы не нарваться на закоренѣлыхъ въ вѣрѣ борцовъ-братчиковъ, слабые духомъ іерархи стали уже сходиться и сговариваться касательно единенія съ Римомъ, начали обсуждать постыдныя условія соглашенія на унію. Вожаками темнаго дѣла были, на

горе патріарху, его ставленикъ, экзархъ Кириллъ Терлецкій, за нимъ Ипатій Потѣй, недавно изъ пана, по милостивому соизволенію Сигизмунда III, ставшій епископомъ владимірскимъ и брестскимъ, послѣ смерти Мелетія Хербтовича. Они сносились съ латинопольскими бискупами и братьями-іезуитами, сговаривались, какъ бы ловчѣе оборудовать перебѣгъ къ Риму. Въ эти переговоры втягивали они тайкомъ и другихъ, дѣйствуя на нихъ осторожно, и переговариваясь съ ними чрезъ своихъ единомышленниковъ, чрезъ надежныхъ посредниковъ. Всего труднѣе было вовлечь въ грѣхъ предательства, измѣны кіевскаго митрополита. Стоя, по своему сану, во главѣ южнорусскаго духовенства, онъ ужасно, смертельно тревожился. Совѣсть подсказывала ему, что именно онъ то и будетъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ и Церковью. Кіевскій владыка не могъ не видѣть нравственной распущенности и лживости клевретовъ Рима, стремившихся насильно вовлечь православныхъ въ ненавистную унію. Между тѣмъ ему было прекрасно извѣстно, что король освѣдомленъ о каждомъ его шагѣ, о каждомъ движеніи. Онъ зналъ хорошо, что Сигизмундъ III-й обѣщаетъ неисчислимыя милости согласникамъ и сулитъ кары преслѣдованія ослушникамъ.—«Если міръ весь пріобрѣту, а душу свою погублю, чѣмъ ее выкуплю»?—повторялъ несчастный. Внутренно онъ страшно терзался и мучился, боясь сопротивляться владыкамъ и властямъ земнымъ и трепеща кары небесной. Всѣми силами старался онъ избѣгать не только бесѣдъ, но даже и встрѣчъ съ вожаками измѣнническаго движенія. Предатели православно-русскихъ основъ не давали ему покоя. Преслѣдовали безхарактерную жертву посулами, лаской,

угрозой, запугиваніями. Добились, наконецъ, послѣ собора 1594 года его согласія пока только на обсужденіе возможныхъ условій для принятія уніи. И все же онъ не подписалъ грамоту къ королю, составленную Кирилломъ Терлецкимъ, Гедеономъ львовскимъ, Леонтіемъ пинскимъ, Діонисіемъ холмскимъ, въ которой они, выражая свою скорбь о неустройствѣ въ польскомъ государствѣ православной Церкви, считали спасительнымъ для нея исходомъ признаніе «единаго верховнаго пастыря и намѣстника св. Петра, святѣйшаго римскаго папу». Они подчиняли ему не только личную свою волю, свои мысли, свою совѣсть, но и всѣхъ духовныхъ чадъ своихъ, православныхъ христіанъ, — русскихъ и литвиновъ, не справясь, согласны ли они на такое подчиненіе. Они ставили только одно условіе,—чтобы глава католическаго міра согласился оставить безъ нарушенія, до скончанія вѣковъ, всѣ обычаи и обряды восточной Церкви, т. е. службу Божію на церковно-славянскомъ языкѣ и весь церковный порядокъ, какого придерживается православная Церковь.—«Его же королевская милость»,—добавлялось въ грамотѣ,—«панъ король милостивый, да обезпечитъ эти условія своими грамотами и утвердитъ артикулами». Сигизмундъ III пришелъ въ восторгъ, получивъ эту грамоту; но,—осторожный, вдумчивый, — онъ только черезъ годъ далъ свой отвѣтъ. Осыпавъ отщепенцевъ безчисленными милостями, король обѣщалъ имъ все, чего они желали, и выражалъ свое полное, безграничное удовольствіе.

Ужаснулся міръ православный. Братства взволновались, низшее духовенство, извѣрившееся въ своихъ іерархахъ, примкнуло къ народу. Князь Острога и Несвижа сталъ собирать свои войска. Въ гласной, не

тайной грамотѣ, провозгласилъ онъ, что епископы—отщепенцы и ведутъ свою паству «отъ Христа къ антихристу». Не удались ухищренья ловкаго Потѣя, когда пробовалъ онъ обмануть князя. Онъ пытался увѣрить его, будто іерархи хлопочутъ объ единеніи церквей восточной и западной въ той же идеальной—(въ дѣйствительности, исторически-немыслимой)—формѣ, о которой мечталъ и самъ маститый, православный князь Константинъ Острожскій. Возмущенный до изступленія, какъ ревностный христіанинъ, обиженный, какъ рыцарь безъ страха и упрека, великій русскій борецъ воззвалъ ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши,—«отъ наибольшаго и отъ наименьшаго стану».—«Злохитрыми козиями вселукаваго діавола, прельстившись славою свѣта сего и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополитъ съ владыками, претворились въ волковъ, отверглись единой, святой, истинной восточной вѣры, отступили отъ нашихъ вселенскихъ пастырей и учителей, и приложились къ западнымъ, прикрывая въ себѣ внутренняго волка кожею своего лицемѣрія, какъ овчиною. Эти злоправные люди тайно, злодѣйски согласились между собою, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, отторгнуть и всѣхъ православныхъ, будто безсловесныхъ, отъ истины и низвергнуть съ собою въ пагубу». Посланіе было пространно, мощно; оно могло поднять всю страну.

Не на шутку призадумался Сигизмундъ III и его совѣтники—«смиренные» іезуиты. Скорѣе въ Римъ, къ ногамъ папы Климента VIII, пришлось гнать приверженцевъ и вершителей опасной, хотя и желанной затѣи. Отправились Потѣй и Терлецкій съ многочисленной свитой въ Италію. А на мѣстѣ принялись іезуи-

ты, пуще прежняго, съ ожесточеніемъ притѣснять православный людъ. Придирались къ пустякамъ, создавали подложныя, лукаво вымышленныя причины, по которымъ запирали, запечатывали храмы, отдавали обители святыя на откупъ, а то и просто во владѣніе евреямъ, мірянамъ, католикамъ, какъ статьи дохода. Панамъ—католикамъ дарили земли, принадлежавшія православнымъ святынямъ. Настоятелями нашихъ монастырей дѣлали католиковъ-мірянъ. Ученики іезуитскихъ коллегій безъ милосердія нападали на улицахъ, перекресткахъ, среди бѣла дня, на нашихъ священниковъ, изловчаясь не только оскорблять, но и избивать ихъ.

Въ половинѣ ноября 1595 года, папское правительство было обрадовано счастливой вѣстью, что съ востока,—оттуда, гдѣ папская власть до сихъ поръ не признавалась и постоянно отвергалась, — явились въ Римъ посланцы, духовные сановники—Потѣй и Терлецкій. Папѣ доложили, что они привезли съ собой дорогую, давно и горячо желанную имъ грамоту,—просьбу о сліяніи съ католическимъ западомъ, правда, не цѣлаго православнаго востока, однако же всѣхъ обширныхъ земель, находившихся подъ скипетромъ короля польскаго *). Обитатели Ватикана къ желаннымъ гостямъ отнеслись очень предупредительно и заботливо: имъ отвели прекрасное помѣщеніе, окружили довольствомъ, вниманіемъ.

За день до Рождества Христова, залы Ватикана наполнились торжественно-настроенной толпой. Папа

*) Грамота къ папѣ съ проектомъ уніи подписана была Рагозой, Терлецкимъ, Потѣемъ и еще четырьмя епископами; но три доблестныхъ святителя—Наѳанаилъ, архіепископъ полоцкій, Михаилъ, епископъ перемышльскій, и Гедеонъ, епископъ львовскій и каменецкій, не согласились скрѣпить своею подписью этотъ позорный документъ.

Климентъ VIII возсѣдалъ на высокомъ тронѣ, подъ балдахиномъ, въ блестящемъ облаченіи. У ногъ его сидѣли 33 кардинала, за ними стояли арцибискупы и бискупы, а дальше—знатные мірскіе люди, имперскіе и римскіе князья, паны Литвы и Польши. Широко распахнули папскіе камергеры раззолоченныя двери и, впустивъ нашихъ недостойныхъ іерарховъ, подвели ихъ затѣмъ къ подножію папскаго трона. Склонившись до земли передъ духовнымъ и мірскимъ владыкой, Потѣй и Терлецкій, уже по католическому обряду, цѣловали его ногу и, не поднимаясь съ колѣнъ, передали ему челобитную отъ неразумныхъ епископовъ, отправившихъ это позорное посольство въ Римъ. Папа приказалъ виленскому канонику Воловичу читать петицію по-русски и по-латыни. Затѣмъ, секретарь папы, отъ его имени, держалъ отвѣтную рѣчь, въ которой очень витіевато, краснорѣчиво изображалась радость его святѣйшества, высказывалась благодарность русскимъ архіереямъ за ихъ религіозное рвеніе и похвала акту уніи.—«А теперь», такъ заключилъ свою рѣчь секретарь, «произнесите исповѣданіе римско-католической вѣры». Передъ послами поставили столъ, на немъ положили евангеліе и дали имъ въ руки готовое, очень длинное исповѣданіе вѣры. Потѣй прочелъ его по-латыни, каноникъ по-русски, мѣстный ксендзъ повторялъ по-латыни. Оба раза Потѣй и Терлецкій клали руки на евангеліе и произносили продиктованную имъ клятву. Потомъ они опять припадали къ папскимъ ногамъ. Онъ сказалъ имъ въ ободреніе нѣсколько милостивыхъ словъ и закончилъ рѣчь фразой: «Я не хочу господствовать надъ вами, а хочу носить на себѣ тяготы ваши». А тяготы-то эти были такъ не-

удобоносимы, что не по силамъ были онѣ ни папѣ, ни обойденнымъ имъ людямъ православнымъ. Христіанской совѣсти въ вѣкъ не вынести всей этой тяготы обмана и лжи, наложенной на совращенныхъ усиліями хитрыхъ слугъ папскаго престола. Тѣ наши мудрецы, которые такъ долго, такъ тщательно обдумывали, такъ искусно обходили и проводили на родинѣ своихъ довѣрчивыхъ друзей—товарищей, были самымъ простымъ образомъ обмануты, обойдены въ присутствіи всего католическаго духовенства. Читалъ, слушалъ Потѣй, читалъ, слушалъ Терлецкій, но оба съ трудомъ соображали, что они читаютъ, что они слушаютъ. Они, по писанному, отрекались во всемъ отъ православія, вполнѣ принимали ученіе римской церкви. Даже обѣщаніе сохранить для уніатовъ всѣ, бывшіе въ православіи, церковные обряды было оговорено: соглашались ихъ сохранить, но настолько, насколько это будетъ не противно римской церкви». Поняли предатели, куда втянула ихъ преступная измѣна вѣрѣ отцовъ. Поняли, но въ письмахъ на родину ни въ чемъ не признавались. Они и сами не хотѣли признать своего пораженія. Они только распространялись о милостяхъ, которыми ихъ осыпали при папскомъ дворѣ.

Черезъ два мѣсяца вернулись къ Сигизмунду іуды-предатели. Привезли цѣлый ворохъ папскихъ посланій къ королю, митрополиту, епископамъ и міянамъ съ краснорѣчивыми увѣщаніями насаждать въ мирѣ, якобы святую, унію церквей.

Но не мирно, не любовно принялъ людъ православный самовольный поступокъ двухъ неуполномоченныхъ паствою епископовъ. Заволновался, зашумѣлъ богобоязненный, кроткій народъ. Выдвинулся

маститый вождь западной Руси, славный князь Острога и Несвижа, а за нимъ поднялись и другіе именитые міряне. Собора требовали они у польскаго короля. Суда желали они надъ преступниками, дерзновенно дѣйствовавшими, не благословясь у восточныхъ патріарховъ, не получивъ согласія всего міра православнаго. Волненіе росло, недовольство распространялось до самыхъ нѣдръ народныхъ. Львовское, виленское, новогрудское братства поднялись на борьбу, заговорили и духовныя лица.—«Мы,—все православное виленское духовенство»,—писали они новогрудскому воеводѣ Скумину-Тышкевичу: «протестуемъ предъ Богомъ и всѣмъ православнымъ народомъ, какъ въ книгахъ нашихъ духовныхъ, такъ и во всѣхъ урядахъ свѣтскихъ, что мы о такомъ отступленіи отъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ не мыслили и не знали, и на то не соизволяли. И обязуемся непоколебимо стоять при всемъ благочестіи святой, восточной, соборной Церкви. Извѣщая объ этомъ вашу милость, мы просимъ тебя быть, вмѣстѣ съ иными многими православными, защитникомъ и поборникомъ нашей благочестивой вѣры». Какъ ни старались успокоить народъ, затушить движеніе, ни Сигизмундъ, ни его совѣтники ничего не могли сдѣлать. Они могли,—разъ они этого хотѣли,—оставить безъ вниманія требованія православныхъ князей и мірянъ,—желавшихъ лишить сана измѣнниковъ—Терлецкаго и Потѣя. Но не согласиться на созваніе собора—самъ король былъ не въ правѣ. Какъ онъ ни успокаивалъ зачинщиковъ, но страхъ передъ волновавшимся народомъ обуялъ ихъ окончательно. Взывали они даже къ папѣ, моля о вмѣшательствѣ. Тотъ изъ своего далека писалъ, настаивая на необходимости созвать духовный соборъ

помѣстный, въ литовской Руси. Наконецъ, Сигизмундъ согласился. Издалъ манифестъ о состоявшейся будто бы уніи и поручилъ митрополиту Рагозѣ созвать духовный соборъ, по обычаю, въ Брестѣ. Оповѣстили православные о своей скорби всю восточную Церковь. Кличъ кликнули всѣмъ отцамъ и братьямъ по вѣрѣ святой. — «Спасите, помогите, — Русь погибаетъ! Продаютъ ее, не спросясь, связываютъ! путы накладываютъ! Спасите»! И съѣхались іерархи съ дальняго Востока и изъ сосѣднихъ, единовѣрныхъ земель. Два греческіе экзарха — Никифоръ — отъ цареградскаго патріарха и Кириллъ Лукарисъ— отъ александрійскаго. Кромѣ нихъ, Лука, митрополитъ велиградскій, два святогорскихъ архимандрита,— Макарій и Матвѣй, Гедеонъ Балабанъ львовскій, Михаилъ Копыстенскій, перемышльскій. За ними слѣдовалъ кіево-печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ, архимандриты супрасльскій, пинскій,—игумены, священники, монахи. Во главѣ мірянъ стояли князья Острожскіе, отецъ и сынъ. Зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, вельможи прибыли съ многочисленною вооруженною свитою изъ гайдуковъ, казаковъ, татаръ. Были даже пушки. За князьями шли послы отъ воеводствъ—литовскаго, кіевскаго, галицкаго, перемышльскаго, волынскаго, владимірскаго и другихъ; отъ братствъ и городовъ—Кіева, Вильны, Минска, Слуцка, Каменца-Подольскаго. Явились и враги, сторонники уніи: митрополитъ Рагоза, пять епископовъ и при нихъ три латинскіе бискупа, да четыре іезуита, въ качествѣ пословъ папы, съ тремя королевскими комиссарами изъ польскихъ пановъ. Приближалось 6-е октября 1596 года. Православные сплотились около экзарховъ, выражая свое желаніе сообща при-

вѣтствовать владыку-митрополита кіевскаго. Именитые гости отъ своего и ихъ имени просили Михаила назначить и часъ свиданія, чтобы переговорить, установить ходъ совѣщаній на предстоящемъ соборѣ. Не тутъ-то было! Его и дозваться не могли. Стыдъ пробиралъ. А главное, приспѣшники укрыли его отъ недавнихъ друзей. Не довѣряли, глазъ съ него не спускали. До самой ночи на 6-е число, препирался Михаилъ со своими сторонникамп, рвался отвѣтить на зовъ экзарховъ. Такъ его, бѣднягу, и не пустили.—«Не позвалямъ»!—твердо сказали паны комиссары, стоя у дверей владычнихъ покоевъ.—«Не слѣдъ митрополиту кіевскому, признавшему унію съ пресвятѣйшимъ отцомъ-папою, снисходить до свиданія съ схизматиками»! вкрадчиво, ласково твердили іезуиты, окружая подобострастнымъ вниманіемъ своего новаго сообщника.

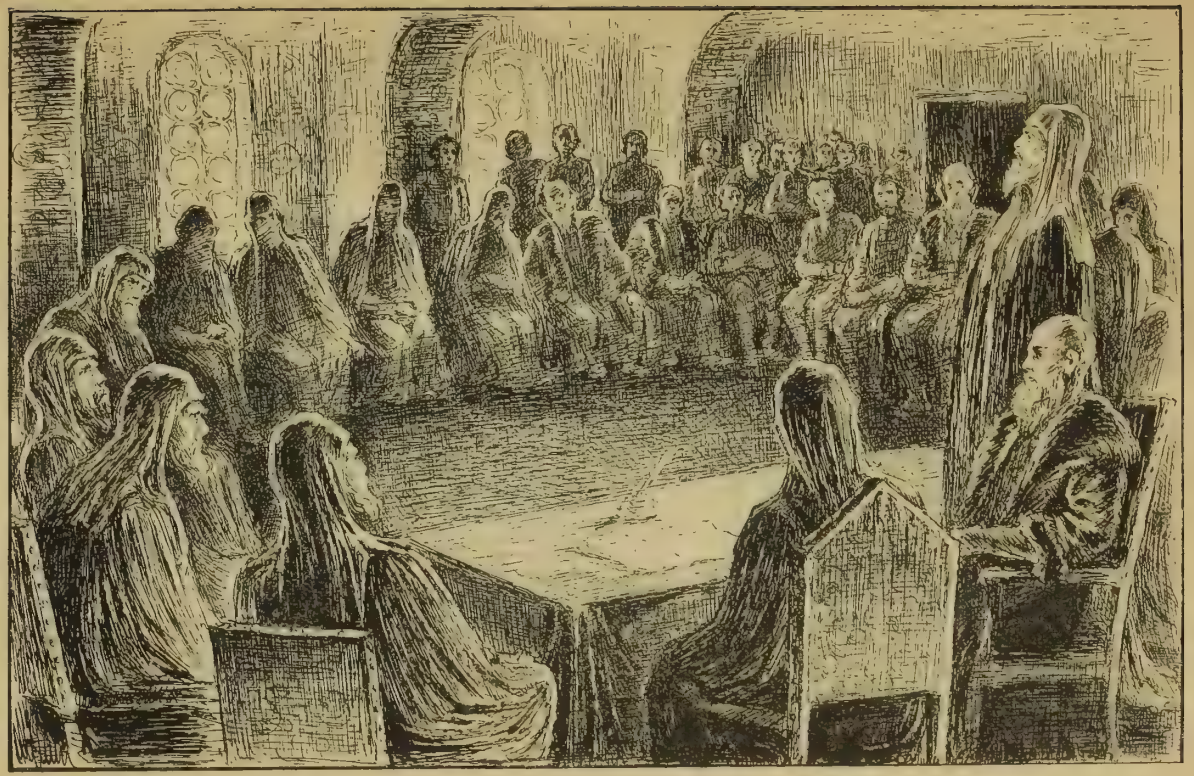
Настало утро 6-го октября. Поборники православія, съ своими экзархами во главѣ, пошли въ храмъ Божій молиться передъ началомъ святого дѣла и ожидать въ освященныхъ стѣнахъ той минуты, когда владыка-митрополитъ позоветъ ихъ на соборъ. Подходятъ къ одной церкви,—заперта, къ другой—тоже, и въ третьей не достучаться. Это мѣстный епископъ Потѣй, своею властью, заперъ храмы Божіи и не велѣлъ пускать въ нихъ гостей. Міряне возмутились, зашумѣли.—«Вѣдь, силой можно выбить двери»!... слышалось въ толпѣ.—«Ни, ни! не слѣдъ пускать въ ходъ силу,—повременимъ, потерпимъ»!—остановило толпу духовенство. И собрались въ домѣ Райскаго, богатаго брестскаго обывателя, протестанта по вѣроисповѣданію. Тамъ стали они ждать митрополичьяго зова. Ждутъ часами, никто не идетъ, ничего не слыш-

но. Тогда экзархи, по церковному обычаю, послали къ митрополиту шесть старѣйшихъ іерарховъ съ письменнымъ извѣщеніемъ, что православные собрались и ждутъ его для открытія собора. Долго искали послы-миролюбцы владыку кіевскаго. Найти не могли. Такъ и отдали посланіе одному изъ бывшихъ при немъ епископовъ, съ просьбой передать владыкѣ.

Тѣмъ временемъ до экзарховъ долетѣла вѣсть, что соборъ уже открытъ митрополитомъ, что онъ тайкомъ, среди своихъ присныхъ, уже принявшихъ унію и отдавшихся въ волю римскаго папы, прочитавъ обычныя молитвы передъ открытіемъ собора, приказалъ внести это въ протоколъ, какъ первое его дѣяніе. Взволновались православные, не сразу порѣшили, какъ поступить. Благоразуміе и христіанское смиреніе взяли верхъ. Освятили православные, по церковному обряду, ту залу, гдѣ были собраны, и, устроивъ такимъ образомъ какъ бы молельню, поставили въ ней аналой съ святымъ евангеліемъ; затѣмъ епископы со священниками прочитали положенныя предъ открытіемъ собора молитвы. То былъ, дѣйствительно, величественный соборъ,—сонмъ священства, съѣхавшагося со всей западной Руси, во главѣ патріаршіе экзархи, принесшіе отъ ихъ святѣйшествъ благословеніе собравшимся, во славу Божію, для поддержанія истиннаго, православнаго вѣроученія.

Міряне составили особое общество въ другой комнатѣ, на подобіе братскихъ церковныхъ собраній, чтобы засвидѣтельствовать передъ духовнымъ соборомъ свою вѣрность вѣрѣ предковъ и быть свидѣтелями дѣяній духовныхъ своихъ отцовъ.

Первымъ возвысилъ голосъ Гедеонъ Балабанъ, епископъ львовскій. Онъ краснорѣчиво свидѣтельство-



Гедеонъ Балабань на Брестскомъ соборѣ. (Къ стран. 102).

валъ о непоколебимой вѣрности восточной Церкви всѣхъ присутствующихъ и осуждалъ митрополита съ владыками, не пожелавшими явиться передъ лицо патріаршихъ экзарховъ. Міряне заявили наказы отъ своихъ собратій по областямъ и городамъ, удостовѣряющіе ихъ вѣрность православію. Тогда приступили къ разбору дѣла уніи.

На другой день опять собрались экзархи, православные владыки и міряне въ томъ же помѣщеніи. Опять ждали, если не самого владыку, то хотя бы посланца отъ него,—съ разъясненіями недоумѣній. Все напрасно.—«Ваше святѣйшество ясно изволите видѣть, что митрополитъ съ владыками сами себя осуждаютъ. Не смѣетъ онъ явиться предъ лицо собора. Знаетъ, что грѣшное дѣло затѣялъ»! воскликнулъ сербско-болгарскій митрополитъ, обращаясь къ собору. Экзархи подумали и сообща послали кіевскому митрополиту увѣщательную грамоту. Хотя не скоро, но на этотъ разъ посламъ удалось найти владыку. Сурово принялъ ихъ Михаилъ и строптиво сказалъ, что никакого отвѣта не будетъ. Самъ же онъ, по волѣ короля, велъ свое дѣло безъ участія православныхъ іерарховъ.

И на третій день, т. е. 8 октября, собрались православные въ своемъ домѣ. И въ третій разъ, какъ того требуютъ церковныя правила, былъ посланъ митрополиту и епископамъ призывъ на соборъ отъ православныхъ собратій. Пошли старѣйшіе іерархи и съ ними именитые міряне, звали вѣско, настойчиво. Пробовали молить Михаила. Онъ совсѣмъ растерялся. Скорбный вопль вырвался изъ его наболѣвшаго сердца; безвольный, слабый, онъ не смѣлъ ослушаться своихъ повелителей, не могъ и разорвать безъ боли

душевной своей связи съ роднымъ православіемъ.—«Что сдѣлано, то сдѣлано»! попробовалъ онъ твердо выговорить, но споткнулся и горько заплакалъ. Затѣмъ продолжалъ:—«Иначе быть не можетъ. Хорошо или худо мы поступили, только мы отдались западной церкви». Сурово глянули на него послы православные. Укоръ, осужденіе прочелъ онъ на безмолвныхъ лицахъ. Не склонились они передъ митрополитомъ-отщепенцомъ, не дали ему братскаго цѣлованія. Замкнулись уста для произнесенія привѣта. Что сказать измѣннику, отдавшемуся еретическому западу? Пуще прежняго заплакалъ Михаилъ и бросился изъ комнаты. Посланцы вернулись къ экзархамъ, повторяя растерянно: «они отдались западу»!..

Предсѣдатель собора поднялъ свой голосъ въ осужденіе митрополита и епископовъ за ихъ отступничество и всѣ тѣ смуты, которыя они произвели этимъ грѣшнымъ поступкомъ. Хвалилъ православное духовенство и мірянъ за ихъ твердость. Предостерегалъ отъ измѣны ради земныхъ благъ или страха ради. Эта рѣчь была вдругъ прервана. Явились іезуиты, посланцы королевскихъ комиссаровъ, съ предложеніемъ, чтобы православные явились къ нимъ, выборнымъ соборянамъ,—услышать королевскую волю.

Послѣдовали за посланцами, во главѣ депутаціи, Гедеонъ, епископъ львовскій, и Михаилъ перемышльскій. Длинную, убѣдительную рѣчь повели къ нимъ комиссары, именемъ короля склоняя ихъ къ уніи, вызывая на возраженія, на споръ.—«Мы пришли не для преній съ іезуитами», угрюмо отвѣчали наши избранники.—«Обязаны мы прежде всего передать освященному собору то, что говорится намъ здѣсь, отъ имени короля, чтобы соборъ могъ дать надлежа-

«Что сдѣлано, то сдѣлано!» выговорилъ Михаилъ Рагоза, удаляясь и горько плача. *(Къ стран. 104).*

щій отвѣтъ». На томъ и удалились. Къ вечеру уже православный соборъ отправилъ отвѣтъ, въ которомъ члены собора благодарили короля за его старанія водворить ненарушимое согласіе между своими подданными и выражали искреннюю готовность, съ своей стороны, помочь ему, по христіанскому долгу, въ его начинаніяхъ.—«Но если, до сихъ поръ, сколько разъ ни приступали къ этому святому дѣлу, его нельзя было довести до конца, благодаря невозможности устранить основную рознь между вѣроученіями, то теперь это еще болѣе трудно, чѣмъ когда либо, такъ какъ лица православнаго вѣроисповѣданія, взявшіяся за это дѣло, не заслуживаютъ ни малѣйшаго уваженія своихъ братій по вѣрѣ. Но, чтобы не казаться косными и ослушниками короля, мы охотно займемся дѣломъ уніи, на законныхъ, незыблемыхъ началахъ, когда на то послѣдуетъ согласіе всей восточной Церкви, съ патріархами во главѣ». На этотъ добрый христіанскій отвѣтъ нечего было возражать.

По распоряженію королевскихъ комиссаровъ, латинскіе бискупы и русскіе владыки—уніаты облачились въ церковныя одежды и, въ сопровожденіи малочисленнаго, приневоленнаго къ уніи, духовенства да польскихъ пановъ, при колокольномъ звонѣ, отправились по улицамъ въ церковь святого Николая. Народъ глядѣлъ въ недоумѣніи, любопытно. Въ церкви отслужили молебенъ. Потомъ разсѣлись по одной сторонѣ латыняне,—бискупы, комиссары, іезуиты,—по другой—митрополитъ, епископы—уніаты. Одинъ изъ нихъ прочиталъ во всеуслышаніе грамоту, по которой они всѣ съ клятвой обязывались хранить унію, признавать власть папы. Не успѣлъ смолкнуть голосъ чтеца, какъ латыняне бросились обнимать своихъ но-

выхъ братьевъ и всѣ вмѣстѣ воспѣли хвалебную пѣснь за осуществленіе уніи. Затѣмъ были преданы проклятію и объявлены лишенными сана священства епископы, архимандриты, священники, противившіеся принятію уніи. Считавшіе же себя безвинными отправились въ костелъ, гдѣ отпѣли торжественный молебенъ. Но на этомъ лишь пѣніи все благополучіе и покончилось. Уніатскимъ архіереямъ не дали обѣщанныхъ мѣстъ въ сенатѣ,—бискупы не допустили такого уравненія католиковъ съ уніатами. Русскія уніатскія церкви, опять же вопреки обѣщанію, стали преисправно силой и угрозой забирать подъ костелы. Совращенія же, которыхъ клялись не дѣлать, шли тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что окатоличившіеся епископы первые принялись за это самымъ безпощаднымъ образомъ.

За то и православный соборъ воздѣйствовалъ рѣшительно. Экзархи патріарховъ подробно изложили грѣхи виновныхъ отступниковъ. На основаніи древнихъ и святыхъ соборныхъ постановленій, Брестскій соборъ рѣшилъ единогласно предать осужденію преступныхъ іерарховъ. «Святая, Божія, восточная Церковь повелѣваетъ намъ»,—говорили экзархи, стоя и держа въ правой рукѣ крестъ,—«чтобы митрополитъ Михаилъ и собранные съ нимъ владыки лишены были архіерейскаго достоинства и служенія, епископской власти и всякаго духовнаго сана». Приговоръ подписали всѣ члены духовнаго собора,—и только они, какъ слѣдовало, по правиламъ восточной Церкви. Міряне же, съ своей стороны, написали отъ себя, что даютъ обѣтъ совѣсти и чести—оставаться вѣрными сынами святой отеческой Церкви; объ этомъ всенародное заявленіе они и подписали, какъ свою исповѣдь.

Членами собора къ королю была послана очень вѣжливая грамота съ изъявленіемъ чувствъ почтенія, преданности, сожалѣнія, что не могутъ они исполнить его желанія, не считая для себя возможнымъ отречься отъ вѣры отцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они повергали къ его ногамъ свою убѣдительную просьбу,—привести въ исполненіе ихъ постановленіе о низложеніи кіевскаго митрополита и епископовъ—отщепенцевъ.

Нечего и говорить, что представленіе православнаго собора не было уважено королемъ. Гоненія на упорствующихъ въ православіи,—начиная съ экзарха Никифора и епископовъ, поборниковъ восточнаго вѣроученія,—поднялись съ новой силой. Брестскій соборъ остался навсегда памятнымъ въ исторіи западно-русскаго народа, какъ эпоха, съ которой появились на ея страницахъ послѣдователи западнаго ученія, только съ нѣкоторыми мелкими чертами, напоминающими ихъ прежнее сродство съ православіемъ. До 80-хъ годовъ XIX-го вѣка они были и носили у насъ названіе уніатовъ, т. е. соединившихся, но теперь остались въ значительномъ числѣ лишь въ Галиціи.

ИСТОЧНИКИ:

Макарій, архіепископъ литовскій и виленскій. Исторія Русской Церкви. Т. IX.

И. И. Малышевскій. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. III.

*М. О. Коялович*ъ. Литовская церковная унія.

*П. Жукович*ъ. Сеймовая борьба православнаго западнаго русскаго дворянства съ церковной уніею.

*П. И. Батюшков*ъ. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, Холмская Русь. Выпускъ VIII.

Друзья—инокъ и князь.

1597—1600 г. г.

ТИХО плещутъ прозрачныя воды широкой Иквы, омывая живописные берега маленькаго островка, точно выраставшаго красиво изъ-подъ воды, на самой серединѣ быстраго ея теченія. Теряется въ мглистой дали вѣковъ время основанія благословенной обители,—святого пріюта подвижниковъ, молитвенниковъ за Русь Православную, за землю родную.

Мы застаемъ на островкѣ, въ концѣ XVI вѣка, уже многочисленную братію, въ постѣ, молитвѣ и трудахъ проводившую дни и годы среди садовъ, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ. Тутъ и тамъ бѣлѣли храмы Божіи, ютились вокругъ нихъ кельи иноковъ. И на землѣ и въ ея нѣдрахъ, въ пещерахъ, высѣченныхъ въ скалистомъ берегу, подвизались отцы—отшельники, неустанные труженики, во славу Божію, на благо своего земного отечества. Душою монашествующей братіи, ея святымъ наставникомъ, духовнымъ отцомъ, былъ великій подвижникъ, преподобный Іовъ, прославившійся своею строгою жизнію и го-

рячимъ рвеніемъ въ дѣлѣ охраненія чистоты православнаго вѣроученія.

Руководимая благочестивымъ настоятелемъ, святая обитель процвѣтала подъ доброй охраной славнаго князя Константина, владѣльца Острога и Несвижа, радѣтеля, печальника о церквахъ, монастыряхъ, братствахъ въ южной Руси. Дѣйствуя властно, настойчиво, всѣми возможными средствами на защиту православнаго родного вѣроученія, онъ особенно часто обращался за совѣтомъ и наставленіями къ своему другу, преподобному Іову, игумену Крестовоздвиженскаго монастыря, расположеннаго на Дубенскомъ островѣ.

Славенъ молитвенными подвигами, суровою жизнію и неустанными трудами братьевъ-отшельниковъ святой уголокъ! Богатъ онъ и земными сокровищами,—вкладами и дарами князя-благодѣтеля, который записалъ много земель, угодій, помѣстій любимой обители. Всячески поощрялъ князь труды братіи, безъ устали занимавшейся переписываніемъ священныхъ книгъ.

Князь Константинъ понималъ, что его вполнѣ благоустроенной, прекрасной острожской типографіи недостаточно для удовлетворенія громаднаго спроса на богослужебныя и священныя книги въ русско-литовскихъ земляхъ. Сносился онъ объ этомъ и съ Москвой, разсадникомъ духовнаго просвѣщенія на Руси. Доставляли ему православный Царь и владыка митрополитъ—сколько только могли—печатныхъ и писанныхъ книгъ; но все же въ нихъ чувствовался большой недостатокъ, особенно при той усиленной борьбѣ съ вражьей силой,—латинствомъ,—какая поднялась на нашей западной окраинѣ послѣ злосчастнаго Брест-

скаго собора. Крѣпко тужили друзья,—инокъ и князь. Неутомимо поощряли подвижниковъ, въ постѣ и молитвѣ нести свой святой трудъ. Провѣрялъ игуменъ богоугодную работу, сличалъ съ печатнымъ словомъ и разсылалъ по городамъ и весямъ родной земли. Шли смиренные иноки, несли свою работу, переписанное слово Божіе, молитвы, пѣсни церковныя, наставленія святыхъ отцовъ, учителей православнаго востока. Раздавали ихъ, по указанію преподобнаго Іова, причтамъ церковнымъ, благочестивымъ братчикамъ,—на нивѣ просвѣщенія русскихъ людей. Сами молились и другихъ учили усердно молиться, твердо вѣровать и переносить неропотно посылаемыя Богомъ испытанія. Увѣщевали къ долготерпѣнію весь приниженный врагами православный народъ, томившійся подъ гнетомъ иновѣрныхъ пановъ и властей.

Много скорбѣли смиренные путники-молитвенники, бродя по лицу земли родной изъ деревни въ деревню, изъ дома въ домъ, замѣчая гоненія, притѣсненія, переносимыя православными приходами отъ вновь народившихся враговъ, недавнихъ братьевъ по вѣрѣ, совращаемыхъ въ унію епископами-отщепенцами.

Не успѣли эти лже-учители вернуться съ Брестскаго собора, и едва смолкли обращенныя къ нимъ укоризны, предостереженія, отлученія отъ Церкви, выраженныя бывшими братьями по вѣрѣ,—какъ тутъ же со злобою принялись за свое грѣховное дѣло, стали совращать православныхъ въ унію и латинство.

—«Слыхать, нашъ древній стольный Кіевъ крѣпко держится правой, родной вѣры, принесенной въ его стѣны святымъ княземъ Владиміромъ», сообщали вѣсть смиренные чернецы, собираясь у ногъ любимаго пастыря, послѣ своихъ благочестивыхъ путе-

шествій.—«Устраненный-то православными нашими епископами, митрополитъ Рагоза,—страхъ, какъ притѣсняетъ твердыхъ въ вѣрѣ, кроткихъ батюшекъ! Церкви запираетъ, литургію совершать не позволяетъ тѣмъ, кто по-православному символъ вѣры въ церквахъ возглашаетъ. Истязуетъ—самъ, своими руками власы остригаетъ. Гонитъ съ приходовъ, а то, даже страшно выговорить, и совсѣмъ изводить приказываетъ».

Скорбѣлъ отецъ игуменъ, молился. Чаще прежняго высылалъ своихъ учениковъ въ міръ, на подвигъ проповѣди, раздаяніе пищи духовной, подкрѣпительной, утѣшительной. Въ слезахъ и страхѣ возвращались чернецы.—«Королевскіе чиновники ужъ нѣсколько разъ ломились въ самую Печерскую лавру. Пытались силой извести, плѣнить отца настоятеля, архимандрита Никифора *), да братія не выдала».—«Мы имѣемъ архимандрита: намъ новаго не нужно! Да въ Кіевѣ и нѣтъ митрополита. Михаила же Рагозу, котораго за отступничество отъ православія наши іерархи низложили, мы не признаемъ митрополитомъ, и не дозволимъ увязать его въ нашъ монастырь»,—т. е. отдать монастырь въ его власть.—«Король до насъ ничего не имѣетъ, и мы не должны его слушать, такъ какъ онъ нарушаетъ наши права и вольности!» Вотъ что настойчиво повторяли лаврскіе иноки королевскимъ посланцамъ, запираясь за своими крѣпкими стѣнами. Тѣ все напирали. Тогда братія потеряла терпѣніе, вооружила свою челядь, собрала гайдуковъ, кличъ кликнула казакамъ и не впустила вражью силу въ святыя ворота».

*) По фамиліи—Туръ.

Закрестился преподобный Іовъ; полные горькихъ слезъ глаза поднялъ на святыя иконы, моля о помощи свыше несчастнымъ братьямъ о Христѣ. За то изъ Галицкой Руси неслись къ нему отрадныя вѣсти. Тамъ, крѣпкій благословеніемъ восточныхъ патріарховъ, львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ не склонялъ главы передъ указами католическихъ властей о своемъ низложеніи. Онъ объѣзжалъ православныя епархіи по званію экзарха, поставлялъ дьяконовъ, священниковъ, игуменовъ, архимандритовъ. По примѣру своего благочестиваго сосѣда, Острожскаго князя Константина Константиновича, основалъ типографію въ епископскомъ имѣніи Стрятинѣ. Устраивалъ братства и, съ помощію усердныхъ братчиковъ, размножалъ школы, давалъ имъ средства просвѣщать подрастающее поколѣніе, озаряя темный людъ словомъ начальнаго ученія.

Благодаря сердечнымъ заботамъ владыки—экзарха, въ церквахъ его епархій учреждалось боголѣпное служеніе. Къ престолу Вседержителя возносилось стройное пѣніе божественныхъ молитвъ на нашемъ родномъ нарѣчіи, по всѣмъ исконно-русскимъ землямъ, находившимся подъ властью польской короны.

Но изъ Литвы, на наше горе, вѣсти были очень печальны. Тамъ власти поддерживали митрополита-уніата такъ энергично, что духовенство рѣшительно не могло бороться. Народъ роптalъ, но не въ силахъ былъ противостоять натиску враговъ православія. Крѣпилось только виленское братство Святыя Троицы. Трудно приходилось ему. Съ ожесточеніемъ напирали на него іезуиты, но доблестные братчики не сдавались. Высоко держали знамя правой восточной вѣры добровольные борцы-братчики. Неслись скорб-

ныя вѣсти объ ихъ трудахъ и невзгодахъ въ мирный пріютъ на святомъ островкѣ. Горестно слагалъ ихъ въ сердцѣ своемъ преподобный Іовъ, слезно молилъ Господа спасти страну, укротить злую волю враговъ—единоплеменниковъ. Бѣдный инокъ сердцемъ чуялъ, что надвигается еще худшее, еще большее горе.

Давно не было вѣстей о князѣ Константинѣ. Ничѣмъ не откликался на бѣдствія родного края отважный борецъ. Проходили одна за другою недѣли великаго поста, а въ обители святой его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Иноки привыкли видѣть любимаго экзарха *) въ святыхъ стѣнахъ, еще на первой седмицѣ. Снималъ онъ свои ратные доспѣхи, княжескія блестящія одежды, надѣвалъ монашескую рясу и тогда, никѣмъ не замѣчаемый, среди монастырской братіи, всецѣло предавался молитвенному подвигу. И его-то, въ этомъ посту, не могли дождаться. Послѣднія вѣсти, принесенныя иноками-книгоношами, были совсѣмъ неутѣшительны. Чернецы испуганно разсказывали, что изъ Кракова, отъ самого короля, являлись посланцы въ Острогъ, гдѣ гостилъ экзархъ Никифоръ, послѣ Брестскаго собора. Онъ чувствовалъ себя въ полной безопасности за крѣпкими стѣнами княжескаго замка. И вотъ оттуда, по строгому приказу короля Сигизмунда, онъ долженъ былъ отправиться на сеймъ въ Варшаву.—«Что грозитъ экзарху? Зачѣмъ онъ долженъ исполнять волю чужого правителя? Какъ относится ко всему этому державный другъ его, Острожскій князь»? болѣя душою, ставилъ себѣ вопросы преподобный Іовъ и молился горячо. Онъ пламенно, неу-

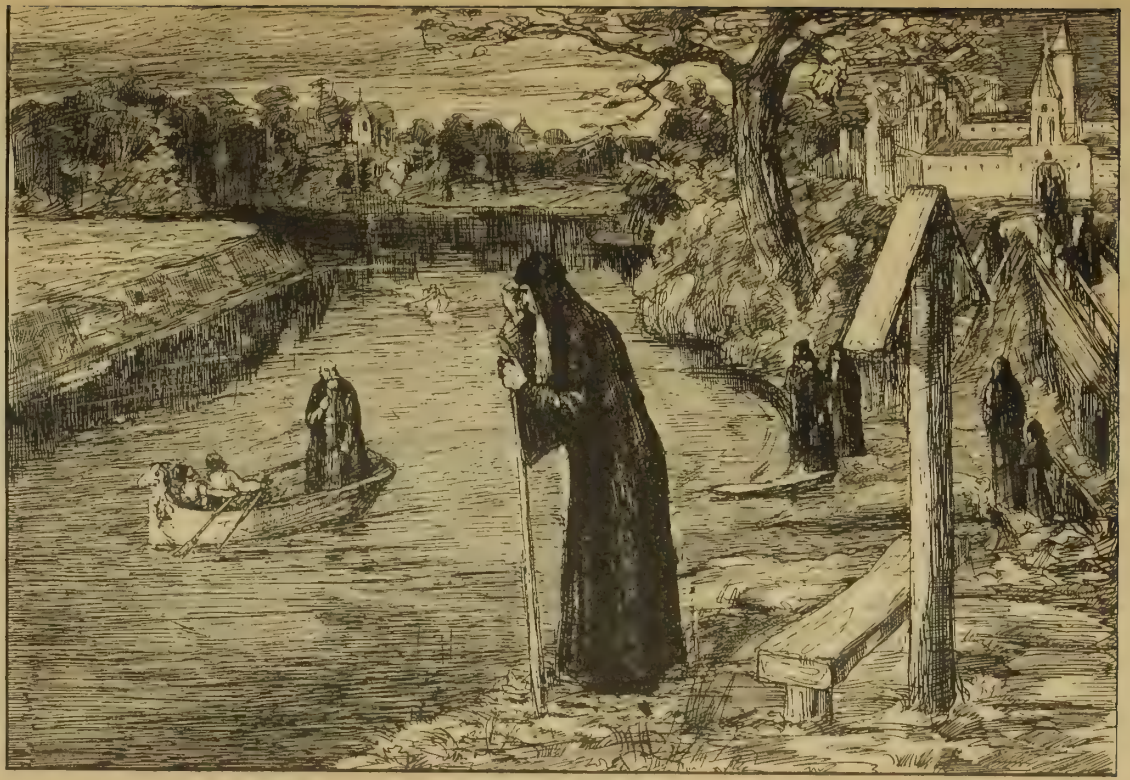
*) Титулъ, данный князю константинопольскимъ патріархомъ за его ревность по вѣрѣ православной.

станно просилъ Господа, да минетъ многострадальныхъ православныхъ людей новая чаша испытаній.

Уже весна наступала, воскресала природа. Веселая Иква, разорвавъ некрѣпкія ледяныя оковы, уносилась, пѣнясь и рѣзвясь, въ улыбающуюся даль; она разносила по свѣтлому поднебесью мѣрные удары великопостнаго благовѣста, призывавшаго братію подъ своды святыхъ храмовъ, на усиленный молитвенный подвигъ. Грустно двинулся въ церковь и отецъ игуменъ, ища утѣшенія среди тяжелыхъ заботъ, въ отправленіи церковной службы. Долу склонилъ онъ свое думами удрученное чело, шепча молитву, вдумчиво перебирая четки,—какъ вдругъ услышалъ окрикъ съ рѣки...

Разсѣкая веселыя волны, ладья подплывала къ святымъ берегамъ. Въ ней стоялъ высокій, дородный старикъ. Истово крестился онъ на церкви Божіи, пока два дюжіе парня усиленно гребли, борясь съ сильнымъ, весеннимъ теченіемъ.

—«Княже дорогой»! воскликнулъ обрадованный настоятель, заслоняя рукой глаза, утомленные работою, слезами да бдѣніями. И двинулся скорешенько къ берегу, насколько позволяли усталыя ноги.—«Господь да благословитъ твой пріѣздъ въ нашу тихую пристань»! На этотъ разъ всегда благодушное лицо князя Острожскаго было темнѣе тучи. Суровой взглядъ не измѣнился при встрѣчѣ съ другомъ. Глухи были слова привѣта сердечно-чтимому игумену.—«Тяжело мнѣ! охъ, какъ тяжело! Боролся, не сдавался, но чуть-что не силой отняли, увезли! Поклялись, что ему же отъ этого лучше будетъ», заговорилъ князь, едва поздоровавшись. Преподобный не сразу понялъ, смотрѣлъ вопросительно, благословляя своего доро-



Князь Острожскій посѣщаетъ преподобнаго Іова. *(Къ стран. 114).*

гого, именитаго гостя.—«Да утѣшитъ тебя Господь, княже милостивый»! былъ его прочувствованный привѣтъ. Князь опустился на скамью тутъ же, на берегу, указавъ преподобному мѣсто около себя. Люди же пристали подальше и стали выгружать все, что хранилось на днѣ лодки.

—«Тамъ еще двѣ приплывутъ», шепотомъ сообщили они послушникамъ, суетившимся около нихъ.

Іовъ ждалъ.—Оба друга тяжело дышали, обоимъ было невыносимо—больно.—«Гдѣ онъ»? наконецъ осторожно поставилъ преподобный несмѣлый вопросъ.—«Въ Маріенбургской крѣпости», былъ отвѣтъ, заглушенный горькими рыданіями.

Да, плакалъ державецъ Острога и Несвижа, плакалъ, какъ ребенокъ, передъ своимъ кроткимъ другомъ, игуменомъ Крестовоздвиженской обители!

Воинъ Христовъ, инокъ первый овладѣлъ своимъ горемъ. Онъ сталъ успокоивать друга, молитвой облегчилъ его страданія. Князь Константинъ собрался съ силами и подробно сообщилъ старцу, какъ онъ не сразу согласился выпустить экзарха изъ подъ своей охраны, и какъ самъ отправился на сеймъ съ Никифоромъ, котораго сопровождали два священника да охранная казацкая стража. Враги напрягли всѣ усилія, чтобы какими бы то ни было средствами извести опаснаго для уніи, твердаго борца, православнаго іерарха. Взвели на него обвиненіе, да еще политическое,—будто онъ вмѣшивался въ молдавскія дѣла. Страхъ передъ католической властію обезсиливалъ ряды православныхъ. Изъ чувства самосохраненія, убывали сторонники праваго дѣла. Рѣчи самого Никифора были мудры, правдивы. Князь Константинъ смѣло защищалъ его, отстаивая вмѣстѣ съ нимъ и дѣло

Брестскаго собора. Трогательно, со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ передъ Сигизмундомъ: «Ваша королевская милость, вопреки справедливымъ доводамъ нашимъ и предстательству голосовъ земскихъ, не хотите оставлять насъ при нашихъ правахъ, въ нашей православной вѣрѣ,—вмѣсто отступниковъ дать намъ иныхъ пастырей; напротивъ, допускаете отступникамъ дѣлать насилія и проливать кровь, грабить, выгонять изъ мѣстностей и даже изъ земли своей тѣхъ, которые не хотятъ приставать къ ихъ отступничеству. Ваша королевская милость посягаете на права нашей вѣры, стѣсняете наши вольности, насилуете нашу совѣсть и сами нарушаете присягу свою. Я, сенаторъ, не только терплю оскорбленія, но вижу, что дѣло идетъ къ окончательной гибели всей короны польской; послѣ этого уже никто не обезпеченъ въ своемъ правѣ и свободѣ... Скоро наступитъ великая смута; дай Богъ, чтобы до чего иного не додумались... Предки наши, принося государю вѣрность, послушаніе и подданство, получали взаимно отъ государя милость, справедливость и оборону; такъ одни другимъ присягали. Опомнитесь, ваше величество, и послушайте добраго совѣта. Я сильно оскорбленъ вами: на старости лѣтъ, у меня отнимаютъ то, что для меня всего милѣе: совѣсть и православную вѣру. Я уже въ преклонныхъ лѣтахъ и надѣюсь, что скоро разстанусь съ этимъ свѣтомъ; прощаясь съ вами, ваше величество, я напоминаю вамъ, чтобы вы опомнились. Поручаю вамъ эту духовную особу; Богъ взыщетъ за кровь его на Страшномъ судѣ; а я прошу Бога: да не дастъ Онъ моимъ очамъ болѣе видѣть нарушеніе правъ нашихъ, но сподобитъ меня, на старости лѣтъ, услышать о добромъ здоровьѣ вашего

величества и о лучшемъ состояніи вашихъ государствъ и нашихъ правъ».

Сигизмундъ, руководимый іезуитами, былъ глухъ къ этимъ чуднымъ рѣчамъ. Безсильны были православные, несмотря на крѣпкую поддержку примкнувшихъ къ нимъ протестантовъ. Никифоръ былъ осужденъ, увезенъ далеко отъ глазъ друзей, заточенъ въ темныхъ подвалахъ Маріенбургской крѣпости, подъ тяжелые запоры древней католической тюрьмы. Его защитниковъ успокоивали, увѣряя, что ждутъ только оправдательныхъ доказательствъ, необходимыхъ для его освобожденія. Время же шло. Дѣло растягивали намѣренно. Мученикъ задохся въ неволѣ. Угасла жизнь борца за нашу православную вѣру.

Такъ, подробно, въ слезахъ, со стономъ досказалъ князь Константинъ свою скорбную повѣсть. Тяжело вздохнулъ Іовъ.—«Но есть и Божій судъ, княже дорогой»! заговорилъ онъ, стараясь поддержать, успокоить, по возможности, друга.—«Богъ не подкупенъ и не поддается ни лести, ни страху, ни коварству. И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ. Не смыть передъ Нимъ всей черной кровью клеветниковъ праведную кровь экзарха».

— «Сколь многіе, стоя за него на сеймѣ, смѣло говорили королю правду о церковныхъ дѣлахъ»! продолжалъ князь, доканчивая разсказъ о сеймѣ и пожимая съ благодарностію руку друга. «Помню рѣчь православнаго Лаврентія Древинскаго съ Волыни. «Мы—усердные сыны республики», говорилъ онъ, «готовы стоять за ея цѣлость; но можемъ ли идти на внѣшняго врага, когда терзаетъ насъ внутренній? Вездѣ наши храмы запираютъ. Священниковъ изгоняютъ. Достояніе церковное расхищено. Младенцевъ

не крестятъ, умирающихъ не исповѣдуютъ, мертвыхъ не отпѣваютъ. Не принимаютъ на службу людей, не измѣняющихъ вѣрѣ отцовъ. Благочестіе въ опалѣ. Законъ насъ не ограждаетъ. Молимъ,—не слушаютъ. Мы можемъ воскликнуть съ пророкомъ: «Суди ми, Боже, и разсуди прю мою!»

Долго говорили друзья, не могли наговориться. Маститый старецъ изнемогалъ подъ бременемъ горя, постигшаго родную русскую землю. Преподобный уговорилъ князя остаться въ обители, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подкрѣпить свои силы молитвой, постомъ, говѣніемъ. Прекрасное великопостное богослуженіе и умилительные напѣвы нашихъ чудныхъ покаянныхъ молитвъ благотворно, отрадно воздѣйствовали на кровно-огорченнаго старика. Чувства устремлены въ высь, помыслы души летѣли въ горнія селенія. Мысли стали сосредоточиваться на предметахъ созерцательныхъ, умъ началъ удаляться отъ земныхъ, горькихъ воспоминаній.

Весь проникнутый христіанскимъ умиленіемъ, встрѣтилъ русскій князь, о-бокъ съ преподобнымъ игуменомъ, великій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Изъ стольнаго Острога пришли самые присные его вельможи. Пасха красная была праздникомъ праздниковъ и торжествомъ изъ торжествъ для всѣхъ добрыхъ христіанъ. Отовсюду получались, всюду разсылались братскіе привѣты. Сообщались добрыя вѣсти объ открывавшихся то тутъ, то тамъ еще новыхъ братствахъ. Знали въ обители, что въ Вильнѣ, въ этотъ Свѣтлый праздникъ, для всѣхъ православныхъ готовилось, наконецъ, радостное событіе.

Съ помощью знатныхъ дворянокъ Зеновичъ и Абрамовичъ, братство воздвигло свой собственный чудес-

ный храмъ. Извѣстно было, что, со времени злосчастной уніи, всѣ городскія русскія церкви были отняты у православныхъ и переданы уніатамъ. Новая церковь была готова къ Пасхѣ, и въ ней-то братчики собирались радостно встрѣтить Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова.

Радовался и старецъ-князь, молясь на своемъ благодатномъ островкѣ, что въ тотъ же часъ, въ литовской столицѣ, его единовѣрцы едиными устами и единымъ сердцемъ, съ тою же свѣтлою душевною отрадой, повторяютъ православные возгласы: «Христосъ воскресе! адъ умертвися!» Настало время благопріятное, всерадостное, всепобѣждающее. И вдругъ, среди полнаго духовнаго мира, праздничнаго, возвышеннаго настроенія, точно громъ среди солнечнаго дня, разнесся плачъ и рыданіе гостей-литвиновъ. Не радость, не утѣшеніе принесли бѣдной Вильнѣ свѣтлые, пасхальные дни. Новое горе, новое страданіе постигло братчиковъ страстотерпцевъ.

Точно темная завѣса, спустилась на сердца и головы Крестовоздвиженскихъ подвижниковъ, когда бѣдные братчики—съ береговъ Виліи, грустные, плачущіе, стонущіе, подплыли къ берегу острова, чтобы излить всю скорбь наболѣвшихъ душъ передъ богомольцами-иноками, православными молитвенниками, плакальщиками за родныя неурядицы. Съ распростертыми объятіями встрѣтили инокъ и князь злосчастныхъ гостей. Вся братія на-перерывъ, какъ и сколько могла, старалась успокоить, приголубить горемыкъ.

Дали имъ отдохнуть, поуспокоиться и ужъ потомъ съ большой осторожностью начали разспрашивать, что именно могло опять приключиться.—«Казалось, все

вполнѣ улыбалось отщепенцамъ, такъ вотъ нѣтъ же!» начали свою горькую повѣсть бѣдные гости. «Досадно стало имъ, что воздвигли мы себѣ храмъ, что собираемся встрѣчать Свѣтлый праздникъ въ его святыхъ стѣнахъ, воспѣть, въ братскомъ, отрадномъ единеніи, радостное—«Христосъ воскресе». Начиная съ Страстной субботы, при каждомъ нашемъ богослуженіи, врывались къ намъ студенты іезуитской школы, подъ предводительствомъ наставниковъ - ксендзовъ, мѣшали нашимъ священнослужителямъ, сбрасывали на полъ плащаницу, никого не допускали къ причастію, били по лицу, толкали, кололи молящихся. Мѣшали кажденію по церкви, выносу Святыхъ Даровъ. Принимали всѣ мѣры, чтобы вызвать вооруженное сопротивленіе православныхъ богомольцевъ, произвести смуту, кровопролитіе, въ самой церкви *). Князья Огинскіе, во главѣ съ баккалавромъ Демьяномъ Катошовскимъ и другими братчиками, старались уговорами, просьбой удержать безчинниковъ, но тѣ повлекли ихъ изъ церкви на улицу, гдѣ уже поджидали буяновъ ихъ товарищи—мѣщане и торговцы,—которые и помогли имъ добивать несчастныхъ, невинныхъ, православныхъ прихожанъ. Натѣшившись, смутьяны бросались съ топорами, камнями штурмовать школу и жилища братчиковъ. Не пощадили даже православнаго кладбища. И, несмотря на всѣ эти неистовства, имъ не удалось добиться вооруженнаго отпора, кровопролитія. Вполнѣ проникнутые достоин-

*) Добивались же они вооруженнаго сопротивленія потому, что, въ случаѣ проявленія его, правительство польское имѣло бы право закрыть и конфисковать церковь. Отщепенцы - уніаты это прекрасно понимали, потому и употребляли всѣ усилія, чтобы вызвать братчиковъ на вооруженное сопротивленіе.

ствомъ христіанскаго смиренія, братчики перенесли истязанія, побои, со всѣмъ величіемъ невинныхъ страдальцевъ. Какъ древніе мученики, первые христіане, они съ молитвой переносили и боль, и поруганія. На преступниковъ подали жалобу въ трибунальный судъ старосты братства и жена смоленскаго воеводы Абрамовича; но имъ отказали, направивъ дѣло въ генеральный сеймъ. Тамъ виновныхъ не только не наказали, но и не судили. Вотъ мы и пошли искать правды и защиты у тебя, князь, единственная опора гонимаго, мучимаго, православнаго народа»!

Такъ закончили несчастные свою горькую повѣсть. Душа князя возмутилась. Іовъ молился, ища поддержки, утѣшенія въ религіи, переживая безграничное горе-печаль о родной землѣ. — «Что намъ дѣлать»? съ отчаяніемъ спрашивалъ князь игумена. Безцѣльны жалобы Сигизмунду. Мы впередъ обвинены въ его глазахъ этими безсердечными нашими преслѣдователями».—«Да, князь, велико испытаніе! Но Господь посылаетъ страданія тѣмъ, кого возлюбилъ. Онъ же силенъ послать и утѣшеніе». Острожскій набожно перекрестился. «Надо молиться, чтобы Онъ взмиловался и далъ имъ силу терпѣнія въ напасти».—«Пошлемъ, княже, на Востокъ—къ святителю Мелетію—извѣстіе о новыхъ страданіяхъ нашихъ братьевъ,—русскаго, православнаго люда. Должно же знать ему и участь его экзарха и бѣды виленскаго Свято-Духовскаго братства?»—«Какъ это я раньше объ этомъ не подумалъ»? согласился князь. Распорядись, наставникъ мудрый, напиши святѣйшему о неправдахъ людскихъ, о гоненіяхъ, чинимыхъ на русскій народъ, и пошли надежнаго, бывалаго инока, чтобы его не

настигли да не обидѣли въ дорогѣ. Я же дамъ ему необходимыя для такого длиннаго пути средства, чтобы онъ не нуждался ни въ чемъ».

Снарядила обитель своего іеродіакона Кипріана, пріобыкшаго къ путешествіямъ и знавшаго, какъ добраться до константинопольскаго патріарха. Не заставилъ Мелетій долго ждать: вскорѣ отвѣтилъ «благочестивымъ россамъ, живущимъ подъ державой польскаго короля». Онъ послалъ имъ свое благословеніе и увѣщавалъ крѣпко держаться святой, восточной, правой Церкви, не поддаваться ни уговорамъ, ни угрозамъ, ни насилію.—«Вы до сихъ поръ пребывали непоколебимы въ богопреданномъ ученіи вѣры, въ ученіи Христовомъ, апостольскомъ, святоотеческомъ. Вы вмѣстѣ со святыми отцами и увѣнчаетесь вѣнцомъ правды, который воздастъ вамъ Господь».

Князю же Мелетій писалъ особо: «Кипріанъ, будучи добръ и горя духомъ, бѣгомъ примчался отъ васъ къ намъ, все разсказалъ, все сдѣлалъ». Далѣе патріархъ восхвалялъ князя, его радѣніе о вѣрѣ православной, и сокрушался надъ горькой участью русскихъ людей восточнаго вѣроученія.

Вслѣдъ за патріархомъ, старцы святой Аѳонской горы, въ свою очередь, возгорѣлись ревностью по вѣрѣ православной.

—«Дошла и къ намъ», писали аѳониты, «плачевная вѣсть объ отступленіи, совершившемся у васъ. Тѣ, которые должны были бы озарять Церковь свѣтомъ своего житія по Евангелію,—отъ тѣхъ возникъ мракъ, прелесть, соблазнъ. Мужайтесь, будьте тверды, непоколебимы въ вѣрѣ. Страха людского не ужасайтесь. Если и убьютъ тѣло, то соблюдете главу, т. е. вѣру, и вы прославитесь крестомъ. Ибо мы чаемъ

другой жизни,—жизни вѣчной, уготованной отъ Христа, если пребудемъ Ему вѣрны».

Одинъ изъ выдающихся аѳонскихъ иноковъ, знаменитый Іоаннъ Вишенскій, желая помочь православнымъ мученикамъ, послалъ сильное, обличительное посланіе самому Рагозѣ.—«Покажите мнѣ, кто изъ васъ выполнилъ шесть заповѣдей Христовыхъ: алчущихъ накормить, нагихъ одѣть, больныхъ посѣтить и проч.? Не вы ли заставляете на бискупскихъ земляхъ алкать вашихъ бѣдныхъ подданныхъ, носящихъ тотъ же образъ Божій, какъ и вы? Не отнимаете ли вы у нихъ воловъ, коней, овецъ, вымогаете дани, мучите, томите во всякое время, зимой и лѣтомъ, на непомѣрныхъ работахъ? Гдѣ вы послужили больнымъ? Не вы ли здоровыхъ дѣлаете больными, истязуя ихъ, убивая? Постучись только въ лысую твою голову, ксендже бискупе! *) сколько ты, за время твоего священства, живыхъ послалъ къ Богу мертвыми? однихъ сѣканиною, т. е. чрезъ сѣченіе, другихъ—водотоплею, третьихъ огнепальною смертію съ жизнью разлучилъ? Не ваша ли милость позаботилась экзарха патріаршаго Никифора заключить въ темницу, чтобы не слышать изъ устъ его обличеній, за свое отступничество? Извѣщаю всѣхъ, что земля, по которой ногами вашими ходите, плачетъ по васъ предъ Господомъ Богомъ и вопіетъ, да пошлетъ Онъ серпъ смертный на васъ».

Такими могучими словами, мудрыми увѣщаніями пробовалъ православный Востокъ вразумить отпавшихъ сыновъ своихъ,—напрасно! Предались они подъ латинскую хоругвь и съ рвеніемъ, достойнымъ луч-

*) Кирилъ Терлецкій, уніатскій епископъ въ Луцкѣ.

шей цѣли, изощрялись неправдой, зломъ, насиліемъ перетягивать въ унію безхитростныхъ послѣдователей кроткаго православія, унаслѣдованнаго отъ предковъ русскимъ народомъ, населявшимъ земли, завоеванныя постепенно Литвою и Польшею.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Т. III. Московско-Царскій періодъ.

П. И. Батюшковъ. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ. Холмская Русь.

П. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніею.

И. И. Малышевскій. З. Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Часть II.

А. О. Хойнацкій, прот. Патерикъ Волыно-Печерскій.

Казачество и унія.

1598 г.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

КАЗАЧЕСТВО—это своего рода средневѣковое рыцарство, только образовавшееся не изъ нѣмецко-романской народности, а изъ русской, православной. Это сословіе въ исторіи государствъ—русскаго, польскаго и литовскаго—имѣло огромное значеніе, и дѣятельность его была тѣсно съ ними связана. Казачество много способствовало развитію могущества Россіи и еще больше помогло паденію Рѣчи Посполитой, т. е. польско-литовскаго государства.

Съ каждой новой весной, все больше и больше спускается струговъ да чаекъ, внизъ по широкому, бурному Днѣпру. Какъ древніе ушкуйники, летятъ на низъ сыны нашего юга—изъ-за Кіева, съ Подола, отъ Смоленска, Могилева, изъ Бѣлоруссіи, чуть-что не съ границъ самой Литвы. Шумитъ, бурлитъ сѣдой старикъ—Днѣпръ, все молодежь подзадориваетъ, въ

даль широкую проваживаетъ. Давно вошло въ обычай нашихъ южанъ по веснѣ, какъ повѣетъ тепломъ, спускаться внизъ, по теченію родной рѣки,—туда далеко, за пороги, гдѣ рыбный ловъ удачнѣе, гдѣ звѣря больше, гдѣ просторъ, степь, безначалье... Оттуда можно домой принести побольше рыбы, птицы, да и всякой другой добычи.

Ни дикаго звѣря, ни злого татарина не боялись наши храбрецы. Любили они свои веселые походы, любили опасность, свободу. Отъ порядка, отъ закона, а то и отъ податей часто убѣгали охотники. Тянуло ихъ къ свободѣ, простору, въ привольную степь, по берегамъ любимой рѣки. Кто посмирнѣе, да по разумнѣе, возвращались домой, къ семьямъ съ богатой добычей: наловленной, посоленной рыбой и пушнымъ звѣремъ. Безшабашная же голытьба, сѣрая голь да молодежь удалая—оставались тамъ, за порогами, или на островахъ, среди порожистаго красиваго Днѣпра. Хорошо жили они подъ теплымъ небомъ юга, согрѣтые добрымъ солнышкомъ, приголубленные ласковыми вѣтрами. А какъ задуетъ сѣверякъ, и начнутъ удальцы зябнуть подъ осенней изморозью, тутъ наплетутъ они себѣ побольше тростниковыхъ шалашей, глиной смажутъ да и укроются въ нихъ отъ непогоды до новаго тепла.

Изъ Турціи, черезъ Очаковъ, шелъ тогда торговый путь въ Московское царство. Этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ богатымъ, цѣннымъ товаромъ. Подстеречь и обобрать иноземца,—грека ли, иль турка, татарина или поляка,—было любимымъ дѣломъ нашихъ молодцовъ. Закалялись они въ борьбѣ и съ природой и съ людьми. Слава объ ихъ удали неслась далеко за предѣлы родного юга. Набирали

Удальцы спускаются внизъ по Днѣпру. *(Къ стран. 126).*

изъ нихъ сторожевую рать и татары, и волохи, и поляки. Непобѣдимыми считала стоустая молва храбрецовъ—запорожскихъ казаковъ.

Изстари водилось обозначать этимъ именемъ удалую вольницу, которая селилась сама по себѣ, на нашей южной окраинѣ. Куренями звались ихъ поселки, куда не допускались семейные, и гдѣ не было хозяйства. Жили охотой, рыбной ловлей, а подъ-часъ и грабежемъ да лихими походами на прирожденныхъ, старыхъ вороговъ, злыхъ татаръ-язычниковъ. Летали утлыя ладьи и длинныя чайки казацкія до самыхъ турецкихъ земель. Пугали султана, сидѣвшаго въ Стамбулѣ на древнемъ византійскомъ тронѣ. Онъ писалъ нашимъ московскимъ царямъ, жаловался на новыхъ ушкуйниковъ, берладниковъ. «Уйми казаковъ»! вопилъ сосѣдъ. Но гдѣ-жъ унять такую самобытную силу? Простота казацкой жизни, готовность удальцовъ на всякую опасность, совершенное братство между ними и полное повиновеніе выборному изъ своей среды начальнику, благочестіе, строгое храненіе постовъ, цѣломудріе,—вотъ тѣ устои братчины, которые приближали ее къ монастырю и придавали казацкимъ отрядамъ несокрушимость въ боевомъ отношеніи.

При королѣ польскомъ Сигизмундѣ I, запорожскимъ казакамъ разрѣшено было селиться выше пороговъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Селенія ихъ возрастали, и число казаковъ увеличивалось вслѣдствіе притока бѣглыхъ жителей югозападной Руси. Казаки дѣлились на низовыхъ или запорожцевъ и городовыхъ или украинцевъ. Первые оставались жить въ Сѣчи и были заняты постоянными войнами. Вторые, женатые и семейные, занимались земледѣліемъ, вели жизнь хозяйственную, домовитую и, только въ

случаѣ нужды, призывались на королевскую службу. При гетманѣ Ружицкомъ въ жизнь украинскаго вольнаго казачества были введены извѣстные порядки и формы управленія,—такъ называемая «генеральная старшина», состоявшая изъ эсауловъ, судей, писарей и обозныхъ. Запорожская же Сѣчь, вольница разудалая, рѣшительно не признавала и тѣни коронной власти надъ собою. Пробовали поляки съ ними справляться,—втягивали въ свои войны, походы на сосѣдей, нанимали цѣлые казацкіе полки. Ходили удалые молодцы съ королевскими войсками, подъ знаменами князей Острожскихъ и Замойскихъ, на турокъ, на татаръ, на орденскихъ братьевъ. Даже на Москву поднимались, пока не обострился церковный вопросъ. Православны были казаки. Крѣпко держались закона предковъ. Ихъ ряды густѣли, пополнялись по мѣрѣ того, какъ убывало число православныхъ князей, дворянъ, пановъ въ русско-литовскихъ земляхъ. Окатоличенное, ополяченное высшее сословіе, подъ вліяніемъ ксендзовъ и іезуитовъ, все больше и больше приневоливало и заставляло своихъ крестьянъ, равно мѣщанъ и ремесленниковъ, отрекаться отъ русской вѣры. Все настойчивѣе становились католики, все упорнѣе держались православные. Слухи о счастливой, привольной, запорожской Сѣчи неслись по Руси, Литвѣ и Польшѣ. Утекалъ бѣдный людъ отъ горя, обидъ, притѣсненій латынянъ къ братьямъ единовѣрцамъ, подъ защиту ихъ кошевыхъ да куренныхъ атамановъ.

Мѣсто жительства украинскихъ казаковъ не ограничивалось Черкасами и Коневымъ, какъ было въ началѣ. По всему пространству нынѣшнихъ губерній кіевской, полтавской, восточной части подольской селилась казацкая вольница, не хотѣвшая подчиняться

установленнымъ властямъ.—Все сильнѣе, все рѣзче отдѣлялись они не только отъ католической Польши, но и отъ православной Украйны. Не безъ страха, съ большой опаской смотрѣла на Запорожье Оттоманская Порта!

— «Сколько же тамъ будетъ казаковъ»?—полюбопытствовалъ однажды узнать самъ султанъ.—«У насъ, гдѣ кракъ (кустъ), тамъ казакъ, а гдѣ байракъ (буеракъ), тамъ сто казаковъ»,—былъ смышленый отвѣтъ. Дѣло выходило, дѣйствительно, не шуточное!

Прошли времена легкихъ стычекъ, набѣговъ, разореній невзначай. Крѣпла низовая вольница, ширился ея разгулъ. Запорожскія чайки смѣло летали въ открытое море, запугивая прибрежныя земли. Храбрецы проникали въ Румелію, Анатолію, брали турецкіе города, избавляли отъ галеръ, изъ мучительной неволи, христіанскихъ плѣнниковъ. Возвращались домой съ богатой добычей, покрытые славой успѣха, нагнавъ трепетъ и ужасъ на враговъ православной вѣры и русской народности.

Рѣчь Посполитая сильно раздражалась. Какъ на дрожжахъ, поднималась по сосѣдству, изъ ея же бѣглыхъ подданныхъ, воинственно-враждебная сила. Вольница, искони горячо-православная всѣмъ существомъ своимъ, была враждебна латинству и іезуитамъ. Пробовала польская рада втравить храбрецовъ въ войну съ татарами. Полки, подъ предводительствомъ Дмитрія Вишневецкаго, лихо отбросили нехристей отъ польской границы, одержавъ полную побѣду. Приходилось хвалить, благодарить. Но когда Вишневецкій захотѣлъ изъ своихъ боевыхъ товарищей составить гарнизонъ для охраны своего чуднаго замка на островѣ среди Днѣпра, Сигизмундъ въ испугѣ, выговорилъ свое королевское: «не позвалямъ»!

—«Мы освѣдомлены, что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинскихъ замковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру, по полямъ и по инымъ входамъ и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ перекопскаго царя, а тѣмъ самымъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываемъ вамъ возвратиться въ наши замки и города съ поля, съ Низу и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда самовольно и не безпокоить татарскихъ улусовъ. Если же кто не станетъ повиноваться настоящему приказу, тѣмъ украинскіе наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе».—Такъ были вынуждены написать король Сигизмундъ и паны-рада, чтобы успокоить хана, требовавшаго унять казаковъ.

Но развѣ мыслимо справиться съ вольницей, да еще стращать ее наказаніями?—Конечно, никто и не помыслилъ вернуться. Только Сѣчь еще больше озлобилась. Рознь разрасталась и обострялась уже на религіозной почвѣ. Совершилось несчастное дѣло: Сигизмундъ II Августъ осуществилъ завѣты своихъ предковъ. Съ помощью іезуитовъ и пановъ католиковъ, хотя и съ величайшей натугой, ему удалось совершить Люблинскую гражданскую унію русско-литовскихъ земель съ коренной Польшей. Православные сельчане, мѣщане, ремесленники, кто какъ могъ, уклонялись отъ гнета. Казаки,—сыны Русской земли,—дѣлались неизбѣжно озлобленными врагами новыхъ порядковъ. Польское же правительство, и особенно избранникъ его, Стефанъ Баторій, шли неуклонно по стопамъ своихъ предшественниковъ, настойчиво стремясь къ полному слитію во-едино юго-западной Руси, Украйны, Литвы и Польши. Шла на уступки—задоб-

ренная знать, дворянство, панство. Стушевывалось запуганное, угнетенное духовенство. Братства только что зарождались и были еще незамѣтной величиной, а православная Украйна подчинялась реестровымъ формамъ. За то грозно стояла Сѣчь Запорожская! Эта величина, пожалуй, была равносильна Московіи! Тамъ, послѣ Грознаго, въ Смутное время шло сильное внутренное нестроеніе,—оно отвлекало умы отъ жизни сосѣдей. Наконецъ, на нее можно итти войною.—Это улыбалось геніальному вождю. А тутъ? Какъ унять удалую вольницу? Какъ уничтожить враждебную Польшѣ силу Запорожья? Къ запорожцамъ безпрерывно, какъ вода, текли, никого не спрашиваясь, и дворяне, и мѣщане, вѣрные родному православію. Что ни дѣлай, какъ ни сторожи, а ихъ ряды все крѣпнутъ... Ростетъ опасный врагъ, надежная опора восточной Руси.

Пробовалъ Баторій задобрить ихъ вождя, гетмана Ѳеодора Богданку (1577 г.). Послалъ ему въ подарокъ бунчукъ, булаву, знамя съ королевскимъ гербомъ, печать съ изображеніемъ воина. Король такъ же, какъ это водилось у украйнскихъ казаковъ, дѣлалъ распоряженія дѣлить запорожцевъ на полки, думая сдѣлать имъ честь и считая ихъ частію своихъ коронныхъ войскъ. Подарки гетманъ принялъ, благодарилъ краснорѣчивыми словами. Смѣтливая же вольница крѣпко осерчала.—«Это что такое? Паны захватили русско-литовскія земли, притѣсняютъ, истребляютъ, какъ только могутъ, наше святое православіе, а насъ самихъ тянутъ подъ свою руку? Не бывать же тому»! И выбрали себѣ въ гетманы Косинскаго (1592), вопреки постановленіямъ сейма. Русскій по вѣрѣ и безумно храбрый, онъ всталъ рѣшительно въ защиту единовѣрцевъ, единоплеменниковъ.

Къ нему со всѣхъ сторонъ сходились православные цѣлыми отрядами. Сбѣгались рабы обиженные, замученные своими владѣльцами—католиками. Многочисленные казацкіе отряды вступались, мстили за родичей, громили не только частныя богатыя имѣнія, но разбивали даже королевскіе отряды. Они взяли Кіевъ и Бѣлую Церковь, Луцкъ и Владиміръ Волынскій. Разорили даже Острогъ, имѣніе князей Острожскихъ,—имъ почудилось, что нашъ славный борецъ за православіе недостаточно отстаиваетъ народные интересы.

Мечталъ лихой атаманъ, сынъ нашего Полѣсья, сплотить своими побѣдами русскія земли, когда-то завоеванныя Литвою, въ одну отдѣльную, православную республику. На бѣду, это ему не удалось. Понатужились паны, поднялись на охрану своего добра, имущества, собрали силищу великую, разбили на голову страшнаго атамана. Совсѣмъ обезсилили его и приневолили дать клятву, что не подниметъ больше оружія на Рѣчь Посполитую.

Притихъ, въ Черкасы скрылся убитый горемъ борецъ. Пожалуй, со временемъ сумѣлъ бы онъ избавиться отъ клятвеннаго стѣсненія. Справился бы съ бѣдой и снова поднялъ бы свои рати противъ ненавистной Польши. Прекрасно понимали это паны рады. Боялись они Косинскаго, его вліянія на вольницу, его воинскихъ способностей. Измѣной, подкупомъ избавились они отъ опаснаго героя. Насильственная смерть унесла атамана, перваго, поднявшаго оружіе не только для лихихъ набѣговъ, но и въ защиту родной вѣры, родной народности.

Его преемники Лабода въ Украйнѣ и Наливайко въ Сѣчѣ шли твердо по намѣченному уже пути. Католической Польшѣ все больше и больше приходилось

считаться съ этими удалыми предводителями. Сошлись они въ любви къ русской землѣ, къ святымъ завѣтамъ Церкви родной. Подружились, сплотили свои силы въ общей борьбѣ, уже вполнѣ религіозной. Забыли разбойничьи схватки съ турками, татарами. Къ осени 1595 года Наливайко вернулся изъ Молдавіи, заслышавъ тамъ объ отъѣздѣ въ Римъ нашихъ злосчастныхъ епископовъ. Въ куренѣ вмѣстѣ съ Лабодой ждалъ его о. Даміанъ, настоятель Острожской, замковой, Богоявленской церкви.

—«Матушка? Сестра?»—спрашивалъ атаманъ, обнимая брата.—«Здравствуютъ подъ радѣтельнымъ кровомъ нашего милостивѣйшаго державца. Залѣчиваютъ помаленьку свои душевныя и тѣлесныя раны».—«А братъ? его ноги, руки?»—«Всѣ лѣкаря княжескіе съ княжной Галькой и не разъ на день приходятъ, перевязываютъ, смазываютъ раны, поятъ травами,—да все нѣтъ улучшенія. Должно, на всю жизнь калѣкой останется. Да проститъ Господь пана Калиновскаго!»—говорилъ искренно—смиренный батюшка, крестясь и въ умиленіи поднимая полные слезъ глаза на ликъ Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, стоявшій въ божницѣ, въ переднемъ углу. «Ну, ты, какъ знаешь, прощай, молись, плачь! Пожалуй, вправду, братъ, это твое священническое дѣло. Оно—вѣрное и настоящее, христіанское. Да, да, прощать обиды слѣдуетъ врагамъ! Въ Евангеліи это стоитъ. Кошевой батюшка намъ все объ этомъ повторяетъ. А я, грѣшный, все же это не смогу,—и во вѣкъ не прощу Калиновскому. За своихъ буду мстить всѣмъ его и близкимъ и дальнимъ, да ужъ и всѣмъ, рѣшительно всѣмъ панамъ, безъ разбора».—«Кажись, ты ихъ ужъ довольно наказалъ: всѣ имѣнія, весь Брацлавъ разо-

рилъ».—ухмыляясь и подбадривая друга голосомъ и взглядомъ, замѣтилъ Лабода».—«Даже страшно, даже больно мнѣ, панове казаки, слушать ваши рѣчи о личной мести, личной расправѣ, когда гибнетъ Церковь родная, когда врагъ подкапывается подъ устои вѣры нашей православной. Къ Риму, къ іезуитамъ тащатъ русскій народъ. Силятся на вѣки стереть и память о святой, древнѣйшей вѣрѣ восточной. Алтари наши свергаютъ, храмы запираютъ, священникамъ волосы и бороды стригутъ, къ папѣ—латынянину на поклонъ шествуютъ владыки православной нашей Церкви. Страха Божьяго, пониманія правды святой лишились они, нечестивые! А вы все объ отмщеніи личныхъ обидъ шумите!»—съ отчаяніемъ въ голосѣ вырвалось отъ полноты души укоризненное слово кроткаго іерея.—«Эхъ, братъ! Говорю тебѣ,—твое дѣло молиться, прощать. Мое—бить, наказывать».—«Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ!»—сказалъ Господь устами древняго пророка. А ты упрямо толкуешь все о своемъ человѣческомъ мщеніи. Не до него теперь, братъ мой! не до него, Семерый Наливайко!» Уже мощно, повелительно поднялъ голосъ слуга Божій. Его вдохновило слово пророка Господня. Заговорилъ онъ громко, точно даже самъ выросъ.—«Не для семейнаго и твоего личнаго мщенія, а для борьбы съ врагами вѣры встань, казацкій атаманъ!» Слушатели даже привстали.—«Матерь наша», продолжалъ священнослужитель, «Церковь православная обижена, унижена! Латыняне, гордо поднявъ головы, словомъ и дѣломъ гнетутъ ее, кроткую, милостивую, всегда смиренную, молчаливую. Къ святой борьбѣ за неприкосновенность нашихъ храмовъ, обителей святыхъ зоветъ васъ Острожскій державецъ, благочестивѣйшій

князь Константинъ».—«Небось, вспомнилъ ясновельможный и насъ грѣшныхъ, когда нужда пришла!»—не унимался Наливайко. Лабода его даже подъ бокъ толкнулъ. — «Нужда-то общая, церковная», кротко отвѣтилъ ему братъ.—«Вотъ и грамота»,—говорилъ о. Даміанъ,—«что привезъ я отъ него единовѣрнымъ нашимъ братьямъ. Писана она слезами отъ всего его русскаго, любящаго сердца. Призываетъ онъ васъ къ вѣрности Церкви родной, единой, истинной, къ вѣрѣ православной, насажденной въ Іерусалимѣ. Волками называетъ мнимыхъ пастырей, отщепенцевъ, скрывающихся въ овечьей шкурѣ. Вѣритъ князь, что человѣколюбецъ Богъ не попуститъ въ конецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только всѣ мы постараемся пребыть въ христіанской любви и единеніи. О себѣ же говоритъ, что онъ опасается остаться виновнымъ передъ Богомъ и своими братьями по вѣрѣ, если не укажетъ на отступниковъ, явныхъ предателей Церкви Христовой. Противъ нихъ, враговъ нашего спасенія, обѣщается онъ стоять. Молится, чтобы Господь помогъ общими нашими стараніями удержать всѣхъ православныхъ отъ ложнаго пути, куда влекутъ ихъ лжеучители, отвергшіе своихъ пастырей, святѣйшихъ патріарховъ».—Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушали Лабода и Наливайко своего дорогого гостя. О. Даміанъ былъ нарочно посланъ княземъ къ брату-атаману. Зналъ онъ ревность казаковъ къ вѣрѣ предковъ. Понималъ, что только разудалая вольница можетъ, хотя отчасти, оградить униженный, обездоленный русскій людъ отъ полнаго порабощенія окатоличенной Польшей. На добрую почву падали слова скорбнаго іерея. Всей душой, всѣмъ сердцемъ откликнулись гетманъ и атаманъ на княжеское воз-

званіе. Слетѣлись на ихъ зовъ, со всѣхъ концовъ обширнаго Заднѣпровья, изъ всѣхъ куреней, лихіе наѣздники, удалая казацкая вольница. Собралась рада. Въ присутствіи гостя-священника, сообщилъ кошевой атаманъ внимательно слушавшей толпѣ значеніе уніи, объ отъѣздѣ въ Римъ іерарховъ, объяснилъ смыслъ ихъ поѣздки, прочиталъ воззваніе князя Острожскаго.

Поняли казаки, что обижаютъ, насилуютъ, угнетаютъ братьевъ, православный русскій народъ. Какъ одинъ человѣкъ, встала громада, высоко неся свое шелковое знамя. «Миръ христіанству, а на зачинщиковъ Богъ и крестъ»,—читалось на немъ, когда оно развѣвалось впереди безчисленныхъ рядовъ.

Прямо на епископскій Луцкъ двинулся Наливайко. Здѣсь жили сторонники, слуги Терлецкаго, главаря и заправилы уніатскаго движенія. Пока онъ унижался безцѣльно въ Римѣ, отрекался отъ догматовъ восточной Церкви, у него на родинѣ, ея ревностные дѣти, запорожскіе казаки, разоряли добро предателя, громили городъ, чуть-что не до основанія. Перепуганная польская шляхта бѣжала во всѣ стороны, куда глаза глядятъ. Православный же людъ восторженно шелъ на встрѣчу своимъ покровителямъ. Сотнями примыкали къ казакамъ угнетенные слуги католиковъ-пановъ. Составились цѣлые отряды подъ предводительствомъ особо выбранныхъ атамановъ. Пройдя Волынь, Наливайко отправился въ Бѣлоруссію. Слуцкъ подвергся участи Луцка. Его владѣлецъ Іеронимъ Ходкевичъ не успѣлъ принять никакихъ мѣръ обороны. Городъ, замокъ, все добро католиковъ было разграблено до тла. Какъ духи мщенія, носились казаки, уничтожая собственность поляковъ-латынянъ.

Отецъ Даміанъ благословляетъ казаковъ. *(Къ стран. 136).*

Пробовали оградить отъ нихъ Могилевъ, но напрасно. 30 ноября городъ былъ взятъ приступомъ. Пока казаки грабили польское добро, подоспѣлъ отрядъ королевскихъ войскъ и зажегъ городъ со всѣхъ сторонъ, думая задушить въ пламени тѣхъ, кто такъ настойчиво мѣшалъ ихъ религіознымъ махинаціямъ. Прорвались храбрецы, разбили противника, разумно не дождались главныхъ силъ, шедшихъ на нихъ подъ предводительствомъ Радзивилла, и повернули снова на Волынь, гдѣ стоялъ Лабода со своимъ войскомъ.

Туда за ними, все увеличивая ихъ ряды, ринулись ужъ не только православные, не только католики-рабы, утекавшіе отъ невыносимаго гнета пановъ-католиковъ, но и обиженная шляхта, недовольная слишкомъ стѣснительными порядками, безмѣрными поборами. По дорогѣ на юго-западъ Наливайкѣ сильно захотѣлось досадить родственникамъ Терлецкаго, пограбить Пинскъ, гдѣ, какъ носились слухи, были схоронены его сокровища.

Темная ночь спустилась надъ станомъ. Спятъ удалые молодцы. Успокоились, послѣ свалки и длиннаго спѣшнаго перехода. Знаютъ казаки, что имъ нечего бояться нечаянной атаки. Внимательно разставлены часовые. Зорко бодрствуютъ за нихъ также куренные и кошевые атаманы. Не смѣютъ они ослушаться наказа Наливайки, не посмѣютъ опустить хотя одно изъ его распоряженій. Тихо въ станѣ, ни шороху, ни огонька,—точно вымерло поле, точно нѣтъ живыхъ людей на всемъ пространствѣ. Только изъ ставки самого Наливайки слабо пробивается свѣтъ отъ ночника, только въ откинутой палаткѣ слышится едва уловимый шепотъ. Бодрствуетъ лихой атаманъ за своихъ боевыхъ товарищей, о судьбѣ и благѣ ихъ

думу крѣпкую думаетъ, словомъ рѣдкимъ съ сосѣдомъ перекидывается.—«Ихъ тянетъ на югъ»,—слышался его голосъ.—«Воля твоя, атаманъ, а Пинскъ надо пугнуть»,—отвѣчалъ другой голосъ. То былъ Александръ Гулевичъ, изъ знатной православной семьи.—«По дорогѣ до Пинска есть имѣніе Яроша Терлецкаго. Онъ перешелъ въ латынство, очень не мѣшаетъ пообчистить его хуторъ».—«Не хуторъ, цѣлый замокъ выстроилъ! Братъ-епископъ далъ деньги, что взялъ изъ монастырей». — послышался злобный шепотъ. То говорилъ Гедройцъ, православный шляхтичъ, бѣжавшій отъ преслѣдованій подъ защиту казацкой вольницы.—«А большой крюкъ придется сдѣлать?» — живо спросилъ Наливайко. — «У меня въ ставкѣ прикурнулъ Клинъ, здѣшній селянинъ,—онъ знаетъ твердо всю округу и укажетъ намъ, какъ туда пробраться».—«Да развѣ можно довѣрять такъ, спроста, первому бѣглецу?» — осторожно замѣтилъ атаманъ.—«И, не бойся, ничего!» сказалъ Гулевичъ. «Мы такъ ненавидимъ унію и всѣхъ, кто къ ней причастенъ, что готовы умереть, прежде чѣмъ выдать своихъ избавителей».—«Только надо скорѣе дѣйствовать. Завтра Радзивиллъ пойдетъ по нашимъ слѣдамъ,—тогда ужъ не до разгромовъ», былъ повелительный отвѣтъ атамана.

Далеко до разсвѣта сотня удальцовъ, какъ духи, пробиралась по мелкому бѣлорусскому лѣску. Топкая земля заглушала и безъ того осторожные шаги. Гдѣ двигался шажкомъ, а гдѣ и поскорѣе шевелился отрядъ. Впереди въ лаптяхъ и бѣлой зашмареной свиткѣ, какъ ищейка, озираясь и держа носъ по вѣтру, шелъ Клинъ, указывая кратчайшія, безопаснѣйшія тропы и переходы. Какъ будто по-

Наливайко идетъ на Пинскъ. (Къ стран. 139).

несло запахомъ скотины. Точно спросонья, тявкнула собака. Пропѣлъ спозаранку пѣтухъ. Казаки сомкнулись,—некогда было проволакивать время,—и дружно шарахнулись впередъ. Затрещали клены, тополи, а тамъ направо вспыхнулъ заборъ. Красные языки побѣжали кругомъ панскаго двора, задѣвая холодныя постройки, клуни, амбары, скотный дворъ, конюшни, хижины хлоповъ. Понеслись по вѣтру крики, стоны людей, ржанье, ревъ перепуганныхъ животныхъ. Замокъ вспыхнулъ. Казаки хозяйничали, грабя, убивая, уводя въ плѣнъ, унося сокровища ненавистнаго пана, Яроша Терлецкаго. Съ просонья, съ перепуга, никто не могъ сопротивляться. Погромъ былъ полный, добыча огромная. Казаки вернулись веселые, навьюченные большими сокровищами. Одинъ атаманъ чѣмъ-то былъ не то недоволенъ, не то ужъ очень озабоченъ...

Весь отрядъ, отдохнувъ, поободрившись, дружно двинулся на Пинскъ. Клинъ не отставалъ отъ Гулевича и Гедройца. Православный селянинъ всей душой прильнулъ къ единовѣрнымъ дворянину и шляхтичу, и всѣ трое сочувствовали и беззавѣтно готовы были содѣйствовать мести казаковъ за притѣсненія, наносимыя панами православному русскому люду.

—«Слыхать, что въ Пинскѣ у Григорія Крупы схоронены въ тайникахъ сокровища и святыни отщепенца, называемаго епископомъ Луцкимъ», — таинственно передавалъ Клинъ излюбленному своему хозяину. — «Возьмемъ городъ, — возьмемъ и сокровища»,—равнодушно отвѣчалъ Гедройцъ.—«Ну, не говори, паночку. Пинчуки-народъ хитрый, не простой, а Крупа-мѣщанинъ, и не бѣдный, и смышленый».—«Да развѣ ты его знаешь»?—«Какъ не видать! На торгахъ не разъ бывалъ въ Пинскѣ, и дворъ и домъ

Крупы знаю», съ извѣстнымъ уваженіемъ къ городу объяснялъ селянинъ. Немного позади говорившихъ, задумчиво поникнувъ головой, ѣхалъ шагомъ, чуть покачиваясь на своемъ любимомъ иноходцѣ, самъ атаманъ Наливайко. Завидѣвъ Гедройца и шлепавшаго по грязи у его стремени бѣлорусса, онъ хлопнулъ себя рукою по лбу, точно что-то вспомнилъ и рысцой догналъ собесѣдниковъ.—«О чемъ, панове, говорить изволите»?—дружелюбно молвилъ онъ.—«Пинскъ-то вонъ этотъ ужъ очень досконально знаетъ».—былъ скорый отвѣтъ.—«Крупу знаетъ»?—«Григорья-то? Да кто жъ его не знаетъ»?—выпалилъ лапотникъ, вмѣшавшись съ первобытной безцеремонностью въ разговоръ господъ. Атаманъ и шляхтичъ переглянулись и снисходительно улыбнулись.—«Если знаешь хорошо, то, можетъ, и въ домѣ и на дворѣ бывалъ, челядь знаешь»?—точно продолжая рѣчь, допрашивалъ атаманъ. Шляхтичъ удивленно пялилъ глаза.—«Хлоповъ-то у него нѣтъ, челяди не держитъ,—гдѣ ужъ тутъ! А все же есть народъ,—все хорошій, славный, надежный».—«Давно они у него»?—«Давно-о? Всегда у него живутъ, сродственниками приходятся,—свой домъ, такъ онъ ихъ въ немъ и поселилъ».—Гедройца пробирало любопытство. Отрядъ и атаманъ продолжали свой путь. Клинъ не отставалъ и на своихъ привычныхъ ногахъ бодро шагалъ рядомъ съ всадниками.—«Что узнать-то понадобилось»?—не выдержавъ, спросилъ Гедройцъ у Наливайки. Вмѣсто отвѣта атаманъ опять впалъ въ раздумье.—«Говорятъ, у Крупы схоронены сокровища Терлецкаго»,—неожидано выговорилъ онъ.—«Да еще какія! Ужъ я, лишь бы живъ вышелъ, наведу казаковъ прямехонько на всю эту благодать».—«Тихо,

братъ, осторожно,—не шуми»!—мигнулъ Наливайко. И опять задумался, а Гедройца такъ и подмывало.—«Что тебя, атаманъ, такъ донимаетъ, забылъ даже и горѣлку»?—«Забылъ, и вѣрно»!—спохватился храбрецъ и выпилъ залпомъ все содержаніе фляги, болтавшейся за его сѣдломъ.—«У этого отступника», заговорилъ онъ на ухо своему собесѣднику, «припрятаны, какъ я слышалъ, только не навѣрное, два пергаментные документа, на которыхъ написаны его богоотступные приговоры и согласіе нашихъ несчастныхъ братьевъ, скрѣпленные ихъ подписями. Вотъ что надо бы уничтожить, и что они, мошенники, не захотятъ уступить. Имъ не подходяще».—Ни слова не проронилъ изъ рѣчи атамана смѣтливый шляхтичъ.—«Отомстить панамъ, навредить имъ, что силы есть! Тѣмъ живетъ моя шляхетская душа!»—крикнулъ Гедройцъ, грозясь своимъ увѣсистымъ кулакомъ въ сторону Пинска. Точизъ-подъ земли выросъ хлопъ у стремени, вопросительно поднявъ пристальный, смышленый взглядъ.—«Могу служить, паночку»?—такъ и читалось въ его сѣренькихъ мигающихъ глазахъ. Шляхтичъ слегка убавилъ шагъ своего коня, выжидая, чтобы атаманъ отъѣхалъ подальше, и чтобы ряды отряда порѣдѣли; тогда тихошенько, торопливо, началъ онъ переговариваться съ своимъ землякомъ на мѣстномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи, вовсе не понятномъ южанамъ.—«Надо бы пробраться въ Пинскъ, во дворъ Крупы; постеречь, чтобы онъ не увезъ сокровищъ Терлецкаго, припрятанныхъ у него».—«Кажись, ему не успѣть. Казаки-то наши на рысяхъ идутъ»,—раздумчиво говорилъ Клинъ.—«Безъ оглядки нельзя. Пинчуки догадливы».—«Пусти меня, паночку, я къ куму понавѣдаюсь да и обожду тамъ вашего наскока. Въ оба глядѣть

буду, чтобы все сохранно въ ваши руки перешло».—«Можетъ, найдешь кого себѣ еще въ подмогу»?—поставилъ вопросъ Гедройцъ.—«Въ Пинскѣ-то? Да тамъ искони всѣ православные, такъ и наровятъ, какъ бы панамъ-отщепенцамъ отплатить за ихъ грѣхъ».—«Смотри, осторожнѣй»!—«Знаемъ свое родное дѣло,—выправимъ»! И лапотникъ зашагалъ между рядами, точно тѣнь; никого не задѣвая, ни съ кѣмъ не говоря, скользилъ онъ по рядамъ, пробираясь прямыми тропами къ своей цѣли.

Въ ночной тиши, чуть не ползкомъ добрались передовые казаки до воротъ Пинска. Не безъ участія православныхъ, отворились передъ ними, не скрипнувъ, тяжелыя ворота. Впереди атаманъ, дальше Гулевичъ, за ними Гедройцъ, а тамъ,—все больше одинъ за другимъ,—вошли запорожцы. Наконецъ, необычный топотъ заслышали сонные горожане. Проснулся одинъ, другой. Церковный сторожъ ударилъ съ испуга въ било. Залаяли собаки, взвыли съ перепугу женщины и дѣти. Поднялся городъ, сунулись жители къ окнамъ, къ воротамъ. А тамъ ужъ черно-чернешенько. Идутъ все люди чужіе, не татары, да и не свои. Тѣни какія-то, точно потокомъ городъ запружаютъ.—«Ой—ой! Вонъ и крики слыхать. Въ набатъ бьютъ. Вонъ огонь вырвался изъ дальной улицы, съ мѣщанскаго конца»! Казаки набросились на панскія хоромы, на костелы, іезуитскія школы. Съ землей сравняли все инославное, иноземное. На дворѣ Крупы рѣзались во всю. Смышленый мѣщанинъ, вѣрный данному слову, при первой тревогѣ бросился было на дворъ и съ сыновьями и съ племянники.—«Куда»? Его схватилъ за горло Клинъ; тѣхъ скрутили Богъ вѣсть откуда повылѣзшіе земляки.—«Гдѣ епископскія сокровища»?—ревѣли они, наваливаясь на хозяевъ и занося надъ

ними заостренные ножи. Молчитъ старикъ. Измѣна не сходитъ съ языка: все же русскій онъ былъ, по крови. Католичество не могло задушить народной честности. Стонали въ неравной дракѣ пинчуки. Ихъ выдала старуха.—«Бросьте ихъ, милостивцы, отпустите, и безъ нихъ укажу»,—крикнула она и бросилась къ дверямъ. Клинъ-за ней. Пока освобожденный Крупа успѣлъ вскочить на ноги, на дворѣ ужъ показались казаки, впереди атаманъ. Къ его ногамъ притащили хозяйку. Съ перепугу она растерялась, вопила, бросалась во всѣ стороны, сама не зная, что спрашиваютъ, что указать. Еле поняли, что повторяетъ она одно и тоже слово—«колодецъ». Наливайко, Гулевичъ, Гедройцъ, Клинъ бросились туда. Казаки лихо спустились по веревкѣ и начали вытаскивать ящики, погребцы, сундуки. Самъ атаманъ ломалъ и вскрывалъ ихъ одинъ за другимъ. Сыпались къ его ногамъ золото, серебро, камни драгоцѣнные, украшенія епископскихъ облаченій. Все бросалъ онъ вокругъ нетерпѣливой рукой, лихорадочно ища одного,—пергамента! Узкій, длинный ларецъ, самъ по себѣ изящнѣйшее произведеніе европейскаго искусства, разукрашенный венеціанскими художниками, кинулся ему на глаза. Вмигъ полетѣла прелестная крышка, разсыпалась чудная мозаика, а изъ груди казака вырвался радостный крикъ. Онъ держалъ въ рукахъ завѣтные пергаменты. При свѣтѣ разгоравшагося пожара, окруженный своими сотниками, урядниками, читалъ Наливайко подписи отступниковъ. Проклятія, ругань стояли въ воздухѣ. Православное казачество по своему предавало анаѳемѣ отступниковъ Церкви родной, земли русской. Клялись удальцы лечь костьми, спасти родину отъ позорящей ее уніи съ западомъ.

И сдержали свое крѣпкое слово! Большинство легло на поляхъ родной Украйны, защищая православный русскій народъ. Только подвиги ихъ беззавѣтной храбрости, ихъ твердости въ вѣрѣ отцовъ, не сразу принесли драгоцѣнные плоды. Богу угодно было вызвать Москву на защиту восточнаго вѣроученія. Она спасла Украйну, вознаградила казаковъ, открыла имъ свои братскія, надежныя объятья.

Но все это было потомъ, современемъ,—а въ то время, когда Наливайко въ Пинскѣ сжигалъ на кострѣ письменные слѣды измѣны и вѣроломства нѣкоторыхъ нашихъ епископовъ, Рѣчь Посполитая была еще весьма сильна. Она поднималась во всеоружіи регулярныхъ своихъ силъ, подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго, чтобы задушить, истребить ненавистную католикамъ, православную казацкую силу.

Отъ разграбленнаго, испепеленнаго Пинска Наливайко перекочевалъ на Волынь, гдѣ его ждалъ Лабода съ новыми, прекрасно сформированными «загонами». Оба вмѣстѣ встрѣтили Жолкѣвскаго при Чигиринѣ (1596 г.) и разбили его на голову. Хорошо, если бы казацкіе предводители сумѣли во время остановиться, сдержать въ порядкѣ свои силы. На горе себѣ и родинѣ, они сгубили себя, допустивъ грабежъ панскихъ имѣній и мелкія схватки съ незначительными отрядами.

Жолкѣвскій же держалъ строго свои войска. Онъ велъ цѣлые полгода народную войну обдуманно, настойчиво. То онъ билъ и гналъ казаковъ, то они его отбрасывали. Часто ночь заставала враговъ на позиціи. Они зорко стерегли другъ друга, наблюдали и выжидали, какъ бы только подстеречь противника, чтобы во время отбить его ударъ. Кончается ночь, разсѣиваются потемки, зарождается день, — поляки

протираютъ усталые глаза. Глянь-ко-сь, а передъ ними пустая степь! Сгинулъ врагъ, пропали казаки.—«Куда дѣлись»?—въ сердцахъ приставалъ Жолкѣвскій къ плѣнному запорожцу.—«Тільки Богъ Святый знае, што Наливайко думае-гадае»!—былъ загадочный отвѣтъ.

Съ казаками сливали свои отряды православные магнаты,—князя Янушъ Воронцынъ, Александръ Гулевичъ. Самъ Острожскій, хотя и не признавался, однако не могъ не сочувствовать православнымъ борцамъ; но онъ, конечно, не оправдывалъ ихъ отчаянныхъ, разбойничьихъ замашекъ. Къ несчастью, именно онѣ-то и сгубили удальцовъ,—все больше и больше разстраивая внутренній порядокъ казацкихъ отрядовъ. Слабѣло повиновеніе: между вождями возникали пререканія. Разбой отвлекалъ отъ дѣла много хорошихъ силъ. Жолкѣвскій пустилъ въ ходъ разные хитрые пріемы, подливалъ масло въ огонь. Сулилъ массамъ прощеніе, лишь бы выдали вождей.

Таборы остановились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лубенъ, на урочищѣ Солоницы. Жолкѣвскій сумѣлъ ихъ обойти и стиснулъ, какъ желѣзными клещами, своими все прибавлявшимися силами. У казаковъ чувствовался большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Недовольство дошло до такихъ размѣровъ, что Лабоду убили и на его мѣсто выбрали Кремпскаго, а не Наливайку. Новый гетманъ съ своими сторонниками бѣжалъ въ Сѣчь. Жолкѣвскій продолжалъ напирать и еще болѣе усилился съ помощью вновь привезенныхъ пушекъ. Наливайко былъ одинъ среди взволновавшейся толпы. Подстрекаемые извнѣ разными посулами, казаки настолько растерялись, что, поддаваясь внушеніямъ народившихся вожаковъ,

потеряли голову и сдались. А что всего преступнѣе, выдали своихъ старшинъ и во главѣ ихъ самого Наливайку. Дорого заплатили они за столь подлый поступокъ. Поляки, конечно, и не подумали сдержать данныхъ обѣщаній, не дали льготъ. Наоборотъ, казаковъ лишили всѣхъ, какихъ бы то ни было правъ, и подчинили самому строгому начальству, коронному гетману. Храбрыхъ же предводителей, закованныхъ и замученныхъ, повезли въ Варшаву.

Злобно встрѣтили въ польской столицѣ еще такъ недавно страшныхъ враговъ. Всѣмъ имъ отрубили головы на эшафотѣ, при громкомъ одобреніи ликующаго народа... Для Наливайки же приберегли самую ужасную, кровожадную месть. На немъ сторицею выместили свои страхи, убытки, разоренія, нанесенные по городамъ и весямъ католикамъ и уніатамъ. Истязать героя, беззавѣтно преданнаго вѣрѣ отцовъ, жаждали ляхи, подстрекаемые патерами и іезуитами. Ему спать не давали въ его заточеніи. Около него стояли музыканты и били въ литавры, когда его, обезсиленнаго, клонило ко сну. Доканавъ страдальца до полусмерти, палачи вывели его на площадь, гдѣ уже стоялъ на помостѣ, сложенномъ изъ дровъ, огромный мѣдный быкъ, такъ искусно сдѣланный, что, если внутри его посаженный человѣкъ испуститъ малѣйшій звукъ, то послѣдній раздается извнѣ, какъ громкій крикъ. Измученнаго, изнуреннаго героя привели въ назначенный день на площадь. Увидѣлъ быка на кострѣ Семерый Наливайко и понялъ, какую пытку ему приготовили. По православному, истово осѣнилъ себя казакъ крестнымъ знаменіемъ, творя молитву, и безъ заминки влѣзъ въ ужасную машину. Дрова запылали и затрещали. Мѣдь раскраснѣлась...

Но напрасно ждали озвѣрѣлые ляхи воплей мученія. Замеръ, умолкъ на вѣки боецъ за родину и Церковь. Среди адскихъ мученій не забылся удалый казакъ. Не далъ врагу услышать крика страданія, послѣдняго своего мучительнаго стона.

Возстаніе Косинскаго, Лаболы и Наливайки ясно доказало панамъ Рѣчи Посполитой, какая могучая сила—православный русскій казакъ. Поняли они, что съ нею надо очень считаться. Уничтожить православную вѣру, стереть съ лица земли православно-русскую народность — сдѣлалось завѣтной цѣлью польскаго правительства, воспитаннаго и руководимаго іезуитами. Съ этою цѣлью оно объявило всѣхъ Украинскихъ казаковъ хлопами и своими невольниками, а земли ихъ — принадлежащими коронѣ. Въ 1598 г. король Сигизмундъ III приказалъ ввести регулярное польское войско въ Украйну и разставить по городамъ и деревнямъ, при томъ прибавилъ, чтобы всѣ домовитые, семейные казаки принимали обязательно унію. Въ противномъ случаѣ,—грозилъ онъ,—ихъ объявятъ внѣ закона, будутъ считать преступниками передъ королевскою особою и подвергнутъ строгой отвѣтственности. Въ Украйнѣ должно было повториться то, что творилось на Литвѣ. Къ счастью русскаго населенія, на границѣ этихъ чудныхъ плодородныхъ земель, стояли на стражѣ православные казаки—запорожцы! Вольные сыны Россіи, они были всей душой, всѣмъ сердцемъ привязаны къ завѣтамъ дорогой, незабвенной своей родины.

ИСТОЧНИКИ:

Н. Костомаровъ. Историческія монографіи. Т. III.

Бопленъ. Богданъ Хмельницкій. Описаніе Украйны.

П. Д. Брянцевъ. Возстаніе казаковъ на защиту православія и русской народности.

*

Сосѣди - враги.

1587—1595.

ТИХО плещутъ прозрачныя воды старой Балтики. Величаво безбрежное море. Красиво отражаются въ прозрачныхъ волнахъ мачты 24-хъ военныхъ кораблей, стоявшихъ въ Стегеборгской бухтѣ. Пестрая, оживленная толпа шведовъ разсыпалась далеко во всѣ стороны, громоздясь по камнямъ скалистаго берега. Они сбѣжались взглянуть въ послѣдній разъ на своего кронпринца Сигизмунда, старшаго сына короля Іоанна Вазы и его первой супруги Екатерины Сигизмундовны, польской принцессы изъ дома Ягайла. Жаль шведамъ своего безобиднаго добряка-принца. Жаль смотрѣть на слезы царственнаго старца. Горько плачетъ, убивается онъ, разставаясь со своимъ любимцемъ. Знаютъ всѣ, что не на радость провожаютъ его въ Польшу. Не надеженъ, не покоенъ краковскій тронъ. Знаютъ и то, что не единодушны были выборы Сигизмунда. Королева-тетка, вдова Баторія, Анна Сигизмундовна звала своего племянника наслѣдовать побѣдоносному герою. Ей желательно было видѣть на прародительскомъ престолѣ Ягайла послѣдняго

его потомка—Ягеллоновича. Замойскій обѣщаетъ оружіемъ поддержать своего кандидата, побѣдить соперника, австрійскаго эрцгерцога. Ну, а Россія, сердечный другъ Литвы? Именно страхъ передъ этимъ врагомъ и заставилъ католическую Рѣчь Посполитую звать къ себѣ шведскаго наслѣднаго принца.—«Въ единеніи сила», повторяли наши прирожденные соперники, исконные враги, и искали дружбы у шведовъ. Несмотря на племенную рознь народовъ, на обидную для шведовъ уступку Польшѣ части Лифляндіи, на враждебныя отношенія католическаго духовенства къ протестантизму, оба правительства настойчиво стремились къ союзу,—такъ сильна была ненависть къ православной Россіи, особенно послѣ паденія Казанскаго царства и нашихъ удачъ подъ Дерптомъ.

Плакалъ король Іоаннъ Ваза, стоя на кормѣ адмиральскаго корабля. Его руки дрожали, опираясь на плечо дорогого путника.—«Служи своему королевству, изучи его нужды, люби народъ, заботься о бѣдныхъ, притѣсненныхъ, страждущихъ. Это намъ повелѣваетъ Самъ Господь. Помни всегда, что въ дѣлахъ церковныхъ тебѣ самому придется считаться съ протестантизмомъ, когда замѣнишь меня на твоемъ наслѣдственномъ престолѣ. Въ этомъ вѣроученіи много евангельской простоты, добра, заботы о ближнихъ, честнаго отношенія къ обязанностямъ. Не забывай въ Польшѣ, державѣ, вполнѣ католической, усвоенныхъ тобою взглядовъ нашихъ, убѣжденій здѣшнихъ пасторовъ», договаривалъ онъ, понижая голосъ. «Народъ нашъ съ ними солидаренъ! Помни объ этомъ, при твоихъ сношеніяхъ съ польско-литовскими реформатами. Не показывай чрезмѣрнаго смиренія и въ сношеніяхъ съ папою. Человѣку, истинно-христіански настроен-

ному, искренному слугѣ Всевышняго, непристойно употреблять въ письмахъ выраженіе: «цѣлую ноги вашего святѣйшества». Слово «покорность» тоже неумѣстно: мы покорны только Господу Богу. Папѣ довольно писать: «послушный». Не забудь моихъ заботъ о вѣчномъ мирѣ съ русскими. Своевременно переговори объ этомъ съ своими сенаторами, до окончанія срока перемирія. По этому поводу мы могли бы съ тобою свидѣться въ Ревелѣ, Нарвѣ, Гапсалѣ. Русскихъ пословъ вызывай въ Новгородъ, или Псковъ, для переговоровъ съ нашими. Надо обдуманно принять обпція мѣры, чтобы остановить неудобный ростъ восточной сосѣдки. Для Швеціи не менѣе Польши опасна эта православная страна.»

— «Лично я не питаю ненависти къ тихой Московіи», отвѣчалъ мягкосердечный Сигизмундъ, утирая слезы.—«Ты король Польши!» чуть не со стономъ вырвалось у старика. «Ея интересы должны быть тебѣ дороги, понятны. Эти же двѣ одноплеменныя, но разновѣрныя державы не могутъ жить въ мирѣ. Изъ-за русско-литовскихъ земель, на основѣ розни церковной, зародилась ихъ пустячная вражда».—«Народные, земельные интересы тутъ не на первомъ мѣстѣ. Повѣрь мнѣ, отецъ! Мы, скандинавы, благоразумны, москали благодушны, скажу больше,—равнодушны по природѣ, они — прирожденные друзья Литвы. Притомъ согласись, что вполнѣ понятно ихъ желаніе вернуться къ морскому берегу. Не будь Рима, не будь латынскаго духовенства, не было бы между всѣми нами разногласія, вражды, обмановъ, кровопролитныхъ битвъ и горя!» Старику по душѣ были эти рѣчи любимаго сына. А сердце пуще прежняго ныло, разрываясь на части, при мысли, что польскій духъ,

Старикъ не могъ оторваться отъ берега, съ котораго смотрѣлъ на водное пространство, постепенно поглощавшее суда, уносившія въ мрачную даль его сокровище. *(Къ стран. 151).*

вліяніе ксендзовъ и Рѣчи Посполитой искалѣчатъ добрую, миролюбивую душу Сигизмунда, возросшую на полупротестантской, суровой почвѣ Швеціи.

До Кальмора проводилъ шведскій король выбраннаго польскаго короля. Оттуда поплыли корабли дальше на востокъ, разсѣкая лучистыя воды. Юноша не спускалъ глазъ съ родныхъ, угрюмыхъ скалъ, суровой растительности и маленькаго, чистенькаго Кальмора. Старикъ не могъ оторваться отъ берега, съ котораго смотрѣлъ на водное пространство, постепенно поглощавшее суда, уносившіе въ мрачную даль его сокровище. Слезы, одна горячѣе другой, капали съ морщинистыхъ щекъ. Душа неслась за кораблями, рыданія разрывали грудь. Политика, народныя требованія, человѣческая неправда, круговыя ошибки правителей земныхъ причиняли страданія, мученія двумъ любящимъ, взаимно-преданнымъ сердцамъ.

Къ морю, къ его тихимъ, прозрачнымъ волнамъ, гдѣ такъ мирно отражается синее, ясное небо, завистливые люди со злостію, съ остервенѣніемъ не хотѣли пропустить мирный, торговый русскій народъ.

— «Для провоза купеческихъ товаровъ нужна намъ Нарва», толкуютъ москали. Такъ нѣтъ же, не смѣть! И съ окровавленнымъ мечемъ стоитъ образованная Европа и ея христіанскія правительства, не пропуская мирныхъ купцовъ, людей науки, труда, просвѣщенія, вызываемыхъ изъ-за моря нашими царями. Понятно мудрое тяготѣніе собирателей Московскаго царства къ западу, къ Варяжскому морю, къ истоку и устью Невы. Ясна необходимость вернуть родной берегъ. Такъ вотъ нѣтъ же:—«не позвалямъ!» вопитъ Западъ съ высоты католическихъ каѳедръ. Мятутся послушные ему народы, составляются союзы

и крѣпкія рати, одна за другой становятся на стражѣ нашей жизни, нашего умственнаго развитія, образованія, нашего матеріальнаго обогащенія.

Около кроткаго, юнаго Царя Ѳеодора Іоанновича стоялъ мужъ совѣта, дальновидный бояринъ Годуновъ. Онъ понималъ нужды родной земли и, конечно, напрягалъ весь свой умъ, прилагалъ все свое стараніе, чтобы, при первой возможности, вернуть, отнятое шведами еще при Грозномъ Царѣ, наше стародавнее добро, исконный древній путь къ берегамъ Балтійскаго моря. Бориса Годунова, пѣстуна русскихъ народныхъ выгодъ, шведы такъ боялись, что рѣшили итти на всѣ сдѣлки съ Рѣчью Посполитой. Ихъ послы подписали уступку Эстоніи, а старикъ король разстался съ сыномъ и дочерью, принцессой Анной Іоанновной, которую тетка тоже вызвала въ Краковъ.

Въ декабрѣ 1587 года со стѣнъ Данцигской крѣпости увидѣли шведскій флотъ. Онъ несъ отъ хладныхъ скандинавскихъ скалъ къ польскимъ берегамъ залогъ единенія, обоюдной поддержки и,—съ другой стороны,—какъ бы угрозы по адресу Москвы. Тамъ, конечно, не дремали. Еще три года оставалось до конца перемирія между обѣими сѣверными сосѣдками, а нашъ посолъ, думный дворянинъ Игнатій Татищевъ, уже во второй разъ ѣхалъ къ устью маленькой, живой рѣчки Плюссы, близъ Нарвы, сговариваться съ шведскими послами объ условіяхъ мира.

—«Мы согласны его заключить. Верните намъ Нарву, Ямь, Копорье, Карелію, тогда мы поручимся за вѣчный, твердый миръ». Объ этомъ гордые шведы и думать не хотѣли. Они соглашались промѣнять Копорье на Орѣшекъ и на земли за Невою—Сумерскій погостъ. Да вдобавокъ еще жаловались, что мы

тревожимъ Финляндію своими набѣгами. Татищевъ вспылилъ.—«Вы же грабите наши святыни,—волости Валаамскаго монастыря? И на Ладогѣ кто разбойничаетъ»? Шведы отнѣкивались.—«Не грѣшите»! властно заговорилъ нашъ посолъ: «до самой Москвы донесся вопль несчастныхъ православныхъ кореловъ, которыхъ вы въ 1578 году насиліемъ, мученіями заставляли переходить въ лютеранство. Они бѣжали *) на острова, въ нашу святую обитель. Вы преслѣдовали ихъ за монастырскія стѣны. Разграбили храмы, кельи; убивали всѣхъ, кто подъ руку попадалъ. 18 иноковъ, 16 послушниковъ были тогда жертвою вашей свирѣпости. А теперь? Недавно, въ 1581 году, кто, какъ не вы, не ваши безбожныя рати снова разорили, разграбили, сожгли всю обитель? Все до тла уничтожили: церкви, трапезу, кельи, ограду. Все погибло въ пламени. Немногіе только иноки могли спастись, разсыпавшись по лѣсамъ и ущельямъ родного острова»! Шведамъ приходилось молчать. Не говорить же, что ихъ могла необходимость заставить защищаться отъ нападеній монаховъ? И все же, несмотря на полную и очевидимую справедливость нашихъ требованій, они не хотѣли, и на этотъ разъ, высказаться окончательно. Они желали еще третьяго съѣзда пословъ. Но тутъ уже заговорили московскіе бояре. Бояре-совѣтники настойчиво просили Царя рѣшиться на войну.

Борисъ Годуновъ сталъ стягивать полки со всѣхъ концовъ Россіи. Трехсотъ-тысячная армія съ тремя стами пушекъ двинулась на западъ. Бояре, царевичи Сибирскій и Киргизскій, воеводы изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, городовъ и деревень, гдѣ они жили

*) По льду, 20 февраля 1578 года.

на покоѣ, должны были, во исполненіе царской воли, явиться въ назначенный срокъ подъ родныя знамена. Самъ добрый, тихій Государь сѣлъ на коня, возбуждая своимъ присутствіемъ отвагу ратныхъ людей. Сильнѣйшіе морозы того года (1590 г.) не могли сковать ни бодрости, ни рвенія русскихъ дружинъ.

Царица Ирина провожала своего супруга до нашей древней твердыни—Новгорода Великаго. Тамъ Ѳеодоръ Іоанновичъ остановился и, посовѣтовавшись съ ближайшими своими воеводами Борисомъ Годуновымъ и Ѳеодоромъ Никитичемъ Романовымъ, раздѣлилъ свои силы. Однихъ отправилъ въ Эстонію, начертавъ имъ путь до самаго моря. Другихъ послалъ въ Финляндію по дорогѣ къ Або. Самъ же, съ главными силами, двинулся на Нарву. Мы шли свое отбирать и съ перваго же натиска 27-го января взяли Ямь. У Нарвы насъ ждалъ Густавъ Банеръ съ двадцатитысячнымъ отрядомъ. Князь Дмитрій Хворостининъ разбилъ его на голову и отбросилъ за городскія стѣны. Въ глухую ночь, черезъ лѣса и болота бѣжалъ храбрый шведъ, подъ защиту Везенбергской крѣпости, бросалъ людей, оружіе, обозъ, припасы. За нимъ гналась съ гиканьемъ и крикомъ наша азіатская конница, забирая въ плѣнъ и знаменитыхъ предводителей и рядовыхъ борцовъ.

4-го февраля мы обложили Нарву. Шведы бились храбро, крѣпко удерживали даже разваливавшіяся стѣны. Наши не уступали имъ въ отвагѣ, рядами ложились въ проломахъ. Были убиты во главѣ храбрецовъ воеводы Сабуровъ и князь Токмаковъ, дѣти боярскія; бились стрѣлецкіе, мордовскіе, черкесскіе отряды, и все же не могли, на этотъ разъ, вернуть себѣ Нарву. Ночная тьма прекратила сѣчу.

Шведы попросили перемирія,—хотя бы на годъ. Они знали, что наши отряды безостановочно дошли по Эстоніи до самаго Ревеля, въ Финляндіи же стояли подъ Або.

Миролюбивый Государь, обсудивъ вопросъ съ своими совѣтниками, согласился на перемиріе. Намъ отдали Ямь, Иванъ-городъ, Копорье, со всѣми ихъ военными запасами. На съѣздѣ пословъ обѣщали къ концу года передать Нарву съ другими эстонскими городами и Корельскую землю. Наше исконное добродушіе было удовлетворено. Московскій дворъ, народъ, а за ними и вся Россія радостно, въ умиленіи, благодарила Бога за помощь при «изгнаніи невѣрныхъ изъ нѣдръ святой Руси и за возстановленіе алтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III, въ древнемъ владѣніи Ильменскихъ славянъ» *).

Не то чувствовали шведы. Если бы мы не великодушничали, а еще крѣпче ихъ притиснули и продолжали бы громить ихъ безъ передышки, тѣснить до полнаго изнеможенія: тогда, пожалуй, они бы и сдались, безъ разговоровъ, даже на тягчайшія условія. А теперь?—не добитые, они совсѣмъ иначе заговорили. Съ полнымъ недовольствомъ встрѣтилъ король Іоаннъ разбитаго Горна. Осыпалъ его рѣзкими упреками, назвалъ малодушнымъ, договоръ, имъ заключенный, объявилъ преступленіемъ и сразу послалъ свѣжія, многочисленныя подкрѣпленія въ Эстонію. Къ берегамъ же Плюссы отправилъ двухъ надежныхъ вельможъ-намѣстниковъ: Упсальскаго и Вестерготскаго.

Надменно повели скандинавы рѣчь съ послами

*) Никоновская лѣтопись. VII, 333.

Царя. Князь Ѳеодоръ Хворостининъ и думный дворянинъ Писаревъ были крайне удивлены, что, вмѣсто отдачи Россіи Эстоніи, какъ договорился Горнъ, они, побѣжденные, у побѣдителей требуютъ возврата Ями, Иванъ-города и Копорья.

— «Чудно говорятъ они! Можно ли давать имъ вѣру?»—«Пожалуй, лучше вынуть мечь изъ ноженъ»?—«Такое вѣроломство смывается только кровью»!.. слышались удивленные возгласы въ станѣ нашихъ пословъ.—«Копорье, Ямь, Иванъ-городъ отдать?—да развѣ можно намъ на это пойти»? Понеслись эти рѣчи черезъ узенькую Плюссу, услышали ихъ шведскіе воины и, въ полномъ негодованіи на своихъ пословъ, стали перекрикиваться съ нашими. — «Не хотимъ войны!»—«Не нужно кровопролитія!»—«Пусть наши послы откажутся отъ своихъ нечестныхъ запрашиваній»! Пришлось шведскимъ уполномоченнымъ считаться съ честнымъ голосомъ солдатъ. Они спустили тонъ, отступились отъ своихъ требованій и заговорили только о мирѣ, уступая Россіи Корельскую область. Мы упорно требовали Нарвы. Такъ и разошлись, ничего не порѣшивъ. Но дѣло на этомъ не кончилось.—Вѣроломные шведы въ ту же ночь осадили Иванъ-городъ. Къ счастью, на этотъ разъ наши командиры не дремали. Воевода Иванъ Сабуровъ на голову разбилъ врага, сдѣлавъ удачную вылазку. И генералъ Боэ, и самъ герцогъ Зюдерманландскій *) бѣжали безъ оглядки, передъ отчаяннымъ натискомъ горсточки нашихъ удальцовъ! Сабуровъ былъ одинъ: наши главныя силы стояли въ Новгородѣ и поспѣли лишь для того, чтобы увидѣть издали бѣгство враговъ.

*) Будущій король Карлъ IX.

Въ октябрѣ того же года, шведскій принцъ Сигизмундъ, избранный польскій король, отправилъ пословъ въ Москву договариваться о мирѣ съ Польшей, даже о союзѣ противъ турокъ. Бояре заговорили съ панами по хорошему, а тѣ, совсѣмъ уже не къ дѣлу, принялись распинаться за шведскіе интересы. Они стали требовать, чтобы отдали мы шведамъ только что отвоеванныя у нихъ земли и города.—«Да Швеція же не Литва и не Польша»?—удивлялись бояре. «Вашъ король можетъ горевать о неудачахъ, постигшихъ оружіе его родителя. Но въ политикѣ родственныя отношенія царственныхъ особъ могутъ ли имѣть какое значеніе?» Тогда поляки стали предъявлять притязанія на Смоленскъ, точно изъ милости уступая намъ древніе русскіе города: Новгородъ, Псковъ и города Сѣверскіе. «Безъ Смоленска не бывать и миру»! твердили паны.—«Не дадимъ ни деревни Смоленскаго удѣла»! отвѣчали имъ въ тонъ бояре. Безъ конца шли споры, чуть-что не ссоры.

Истощивъ всѣ убѣжденія, Государь созвалъ на совѣтъ духовенство, бояръ, сановниковъ и рѣшился подтвердить еще прежде заключенное въ Варшавѣ перемиріе впредь на двѣнадцать лѣтъ,—только съ новымъ условіемъ, чтобы ни шведы насъ, ни мы шведовъ не безпокоили военными дѣйствіями въ теченіе года. Рѣшено, чтобы Нарву не считать ни шведскимъ, ни нашимъ владѣніемъ; въ титулѣ дѣлалась уступка: поляки не хотѣли считать Царя Ѳеодора Іоанновича великимъ княземъ Смоленскимъ,—мы не признавали Сигизмунда наслѣдникомъ шведскаго престола.

Смерть короля Іоанна Вазы повлекла за собою войну Сигизмунда съ дядей Карломъ за шведскій престолъ. Имъ было не до насъ. Въ 1595 году Карлъ IX

заключилъ вѣчный миръ съ Москвою, уступивъ намъ кромѣ Иванъ-города, Ямь, Копорье, Корелы съ Кексгольмомъ и половину Лапландіи съ городомъ Колой. Царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ, отправляя своихъ воеводъ въ Кексгольмъ, послалъ съ ними и святителя, чтобы утѣшить православныхъ, столько лѣтъ страшно угнетаемыхъ въ Кореліи отъ иновѣрцевъ. Заботливо отнесся Государь къ многострадальной Валаамской обители. 18 ноября, по донесенію боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова про нужду и терпѣніе Валаамскаго монастыря игумена Давида съ братіею, что «учинилось разореніе отъ свейскихъ (шведскихъ) людей ихъ монастырю, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣлъ царскою казною возобновить обитель, устроить въ ней церкви, трапезу, ограду, кельи и предоставилъ монастырю владѣть, по прежнему, вотчиною, рыбными ловлями и угодьями, по жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ» *).

ИСТОЧНИКИ:

Олафъ Далинъ. Исторія Шведскаго государства, изд. 1807 года, переводъ съ нѣмецкаго.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

Д. Иловайскій. Исторія Россіи. Московско-Царскій періодъ.

Изданіе Валаамскаго монастыря: «Валаамскій монастырь».

*) Извлеченіе изъ грамоты Царя Ѳеодора Іоанновича 1598 года.

Тайные ковы Рѣчи Посполитой.

1604 года.

ВЕСЕЛИТСЯ Польша: паны, князья, богатое шляхетство. Особенно довольно молодое поколѣніе. Заключено двадцатилѣтнее перемиріе съ Москвой. Можно покойно пировать, охотиться, прожигать жизнь и здоровье, безъ страха быть отозваннымъ въ походъ. Казакамъ Жолкѣвскій крылья пообрѣзалъ. Татары, турки съ королемъ въ дружбѣ. Со шведами только не лады. Самъ Сигизмундъ, хотя и съ малымъ войскомъ, но все еще стоитъ въ Ливоніи. Не хочетъ уступить дядѣ шведскую корону. Туда проѣхалъ и Сапѣга прямо изъ Москвы. Шведскій вопросъ не государственный, а скорѣе личное дѣло Сигизмунда. Рѣчи Посполитой, пожалуй, даже съ руки, что ему не удалось удержаться на шведскомъ, прародительскомъ престолѣ, слить въ своемъ лицѣ эти двѣ, вполнѣ разнородныя, державы. Даже народъ въ Литвѣ и Польшѣ, прослышавъ о долгомъ перемиріи, сталъ веселѣе: авось, и ему, горемычному, будетъ полегче! По крайности, можно брататься съ роднымъ сосѣдомъ: никто не заста-

витъ враждовать, выставлять людей противъ братьевъ и друзей!

Очень не веселъ только одинъ человѣкъ,—самъ король Сигизмундъ III. Сердитъ онъ на своего собесѣдника, лучшаго друга, Сапѣгу. Договоръ съ Москвой онъ заключилъ и очень выгодный, но не можетъ забыть грубаго пріема восточныхъ варваровъ, схизматиковъ. Все ковы точитъ противъ нихъ. Замышляетъ не доброе, хочетъ Польшу втянуть въ злое дѣло. Обидѣли его дерзкіе неучи, неотесанные дикари—его, кичливаго ляха! А между тѣмъ забылъ онъ, за собой не подмѣтилъ, какъ самъ былъ надменъ и нахаленъ! Какія обидныя слова говорилъ! Царемъ-Государемъ въ грамотахъ писать не хотѣлъ вновь избраннаго, по волѣ народной, Бориса Ѳеодоровича Годунова! За то и москвичи, въ отместку, не титуловали Сигизмунда королемъ шведскимъ. Онъ же, въ глубинѣ души, предпочиталъ родную Швецію строптивой и чужой ему Польшѣ, гдѣ жить приходилось подъ панскимъ самовластнымъ гнетомъ.—«Полноте, ваше величество, останавливаться надъ этой неточностью! Не хотятъ величать королемъ шведскимъ, повеличаютъ и по-инакому. Имъ же хуже будетъ». Сигизмундъ отодвинулъ шашечницу и удивленно поднялъ глаза на собесѣдника.—«Не удивляйтесь, государь, а вникните въ мои слова, обдумайте хорошенько, посовѣтуйтесь съ воеводою *) и съ епископомъ Венедиктомъ **). Пусть они вамъ выскажутъ свое мнѣніе».—«На счетъ чего мнѣ совѣтоваться?» раздраженно спросилъ Сигизмундъ: «что еще придумали въ вашей премудрости?»—«Вернуть подъ вашу

*) Николай Зебжидовскій, краковскій воевода.

**) Венедиктъ Война, епископъ виленскій.

державу и Смоленскъ и Сѣверскую землю безъ пролитія капли крови!»

Не только что удивился, даже разсердился Сигизмундъ. Онъ стоялъ во главѣ войска, ужъ сколько времени, совершенно безуспѣшно въ Ливоніи, а ему таинственно сообщаютъ о возможности земельнаго пріобрѣтенія, даже безъ вмѣшательства вооруженной силы. Въ ставку къ королю вошелъ епископъ виленскій.—«Вотъ легокъ на поминѣ»! обрадовался Сапѣга такъ искренно, что даже забылъ обычай не говорить первому въ присутствіи короля. «А его величество гнѣваться изволитъ на меня, что говорю о мирномъ пріобрѣтеніи московскихъ земель».—«Тише! да тише же спустите голосъ!» поздоровавшись униженно съ Сигизмундомъ, заговорилъ епископъ Война.—«Онъ говоритъ такъ непонятно, а у меня на душѣ такъ тяжело, что, конечно, я могу быть недоволенъ.»—«Ваше величество, успокойтесь, будьте милостивы, выслушайте, въ чемъ дѣло. Оно, дѣйствительно, важно; упустить случая вы сами не захотите, когда все обсудите. Панъ канцлеръ не напрасно былъ въ Москвѣ. Не напрасно вглядывался, вдумывался въ дѣла нашей схизматичной сосѣдки. Дѣло наиважнѣйшее, но и секретнѣйшее: объ немъ не то что говорить, а и думать надо съ оглядкой».—«Не угодно ли, для большей надежности, приказать высказаться пану кастелляну Ходкевичу и кардиналу епископу?»—«Паны уже освѣдомлены? А толкуютъ шопотомъ о таинѣ!» насмѣшливо вставилъ Сигизмундъ.—«Ваше величество, они преданнѣйшіе, умнѣйшіе изъ слугъ вашихъ и своей родины. Они видятъ, что хотя очень еще слабы данныя, но все же они есть и безусловно замѣтны. Отъ того-то, какъ съ слабымъ, еле проби-

вающимся росткомъ, надо обращаться съ этимъ дѣломъ осторожно, тихошенько; облюбовать его, развить, поднять и укрѣпить. Вѣрьте, государь, оно выростетъ во славу нашей церкви, на увеличеніе вашихъ владѣній, на радость нашего главы и покровителя,— святѣйшаго отца, папы». Онъ бы и еще говорилъ, но Сапѣга, схватившись за рукоятку сабли, топнулъ ногой и громко воскликнулъ: «И на погибель этой ненавистной Московіи, съ ея дикими нравами и самодурными боярами!»—«Ну, вотъ! любуйтесь: его тамъ обидѣли, не по чину, вѣрно, поклонились, не повеличали. Не сумѣлъ отъ нихъ ничего добиться, кромѣ 20-ти лѣтняго перемирія да разрыва союза съ волошскимъ воеводою! Вотъ онъ теперь и сталъ ковать булатъ мщенія, придумываетъ разные тайные подкопы, заговоры, бѣды». Король недовольно отвернулся. Епископъ, сердито смотря на Сапѣгу, махнулъ рукой; потомъ придвинулся къ Сигизмунду и попросилъ позволенія осмотрѣть ставку. Тихошенько, осторожно обошелъ ее, внимательно оглядѣлъ внутри, снаружи и только тогда принялся говорить, но и то не поднимая голоса. Сигизмундъ насторожился. И любопытство и что-то въ родѣ страха шевелилось въ его душѣ. Ярко горѣли восковыя свѣчи въ тяжелыхъ подсвѣчникахъ. Въ ставкѣ короля удобно, тепло, даже нарядно, но ему то самому было не по себѣ. Завывалъ вѣтеръ, на дворѣ моросилъ дождикъ. Зналъ Сигизмундъ, что солдатамъ въ палаткахъ и сыро и холодно, но не уходилъ изъ Ливоніи, упорно преслѣдуя свои династическія стремленія. У входа послышались шаги, лязгъ оружія: надежная стража кого-то не пускала. Сапѣга выглянулъ. — «Позвольте, государь, войти! Это свой,— виленскій кастеллянъ Іеронимъ Ходкевичъ».

Подъ вліяніемъ господствовавшей вокругъ таинственности, Сигизмундъ вопросительно поднялъ глаза на епископа. Тотъ закивалъ одобрительно головой, видимо, радуясь приходу сообщника. Пока панъ кастеллянъ здоровался съ королемъ и переглядывался съ товарищами, Сигизмундъ торопливо, но уже и самъ, не поднимая голоса, заговорилъ.—«Они меня хотятъ втянуть въ какую то сдѣлку: хитрятъ, лукавятъ, не договариваютъ.—Вотъ послушайте!» Ходкевичъ сѣлъ противъ короля, всѣ насторожились. Не о дружбѣ, не о мирѣ заговорили мудрые приспѣшники Сигизмунда III. Куютъ они ковы тяжелые, ножи острые; поднимаютъ дѣло темное на Москву-матушку, на Церковь православную. Злобой блестятъ глаза Сапѣги. Хитро переглядываются епископъ и кастеллянъ. Увлеченъ, но и встревоженъ Сигизмундъ. Чуточку нагибаясь въ сторону короля, не возвышая голоса, точно процѣживая слова, заговорилъ Сапѣга:—«Московскій Царь не крѣпокъ на престолѣ». Присутствующіе напряженно вперили глаза на Сигизмунда. Во святая святыхъ его души такъ и хотѣли проникнуть нескромные, любопытные взгляды.—«А развѣ теперь есть правители, которые могутъ сказать: я покоенъ?» спросилъ въ раздумьи польскій король, ни на кого не глядя.—«Годуновъ-то пока еще и самъ не знаетъ, съ которой стороны поднимается на него ангелъ смерти!» замѣтилъ епископъ. «И не подозрѣваетъ, да и предвидѣть нельзя,—не прозорливый же онъ! Все развивающаяся крамола бояръ, направленная противъ него, отвлекаетъ его отъ занятія государственными дѣлами. А гибель-то, какъ призракъ, встаетъ, пока молча, изъ далекой могилы...»—«Призракъ, могила, Годуновъ»... Сигизмунда коробило. «Теперь вошло въ

обычай находить, что король ли, царь, или императоръ,—разъ онъ у власти,—уже тѣмъ самымъ онъ и преступникъ. Кастеллянъ же, или староста, или гетманъ, или воевода,—сейчасъ и измѣнникъ. Да оно, можетъ, такъ и есть!»—точно самъ съ собой говоря, ронялъ слова сумрачный король.—«Не станете же, ваше величество, отвергать, что Годуновъ изъ расчета убилъ законнаго наслѣдника московскаго престола»?—«Данныхъ, чтобы опровергнуть людскую молву у меня, къ несчастью, нѣтъ. Но Годуновъ, этотъ отпрыскъ татарскаго мурзы, слишкомъ уменъ, ловокъ, расчетливъ, чтобы убить ребенка на ступеняхъ трона».—«Убилъ ли, не убилъ ли, теперь не до споровъ. Дѣло въ томъ, государь, что убитый тогда ребенокъ—теперь уже человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ; онъ существуетъ и—хотя еще, конечно, очень шатко, трусливо, осторожно,—уже пробирается на свѣтъ Божій, оживаетъ», все тише, съ разстановкою говорилъ Сапѣга. Королю было, видимо, тяжело. Жалость ли чувствовалъ онъ, отвращеніе-ли, сознавалъ ли, что, дѣйствительно, смута въ Москвѣ отвлечетъ ее отъ союза съ Швеціей и тѣмъ ослабитъ его врага-дядю, короля Карла,—только на его лицѣ ясно читалась тяжелая дума. Ходкевичъ всталъ, подошелъ близко, близко къ креслу короля и внушительно сталъ объяснять: «Надо, ваше величество, пользоваться чужой бѣдой. И не только воспользоваться, но надо еще развить, оформить, осуществить нашъ планъ. Подумайте, вникните въ дѣло! Самъ Годуновъ положительно уменъ, очень уменъ, и пока народъ его любитъ. Сына своего онъ уже образовываетъ по нашему, сумѣетъ и женить на дочери кого-нибудь изъ европейскихъ правителей, кто ему посподручнѣе. Да и красавицу-дочь можетъ удачно

выдать замужъ. Вотъ ужъ у него и связи, и поддержка! Сторицею сумѣетъ Годуновъ заплатить Москвѣ за свое избраніе и славой и могуществомъ. Расцвѣтетъ, заблеститъ враждебный намъ востокъ. Тогда поднимутся и всѣ, единовѣрные съ Москвою, подданные вашего величества. Нельзя ручаться и за Литву. Ея паны, куда ни шло, перебрались на нашу сторону, примкнули къ латынству. А народъ? Охъ-охъ, государь, этотъ упрямый, черный, темный народъ!—Онъ все еще коснѣетъ въ своемъ православіи. Раздуйте призракъ, одѣньте его, дайте форму тому, о чемъ говоритъ Сапѣга».—«Самъ кардиналъ епископъ, Мацѣевскій—и тотъ занятъ этимъ»...—«Призракомъ»?—съ насмѣшливой улыбкой вопросительно досказалъ король.—«Выслушайте, ваше величество, мои доводы, что это не призракъ, не игра моего воображенія; и тогда вы, навѣрное, согласитесь, что прямая выгода королевства создать свару и тѣмъ погубить опаснаго сосѣда».

Сигизмундъ кивнулъ одобрительно головой, облокотился на столъ и закрылъ глаза ладонью,—ему такъ надоѣли прикованные къ нему взгляды собесѣдниковъ.—«Извѣстно всему міру», началъ рѣчь Сапѣга: «что, несмотря на умъ, на старанія, новому московскому Царю не удалось вызвать къ себѣ доброжелательства родовитаго боярства. Простить Царю не могутъ они его худородства! Мысль досадить Борису, страху нагнать, выставить ему, какъ угрозу, хотя бы и тѣнь прирожденнаго наслѣдника престола,—стала соблазнительна мстительнымъ боярамъ. Года убитаго царевича всѣмъ извѣстны. Найти подходящаго, смышленаго ребенка, воспитать его въ сознаніи своего царственнаго происхожденія—было дѣло, хотя риско-

ванное, но вѣрное. На него-то и рѣшились злобные бояре. Кто изъ нихъ былъ особеннымъ покровителемъ мальчика,—точно незвѣстно. Только помнится, что въ Москвѣ мои посольскіе люди очень были заняты однимъ русскимъ юношей,—начитаннымъ, любопытнымъ. И онъ съ ними и они съ нимъ охотно о многомъ говорили. Онъ дѣлалъ какіе-то намеки. Съ нимъ приходили и монахи, поддерживавшіе его странные разсказы. Тогда много толковъ ходило объ Угличскомъ грѣхѣ. Ну, наши-то посольскіе и любопытствовали, какъ я ни строжилъ». Сигизмундъ изъ-подъ руки покосился на разсказчика.—«Конечно, ясновельможный панъ самъ не слышалъ московскихъ толковъ? Они его не занимали»? Сапѣга не смутился; онъ рѣшилъ довести разсказъ до конца.—«До меня, по пріѣздѣ сюда, дошли слухи, что у князя Адама Вишневецкаго и его свояка, пана Мнишка, не только объявился русскій царевичъ, сынъ Грознаго царя, но что онъ толково разъяснилъ панамъ, какимъ чудомъ былъ спасенъ, какъ Богъ хранилъ его и привелъ къ добрымъ и надежнымъ людямъ, которымъ онъ и открылъ свое происхожденіе».—«А умные, опытные паны такъ сразу взяли да всему и повѣрили?»—насмѣшливо спросилъ король.—«Не сразу, ваше величество, не сразу», вразумительно продолжалъ канцлеръ, стараясь не раздражаться. «Услыша, во всякомъ случаѣ, поразительную вѣсть, я самъ полетѣлъ на Волынь къ князю, въ его замокъ Висневецъ, прихвативъ съ собою и одного бѣглаго москвича, Юрія Петровскаго. Зналъ я, что на своей родинѣ онъ слыхалъ о розсказняхъ про прирожденнаго царевича. Чтобы самому, по возможности, провѣрить правдоподобность этихъ слуховъ, я приказалъ прихваченному москалю осторожно при-

сматриваться, прислушиваться да мнѣ все и передавать.—Какое! Куда! Ужъ какъ и гдѣ они прежде того знались, это покрыто тайной, только при первой же встрѣчѣ мой холопъ повалился въ ноги тому, кого громко называлъ своимъ царевичемъ Димитріемъ Іоанновичемъ. И тотъ тоже заплакалъ, признавши въ бѣглецѣ чуть-ли не холопа изъ Углича. Всѣ умилялись, всѣ вѣрили! Я же настойчиво и подробно допрашивалъ называвшаго себя царевичемъ. Онъ положительно даровитый, ловкій, ученый. Не поскупились, видно, на его образованіе! Да, видимо, онъ и самъ много читалъ, знаетъ, помнитъ, вѣритъ въ свое царское рожденіе, вѣритъ въ свою счастливую звѣзду»! Сигизмундъ отодвинулъ свое кресло.—«Что-о»? спросилъ онъ удивленно. Ему становилось совсѣмъ не по себѣ: такъ легендарно, подробно и образно вели разсказъ его гости! Такъ странна, необычна была ихъ рѣчь въ шатрѣ, среди лагеря, въ полѣ, на границѣ Ливоніи! Никакъ не укладывались и не связывались въ умѣ короля двѣ мысли—съ одной стороны, о страшной опасности, грозившей сосѣднему государю, съ другой—о возможности, ему самому извлечь изъ этого выгоды, да еще какія! Онъ хотѣлъ разъяснить себѣ загадочный вопросъ и уже живѣе сталъ разспрашивать.—«Какое же намъ-то до всего этого дѣло»?—«Да, вѣдь, юноша-то увѣренъ, что онъ и есть самый убитый царевичъ»?—«Убитый царевичъ однако-же воскресаетъ на глазахъ тѣхъ самыхъ бояръ, которые удостовѣряли, что онъ, дѣйствительно, убитъ и убійцы царевича, вѣдь, казнены! Нѣтъ, это вправду невѣроятно»!—«Да намъ-то нѣтъ дѣла до невѣроятности»!—кипятился Сапѣга. «Въ Московіи идетъ уже переполохъ. Тамъ не спрашиваютъ, не допыты-

ваются, а просто сразу испугались».—«Ясно, въ этомъ дѣлѣ видно предопредѣленіе»! въ волненіи выговорилъ епископъ. «Не упускайте случая, ваше величество, поддержите призракъ раздора на Москвѣ! Помогите воскресить хотя воображаемаго законнаго царя! Онъ же, видимо, идетъ на сдѣлку, рвется быть нашимъ по вѣрѣ».—«Какъ?—православный царевичъ рвется быть нашимъ? Зачѣмъ? Что за низость»! отчеканилъ Сигизмундъ. Вся его врожденная порядочность возмутилась при этихъ словахъ.—«Государь, молимъ мы васъ, всѣ трое, дослушайте дѣло до конца. Не гнѣвайтесь, не возмущайтесь, вникните въ сущность происходящаго. Мы уполномочены и кардиналомъ-епископомъ и самимъ ясновельможнѣйшимъ нунціемъ молить васъ всмотрѣться въ этотъ черный призракъ, распускающій свои зловѣщія крылья надъ тономъ Годунова!» Сигизмундъ перекрестился, поморщился.—«Счастливая звѣзда привела его во владѣнія вашего величества»,—замѣтилъ Ходкевичъ.—«У меня миръ только что заключенъ съ Москвою и ѣдутъ въ Вильну Борисовы послы; необходимо этотъ призракъ съ черными крыльями водворить во свояси», точно отдалъ приказъ Сигизмундъ. На минуту опѣшили царедворцы.—«Нельзя грѣха брать на душу и идти противъ предопредѣленія свыше», рѣшительно возвысилъ голосъ епископъ.—«Владыка правъ, государь», поддержалъ Сапѣга.—«Для блага вашего престола, надо употребить всѣ усилія, чтобы зарождающееся затрудненіе сосѣдей выросло въ грозную тучу, внесло раздоръ, смуту, междоусобицу и вызвало полное приниженіе нашего прирожденнаго врага, схизматической Московіи! У васъ въ рукахъ всѣ нити».—«Да за Москву-то стоитъ вся Украйна, Сѣчь

Запорожская, и все единовѣрное и однородное населеніе»!—«О, конечно! Все поднимается,—но за прирожденнаго, чудомъ спасеннаго царя! Поднимается все противъ убійцы, похитителя».

«Что вы ни говорите», подумавъ, съ разстановкой выговорилъ Сигизмундъ: «душа не лежитъ къ этому человѣку. Но...» Тутъ у всѣхъ даже дыханіе захватило: вотъ-вотъ, что-то скажетъ, какое вынесетъ рѣшеніе король.—«Признаю ваши доводы и признаю полезнымъ для Польши дѣломъ—участіе ея въ московской смутѣ. Вижу, конечно, опасность въ ростѣ, укрѣпленіи схизматической сосѣдки. Кончится тѣмъ, что и югъ и сѣверъ сольются въ одинъ родной, безбрежный потокъ, который зальетъ и сосѣдей. Все это такъ, но только поддерживать безроднаго человѣка не достойно нашего государства! Это унизительно»!

Чувствуя, что, все же, Сигизмундъ поддается, епископъ вкрадчиво, чуть-чуть ласкательно заговорилъ: «Государь, вы только позвольте намъ дѣйствовать, не запрещайте! Рѣчь, пока, идетъ о тайной помощи. Онъ, этотъ кандидатъ въ московскіе цари, помимо насъ идетъ на встрѣчу всѣмъ нашимъ лучшимъ вожделѣніямъ. Сознается въ искреннемъ желаніи преклониться передъ нашимъ святѣйшимъ отцомъ-наставникомъ, главой католическаго міра. Признаетъ правоту нашего вѣроученія».

Въ свою очередь, Сигизмундъ посмотрѣлъ проницательно на Сапѣгу.—«И что же? Эти всѣ прекрасныя мысли и чувства родились у него сами собой?» Ходкевичъ скорешенько отвѣтилъ: «Конечно! Бояре же именно и воспитали и развили его умъ, чтобы опереться на него при разладѣ съ Годуновымъ! Онъ же самъ ужъ, видимо, многому послѣ научился на роди-

нѣ, и теперь, во все охотно вдумывается, всматривается, знакомится съ нашимъ духовенствомъ, съ ученіемъ нашихъ богослововъ. Онъ, по моему, отлично понялъ выгоду дружить съ нами, даже сдѣлаться послѣдователемъ нашего католическаго вѣроученія».—«Увидите, государь!» воскликнулъ Сапѣга, «онъ сдѣлаетъ для Московіи то, что Ягайло сдѣлалъ для Литвы!»—«Если намъ приложить стараніе, извлечь пользу изъ сосѣдняго несчастья, то, конечно, надо поставить дѣло на духовную почву. Пусть отцы іезуиты, всегда умѣлые, готовые служить своей церкви, ведутъ смуту на московской землѣ. Дѣло же пановъ и мое—извлечь изъ всего этого, какъ можно, больше пользы королевству», закончилъ Сигизмундъ и, вставъ, отпустилъ своихъ совѣтниковъ.

«Ну, отвоевали!» шепнулъ Сапѣга своимъ друзьямъ, когда они почтительно, подобострастно простившись съ королемъ, спѣшили выбраться изъ стана.—«Тише, тише, не спѣши, князь!» заговорилъ епископъ.—«Самое трудное впереди. Онъ ѣдетъ въ Вильну, тамъ приметъ пословъ Годунова; за ними надо зорко смотрѣть, чтобъ чего не стряслось».—«И ты и я не промахнемся! А Іеронимъ пусть летитъ къ Вишневецкому и скажетъ, что наша взяла. Не сразу, а все же согласился король,—боролась въ немъ кровь благочестивыхъ Ягеллоновъ съ шведскимъ благоразуміемъ. Теперь надо этого принца крови оборудовать.»—«Погоди, не торопись,—онъ отъ Мнишка не уйдетъ! У насъ же, кромѣ наѣзда пословъ въ Вильну, есть еще враги, и пресильные! Съ Замойскимъ Мнишекъ такъ и не могъ сговориться. Всѣ силы напрягалъ,—напрасно! Ясновельможный клеймитъ нашу затѣю; не стѣсняясь, порочитъ дѣло да и насъ са-

михъ», грустно сообщалъ Ходкевичъ своимъ друзьямъ.—«Замойскій не одинъ», поддержалъ епископъ. «Оба Острожскіе князя, отецъ и сынъ, встаютъ открытыми противниками дерзкаго, какъ они говорятъ, предпріятія».—«И гетманъ Жолкѣвскій направляетъ свои мысли туда же, за ними ихъ рѣчи повторяетъ».—«Извѣстно, дѣло не легкое, даже опасное,—будемъ смотрѣть въ оба!» закончилъ Сапѣга. — «За насъ братья - іезуиты, нунцій, самъ папа. Наша возьметъ! Пусть только Мнишекъ съ своей семьей хлопочутъ. Вѣдь, себѣ же счастье подготовятъ!»

Закипѣла интрига въ роскошномъ Самборѣ. Дѣйствительно, вся семья Мнишекъ и родственники ихъ—князья Вишневецкіе—стали ухаживать за своимъ, теперь царственнымъ, гостемъ. Іезуиты и женщины совершенно околдовали и безъ того податливаго юношу. Летали гонцы за гонцами. Писались письма, давались совѣты. Самборъ сносился съ Краковомъ. Оттуда все пересылалось въ Римъ. Не оставаться же папѣ Клименту VIII въ сторонѣ, когда зрѣла возможность распространенія и на Восточную Русь той уніи церквей, которую изъ-подъ палки навязывали бѣднымъ русскимъ подданнымъ польской короны!

— «Димитрій—молодой человѣкъ съ хорошей выдержкой, смуглымъ лицомъ и большимъ пятномъ на носу, противъ праваго глаза; бѣлая, продолговатая кисть руки указываетъ на его высокое происхожденіе; онъ смѣлъ въ рѣчахъ, а въ его поступкахъ и манерахъ отражается, по-истинѣ, что-то великое».

— «Ужъ хоть со мной то бы кардиналъ Рангони не хитрилъ»! говорилъ самъ себѣ папа, читая письмо изъ Кракова, «что бы тамъ они мнѣ ни расписывали, а умъ положительно отказывается вѣрить и призна-

вать въ этомъ господинѣ чудесно спасеннаго сына Грознаго московскаго Царя. Въ такомъ случаѣ надо признать обманъ, невѣроятный обманъ, длившійся столько лѣтъ, при зоркомъ, умномъ Годуновѣ... Лишь бы Рангони не ошибся въ умѣлой изворотливости, стойкости выдвинутаго имъ кандидата! Намъ надо его подолѣе попридержать на полуазіатскомъ-то московскомъ престолѣ, пока наши братья - іезуиты не укрѣпятся вездѣ, гдѣ теперь раздается служба Божія по восточному обряду». И онъ принялся строчить инструкціи своимъ послушникамъ въ Краковѣ.

Къ нему, въ открытыя настежь окна, широкой волной приносилъ теплый, южный вѣтерокъ благоуханія чудныхъ ватиканскихъ садовъ. Заходящее солнце посылало свои послѣдніе лучи, и Божій міръ,—прекрасный, ласковый, свѣтлый,—во всей своей чарующей красѣ внятно говорилъ о любви, правдѣ, примиреніи. Но чужды были эти чувства фанатикамъ римскаго закона. Надъ утонченными ухищреніями, тайными подкопами, заговорами, работали ихъ умныя головы, черствыя сердца, черныя души. Вполнѣ подготовивъ почву, паны покровители повезли, наконецъ, своего ставленика къ Сигизмунду.

Пышно встрѣчала польская знать нашего мнимаго царевича. На роскошные пиры къ Мнишку и Вишневецкому собиралось все блестящее польско-литовское общество. Много толковъ и пересудовъ ходило по городу, но, все же, правительство оставалось въ сторонѣ. Не сразу даже согласился Сигизмундъ принять гостя своихъ подданныхъ пановъ. Видимо, на него вліялъ честный Замойскій, несмотря даже на просительныя письма къ нему мнимаго царевича. Наконецъ, партія заговорщиковъ взяла верхъ. Насталъ день торжественнаго

представленія, плодъ усердныхъ стараній духовенства и пановъ съ папскимъ нунціемъ во главѣ.

Жители Кракова видѣли, какъ раззолоченная колымага сендомірскаго воеводы, окруженная пѣшими и конными тѣлохранителями, торжественно прослѣдовала въ королевскій замокъ. Золотомъ и драгоцѣнными каменьями блестѣлъ нарядъ пана Мнишка и его нареченнаго зятя. Съ поклонами проводилъ ясновельможный имъ же созданнаго кандидата на московскій престолъ до самыхъ дверей королевскихъ покоевъ. Въ пріемной, кромѣ Рангони, около короля находился вице-канцлеръ, надворный маршалъ, королевскій секретарь да виленскій епископъ Война. Въ шляпѣ, съ горделивой осанкой, опираясь на маленькій столикъ, стоялъ король польскій и великій князь литовскій. Молча протянулъ онъ руку тому, кого въ душѣ считалъ и чернымъ призракомъ и ловкимъ обманщикомъ. Но Ватиканъ, но духовникъ патеръ Борщъ, но вліятельные паны?.. Ничего не подѣлаешь противъ натиска соединенныхъ силъ духовенства и панства! Пришлось подчиниться и Сигизмунду! Вооружась благоразуміемъ, король сталъ слушать сначала совсѣмъ невнятную рѣчь нашего мнимаго царевича. Послѣдній благодарилъ Сигизмунда за честь пріема, жаловался на козни Годунова, просилъ помощи, покровительства, чтобы взойти на древній московскій престолъ своихъ предковъ.

Величавымъ наклоненіемъ головы далъ понять прирожденный король, что пріемъ необычнаго гостя конченъ. Пѣстуны польскаго могущества остались одни. Сигизмундъ не скрывалъ ни своей личной антипатіи къ самозванцу, ни многочисленныхъ предупрежденій и просьбъ быть осторожнымъ.

Но искателю русскаго престола король обѣщалъ подтвердить свое рѣшеніе,—т. е., что онъ не будетъ мѣшать фанатичнымъ ксендзамъ и панамъ помогать и войскомъ и деньгами мутителю русскаго покоя, могущества и славы.

Мнимаго царевича позвали снова. Вице-канцлеръ, отъ имени польскаго короля, отвѣтилъ Лжедимитрію, что его величество вѣритъ словамъ просителя, признаетъ его царевичемъ Димитріемъ, намѣренъ, по великой своей милости, дать ему денежное вспоможеніе и великодушно разрѣшаетъ искать не только совѣта, но и помощи у польскихъ дворянъ. Съ низко склоненной головой и сложенными на груди руками выслушалъ Лжедимитрій королевскій отвѣтъ. Никто не видѣлъ злобнаго блеска его глазъ, да никому, пожалуй, и не было дѣла до бѣшенства, клокотавшаго въ душѣ гостя. Онъ ожидалъ другого пріема и болѣе существенной помощи. Прирожденное достоинство Сигизмунда и осторожный тонъ отвѣта до боли раздражили самозванца. Молча поцѣловалъ онъ снова протянутую ему державную руку. Спохватился нунцій и краснорѣчиво благодарилъ Сигизмунда за милость, оказанную злосчастному царевичу. Конечно, за эту находчивость и, вообще, за дѣятельную поддержку Димитрій поспѣшилъ самъ, лично, благодарить нунція.

Краковская чернь на этотъ разъ бѣжала еще съ большимъ любопытствомъ глазѣть на своего ставленика, чудомъ, будто бы, спасеннаго русскаго царевича. Въ кабинетѣ Рангони дѣло шло начистоту. Тамъ искренно радовались удачѣ, разбирали данныя, указывающія на полный успѣхъ впереди. Димитрій горячо благодарилъ, щедро расточалъ обѣщанія относительно будущихъ вознагражденій за оказываемую

уже помощь. Мнишекъ энергично вторилъ будущему зятю. Рангони вычислялъ всѣ услуги католическаго міра, оказанныя пока еще только зарождающемуся свѣтилу.—«Ватиканъ съ сердечнымъ трепетомъ ждетъ обѣщанной награды, сладостной минуты — назвать своимъ любезнымъ сыномъ московскаго царевича»! ласково заключилъ онъ свою рѣчь. Мнимый Димитрій не заставилъ себя упрашивать.

Еще въ Самборѣ часто и подолгу велъ онъ духовныя бесѣды съ мѣстнымъ ксендзомъ Помаскимъ. Искусно подготовленный, начитанный въ книжной премудрости, самозванецъ очень легко велъ разговоры. Не то, чтобы искренно переубѣждался онъ въ превосходствѣ одного ученія передъ другимъ, но, дѣйствительно, усердно вникалъ въ суть католичества, чтобы доказать своимъ покровителямъ, какой онъ будетъ знающій и убѣжденный апостолъ западной церкви, на всемъ необъятномъ пространствѣ русской земли.

—«Устройте мнѣ уединенное свиданіе съ мудрѣйшимъ вашимъ патеромъ», молилъ онъ краковскаго воеводу Зебжидовскаго и прибавилъ: «Только надо сохранять это въ глубокой тайнѣ, потому что къ пану Мнишку является уже очень много моихъ земляковъ, жаждущихъ счастья и славы подъ моимъ скипетромъ. Ихъ ближніе на Руси поддерживаютъ моихъ приверженцевъ. Съ ними, если хочу успѣха, надо считаться; надо пока бережно обходиться съ ихъ прирожденными вѣрованіями».—«Изловчился молодецъ»! подумалъ Зебжидовскій, громко заявляя, что вполнѣ цѣнитъ мудрость этихъ доводовъ. Подъ видомъ дѣлового разговора, пригласилъ онъ къ себѣ Димитрія одного, безъ свиты, и устроилъ свиданіе, вполнѣ секретное, съ искуснѣйшими гово-

рунами,—патерами—Гродзинскимъ и Савицкимъ. Они ловко опровергали возраженія, разъясняли недоразумѣнія нашего начетчика, черпеца. Въ концѣ концовъ онъ призналъ себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, вполнѣ убѣжденнымъ въ ихъ правотѣ и высказалъ твердое желаніе, при первой возможности, ввести унію въ Московскомъ государствѣ. Только хитрецъ промолчалъ о своемъ обращеніи въ латинство. Онъ промучилъ своихъ учителей. Сдался не сразу. Потребовались еще и еще разговоры, убѣжденія, подтвержденія, настоянія. Они происходили уже въ домѣ отцовъ бернардиновъ. Тутъ, за крѣпкими монастырскими стѣнами, подъ сводами монашеской келіи, въ глубокой тайнѣ отъ свѣта и людей, именовавшій себя законнымъ царевичемъ православной Руси изъявилъ желаніе исповѣдаться и причаститься по католическому обряду, въ святые дни наступавшей Пасхи. Тотъ, кто передъ лицомъ всего міра протягивалъ руку къ шапкѣ Мономаха и признавалъ себя отпрыскомъ цѣлаго ряда истово-благочестивымъ православныхъ державцевъ, тайкомъ, обманомъ, переходилъ въ католичество, изстари враждебное и ненавистное всему русскому народу.

—«Ну! наконецъ-то наша взяла»! вырвалось изъ усталой груди патера Савицкаго, когда онъ прямо изъ монастыря входилъ въ покои вдохновителя этой польской затѣи,—папскаго нунція, кардинала Рангони.—«Какъ было дѣло»? съ горячимъ любопытствомъ спрашивалъ Петръ Скарга, знаменитѣйшій краковскій проповѣдникъ, встрѣчая товарища у самыхъ дверей. Въ глубинѣ огромной комнаты, около Рангони, въ нетерпѣливомъ ожиданіи стояли воевода Зебжидовскій и духовникъ короля Сигизмунда, Фрид-

рихъ Барщъ,—все союзники страшнаго дѣла, уничтоженія православія въ Московскомъ царствѣ.—«Покорился, смирился, согласился. Просить причастія по нашему обряду», доложилъ вошедшій, припадая къ ногамъ нунція.—«Онъ уже намекалъ мнѣ, что будетъ просить милостиваго позволенія выбрать именно васъ, отецъ Савицкій, въ свои духовники», сказалъ Зебжидовскій.—«Оно такъ и подобаетъ», подтвердилъ Рангони.—«Надо сознаться, что положительно есть сообразительность, тактъ въ нашемъ избранникѣ»! твердо прибавилъ онъ. «Лишь бы тамъ-то не сплоховалъ, а здѣсь все идетъ, какъ по маслу», подтвердилъ Скарга.—«Онъ очень упорно настаиваетъ на глубокой тайнѣ», заговорилъ Савицкій.—«Видимо, онъ своихъ-то побаивается».—«А ихъ все прибываетъ. Удивительно легковѣрный народъ! Всѣ признаютъ его за своего. Сходство находятъ, что-то припоминаютъ»! насмѣшливо вставилъ Барщъ.—«Очень, видно, ихъ ужъ донялъ Годуновъ», замѣтилъ Скарга.—«Какъ присмотрѣться къ его приказамъ, распоряженіямъ, мѣропріятіямъ,—вполнѣ достойный правитель»!—«Да, да! а вотъ бѣгутъ же сюда, къ неизвѣстному»? разводя руками, сказалъ нунцій.—«Оттого-то самъ онъ такъ и заботится о тайнѣ, чтобы не поколебать эту странно зарождающуюся вѣру въ законность Димитрія», сказалъ Савицкій.

Нунцій задумчиво смотрѣлъ на Барща, точно хотѣлъ прочитать въ глубинѣ души его сокровенныя мысли. Тотъ, подумавъ съ минуту, заговорилъ, обращаясь къ Скаргѣ.—«Чего лучше — воспользуйтесь обычаемъ вашего братства Милосердія и проведите незамѣтно, по нашимъ улицамъ, своего ученика, подъ видомъ нищаго, въ храмъ св. Варвары,—онъ же при-

надлежитъ къ нашему ордену. Врядъ-ли москалямъ извѣстенъ нашъ обычай переодѣванія. Во всякомъ случаѣ, въ нищемъ они никогда не признаютъ своего будущаго Царя».—«Идетъ»! воскликнулъ Зебжидовскій.—«Вы, патеръ, геніальны! Позвольте крѣпко пожать вашу руку. Въ Страстную субботу, царевичъ и я пойдемъ по улицамъ Кракова, протягивая руку, прося милостыню у нашего благочестиваго народа.»—«Только не выдайте себя какимъ-нибудь необдуманнымъ движеніемъ», строго замѣтилъ нунцій.—«Чего же такъ ужъ особенно бояться вашему преосвященству»? хорохорясь, отвѣчалъ Зебжидовскій.—«Мнѣ страшно молчаніе Москвы. Не передъ бурей ли затишье? Ну, какъ сорвется наше дѣло»? вздыхалъ Рангони.—«Будемъ осмотрительны до его провозглашенія. Будемъ осторожны, пока онъ, во главѣ всѣхъ недовольныхъ всей Украйны и казаковъ, не поднимется народа заступиться за кровь Мономаха».—«А очень любопытно было бы знать, чья именно кровь-то течетъ въ жилахъ этого безусловно умнаго, ловкаго малаго»? точно про себя, углубленный въ тяжелую думу, говорилъ Рангони, вглядываясь въ дальній уголъ темнѣвшаго уже кабинета.—«Какая бы ни была кровь, ваше преосвященство, а онъ, этотъ царевичъ Димитрій, будущій Царь Москвы,—твореніе вашихъ рукъ, вашей премудрости. Возсядетъ онъ на русскомъ, какъ говорится у нихъ, златокованномъ престолѣ и приведетъ, благодаря вамъ, своихъ послушныхъ подданныхъ въ единеніе съ апостольскимъ престоломъ святѣйшаго папы».—«Лишь бы не пролилъ онъ ужъ слишкомъ много крови», вздохнулъ Барщъ.—«Ну, безъ этого не обойдется», даже весело сказалъ Зебжидовскій, откланиваясь нунцію.

Тотъ закрылъ лицо рукою; казалось, онъ плакалъ, и все же благословилъ своихъ соучастниковъ на обманное и насильственное дѣло.—«Кто онъ? кто онъ? какъ бы провѣдать, разузнать»? шепталъ Скарга Барщу.—«Воевода, вѣдь, сказалъ, что онъ—созданіе кардинала—съ меня и довольно».—«А мнѣ такъ даже завидно, что Савицкій выбранъ исповѣдникомъ».—«Ничего не подѣлаешь, самъ рѣшилъ».—«Самъ! все самъ! Мнѣ же думается, что и ничего—то не онъ, а Мнишекъ и Вишневецкій орудуютъ, да и тотъ же Зебжидовскій помогаетъ. Чѣмъ чаще слышу, «самъ да самъ», тѣмъ тверже убѣждаюсь, что все они одни и дѣйствуютъ».—«Такъ, по-вашему, выходитъ, что онъ-то самъ неодушевленный предметъ, что ли»?—«Одушевленъ настолько, чтобы слушаться безъ разсужденій».—«Какъ же можетъ не слушаться новичекъ? По моему, все идетъ, какъ нельзя лучше, и я постараюсь быть въ храмѣ, молиться въ великій часъ побѣды нашей надъ врагомъ».—«Аминь»! былъ глухой отвѣтъ Скарги. Онъ завидовалъ Савицкому, а—кто знаетъ?—можетъ быть, охотно всталъ бы и на мѣсто Барща, королевскаго духовника.

Сумерки уже совсѣмъ спустились на улицахъ Кракова.

Народъ сновалъ, торопясь скорѣе разойтись по своимъ домамъ. Никто не замѣчалъ смиренныхъ патеровъ; никому и въ умъ не приходило, что эти двѣ тѣни были могучими двигателями судебъ цѣлыхъ государствъ. Народъ былъ вполнѣ чуждъ ихъ происковъ. Вельможная знать, хотя и очень любопытная, смотрѣла, конечно, со стороны на ихъ дѣйствія, но не вмѣшивалась пока въ дѣла какого-то неизвѣстнаго выходца изъ Московіи. Дѣйствовали агенты Рима,

братья ордена іезуитовъ, тогдашніе рѣшители судебъ земель и народовъ. Они позаботились обставить посѣщеніе храма св. Варвары всевозможными предосторожностями, когда, въ Страстную субботу 1604 года, подъ его мрачные своды вошли, склонивъ голову, кичливый панъ Зебжидовскій и его товарищъ, мнимый московскій царевичъ. Въ нищенскихъ рубищахъ смиренно стали они у порога. Димитрій во всѣ глаза смотрѣлъ на необычную обстановку. Среди церкви лежало на возвышеніи восковое изображеніе Христа, обвитое пеленами, на четырехъ углахъ виднѣлись колѣнопреклоненные монахи. Они шептали молитвы, перебирая въ тактъ пальцами костяныя четки. Тускло горѣли темныя восковыя свѣчи. Жутко въ пустомъ, холодномъ, молчаливомъ храмѣ. Чуть-слышно щелкнуло окошечко въ одной исповѣдальнѣ. Лжедимитрій сбросилъ рубище и двинулся нерѣшительнымъ шагомъ на этотъ звукъ. Лихорадочная дрожь пробирала юношу. Молящіеся чернецы навострили уши. Необычные шаги раздавались подъ сводами. Какъ будто непривыкшій къ шепоту голосъ неумѣло отвѣчалъ исповѣднику. Длилась бесѣда,—то повышался шепотъ, то опять пропадали звуки. Напрягаютъ, что есть силы, свой слухъ любопытные монахи, руки не шевелятся болѣе, не перебираютъ четокъ.— Ой-ой! какъ-будто и не родная рѣчь послышалась»? еле шевеля губами, одинъ монахъ другого спрашиваетъ.—«Кто бы это»?—«Савицкій самъ прошелъ въ исповѣдальню». Еще ниже склонились головы, еще чаще зашевелили костяшками четокъ исхудалые пальцы.

Тяжело поднялся съ колѣнъ иноземецъ. Въ раздумьи постоялъ около исповѣдальни и тяжелой по-

ходкой, точно неся пудовую ношу, побрелъ, низко-пренизко склонивъ свою чуточку курчавую голову. Косились, косились монахи, всѣ глаза перекосили и все же не смѣли повернуть головы, не смѣли шевельнуться: такъ строго было монашеское послушаніе, такъ боялись низшіе братья высшихъ, старѣйшихъ, особенно Савицкаго! Посмотрѣть же было на что. Съ церковныхъ хоръ кубаремъ слетѣлъ другой нищій; обнимая и цѣлуя, онъ горячо поздравлялъ своего собрата, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень почтительно помогалъ ему хорошенько закутаться въ прежнія рубища. Потомъ оба вмѣстѣ, осторожно оглядываясь, вышли на церковну́ю паперть и смѣшались съ уличной толпой.

Въ тѣ времена, благочестивые поляки, особенно польки, преусердно посѣщали въ теченіе Страстной недѣли всѣ костелы. Молились, каялись, постились и раздавали щедрыя милостыни многочисленнымъ нищимъ, калѣкамъ, странникамъ, слонявшимся по улицамъ. Нарядныя, веселыя польки пытливо заглядывали въ лица всѣмъ оборвышамъ, протягивавшимъ не всегда закорузлыя руки, для полученія милостыни. Въ 1604 году, кромѣ нищихъ, общее вниманіе привлекало множество москалей да казаковъ, любопытно бродившихъ по улицамъ Кракова. Они, чуть не толпами съѣхались къ своему царевичу, гостю, по ихъ понятіямъ, польскаго короля, и теперь расхаживали да засматривались на жилища, церкви, церемоніи, обычаи и процессіи чуждыхъ имъ ляховъ.

Никому изъ довѣрчивыхъ сыновъ православной Руси не могло и во снѣ присниться, пригрезиться, не только что на яву предъявиться, что—за адскій планъ замыслили относительно несчастной Россіи хитрые іезуиты и послушное ихъ орудіе—Лжедимитрій. По-

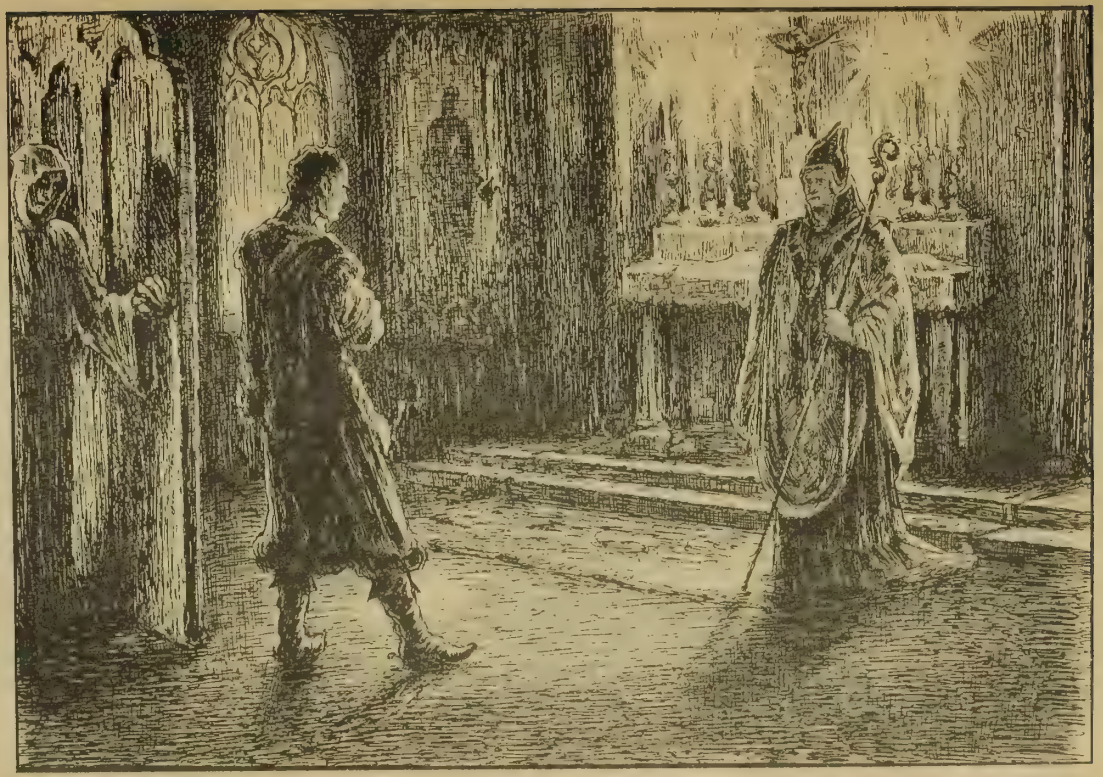
падались имъ нищіе, попрошайки въ лохмотьяхъ. Пожалуй, съ русской лаской и простодушной сердобольностью, они тому-другому совали въ руку посильную лепту, сами точно стѣсняясь своей доброты и благотворительности. Никогда бы не могло имъ прійти на умъ, что подъ рубищами, среди оборванцевъ, скрывался будущій Царь московскій, что, протягивая руку, прося на ляхскихъ улицахъ подаянія, онъ этимъ способомъ скрывалъ отъ добрыхъ людей свой обманный, воровской приходъ въ костелъ св. Варвары.

Въ награду за этотъ рѣшительный шагъ, отцы-пѣстуны самозванца устроили ему прощальное свиданіе съ королемъ. На этотъ разъ, по ихъ приказу, Сигизмундъ былъ милостивѣе къ Лжедимитрію. Онъ подарилъ послушнику іезуитовъ свой портретъ на золотой цѣпи, назначилъ ежегодную пенсію въ 40.000 злотыхъ, извиняясь, что пока дать больше не можетъ, и обѣщалъ впослѣдствіи прибавить. Димитрій благодарилъ краснорѣчиво, горячо заявлялъ о своей безграничной преданности и, откланявшись его величеству, отправился, вмѣстѣ съ будущимъ тестемъ, къ папскому нунцію. Надо же проститься! Онъ уѣзжалъ въ Самборъ. Передъ русскими, да и передъ поляками, его визитъ къ нунцію былъ совершенно объяснимъ; этого требовало общественное положеніе таинственнаго гостя, признаннаго королемъ за русскаго царевича Димитрія Іоанновича. Кромѣ вѣжливости, конечно, нельзя было найти ничего въ этомъ визитѣ ни подозрительнаго, ни предосудительнаго.

Одни за другими открывались золоченыя двери блестящихъ хоромъ папскаго нунція передъ русскимъ царевичемъ и его будущимъ тестемъ, паномъ Мниш-

комъ. Придворный штатъ римскаго сановника съ изысканной вѣжливостью встрѣчалъ именитыхъ гостей. У послѣднихъ дверей, безмолвно, со сложенными на груди руками и спущенными на глаза капюшонами, стояли два брата бернардина. Поблѣднѣлъ Димитрій. Онъ, вѣрующій въ свое происхожденіе отъ православныхъ московскихъ царей, шелъ теперь, какъ подневольный, поклониться чуждой и всегда всему русскому, народному, враждебной—католической церкви. Для чего? Мозгъ усиленно работалъ, кровь била въ вискахъ!.. Очевидно, для того, чтобы достигнуть, при ея помощи, обладанія престоломъ предковъ. Для этой цѣли нужно войско, и его дадутъ друзья, помощники, братья-іезуиты. Только? Нѣтъ. Эту помощь надо купить; а цѣна за нее?—Отреченіе отъ вѣры, отъ Церкви и отъ православныхъ предковъ! Совѣсть точила, какъ червь, какъ огнемъ, жгла его русское сердце... «Нельзя! нельзя»! твердилъ ея грозный голосъ. Онъ этого не сдѣлаетъ, не можетъ сдѣлать! Онъ не отречется!—«Господи, помоги!.. Не хочу»!.. А престолъ?—Онъ такъ много уже пообѣщалъ іезуитамъ, ксендзамъ, прелатамъ, лишь бы помогли его добыть! Вотъ только одинъ, только не большой еще шагъ,—и сила, войско, союзники, братья ордена,—все въ его рукахъ! А совѣсть? Онъ, точно, ея уже не слышитъ, не хочетъ слышать!.. Она уже молчитъ! Онъ справился! Онъ отречется! Онъ встанетъ во главѣ не только передававшихся ему русскихъ войскъ, но и готовыхъ служить ему польскихъ полковъ. Они проведутъ его всѣ вмѣстѣ черезъ завѣтный рубежъ земли родной! Войско и пособія друзей помогутъ, дѣйствительно, одолѣть соперника, преступно завладѣвшаго престоломъ. Ну, а тогда—что?—Что тогда,

когда онъ появится передъ своимъ народомъ, когда придется заговорить съ русскою землею? Какъ онъ перекрестится? Какъ поклонится роднымъ святынямъ, какъ взглянетъ на храмы Божіи, на блестящіе кресты родныхъ колоколенъ? А между тѣмъ все это онъ встрѣтитъ въ первомъ городѣ, первомъ селеніи. Тогда-то что? Такъ и гудитъ въ ушахъ голосъ православной толпы! Она сама крестится. Она всей душой ждетъ отъ своего Царя-Государя,—отъ сына Грознаго владыки, истоваго крестнаго знаменія, словъ православной, смиренной молитвы. Какъ посмотритъ онъ, пріобщившійся тайно латынству, въ глаза благодушной русской толпѣ, вѣрующей въ Бога, вѣрующей въ него—Божьяго Помазанника?!... Страшно: лучше отойти, отказаться отъ латынскаго причащенія! Онъ, точно, попятился.—«Такъ, значитъ, отказаться отъ жизни»? завопило алчное, своекорыстное чувство. «Отказаться отъ славы, отъ престола предковъ, отъ счастья земного? Перестать быть русскимъ царевичемъ,—обратиться въ полнѣйшее ничтожество въ глазахъ друзей,—братьевъ іезуитовъ, въ глазахъ польскихъ магнатовъ, въ глазахъ той-же родины, въ глазахъ полу-міра»? Точно прозрѣлъ, точно сообразилъ умный Рангони, въ глубинѣ своего кабинета, что за дверями борются два чувства, двѣ силы,—совѣсть и свое корыстіе, добрая и злая воля. Ну, какъ первая возьметъ верхъ и одолѣетъ? Нѣтъ, этому не бывать! Онъ сдѣлалъ знакъ рукою. Дверь безшумно растворилась передъ гостями. Пали ницъ бернардины и Мнишекъ. Тамъ, посреди обширнаго покоя, весь освѣщенный множествомъ свѣчей, стоялъ алтарь со всѣми принадлежностями для исполненія католической мессы. Въ блестящемъ облаченіи, величественный,



Самозванецъ у папскаго нунція. *(Къ стран. 185).*

повелительный,—стоялъ Рангони. Его пронзительный взглядъ, вперившійся въ намѣченную жертву, потянулъ ее къ себѣ. Душа Димитрія замерла. Духъ захватило. Страстное влеченіе къ власти, къ роскоши, наслажденію и господству взяло верхъ. Онъ шагнулъ черезъ порогъ, и—чуть ли не безсознательно—предался врагу родины! Онъ измѣнилъ вѣрѣ отцевъ, онъ отдѣлился отъ православной Церкви: онъ—отступникъ!

Во время службы нунцій пріобщилъ своего ученика по католическому обряду. Изъ его хоромъ вышелъ уже не православный человѣкъ, признаваемый царевичемъ Димитріемъ Іоанновичемъ, но недругъ Россіи, ставленикъ ордена іезуитовъ,—нашего исконнаго, злого ворога, изъ вѣка въ вѣкъ изощряющаго свои силы и свой умъ, чтобы стереть съ лица земли ненавистное папству, незлобивое и смиренное православіе, и погубить непонятную гордому Риму безхитростную, благодушную русскую народность.

ИСТОЧНИКИ:

Д. Иловайскій. Смутное время Московскаго Государства.

С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи Смутнаго времени Московскаго Государства.

Г. П. Георгіевскій. Смутное время. (Очерки и разсказы).

Смоленское сидѣнье русскихъ храбрецовъ.

1609—1611 г.

ПАНЫ-сенаторы, собравшись обсуждать государственныя нужды родины, по обычаю, ссорились, особенно же на этотъ разъ, когда всѣ умы занималъ вопросъ о мирѣ и войнѣ съ схизматическою Русью. Кто настаивалъ на походѣ противъ насъ, кто спорилъ, доказывая выгоды дружбы съ восточной сосѣдкой. Каждому хотѣлось и самому увѣриться и другихъ убѣдить въ своемъ неоспоримомъ вліяніи на безхарактернаго короля. Среди общаго говора, неслышно растворилась боковая дверь залы собранія, скрытая подъ очень затѣйливой золоченой рѣзьбой. На порогѣ стоялъ и слушалъ внимательно, переводя свой пристальный взглядъ съ одного сенатора на другого, хельмскій епископъ, Петръ Тилинскій. Его считали самымъ вліятельнымъ внушителемъ всѣхъ дѣйствій, даже помысловъ короля польскаго Сигизмунда III. Наклонившись къ уху своего ближайшаго сосѣда, онъ заговорилъ, входя совсѣмъ въ комнату.—«Слыхать, въ Выборгѣ подписывается союзъ нашихъ злѣйшихъ враговъ: Россія отказывается отъ малѣйшихъ притязаній на Ливонію, въ пользу короля Карла IX, бывшаго врага,—теперь лучшаго друга царя Василія Шуйскаго».—«Говорилъ, что опоздаемъ! Такъ оно и вышло»! выкрикнулъ, весь раскраснѣвшійся, Замой-

скій. Всѣ обернулись, заволновались, заговорили, по обычаю, всѣ за-разъ. Кое-кто изъ благоразумныхъ пробовалъ успокоивать товарищей.—«Вѣдь тѣ же шведы зовутъ и нашего королевича на его, дѣйствительно, наслѣдственный престолъ».—«Видно, что король Карлъ такъ же не крѣпокъ во власти, какъ и московскій Царь Василій»!

Изъ угла послышалось старческое ворчаніе.—«Не везетъ нашему крулю: всѣ цѣпляются за сынка-королевича. Нѣтъ, чтобъ о немъ самомъ вспомянули! Вотъ, на-поди! Обходятъ его и шведъ и москаль».—«А Господь его-то и возвеличитъ»! проговорилъ набожно, хотя и въ полголоса, патеръ, складывая руки на молитву. «Онъ-то и будетъ властвовать надъ всѣми еретиками, во славу царственнаго Рима».—«Римъ, Римъ»! ворчалъ неугомонный старикъ:—«Сколько крови, сколько слезъ горючихъ пролито, по твоему державному приказу! Сколько страдальческихъ воплей несется къ небесамъ, во исполненіе всесильной воли твоихъ сыновъ, служителей латынской церкви»! Патеръ двинулъ стуломъ, шумно засморкался, лишь бы какъ-нибудь заглушить неудобную, правдивую воркотню. А тотъ все свое тянулъ: «Когда опомнится Литва? Когда встанутъ жмудины и сбросятъ братское иго Запада?—Тогда»... Его никто не слушалъ. Одни вопили о томъ, что всѣ говорятъ о союзѣ Шуйскаго съ Карломъ, другіе,—что народъ и изъ Швеціи и изъ Москвы шлетъ пословъ за королевичемъ Владиславомъ. Въ отвѣтъ слышался голосъ.—«Конечно, и тутъ и тамъ есть партіи. На Москвѣ такъ даже трудно и разобраться. И Шуйскій, и бродяга, второй Лжедимитрій, и приверженцы нашего королевича,—всѣ имѣютъ приверженцевъ, да, гово-

рятъ, и казаки откудова-то взялись».—«Тѣ за кого? разбойники»!—«Весь-то народъ, ихъ-то міръ за кого»? рѣзко, громко поставилъ вопросъ какой-то ксендзъ.—«Будетъ за того и съ тѣмъ, кого укажетъ духовенство», послышался вѣскій отвѣтъ.—«Духовенство молится и благословляетъ юнаго героя, князя Михаила Скопина-Шуйскаго».—«А онъ,—рука объ руку съ такимъ же молодымъ Делагарди,—идетъ отъ Новгорода къ Москвѣ».

— «Да, ужъ съ нами, навѣрное, не пойдетъ»! послышался голосъ Замойскаго. «Мнѣ доподлинно извѣстно, что когда шведы отняли у насъ Нарву, русскіе радостно привѣтствовали ихъ, паля изъ пушекъ съ Иванъ-городской крѣпости».—«Кажись, они съ нами еще въ мирѣ»?—«Перемиріе, конечно, существуетъ, но, какъ тамъ ни толкуй, нельзя же допускать, чтобы правители Московіи, кто бы они ни были, да и народъ-то весь—не понимали, что безъ нашей поддержки, безъ нашего, хотя и тайнаго, соизволенія, первый Самозванецъ не могъ бы собирать полки въ Литвѣ и Галиціи,—и не могъ бы разбивать отряды Годунова».—«Однако, мы же не заступились и не мстили за смерть Димитрія, плѣнъ нашего сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка и позоръ Марины»?—«А не нашъ ли сбродъ поддерживаетъ теперь бродягу, второго Самозванца»?—«Смута, междоусобица въ Московіи прокладываетъ путь къ русскому престолу нашему всемилостивѣйшему, богобоязливому крулю»! елейно проговорилъ патеръ.—«Мирно не дойти до Москвы»! волновался князь Янушъ Константиновичъ Острожскій. Онъ, какъ и покойный отецъ его, всѣми силами старался удержать Польшу отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла православной Руси.

Вмѣстѣ съ Замойскимъ и Ходкевичемъ, онъ доказывалъ, что Польшѣ прійдется содержать не одинъ, а четыре отряда: два противъ Шуйскаго и мнимаго Дмитрія, одинъ противъ шведовъ—въ Финляндіи, да у себя».—«Если, чего добраго, высадятся въ Данцигѣ эти упрямые скандинавы,—откуда взять денегъ на такую войну»?—«Тогда богатая Россія будетъ наша»! возражали ярые слуги Рима, откуда горячо и упорно настаивали на покореніи обширной, богатой нашей родины. Съ помощью ея денегъ, ея силъ, Западъ собирался уничтожить татаръ, обезсилить турецкаго султана. Кто знаетъ,—можетъ быть, загребая жаръ чужими руками, не мечталъ ли попутно властолюбивый папа съ іезуитами и своими кардиналами о покореніи себѣ и царственной Византіи? Подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ, онъ настаивалъ на вооруженіи Рѣчи Посполитой *), несмотря на существовавшее перемиріе, на пустоту польской казны. Партія войны постаралась увѣрить короля, что Москва жаждетъ успокоенія, видитъ его только въ появленіи польскихъ войскъ въ московскомъ кремлѣ и съ восторгомъ поднесетъ чужеземному правителю освященный вѣками вѣнецъ своихъ царей, шапку Мономаха.

Сигизмундъ выѣхалъ изъ Кракова въ іюнѣ 1609 г., не рѣшивъ окончательно, куда вести свои полки: въ Сѣверскую ли область, гдѣ властвовало беззаконіе, подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, вполнѣ преданному законной власти, московскому Царю, или

*) Выраженіе «Рѣчь Посполитая» состоитъ изъ польскихъ словъ—«рѣчь»—вещь, дѣло, и—«посполитый»—общенародный, общественный. Оно соотвѣтствуетъ латинскому выраженію—республика (res publica) и значитъ общенародное (польско-литовско-русское) государство.—Когда Рѣчи Посполитой грозила крайняя опасность отъ враговъ, тогда объявлялось «посполитое рушеніе»—всенародное ополченіе.

же прямо идти на русскую столицу, чтобы однимъ ударомъ пришибить и Самозванца и царя Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный гетманъ Жолкѣвскій.—«Къ Смоленску двигайте ваши полки, государь»! взывалъ панъ Гонсѣвскій.—«Тамъ ждутъ васъ, тамъ отдадутся вамъ безъ боя», прибавлялъ торопливо нетерпѣливый канцлеръ Левъ Сапѣга.

—«Къ Смоленску, такъ къ Смоленску»! сказалъ Сигизмундъ и, нерѣшительнымъ движеніемъ руки, направилъ на русскую крѣпость свои рати. Этотъ полушведъ, полу-полякъ, былъ въ своихъ дѣйствіяхъ послушнымъ сыномъ отцовъ-іезуитовъ и подневольнымъ исполнителемъ желаній пановъ рады.

Границы Россіи были открыты. Мирныя сообщенія по лицу земли родной порваны. Города и села лежали подъ пепломъ или находились во власти бунтарей. Народъ былъ въ ужасѣ, сословія во враждѣ другъ съ другомъ. Правительственной власти не ощущалось. Царь въ осадѣ, окруженный измѣнниками. Но Смоленскъ стоялъ пока твердъ и невредимъ. Его крѣпость была въ надежныхъ рукахъ. Войско, вѣрное родинѣ и вѣрѣ православной, какъ одинъ человѣкъ, жило по волѣ своего вождя. «Доблій» *) Шеинъ высоко несъ русское знамя. Два года продержался онъ въ древней смоленской твердынѣ. Два года польскіе полки, смѣняясь, подновляясь, душили русскую силу. Король не отступалъ. Король просилъ уговаривалъ, грозилъ,—все напрасно.

Еще до прихода Сигизмунда, Шеинъ былъ извѣщенъ о всѣхъ его замыслахъ, предположеніяхъ, рѣшеніяхъ. Наши лазутчики пробирались за рубежъ, въ

*) Доблестный,—выраженіе лѣтописца.

Польшу, Литву, приносили вѣсти отъ подкупленныхъ ими «сходниковъ», которые сходясь съ нашими людьми въ условленныхъ, укромныхъ мѣстахъ, передавали, какъ королевичъ чуть-было не пошелъ уже на Москву, да былъ остановленъ слухами, что Тушинскій воръ, т. е. второй Самозванецъ, получилъ сильное подкрѣпленіе. Къ нему бѣжали всѣ недовольные Шуйскимъ,—такъ ловко умѣлъ онъ распускать слухи о своемъ чудесномъ спасеніи изъ рукъ разъяренныхъ москалей. Слабый духомъ, Царь Василій не могъ справиться съ тяжелыми обстоятельствами. Паны пользовались всѣми средствами, чтобы внушить боярамъ, что спасеніе родины, ихъ личная безопасность, будутъ достигнуты только при выборѣ королевича Владислава на московскій престолъ.

Дошли до Смоленска вѣрныя вѣсти и о томъ, что Гонсѣвскій уже приневоливалъ пограничныхъ русскихъ людей присягать Владиславу, что онъ торопилъ королевское войско. Слышно было, что Сигизмундъ дошелъ до Минска, хотѣлъ-было тамъ остановиться, но партія войны настойчиво двигала его впередъ, въ глубь Россіи, подъ Смоленскъ, откуда такъ необдуманно были вызваны наши войска, для подкрѣпленія Скопинскихъ отрядовъ. 19-го сентября 1609 года нетерпѣливый Сапѣга стоялъ уже передъ крѣпостью; 21-го—явился самъ король. Онъ переслалъ Шеину универсалъ, въ которомъ говорилось, что «по смерти царя Ѳеодора, послѣдняго отпрыска Рюрикова дома, московскими государями стали люди не царскаго рода, и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростію, обманомъ, вслѣдствіе чего и возсталъ братъ на брата, пріятель на пріятеля, и что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ

людей Московскаго государства, и даже изъ самой Москвы, видя такую гибель, били челомъ ему, Сигизмунду, чтобы онъ, какъ царь христіанскій и наиближайшій родичъ Московскаго государства, вспомнилъ свойство и братство съ природными, старинными государями московскими, сжалился надъ гибнущей державой ихъ. И вотъ онъ, Сигизмундъ, самъ идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобы проливать кровь русскую, но чтобы оборонять русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи православной русской вѣры. Потому смольняне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало, въ противномъ же случаѣ, войско королевское не пощадитъ никого».

Съ хлѣбомъ-солью встрѣчать иновѣрца, когда въ Москвѣ, хотя, пожалуй, и въ неволѣ, былъ еще живъ православный Царь, очень отдаленный, но, все же, дѣйствительный, прямой отпрыскъ Рюрикова дома? Царь—выбранъ Москвою, ему присягали русскіе люди!—«Мы обѣтъ положили въ храмѣ Пречистой Богородицы за православную вѣру, за святыя церкви, за Царя и за царское крестное цѣлованіе всѣмъ помереть, а литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться»! И понеслись изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ слова священнаго завѣта, въ наученіе потомкамъ, дѣтямъ Руси православной, какъ надо жить, страдать и умирать за вѣру, Родину, Царя, Божьяго Помазанника,—какъ надо защищать землю русскую, добро отцовъ, наслѣдіе потомковъ!

Напирали враги, желѣзнымъ кольцомъ старались обойти нашу крѣпость, она же не склонялась! На стражѣ вѣковыхъ стѣнъ, омывая каменныя твердыни, пѣнясь и сердясь, катилъ маститый Днѣпръ свои сѣ-

дыя волны, не пропускалъ врага, сердито сторожилъ святыню. Не боялись его только лихіе сподвижники Шеина, русскіе защитники Смоленска. Охотники, то и дѣло, затѣвали набѣги на ляховъ, казаковъ и нѣмецкую пѣхоту Сигизмунда. Однажды шестеро удальцовъ не тайкомъ, не хоронясь ни отъ братскихъ, ни отъ вражьихъ очей, средь бѣла дня перелетѣли стремнину на утломъ челнѣ, прямо къ непріятельскимъ шанцамъ, бросились на нихъ, перебили прислугу, сорвали польское знамя и вернулись съ этой славной добычей къ своимъ ликующимъ собратьямъ.

Умный, честный Шеинъ защищался съ большимъ искусствомъ. Иногда осаждающимъ удавалось разрушить часть стѣны или башни, но за этими развалинами они встрѣчали высокій валъ, вооруженный пушками, который преграждалъ имъ путь. Точно чутьемъ, ловкій полководецъ понималъ, въ какихъ мѣстахъ враги проводили свои подкопы, и своевременно успѣвалъ ихъ разрушить. Зналъ, что князь Михаилъ Скопинъ Шуйскій, соединившись съ Делагарди, шелъ побѣдоносно отъ Новгорода, постепенно освобождая, успокаивая наши сѣверо-западныя области. Онъ разбилъ на голову Сапѣгу подъ Калязинымъ, отбросилъ тушинцевъ и со славой вошелъ въ Москву, на утѣшеніе угнетенныхъ горемъ жителей, на поддержку дяди—Царя, на страхъ полякамъ и ихъ королю! Помощи отъ героя ждалъ вѣрный защитникъ Смоленска!—Но только горе и отчаніе принесли московскіе вѣстовщики, пробираясь осторожно, хоронясь съ ловкостью ищеекъ отъ бдительнаго надзора польскихъ сторожевыхъ постовъ. Не струсилъ, но смертельно огорчился Шеинъ, когда узналъ о неожиданной смерти князя Михаила. Угасъ герой въ цвѣтѣ лѣтъ,

силы, славы, блеснувшій было лучемъ свѣтлой надежды для бѣдныхъ россіянъ! Безвременная смерть князя Михаила унесла въ могилу нашу гордость, радость, надежду на спасеніе!

Къ войску отправился князь Дмитрій Шуйскій, котораго совсѣмъ разбилъ Жолкѣвскій при деревнѣ Клушинѣ. Это пораженіе подлило масла въ огонь,—страсти народныя разгорѣлись. Мстиславскій и Захарій Ляпуновъ поддерживали ихъ, изъ личныхъ счетовъ съ Царемъ. Они насильно заставили его покинуть престолъ и замѣнить царскую мантію монашеской рясой. Установилось временное правительство изъ семи властнѣйшихъ бояръ,—извѣстное въ исторіи подъ именемъ «Семибоярщины». Разладъ въ ихъ средѣ былъ полный. Часть гнула въ сторону Тушинскаго вора. Патріархъ совѣтовалъ выбирать царя православнаго, изъ родовитой русской семьи,—потомка Рюрикова дома. Большинство же склонялось въ пользу польскаго королевича Владислава, конечно, добавляя, чтобы онъ непремѣнно принялъ православіе. Эту партію поддерживалъ и подошедшій къ Москвѣ съ своими отрядами гетманъ Жолкѣвскій. Онъ обѣщалъ защиту отъ тушинскихъ разбойниковъ и отъ внутренней смуты; ему клялись москвичи, что присягнутъ сыну Сигизмунда. Умный гетманъ ловко стушевывалъ обострившіяся отношенія партій и, дѣйствительно, успокоилъ столицу. Но, прослышавъ, что Сигизмундъ самъ протягиваетъ руку къ шапкѣ Мономаха, отстраняя своего сына, онъ побросалъ всѣ московскія дѣла подъ охрану Гонсѣвскаго и самъ помчался къ королю, къ стѣнамъ несчастнаго Смоленска. Туда направлялись и московскіе именитые послы, неся согласіе своей несчастной родины на выборъ поль-

скаго королевича въ Цари православной русской землѣ. Патріархъ Гермогенъ благословилъ въ Успенскомъ соборѣ князя Василія Васильевича Голицына, ростовскаго митрополита Филарета (въ міру боярина Ѳеодора Никитича Романова), князя Мезецкаго, окольничаго В. Б. Сукина, думныхъ дьяковъ Томилу Луговскаго и Сыдавный-Васильева, поставленныхъ во главѣ многочисленнаго посольства отъ земскаго собора и разныхъ чиновъ духовныхъ людей, приказныхъ и дворцовыхъ.—«Просите», говорилъ онъ имъ, «Сигизмунда, чтобы далъ намъ сына своего Владислава въ Цари, съ вѣрою принимающаго святое крещеніе, чтобы этимъ самымъ онъ Богу не погрубилъ, да и насъ, богомольцевъ своихъ, и неисчетный народъ нашъ не оскорбилъ».

А Смоленскъ все стоялъ. Шеинъ не сдавался. Летѣли изъ Москвы тяжелыя вѣсти. Народъ волновался: «слыхать, что Сигизмундъ замышляетъ не доброе, строитъ ковы въ своемъ станѣ, подъ Смоленскомъ. Онъ, рьяный послушникъ Рима, старается изловчиться, чтобы сѣсть, помимо сына, на престолъ православной Россіи». Патріархъ поднялъ голосъ. Онъ сталъ разсылать по городамъ грамоты, призывая людъ крещеный встать на защиту Церкви родной. Служилые люди, города и села двинулись къ Москвѣ, подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова. Къ нему примкнули и тушинскіе казаки, благо царика убили его же близкіе люди. Трубецкой, Заруцкій, Прозоровскій двинулись,—но не на помощь Смоленску: они пошли очищать Москву отъ поляковъ. Кровь полилась. Пожары, грабежъ, опустошеніе!

Король зналъ это, и все же не двигался изъ подъ Смоленска. Его паны уговаривали нашихъ великихъ

пословъ вліять на Шеина—сдать крѣпость, присягнуть Сигизмунду,—какъ соправителю юнаго, неопытнаго Владислава. Въ отвѣтъ ручались великіе печальники земли родной, что братъ ихъ, Шеинъ, присягнетъ вмѣстѣ со всею Русью только королевичу Владиславу.—«Отчего-же не прибавляете и Сигизмунду»? Послы не могли обойти волю пославшихъ ихъ. Не могла же Россія присягать схизматику! Не могъ же Шеинъ измѣнить родинѣ! Они соглашались на одно: списаться съ патріархомъ, и то, при условіи, что король отойдетъ отъ Смоленска и покинетъ русскіе предѣлы. Въ гнѣвѣ Сигизмундъ велѣлъ, вопреки всѣмъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ, взять подъ стражу именитыхъ людей московскихъ, носителей мира и русскаго царскаго вѣнца его сыну. Мало того, у нихъ отняли деньги, вещи, ограбили средь бѣла дня, поступили, точно разбойники въ темномъ лѣсу, и повезли въ тяжелую неволю. А къ Смоленску подступилъ король съ новыми силами.

Великіе защитники родной святыни,—Шеинъ, войско, народъ,—показали чудеса храбрости. Равнодушные къ страданіямъ, безстрашные герои стояли, не дрогнувъ, порѣшивъ умереть, но не сдаться! Долго шла упорная осада. Запасы, какъ и физическія силы борцовъ, истощались. «Львы для враговъ, агнцы послушные волѣ вождя», все сносили чудные русскіе воины! Одна пятая ихъ оставалась еще въ живыхъ. Кромѣ польскихъ пуль и ядеръ, ихъ уносили труды, изнуреніе, болѣзни. Цынга, отъ недостатка соли и уксуса, одолѣвала. Они же все сражались и, конечно, продолжали бы еще сражаться, поддерживаемые молитвами, благословеніями, утѣшеніями своего архипастыря,—владыки Сергія, и неутомимымъ примѣ-

ромъ Шеина съ его доблестными помощниками, если бы не выдала ихъ злая, позорная измѣна. Нашлась пресмыкающаяся змѣя въ семьѣ героевъ, доползла она, преступная, до вражьяго стана и предала родную святыню, братьевъ—великихъ русскихъ борцовъ.

Сигизмундъ, въ понятномъ восторгѣ, двинулъ свои отряды къ указанному Андреемъ Дедишинымъ слабому мѣсту только что заложенной новой стѣны. Свѣжая кладка подалась, не устояла; искусному, обдуманному напору она противиться не могла.

На городскихъ часахъ пробило полночь. 3 іюня 1611 г. жители Смоленска отбивались отъ послѣдняго натиска. Сигизмундъ дѣлалъ окончательный приступъ. Ляхи вломились въ нашу твердыню. Изнуренная, малочисленная горсть храбрецовъ пошатнулась. Съ разныхъ сторонъ по ихъ тѣламъ вошли враги. Бились долго по улицамъ, на каждомъ перекресткѣ. Церковные колокола сзывали православныхъ на молитву. Духовенство стояло на колѣняхъ передъ алтаремъ Господнимъ, окруженное своею паствою. Старики, женщины, дѣти, готовясь къ наступавшему концу, въ слезахъ молили о прощеніи грѣховъ, объ упокоеніи въ горнихъ обителяхъ душъ тѣхъ, кто умиралъ въ битвѣ за вѣру православную, за землю родную. Ляхи напирали, жадно зарясь на соборный храмъ, гдѣ мнили найти и церковныя сокровища и сокрытыя богатства жителей. Они уже поднялись на гору; наши передніе ряды отступили уже къ паперти. Вотъ враги протягиваютъ грѣшныя руки къ нашей святынѣ, и—внезапно всѣ летятъ на воздухъ!..

Русскіе люди, смоленскіе граждане, собравъ свои семьи, свои богатства, дѣйствительно, укрылись въ храмѣ Богоматери; тамъ въ погребахъ хранился и

весь оставшійся у нихъ порохъ. Вспыхнула разрушительная сила, взорванъ соборъ! Взлетѣли на воздухъ славные наши предки, хороня въ развалинахъ свою святыню, свою жизнь, свои сокровища, а вмѣстѣ съ ними и дерзкаго врага, хищника! Отъ грома, треска, зарева огненныхъ столбовъ, поднимавшихся къ небесамъ, оцѣпенѣли поляки. На время забыли даже побѣду. Жители же, кто еще остался въ живыхъ, кто былъ еще въ силахъ, торопливо бросали въ пламя остатки имущества, все добро, что только не было уничтожено взрывомъ. Въ патріотическомъ изступленіи, они сами бросались съ дѣтьми и стариками въ бушевавшую стихію, оставляя растерявшемуся врагу одинъ только пепелъ, а потомству примѣръ, какъ умираетъ русскій народъ за свою Церковь, за свою родину! Героями дня были не наступавшіе побѣдители, а принесшіе себя въ жертву, но не побѣжденные наши родные борцы!

Еще одна башня держалась, не рухнула, отъ общаго потрясенія; она стояла, выдѣляясь на огненномъ фонѣ. Въ ней скрывалась семья воеводы, ближайшіе ему и преданнѣйшіе люди. На вышкѣ билась послѣдняя горсть отчаянныхъ храбрецовъ. Раненые, обливаясь кровью, доведенные до послѣдняго изнеможенія, они дорогою цѣною продавали врагу свою жизнь. Какъ трава, ложились вокругъ нихъ, скошенные ими враги. Впереди бился самъ воевода. Онъ уже оставался послѣднимъ, на него ожесточенно напирали ляхи, стараясь взять живымъ. Окровавленный мечъ Шеина сверкнулъ въ воздухѣ,—рука мѣтила прямо въ храброе сердце. Живымъ отдаться врагу онъ не желалъ. Неистовый крикъ огласилъ воздухъ,—по тѣламъ мертвыхъ, умирающихъ, по камнямъ разрушавшейся

Плѣненіе Шеина на стѣнахъ Смоленска. (Къ стран. 199).

башни поднялись на верхъ ея двѣ женщины и мальчикъ—подростокъ. Они бросились на грудь герою, они повисли на его занесенной рукѣ. Пошатнулся борецъ, обезоруженъ герой! Жена, дочь, сынъ молятъ, плачутъ.—А враги вяжутъ. Да, вяжутъ, заковываютъ, въ плѣнъ уводятъ, въ свой станъ.

У нашихъ враговъ не достало даже искры великодушія. Герой, которымъ въ древности гордились бы Римъ и Византія, былъ подвергнутъ пыткѣ. Его мучили, чтобы вывѣдать, гдѣ схоронена казна смоленская?—«Подъ пепломъ соборнаго храма, подъ развалинами родной святыни»! могли бы они себѣ отвѣтить, смотря на зарево догоравшаго Смоленска.

До конца безчеловѣчный, вполнѣ безсовѣстный Сигизмундъ поступилъ, какъ древніе язычники, какъ татары либо турки съ своими побѣжденными рабами. Онъ разлучилъ семью Шеина. Мальчика взялъ къ себѣ, жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ, а самого Шеина въ оковахъ отослалъ въ Литву.

ИСТОЧНИКИ:

Веберъ. Всеобщая исторія.

Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ Т. VIII.

Олафъ Далине. Исторія Шведскаго Государства. Изд. 1807 г. Переводъ съ нѣмецкаго.

Тяжелыя страницы родной исторіи.

1 іюня 1617 г.—1 декабря 1618 г.

ВРАГИ дѣлили наши ризы, ссорились изъ за нашихъ земель. Шведы поднимали голосъ, точили ножи противъ поляковъ, собирали отряды, чтобы утвердиться на балтійскомъ побережьи, пока Сигизмундъ стоялъ самъ подъ Смоленскомъ, а его полки, обѣщая покой и порядокъ, заливали улицы и окрестности Москвы русскою и казацкою кровью. Растерзанная, растерянная, безправная, наша столица присягнула королевичу Владиславу, твердя, въ предсмертныхъ судорогахъ, своими запекшимися, пересохшими губами: «Православіе только, нашу вѣру родную пусть приметъ онъ, и будемъ тогда отцомъ-спасителемъ его почитать». Кощунственный хохотъ былъ вражьимъ отвѣтомъ. Сигизмундъ отстранялъ сына, чтобы самому, съ сонмомъ іезуитовъ и патеровъ, именно православіе-то и стереть съ лица русской земли.

«И мы, Новгородъ Великій, славный въ древности, теперь захудалый, обезличенный, послушный примѣру Москвы, цѣлуемъ крестъ ляхскому королевичу Владиславу», услышалъ храбрый шведскій полководецъ

Делагарди, другъ нашего покойнаго героя, князя Скопина-Шуйскаго, стоя на границѣ Финляндіи съ Россіей. Карлъ IX требовалъ наступленія, онъ же выжидалъ,—что дальше будетъ? Зналъ онъ, что Сигизмундъ сына не пускаетъ на московскій престолъ. Зналъ и то, что среди русскихъ людей была партія, предпочитавшая шведскаго королевича. Все зналъ, ко всему прислушивался умный шведъ, стоя на нашей финляндской границѣ. Въ то время король Карлъ разсылалъ по Россіи предупредительные листы.

«Будьте осторожны», писалъ онъ: «сторонитесь ляховъ: они ведутъ за собой цѣлые отряды монаховъ, іезуитовъ, окатоличивать Московію»!

«Опирайтесь вѣрнѣе на насъ»! вторилъ ему Делагарди.

«Мы, конечно, вамъ довѣряемъ, считаемъ друзьями, только сойдите съ нашей родной земли!» неслось въ отвѣтъ отъ древней нашей вольницы, съ береговъ сѣдого Волхова. Но кто же будетъ слушать обездоленныхъ, обезсиленныхъ горожанъ? Немного труда стоило Делагарди завладѣть крѣпостью. Бутурлинъ съ своимъ отрядомъ отступилъ безъ боя. Только въ двухъ углахъ шведы встрѣтили неожиданный, отчаянный отпоръ. Стрѣльцы съ казаками засѣли въ своемъ домѣ и умерли всѣ до единаго, но не сдались врагамъ. Да въ противоположномъ концѣ пылалъ дворъ соборнаго протопопа Амоса. Онъ рѣшился на смерть вмѣстѣ съ своими прихожанами, лишь бы не попасться въ руки шведамъ.

Взятъ Новгородъ со всею своею землею. Въ Швецію поѣхали его именитые граждане признавать чужого королевича своимъ правителемъ. Конечно, они отрекались отъ присяги Владиславу и просили объ одномъ,

слезно, униженно просили, чтобы имъ оставили неприкосновенною ихъ православную вѣру. Шведы же стремились къ другимъ цѣлямъ. Хозяйничая на всемъ пространствѣ сѣверо-западной части нашей земли, завистливо смотрѣли они дальше, на Москву; говорили съ нашими послами о желательномъ соединеніи съ Швеціей всей Владиміро-Московской земли на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ слилась съ нею и область Новгородская, выставляя, къ примѣру, унію Литвы и Польши. Никакого отвѣта не могли имъ дать несчастные новгородскіе люди. Москва лежала въ развалинахъ, испепеленная, окровавленная. Точно злые коршуны, наши оба ворога сторожили другъ друга, какъ бы оттянуть лежащую добычу. Каждый, всѣми правдами и неправдами, домогался московскаго стола, владычества надъ нашею дорогою родиною. Страдала она въ то время бѣдная, стонала, подъ гнетомъ своихъ семейныхъ неурядицъ, ссоръ, обидъ, насилій, чинимыхъ всѣми случайными людьми, временно хватавшимися за кормило правленія. Для своего успокоенія, въ полномъ отчаяніи, наши лучшіе люди бросались въ объятія чуждыхъ, недобрыхъ сосѣдей. Но и эти самоотверженные порывы не приносили вѣрной пользы. Шведъ стоялъ во всеоружіи побѣдителя на сѣверо-западѣ. Сигизмундъ же, отпраздновавъ въ Варшавѣ шумно и весело свои побѣды надъ нами и нашими главарями, долженъ былъ снова вернуться въ Россію. Рѣчь Посполитая, отцы іезуиты вынудили его двинуться теперь уже за Смоленскъ, — къ Москвѣ. Подъ Вязьмой соединился онъ съ Ходкевичемъ и двигался все дальше, въ ожиданіи того дня, когда растерянные москвичи склонятъ предъ нимъ свои головы и поднесутъ шапку Мономаха.

— «Идутъ ляхи, подходитъ Сигизмундъ!» Точно удары похороннаго колокола, раздавалась эта вѣсть по розоренной, разграбленной Москвѣ. Плакала Бѣлокаменная. Перепугались рѣшители ея судебъ. Нѣтъ въ городѣ войска. Не съ кѣмъ выйти въ поле, не кѣмъ и нечѣмъ защищаться. Ни оружія, ни снарядовъ, ни припасовъ! А Жолкѣвскій уже у воротъ. Отчаяніе придало москвичамъ мужества и силы. Всѣ жители вооружились, кто чѣмъ могъ, не желая сдаваться живыми.—«Все равно умирать, такъ ляжемъ же за землю родную, за русскія наши святыни!» говорили они. Отъ ихъ безумно-храбраго натиска, пошатнулась вражья рать. Поляки отступили. Черезъ раненыхъ, попавшихся въ плѣнъ, враги наши узнали, что жители Москвы порѣшили, всѣ до единаго, умереть,—но не сдаться, не передаться иновѣрному правителю. Тоже повторяли врагамъ на ихъ пути всѣ города, большіе и малые. Сигизмунду хотѣлось, чтобы хотя еще одинъ изъ нихъ отнять у насъ! Обложилъ было онъ Волоколамскъ,—да казацкіе атаманы Нелюба Марковъ и Иванъ Епанчинъ съ такимъ ожесточеніемъ, такъ лихо отбросили враговъ, что пришлось имъ торопливо попятиться. Успѣхъ покинулъ Сигизмунда,—понялъ онъ это съ своими наставителями. И безъ того немногочисленные ряды поляковъ все убывали, приходилось повернуть назадъ, въ Польшу.

Москва и съ нею вся Россія передохнули наконецъ! Истово перекрестились наши многострадальные предки. Полетѣли грамоты по всей землѣ. Созывались люди думные, довѣренные со всѣхъ концовъ родины въ освобожденную столицу. «Очищена, спасена Москва. Церкви Божіи въ древнюю свою лѣпоту облекаются. Имя Христово, по старому, въ нихъ православно сла-

вится». Люди русскіе въ слезахъ, на колѣняхъ, молятся, прося милости Божіей, успокоенія, утвержденія порядка и благополучія подъ скипетромъ законнаго державца. Не строиться государству безъ государя, не крѣпнуть державѣ безъ державца,—Божьяго помазанника! Потому-то духовные іерархи, воеводы и бояре приглашали народныхъ представителей со всѣхъ концовъ земли родной собраться въ стольную Москву промыслить о выборѣ Царя-Государя. Собрались люди совѣта, наложили на себя трехдневный постъ, моленіе, чтобъ Господь благословилъ, освятилъ ихъ земское дѣло, народную заботу,—научилъ, направилъ, осѣнилъ соборную думу.

Сначала принялись разсуждать, можно ли выбирать прежде званныхъ кандидатовъ: польскаго и шведскаго королевичей, предпочтительно Владислава и Карла Филиппа. Войска перваго еще держали Смоленскъ, второй владѣлъ Новгородомъ Великимъ, и оба вмѣстѣ преграждали издревле—историческій путь нашъ къ Балтійскому морю. Единогласно порѣшили даже и не думать о выборѣ кого-либо изъ нихъ, да и кого бы то ни было изъ иновѣрныхъ правителей, ихъ сыновей, родичей. Положили думать о своемъ, родномъ, православномъ Царѣ.

Вотъ явился на земскій Соборъ какой-то дворянинъ изъ Галича, — подалъ старѣйшимъ боярамъ письмо. И что же въ немъ? Развернули, прочитали, а тамъ стояло написано: «Выбрать слѣдъ ближайшаго по родству и свойству съ прежними Царями, великими князьями, что Русью правили давнешенько, цѣлые, долгіе вѣка, Михаила Ѳеодоровича Романова». Заволновалось собраніе. «Кто принесъ?»—«Откуда такая грамота?» А съ другого конца палаты уже шелъ донской

казакъ, сынъ нашего благодатнаго юга, и тоже съ грамотой въ рукахъ. — «Ты что подалъ, атаманъ?» спросилъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.— «О природномъ Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ». И съ дальнаго сѣвера и съ Дона рѣки неслось одно и то же имя. Оно внушало вѣру душѣ русскаго человѣка и сердцу его надежду, оттого и произносилось съ любовію всѣми русскими.

«Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ»! зловѣщимъ эхомъ отозвалось въ Краковѣ и Выборгѣ. «Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ!» сердечнымъ ударомъ отдалось и душевнымъ воплемъ вырвалось изъ груди православныхъ смолянъ и новгородцевъ, на берегахъ сердитаго Днѣпра и сѣдого Волхова. «А мы-то какъ же? Какъ же намъ-то жить? Какъ намъ быть? Ужъ лучше бы умереть!»

Шведскіе послы грозно твердили въ Новгородѣ: «такъ какъ королевское величество васъ мечемъ взялъ, когда вы ни подъ какимъ прямымъ государемъ и властію не были, и васъ противъ вашихъ недруговъ оборонялъ, то имѣетъ право новгородское государство за собою и своими наслѣдниками на вѣкъ удержать». Въ Выборгѣ-же послы новгородскіе слышали и еще злѣйшія рѣчи. Туда пріѣхалъ королевичъ Карлъ Филиппъ, братъ юного короля Густава Адольфа, тотъ именно, котораго новгородцы выбрали въ Цари. Онъ ждалъ присяги, конечно, не одного Новгорода, а всея Руси Московской и Владимірской. Шведскія войска знали дорогу въ сердце Россіи. Опираясь на нихъ, шведское правительство покойно ждало присяги всей русской земли. Московскіе же выборы разбивали шведскія надежды, но не измѣняли притязаній, хотя бы на Новгородъ.

— «Такъ какъ вы поддались подъ оборону его

королевскаго величества и короны шведской, то вамъ надобно рѣшить, какъ быть въ отношеніи къ московскимъ людямъ: друзьями или врагами? Нельзя же вамъ прилѣпиться вдругъ двумъ господамъ?» Это выраженіе было, дѣйствительно, вѣрно. Но къ нему прибавлялся характерный оттѣнокъ. «Хотятъ ли цѣловать крестъ королю шведскому Густаву Адольфу, или хотятъ остаться при прежней присягѣ?» Долго думали, гадали, даже отсрочки просили пятиконецкіе старосты. Опрашивали и гостей, и на площадяхъ слободскихъ и улицкихъ старостъ, и посадскихъ, и жилецкихъ, и всякихъ людей. «Кому хотятъ они присягать? Кого считаютъ своимъ Государемъ?» Подъ гнетомъ нужды, не имѣя ни малѣйшей военной поддержки, старинный Новгородъ уныло склонилъ свою сѣдую голову и, вздыхая и горюя, порѣшилъ оставаться вѣрнымъ королевичу, разъ ужъ ему и крестъ цѣловали. Но о сліяніи съ свейскою державой, о подчиненіи старой русской отчины королю Густаву они и мыслить не могли. Готовы костьми лечь за свободу родины и Церкви. Сліяніе будетъ двойнымъ преступленіемъ.

— «Да развѣ не преступленіе было цѣловать крестъ шведскому королевичу?» ставили себѣ вопросъ новгородскіе старики. Немного ихъ было, не громко они говорили. Къ князю Никифору Мещерскому шли за совѣтомъ. Ужъ очень мучила ихъ совѣсть. Христіанская душа возмущалась, волновалась. Боялись шведскаго уха, вражьяго глаза. Шептались, вздыхали. Вдоволь поплакавъ, князь взялъ съ собой близкихъ, единомышленныхъ горожанъ и пошелъ молиться въ Хутынскій монастырь,—поискать совѣта среди иноковъ, богоугодныхъ молитвенниковъ за грѣшное чело-

вѣчество. Тамъ, въ глубокомъ уединеніи, они, помолясь и попостившись, рѣшили итти къ шведскому главнокомандующему Горну и заявить ему, что пойдутъ въ Москву каяться въ своихъ грѣхахъ и просить прощенія у выбраннаго всею землею юнаго русскаго Царя. Архимандритъ Кипріанъ истово благословилъ честныхъ гражданъ, вполнѣ сознавая всю важность и опасность такого рѣшенія. Охотниковъ нести свои повинныя головы въ Москву Горнъ отпустилъ, но при этомъ твердо заявилъ: «Новгородъ мы взяли, а потому онъ нашъ!»—Упрямый шведъ не прекратилъ военныхъ дѣйствій. Когда же узналъ о милостивой встрѣчѣ, оказанной новгородскимъ посланцамъ въ Москвѣ, принялся за именитыхъ людей новгородскихъ. Ихъ били на провежѣ до полусмерти, морили голодомъ и холодомъ.

Бояре уговорили Царя Михаила Ѳеодоровича подкрѣпить отрядъ князя Семена Прозоровскаго, счастливо бившаго шведовъ подъ Тихвиномъ. Рѣшено было идти къ Новгороду. Имъ на встрѣчу, изъ за моря, двинулся самъ король Густавъ Адольфъ. Въ 1614 г. онъ взялъ Гдовъ и грозилъ разнести Псковъ, если мы не согласимся на выгодный для него миръ. И выполнилъ король эту угрозу въ слѣдующемъ году. Не переставая, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользоваться посредничествомъ Англіи, онъ переговаривался съ нами о мирѣ.

Вслѣдствіе этихъ предложеній, въ 1616 году пріѣхали царскіе послы въ Осташево и стали сноситься со шведами, занимавшими Новгородъ. Прежде, чѣмъ рѣшить вопросъ государственной важности, говорить о судьбѣ, о благѣ народномъ, поднялись препирательства о титулахъ. «Мы не можемъ согласиться съ выраженіемъ: король Корелы и Новгорода», твердили мо-

сквичи. «Они не только отнимаютъ у нашего державца титулъ Лифляндскаго князя, но и Царемъ его не признаютъ, а только великимъ княземъ», жаловались они посламъ Англіи и Голландіи, выбивавшимся изъ силъ, чтобы водворить миръ между врагами, необходимый для торговаго процвѣтанія именно ихъ родныхъ земель. Шведы припоминали свои блестящіе военные подвиги при Шуйскомъ. Наши перечисляли, насколько нѣмецкіе наемщики дрались удалѣе шведовъ. Делагарди указывалъ, какъ наши робѣли, и ему приходилось одному отбивать у поляковъ наши города, выручать Москву. «Сколь же щедро вамъ за это и платили!» корили наши: «Шуйскій безъ счета отсыпалъ вамъ мѣшки золота изъ нашей казны. Сколько денегъ переслалъ королю въ Стокгольмъ, искренно признавая оказываемыя намъ услуги».

Съ перерывами, ссорами, перемиріями, новыми съѣздами, переговоры длились безъ конца. Москва медленно оправлялась отъ потрясеній послѣднихъ лѣтъ. Шведы упорно стремились, какъ можно шире, пользоваться не только внутренней слабостью, нестроеніемъ сосѣдки, но и продолжавшейся ея враждой съ Польшей. Въ февралѣ 1617 года въ селѣ Столбовѣ снова съѣхались сосѣди, казалось, въ послѣдній разъ. Но и тутъ начали опять со стараго спора. «Мы не давали шведамъ городовъ въ залогъ тѣхъ денегъ, которыя должны, по обѣщанію, выплатить», говорили москвичи. Шведы отказывались дѣлать уже обѣщанныя уступки.

Къ нашимъ, ночью, тайкомъ, на посольскій дворъ пробрались новгородскіе пятиконецкіе старосты. Съ горькимъ плачемъ, молили они скорѣе покончить переговоры. — «Добираются нехристи до сокровищъ св.

Софіи, обѣщаютъ дочиста обобрать храмъ нашъ вѣковѣчный», вопили отцы великаго Новгорода. «Насъ уже всѣхъ обобрали. Теперь на смерть стали бить, какъ не стало чѣмъ откупаться». Послы, въ свою очередь, говорили о терпѣніи, молитвѣ.—«Чтобы однимъ часомъ торопки не потерять годами выговоренныхъ государственныхъ выгодъ»! Вступился за новгородцевъ и обуздалъ шведовъ все тотъ-же, дѣйствительно, дружелюбный посредникъ, англійскій посолъ Мерикъ. Споткнулись опять, при окончательномъ написаніи мирныхъ условій, на названіи: «Ижорскій». Наши никакъ понять не могли, зачѣмъ шведскому королю величаться этимъ титуломъ. А шведы не хотѣли уступать, хвастаясь тѣмъ, что отвоевали Ижору. Наконецъ, остановились на серединѣ. Въ полномъ титулѣ будетъ стоять это для насъ обидное слово, но полный-то мы рѣдко должны будемъ читать. За большія деньги, первый Царь изъ дома Романовыхъ, отказываясь отъ правъ на Корелу, вернулъ Россіи то, что передъ нимъ, во время смуты и междуцарствія, въ пору боярскихъ неурядицъ, измѣнъ, неумѣлости, отняли у насъ ловкіе сосѣди: Новгородъ, Старую Русу, Порховъ съ ихъ уѣздами, Сумерскую волость и Ладогу. Гдовъ же шведы обѣщали вернуть, когда договоръ будетъ клятвенно утвержденъ обѣими сторонами, межи уложены, а послѣ, съ обѣихъ сторонъ, «до рубежа дойдутъ». Всѣмъ монахамъ, съ ихъ имѣніями, также всѣмъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и посадскимъ людямъ съ семьями, челядью и имѣніями вольно выходить въ сторону царскаго величества въ продолженіе только двухъ недѣль послѣ подписанія договора — но не позже. Этотъ пунктъ былъ особенно подчеркнутъ, такъ какъ умные шведы прекрасно понимали, что народъ

не шевельнется, если духовенство останется на старомъ пепелищѣ,—на всемъ пространствѣ между Орѣшкомъ и Ладогой.

1 іюня 1617 года должны были съѣхаться послы, по два отъ каждой стороны. Мѣстомъ свиданія былъ назначенъ берегъ рѣки Лавуи, при ея впаденіи въ Ладожское озеро. Но только въ сентябрѣ состоялся этотъ важный политическій актъ. Торжественно приблизились носители мирныхъ условій къ мосту, перекинутому черезъ рѣку. Недовольны были именитые послы. Парадныя дорогія шубы, высокія мѣховыя шапки придавали мрачнымъ лицамъ москвичей еще болѣе внушительный видъ. Изъ горькой нужды оставляли они бѣдную Корелу въ рукахъ шведовъ. Со злостью, твердо помнили они, что договоръ запираетъ передъ ними старую, излюбленную нашу дорогу къ Балтійскому морю. Шведы тоже злились. Они, дѣйствительно, отдавали многое изъ того, что такъ лихо, храбро, но и необдуманно забрали себѣ, пользуясь нашей слабостью, временной безпомощностью. Нарядные, блестящіе скандинавскіе посланники шли увѣренно, съ сознаніемъ своей воинской славы, своей силы. Лица, вся внѣшность, ясно говорили, что у нихъ руки чешутся, такъ и хочется подраться, побиться еще съ сосѣдомъ, благо извѣстно, что нѣтъ у него единодушія. Вѣчная, внутренняя неурядица мѣшаетъ окрѣпнуть великой землѣ. Только досадно:—король крѣпко настаиваетъ на мирѣ. Ему войско нужно для другого. Вотъ и мирись теперь навсегда съ этимъ нелюбимымъ сосѣдомъ!

Будь они попрозорливѣе, болѣе опытные политики, чѣмъ храбрые воины, они поняли бы, что не только надо мириться съ Россіей, имъ бы слѣдовало союзъ съ ней за-

Торжественно приближались носители мирныхъ условій къ мосту, перекинутому черезъ рѣку.
(Къ стран. 210).

ключить. Выгодно въ данную минуту осадить задорную Рѣчь Посполитую. Наши-то послы осторожно, издалека съ ними объ этомъ начинали заговаривать, но скандинавы, не понимая своей выгоды, рѣшили, что для союза мы должны бы сдѣлать имъ еще большія уступки, а нѣтъ,—такъ они остаются наблюдать, высматривать, чѣмъ кончится война одноплеменныхъ недруговъ-соперниковъ. Борьба славянъ между собою кончилась на этотъ разъ, дѣйствительно, безъ чужеземнаго вмѣшательства.

Шумятъ кичливые ляхи въ своей нарядной Варшавѣ. Толкуютъ на сеймѣ панство, шляхетство и духовные чины о томъ, какъ бы поприжать еще больше слабую, разоренную Московію! Какъ бы наказать за дерзновенный выборъ Царя, когда многіе люди московскіе уже цѣловали крестъ ихъ вельможному королевичу! Какъ бы изловчиться, удержать въ рукахъ то, что пробуетъ вырваться, избавиться изъ-подъ ихъ давленія, притѣсненія да и насилія! Отецъ выбраннаго москалями Царя, митрополитъ Филаретъ съ именитыми боярами у нихъ въ плѣну. Послы московскіе просили объ ихъ освобожденіи. Вотъ ихъ-то и хотѣлось бы еще попритѣснить,—ихъ мученіями купить сговорчивость русской земли. Панамъ желательно, во что бы то ни стало: 1) соединить съ Польшей Московію неразрывными узами, 2) установить свободную торговлю между двумя государствами, 3) закрѣпить за Польшей и Литвой Смоленскъ, Брянскъ, Стародубъ, Черниговъ, Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль, Рыльскъ и Курскъ, 4) заставить Москву на-вѣки отказаться отъ своихъ правъ на Ливонію и Эстонію. Паны сговорились вооруженною рукою поддержать эту свою волю. Самого королевича Владислава, выбран-

наго когда-то на московскій престолъ, порѣшили послать въ Москву во главѣ отборнаго отряда. Ему, для совѣта, были приданы восемь комиссаровъ. Они должны были пѣстовать юнаго вождя, умѣрять его воинскій пылъ, наставлять при переговорахъ объ условіяхъ возможнаго перемирія. Главнокомандующимъ былъ единогласно выбранъ Жолкѣвскій, но онъ на отрѣзъ отказался.

Бѣдная Москва была хорошо освѣдомлена, что въ теченіе цѣлаго года готовилась Польша къ великому походу. Донскіе казаки явились на помощь панамъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми нашими боярами—измѣнниками, въ числѣ которыхъ были и князья Трубецкіе, благо они—литвины по происхожденію,—прямые потомки Гедимина.—«Присланы мы нашимъ пресвѣтлѣйшимъ паномъ крулемъ», говорили паны рады, явясь къ своему плѣннику, князю Василію Васильевичу Голицыну: «говорить вамъ, чтобы вы совѣтовали, писали вашимъ боярамъ на Москву о томъ, чтобы помнили они, что цѣловали крестъ королевичу Владиславу. Теперь онъ идетъ къ нимъ съ многочисленнымъ войскомъ поддерживать свои права». Конечно, князь Василій наотрѣзъ отказался отъ такого порученія.

— «Господь даетъ царства и державы тѣмъ, которые повсюду распространяютъ святую католическую вѣру, служителямъ ея оказываютъ уваженіе и благодарно принимаютъ ихъ совѣты и наставленія. Силенъ Господь Богъ посредствомъ вашего королевскаго высочества подать совѣтъ истины находящимся во тьмѣ и сѣни смертной, извести заблужденныхъ на путь мира и спасенія, подобно тому, какъ привелъ Онъ наши народы посредствомъ блаженной памяти короля Ягайла». Такими торжественными словами началъ архі-

епископъ-примасъ свою напутственную рѣчь двадцати-двухлѣтнему Владиславу, при его выступленіи въ походъ на Россію въ апрѣлѣ 1614 года.—«Ѣду я съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прежде всего имѣть въ виду Господа Бога моего и святую католическую вѣру, въ которой воспитанъ и утвержденъ», были начальныя слова отвѣтной рѣчи юнаго полководца. Это говорилъ тотъ самый, котораго Москва звала къ себѣ царствовать и править ею при одномъ только условіи, при непремѣнномъ принятіи имъ ея родного православія. Было ясно теперь, что Владиславъ велъ польскія рати въ Россію для утвержденія въ странѣ католичества. Но онъ, прекрасно вышколенный іезуитами, первый свой шагъ сдѣлалъ все же очень искусно. По дорогѣ къ Луцку, гдѣ собирались его главныя силы, онъ остановился въ Владимірѣ-Волынскомъ. Тамъ провелъ праздникъ Вознесенія Господня, слушалъ обѣдню въ русскомъ уніатскомъ храмѣ и послѣ службы церковной, въ присутствіи ликующей толпы народа, приказалъ освятить знамя съ московскимъ гербомъ.

Въ августѣ онъ былъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ и въ Смоленскѣ, а въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ Ходкевичемъ, осадилъ Дорогобужъ. Наши попятились. Узнали объ этомъ воеводы, защищавшіе Вязьму, и тѣ отошли къ Москвѣ. Обрадованные казаки, увидя, что пришло опять ихъ время, бросились грабить бѣдную Украйну. Въ Москву пробрались смутьяны, подосланные Владиславомъ.

— «Мы нашимъ государскимъ походомъ къ Москвѣ спѣшимъ. А о Михаилѣ, Филаретовѣ сынѣ,—какъ дастъ Богъ, будетъ на царскомъ своемъ престолѣ, на Москвѣ,—въ то время и наше царское милосердіе будетъ по прошенію всей земли». Такъ говорили они отъ

имени королевича. И иныя непотребныя вещи разносили, чтобы возмущать москвичей, суля имъ самые радужные посулы, если только тѣ поклонятся чуждому, иновѣрному королевичу. Напрасный трудъ! Посланцевъ Владислава, Ададурова и Зубова, схватили и увезли куда-то далеко, на сѣверъ. Оставившихъ свои крѣпости, отодвинувшихся воеводъ сослали въ Сибирь, лишивъ всѣхъ ихъ богатствъ. На защиту Калуги отъ поляковъ, по просьбѣ жителей, пошелъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Другой Пожарскій, князь Дмитрій Петровичъ, отправился по направленію къ Твери. Оба соименные князя дѣйствовали съ перемѣннымъ счастьемъ, но все же побѣждали то тутъ, то тамъ и поляковъ и казаковъ, оберегая государство отъ ихъ грабительскихъ набѣговъ. Намъ помогли морозы, да отчасти и голодъ, донимавшій враговъ. Подъ конецъ, паны рады написали въ лагерь комиссарамъ, что лучше было бы прекратить военныя дѣйствія, и предлагали начать мирные переговоры. Въ Москву съ этими рѣчами поѣхалъ Гридичъ, но наши и говорить съ нимъ не хотѣли. Онъ пріѣхалъ, во-первыхъ, безъ грамоты къ Царю, затѣмъ, не привезъ пропускныхъ листовъ нашимъ посламъ, чтобы ѣхать къ намъ, да и срокъ переговоровъ назначенъ былъ слишкомъ короткій: отъ января до апрѣля,—ничего путнаго не успѣешь сдѣлать.

«Прекратить же непріятельскія дѣйствія, конечно, можно»,—разсуждали наши, «какъ только врагъ выйдетъ изъ Московскаго государства». О плѣнныхъ тоже нельзя было говорить, пока преосвященный митрополитъ Филаретъ и князь Голицынъ не освобождены были изъ тягостнаго вражьяго плѣна. Время шло. Владиславъ не уходилъ изъ Вязьмы. Его отряды продол-

жали грабить страну, обижать жителей. Съ наступленіемъ тепла, они дѣлались еще опаснѣе, еще смѣлѣе. Въ Москвѣ рѣшили попробовать самимъ начать переговоры. Какое! Поляки занимались только вопросомъ: куда выгоднѣе двинуться отъ Вязьмы,—на Калугу, или прямо на Москву, благо, изъ Варшавы имъ прислали немного денегъ.—Рѣшили идти на Москву. Наши стягивали свои силы для обороны. Долго тревожили насъ подъ Можайскомъ. Наконецъ, по общему совѣту воеводъ и приказу царскому, мы отодвинулись къ Москвѣ. Поляки шли за нами,—положимъ, въ безпорядкѣ: у нихъ денегъ не доставало и припасовъ.

— «Идите же на Калугу!» повторялъ Ходкевичъ, «сторона тамъ еще не разореная», твердилъ онъ съ прежней настойчивостью. Комиссары не менѣе упрямо его не слушались. Ихъ изъ Варшавы отпустили на извѣстный срокъ; остается еще только пять мѣсяцевъ, надо торопиться завладѣть столицей. И, по старой привычкѣ, послали они передъ собой грамоту, совѣтуя русскимъ отложиться отъ Михаила Ѳеодоровича и довѣриться Владиславу, обѣщающему покровительствовать православію.

9 сентября 1618 года вокругъ юнаго Царя, въ стѣнахъ древняго Кремля, образовался соборъ русскихъ людей. Михаилъ Ѳеодоровичъ объявилъ всѣмъ, что онъ, прося у Бога милости, за православную вѣру противъ недруга своего Владислава обѣщается крѣпко стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть, биться съ врагомъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ. Они же бы—митрополиты, бояре и всякихъ чиновъ люди—за православную вѣру, за него, государя, и за себя съ нимъ, пусть въ осадѣ сидятъ, а на короле-

вичеву и ни на какую прелесть не покушались бы». Поклялись всякихъ чиновъ люди московскіе оставаться вѣрными своему Государю и сидѣть съ нимъ въ осадѣ, не щадя головъ своихъ.

Опять послали изъ Москвы во всѣ концы земли родной, по дорогамъ и селамъ, призывныя грамоты, чтобы, памятуя Бога, православный русскій народъ оставался вѣренъ своему крестному цѣлованію и слалъ въ столицу все, что могъ: и людей, и деньги, и припасы. Все было необходимо въ большомъ количествѣ, такъ какъ не одинъ Владиславъ шелъ на Москву. Изъ Малороссіи двигался его союзникъ, гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Пожарскій, отправившійся противъ него, занемогъ; пошелъ, вмѣсто него, его товарищъ, князь Григорій Волконскій. 17 сентября, Владиславъ сталъ придвигаться къ Москвѣ. Сагайдачный въ обходъ хотѣлъ съ нимъ соединиться. Бояре съ войскомъ вышли было, чтобы помѣшать этому соединенію, но на нихъ напалъ непонятный какой-то страхъ, такъ что не помѣшали вражьему движенію. Въ Москву летѣли грамоты Владислава, величавшаго себя царемъ московскимъ. Бояре дѣгтемъ вытравляли этотъ титулъ и терпѣливо ожидали своихъ исконныхъ союзниковъ,—голода и холода.

На этотъ разъ именно этого не хотѣли ждать поляки. Ночью, на первое октября, пошли они на приступъ. Бились отчаянно съ обѣихъ сторонъ. Всѣ приступы у Арбатскихъ, Никитскихъ, Тверскихъ воротъ, хоть и съ трудомъ, были нами отбиты. Начались опять переговоры. Рѣшились, наконецъ, съѣхаться на берегу Прѣсны, 20 октября.

И холодно, и сыро, и дождикъ мороситъ. Левъ Сапѣга, важный, дородный, не слѣзая съ своего до-

рогого коня, повелъ рѣчь о неоспоримыхъ правахъ Владислава на московскій престолъ. Вычислялъ всѣ выгоды для земли русской отъ его признанія. Стращалъ ужасами, если этого предложенія не захотятъ принять. «Не дали вы намъ королевича тогда, когда мы всѣ его просили, хотѣли, долго ждали», былъ степенный отвѣтъ Ѳеодора Ивановича Шереметьева. «Теперь, когда такъ много пролито крови, когда мы другого государя себѣ выбрали, крестъ ему цѣловали, и вѣнчанъ онъ уже царскимъ вѣнцомъ, мы не можемъ отъ него отступить. Хотимъ заключить между нашими государями перемирье на 20 лѣтъ, лишь бы вы уступили намъ нашу собственность: Смоленскъ, Рославль, Дорогобужъ, Вязьму, Козельскъ и Бѣлую».

Смѣхомъ отвѣчали поляки на наши требованія и твердили все о своемъ королевичѣ, причемъ стращали погромомъ еще не разграбленныхъ земель за Москвою. Октября 23 и 25 опять съѣхались, опять спорили о титулахъ и требовали отдачи городовъ.

Наконецъ подоспѣлъ намъ на выручку нашъ родной морозецъ. Королевичъ снялъ станъ свой изъ подъ Москвы и удалился въ Тушино. Посламъ оставаться безъ него было неудобно, и они отправили отъ себя на Москву Христофора Сапѣгу, Корсинскаго и Гридича, поручивъ имъ начать предварительныя соглашенія. Съ горемъ, противъ воли, уступили мы многострадальный Смоленскъ, Бѣлую, Дорогобужъ, Стародубъ, Попову Гору, Новгородъ-Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Серпейскъ, Невель, Собежъ, Красный да волость Велижскую съ тѣмъ, что къ той волости потянуло. 19 ноября Шереметьевъ и князь Мезецкій должны были вести нашъ отвѣтъ къ бискупу Каменецкому съ товарищами комиссарами, и закрѣпить

перемирныя договорныя записи. Отъ нихъ мы требовали очищенія нашей земли и отдачу плѣнныхъ,— митрополита и бояръ.

Королевичъ хотѣлъ было взять Троицкую лавру, но былъ отбитъ братіею и сталъ лагеремъ въ селѣ Рогачевѣ. Сначала было рѣшено съѣхаться посламъ въ Святковѣ, неподалеку отъ Рогачева. Потомъ перебрались въ троицкую деревню Деулино, по углицкой дорогѣ, въ 3 верстахъ отъ монастыря. Съ 23 ноября начались съѣзды. Говорили, сговаривались, бранились, корили другъ друга неточностью, изворотливостью, ухищреніями, обманами, прежними неправдами, разгромами, насиліями, разореніями.

— «Видѣли прошлую пятницу, на утренней зарѣ звѣзду съ лучемъ, стояла она надъ вашимъ Московскимъ государствомъ и вы по той звѣздѣ увидите, что надъ вами сдѣлается за ваши неправды!» пугали нашихъ литовскіе послы.—«Никому не пригоже о знаменіяхъ небесныхъ разсуждать. Мы думаемъ, что это знаменіе совершится надъ вашимъ государствомъ», степенно отвѣчали благочестивые сыны Россіи. Поляки придирались къ каждому слову договора. Передергивали, хитрили, какъ только могли. У насъ было написано: «котораго русскіе великимъ Государемъ московскимъ имѣютъ». Они переписали: «именуютъ». Оказался другой совсѣмъ смыслъ и вышла большая перебранка. Доходило дѣло до самого Царя. Онъ хотѣлъ, чтобы его послы уступили, лишь бы получить необходимый покой. Поляки сильно горячились, разсчитывая на усиленіе своихъ полковъ, благо со шведами заключили перемиріе.

Въ тяжкомъ положеніи были послы. Вѣсти за вѣстями, однѣ тяжелѣе другихъ, не давали имъ времени

сосредоточиться на договорныхъ дѣлахъ и пагубно вліяли на ихъ рѣшенія.—«Миру не бывать!» несется слухъ.—«Къ королевичу на помощь идетъ рыцарство, Сагайдачный съ товарищами, донцы! Всѣ въ голосъ требуютъ войны съ Москвою, мира не допускаютъ!»—«Тебя еще не насытила кровь христіанская? Безъ отмщенія тебѣ это не пройдетъ!» пророчествовали наши, въ сердцахъ. Казаки дразнили польскихъ людей сообщая, что ихъ товарищи просятъ поляковъ лежать покойно, лѣниться, только бы имъ руки развязали, позволили въ волю пограбить, пожечь, разорить землю русскую. Пришлось посламъ дѣлать тяжелое дѣло, во что бы то ни стало. 1-го декабря 1618 года, на съѣздѣ, хотя и противъ воли, они согласились на всѣ перемѣны, внесенныя поляками въ московскую запись. Хотѣли передохнуть сквозь слезы. А тутъ опять заминка. Поляки просто издѣвались надъ нашими страданіями. Они отказывались написать, что отдача городовъ и отпускъ митрополита Филарета пройдутъ въ одинъ срокъ, 2 февраля 1619 года, представляя, что Филаретъ не скоро пріѣдетъ изъ Маріенбурга. Наши пробовали стоять на своемъ, требовали, чтобы поляки поторопились возвращеніемъ несчастныхъ плѣнниковъ. Польскіе послы собрались уходить изъ комнаты безъ отвѣта. Тогда наши бросились за ними, прося покончить, и добились уступки: «для покоя христіанскаго и для вашего, великихъ пословъ, прошенья, видя ваше къ доброму дѣлу сходительство, уступаемъ, чтобы въ перемирныхъ записяхъ написать отпускъ митрополита Филарета Никитича и князя Василія Васильевича Голицына съ товарищами, полоняникамъ размѣну, городамъ очищенье и отдачу на одинъ срокъ, на 15 число февраля, по вашимъ свят-

цамъ, а по нашему, римскому календарю, февраля 25 дня 1619 года». Дальше лѣтопись разсказываетъ: когда записями съ обѣихъ сторонъ размѣнялись, то литовскіе послы стали очень веселы и говорили съ царскими послами мирно, тихо и гладко.

Договоръ же былъ слѣдующаго содержанія: «Божіею милостію, великаго Государя, Царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руси Самодержца, его царскаго величества бояръ и всѣхъ его царскаго величества думныхъ людей и всего великаго Россійскаго царствія великихъ государствъ великіе послы говорили съ великими послами (переименованы тѣ и другіе послы): о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко, что то нынѣ и впередъ статься не можетъ (т. е. чтобы ему быть на московскомъ престолѣ); а паны—рада и великіе послы то дѣло на судъ Божій положили; приговорили между великаго Государя нашего великими россійскими государствами и между великими государствами—короною польскою и великимъ княжествомъ литовскимъ перемирье на 14 лѣтъ и на 6 мѣсяцевъ. Мы, великаго Государя бояре и всего великаго Россійскаго государства великіе послы, по повелѣнію великаго Государя нашего, по совѣту бояръ и всего великаго Россійскаго государства всякихъ чиновъ людей, поступились городомъ Смоленскомъ, Бѣлымъ, Дорогобужемъ, Рославлемъ, Муромскомъ, Черниговомъ, Стародубомъ, Серпейскомъ, Поповой Горой, Новгородъ-Сѣверскомъ, Почепомъ, Трубчевскомъ, Невелемъ, Собежомъ, Краснымъ да Велижской волостью; отдать сіи города съ нарядомъ и со всякими пушечными запасами, съ посадскими людьми и съ уѣздными и пашенными крестьянами, кромѣ гостей и торговыхъ людей. А гостямъ и торговымъ людямъ

дать волю, кто въ которую сторону захочетъ, а духовенство, воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей выпустить въ Московское государство со всѣмъ ихъ имѣніемъ».

ИСТОЧНИКИ:

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. IX.
Веберъ. Всеобщая исторія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Самодержавный Царь на стражѣ нашей западной окраины	1
Бѣгство польскаго короля	27
Родные труженики печатнаго дѣла	44
Горе-злосчастіе	62
Братства	76
Брестскій соборъ	84
Друзья—инокъ и князь	108
Казачество и унія	125
Сосѣди-враги	148
Тайные ковы Рѣчи Посполитой	159
Смоленское сидѣнье русскихъ храбрецовъ	186
Тяжелыя страницы родной исторіи	200

Duke University Libraries
D02802331J